РЮКЕР

ХАЛЯВИНГ.EXE

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Роман продолжает тему живучести порождений рук человечества. В первой части роботы-бопперы зарвались в своей экспансии, хитроумные люди нашли способ их уничтожить. Но не до конца, иначе бы не было второй и последующих частей. Бопперы успели выйти на новый виток развития технологии, создали свое продолжение: «молди» – развитые искусственные формы жизни, созданные из мягкого пластика и генетически измененных морских водорослей и плесени, в которые перенесли свое программное обеспечение. В третьей части Рюкер ввел в действие третье действующее лицо – инопланетный разум. Молди в своих исследованиях зашли так далеко, что нашли способ помещать в тело молди когда-то высвобожденный из живой оболочки, свободно блуждающий по вселенной разум инопланетных существ. За что и поплатились, потому что эти сущности, во-первых, в большинстве своем оказались гораздо более продвинуты, чем молди, а во-вторых, им было наплевать на цели молди, у них свои резоны…

- Руди РЮКЕР
  - 1. МОНИКА
  - 2. РЕНДИ
  - 3. ТРЕ
  - 4. РЕНДИ
  - 5. ТЕРРИ
  - 6. ВИЛЛИ
  - 7. СТЕН
  - 8. ДАРЛА
  - 9. ТЕРРИ
  - 10. ДАРЛА
  - 11. СТЕН

Руди РЮКЕР
ХАЛЯВИНГ.EXE

Эмбри Кобб Рюкер посвящается
1 октября 1914 – 1 августа 1994

«Мы живем надеждой».

1. МОНИКА

30 октября 2053 года

Моника была молди: искусственным существом из мягкого пластика, испещренного вкраплениями и венозными каналами генетически измененных морских водорослей и плесени. Будучи существом, наделенным сверхчеловеческими способностями, Моника служила в качестве прислуги, бухгалтера и подсобного рабочего в мотеле «Чистый Свет и Террасный Дворик» в городе Санта-Круз, штат Калифорния. Менеджер мотеля, молодой человек по имени Тре Перцесеп, иногда пытался угадать мотивы, которыми руководствовалась Моника, поступая к ним на работу. Как работник молди был неоценим, и труд его был дешев.

Мотель «Чистый Свет» располагался вблизи вершины небольшого холма, в пятидесяти ярдах от пляжа Санта-Круз и парка аттракционов «Полоса Развлечений», Начинался чудесный день 30 октября 2053 года, и утреннее солнце наполняло городок колеблющимся сверхъестественным светом, от которого, казалось, сам воздух становился вещественным и живым. В просторе океана перекатывались величественные пологие валы, накатывающие на берег с повторяющимся характерно-роскошным и протяжным гулом.

Мотель состоял из бревенчатой конторы и трех ярусов апартаментов, каждый номер со скользящей двойной стеклянной дверью с видом на море. Частично двери каждого номера были заклеены прозрачным психоделическим пластиком – мимикрирующий арабесковый узор. Контора мотеля, сложенная из старых бревен и находящаяся сразу за самой верхней террасой, возвышалась над остальными строениями. В задней части конторы имелись четыре жилые комнаты, в которых проживал Тре Диез вместе со своей женой Терри и двумя детьми – четырехлетним Дольфом и годовалой Бэби Врен.

Совершая свой обычный обход номеров, Моника меняла, где нужно, простыни и полотенца, наслаждаясь ощущением косо падающего на ее тело солнца, щедро заливающего выцветшие голубые стены мотеля. Она уже завершила уборку в номерах верхней террасы мотеля и приступила к нижней террасе, находящейся напротив магазинчиков на Бич-стрит. Приближалось время полуденного перерыва, положенного Монике; вскоре ей должен был позвонить ее муж Кслотл, и тогда вдвоем они

отправятся на пляж, где проведут положенный час.

Большую часть времени Моника выглядела как обычная женщина, ну почти как обычная женщина, поскольку принято было именовать ее в женском роде, она, и все прочее. Молди выбирали пол сами в момент рождения и далее придерживались своего выбора в течение нескольких лет своей жизни. Таким образом, выбранный практически по собственному усмотрению пол молди являлся тем не менее четко определенной концепцией для других молди.

Все без исключения молди были заинтересованы в том, чтобы найти себе пару и воспроизвести себе подобного, хотя бы однажды, до тех пор, пока жизненная сила в них не иссякнет. Молди воспроизводились в результате спаривания и жили гнездами, представляющими собой расширенное подобие семей. Гнездо Моники включало шесть членов: она сама, ее родители Андреа и Эверуз, ее муж Кслотл, ее брат Ксананна и жена Ксананны Оуиш.

Мать Моники Андреа была странной особой, если не сказать более. Иногда, под влиянием абсорбированных редкоземельных элементов, Андреа принимала форму огромной копии Корана или Книги Мормонов и, лежа на краю тротуара у парка «Полоса Развлечений» со стороны пляжа, что-то подолгу бормотала о бесконечных небесных кругах, о хаотической обратной связи и ангелах Израиле и Морони. Тело Андреа, по большей части уже состоящее из плесени, а не из пластика, готово было вот-вот рассыпаться на части, но Андреа, которая в прошлом сумела организовать для себя восстановительный цикл омоложения, планировала пройти подобный же курс еще раз в ближайшее время – если только ей удастся раздобыть для этого деньги.

Отец Моники Эверуз работал живой доской для серфинга в магазинчике спортивных принадлежностей Айка, брата Терри Диаза. Магазинчик Айка назывался «Дада Кин» и находился в Райском Уголке на южной окраине Санта-Круза. Так же как и мама Андреа, Эверуз был довольно стар для молди и так же, как мама Андреа, уже несколько раз проходил цикл омоложения. Вот уже в течение многих лет Айк катался с Эверузом каждый день и мог иногда одолжить Эверуза приятелям или сдать напрокат какому-нибудь богатому туристу, изображающему из себя серфингиста. Сам Эверуз подрабатывал на стороне тем, что временами давал уроки серфинга начинающим кататься, проповедуя им настоящий дух серфинга. Так же как Андреа, Эверуз уже начинал сыпаться. Если ему не удастся пройти курс омоложения, то к зиме он умрет. Но Айк, который боготворил Эверуза, копил деньги на его омоложение.

Терри, как только услышала о том, что у Андреа и Эверуза появился ребенок – это случилось в прошлый август, – немедленно решила нанять новорожденного молди в мотель, и довольно быстро ей удалось убедить Андреа и Эверуза, что это отменная идея.

Появление Моники, очень быстро освоившей все особенности мотельного бизнеса, предоставило Терри и Тре много свободного времени. Моника была не только аккуратной горничной и содержала все номера в идеальной чистоте, но и очень быстро освоила всю бухгалтерию мотеля. С тех пор как появилась Моника, большую часть дня Терри проводила, катаясь на доске, а Тре сидел в конторе мотеля в кресле-качалке дни напролет, надев на шею ювви, покуривая травку и забавляясь всякими забавными штуками со своими мозгами. Большая часть людей использовала ювви как средство связи, не задумываясь, что, может быть, самым полезным применением этого устройства была возможность использовать его в качестве компьютерного терминала, на что Тре главным делом и налегал. Само слово «ювви» произносилось им уютно и очень мягко, как «люви-дуви».

Тре зарабатывал немного денег, делая дизайн сложных графических эффектов для ювви по заказу «Апекс Имеджес», коммерческого графического агентства, работающего по контрактам с рекламными агентствами и музыкальными продюсерами. Многомерное искажение и грубое программирование видений Тре в принципе могло быть выполнено хорошо оплачиваемыми молди, но на что молди не были способны, так это создать сочные, вкусные, захватывающие дух образы, которые, лишь увидев однажды, люди хотели видеть снова и снова. Тре получал комиссионные с эффектов, которые «Апекс» удавалось сбыть.

После появления в мотеле Моники обязанности Тре и Терри свелись к самому малому – необходимости изображать человеческий интерфейс с постояльцами, которых приходилось принимать и селить в номера. Принимать гостей приходилось им лично, чтобы избежать неприятных моментов, которые могли возникнуть в связи с оригинальным внешним видом и запахом, исходящим от Моники.

Постояльцы, в подавляющем большинстве туристы, как правило, средний класс и прибывшие со Среднего Запада, приезжали в Санта-Круз, соблазнившись низкими ценами, и обычно бывали в первые дни потрясены большим количеством местных молди. В глубинке, как правило, молди не селились, потому что люди там ненавидели их особенно люто – большинство обитателей Среднего Запада были «наследниками».

Главное слово в жаргоне «наследников», «поджаривать», означало сжигание молди в луже крепкого виски, и впервые это слово родилось в Айове. «С трюфельным соусом», иногда добавляли некоторые «наследники», имея в виду обгорающие шарики камотного гриба, прожаривающегося в корчащемся пластике пожираемого пламенем молди и взрывающемся, выбрасывая в воздух психоделические облачка почерневших спор.

Таким образом, с некоторых пор делом Тре и Терри стало первыми принять постояльцев и быстренько убедить их, что свободный город Санта-Круз является отличным местом, не таящим в себе никакой угрозы, веселым городком, полным молоденьких студенток, молди, рабочих с окрестных ферм, серферов и бездомных торчков. Хотя, конечно, цены говорили сами за себя – жизнь была дешевой, и в городке было чем поразвлечься.

Муж Моники Кслотл работал в тако-баре «Лос-Транкос», по ту сторону холма, на вершине которого находился «Чистый Свет». Кроме резки овощей на кухне и подметания помещений, Кслотл являлся оператором камеры, в которой выращивалось мясо, используемое для приготовления тако. В камере находилось четыре постоянно растущих куска мяса:

Цыпленок, говядина, свинина и вэнди – вэнди именовалось клонированное человеческое мясо, вошедшее в моду у людей в последние месяцы.

В это отличное солнечное октябрьское утро, вынимая стопки чистых простыней из тележки, Моника приняла облик миниатюрной женщины смешанных мексиканских и индейских кровей. Ее кожа имела медно-оранжевый цвет, с проступающими близко под кожей наподобие сложных татуировок узорами зеленого и синего лишайника. Такова была верхняя часть ее тела, нижняя же часть, вместо того чтобы расходиться развилкой ног, имела вид монолитной волнующейся массы, растекающейся в самом низу в широкий диск-основание – в общем и целом Моника напоминала шахматную фигуру с руками, пешку, ферзя или ладью. Человекообразную форму верхней части своего тела она могла менять ежеминутно в зависимости от своего настроения. В минуты одиночества и покоя Моника предпочитала облик женщины племени ацтеков, как теперь.

Нижний диск-основание Моники из пьезопластического имиполекса позволял ей легко скользить по любой более или менее ровной поверхности. Если требовалось двигаться быстро или поверхность впереди была неровной, Моника передвигалась прыжками. В случае если была необходима предельно возможная скорость, Моника принимала другое свое обличье, наиболее

устойчивое для ее тела, в состоянии которого она могла летать. В этом обличье, именующемся «пеликан», у веретенообразного с парой огромных глаз тела Моники появлялись два больших крыла, отчего она становилась похожей на коричневого пеликана, из тех, что охотились за рыбой у берегов Санта-Круза.

Кроме того, плоть Моники могла принимать еще по меньшей мере три устойчивые формы: полностью растекшаяся форма, «слив», которой она пользовалась для того, чтобы впитать как можно больше солнца, морская «акулья» форма и крайне редко используемая молди форма «ракеты», которой они пользовались для полетов между Землей и Луной. Никогда в своей жизни Моника не испытывала желания совершить путешествие на Луну, где обитали эти полные психи, лунные молди.

Переход из одного состояния тела в другое случался совершенно внезапно, подобно тому как структура из пружинок, осей и противовесов приходила в движение и броском перемещалась в другое положение, стоило только потянуть за один из спусковых рычажков – подобно этому работала «Машина катастроф», созданная Земаном в 1970 году, представлявшая собой обучающую игрушку из картона, скрепок, резиновых колечек, способную совершенно неожиданно, и главное катастрофично (в техническом смысле этого слова, согласно теории хаоса), занять одно из двух различных положений, в зависимости от того, каким образом вы манипулируете устройством. Вообразите себе, что вы способны заставить ваше тело изменить свою форму, превратившись в ковер, птицу, рыбу или космический корабль, просто приняв некую особую позу йоги. Представить невозможно! Но молди были способны на такое!

Образ «пеликан» был самой любимой формой тела Моники. Не было ничего, что могло бы доставить Монике большее удовольствие, чем непередаваемые ощущения свободного полета высоко в небе над бухтой Монтеррей, окруженной острыми прибрежными скалами, о которые с грохотом разбиваются морские валы, пока наполняющие ее крылья генетически измененные водоросли наслаждаются пиршеством, вовсю впитывая свободную энергию солнца. Только вчера она парила в небе вместе с Андреа и Кслотлом. И вот сегодня она прежняя Моника, занятая уборкой в комнатах и бухгалтерией мотеля, принадлежащего созданиям из плоти. Какой-то совершенный ксокс, и все это только лишь для того, чтобы позволить себе завести ребенка.

Со стороны комнаты 3D, через две двери, кто-то тихо постучал. Тощий молодой парень стоял за сдвижной дверью и

стучал по стеклу кольцом, из тех здоровенных и глупых школьных колец с голо, голограммой, розочкой, или черепом, или школьным талисманом внутри дешевого поддельного камня. Парень поманил Монику, жестом предлагая ей зайти в его комнату. На парне была белая пластиковая рубашка и серые слаксы. Мгновенно сверившись со списком регистрации постояльцев, Моника узнала, что имя парня Ренди Карл Такер и что занимает он этот номер в полном одиночестве.

Следующим умозаключением Моники было то, что парень скорее всего сырный шарик, человек, предпочитающий заниматься сексом с молди. По всему следовало, что сырный шарик никак не мог относиться к высокому классу. Название происходило из-за запаха, который издавали тела молди, запаха, сказать по правде, не самого лучшего свойства. В зависимости от того, какой именно вид морских водорослей и грибка содержался в теле данного молди, его запах мог колебаться от вони грязных носков до подгнившей брюссельской капусты и самого злого сорта молодого сыра. Доминирующим в собственном запахе Моники был острый йодистый дух, происходящий от фекальной черной грязи, которой в изобилии можно было найти на дне бухты Санта-Круз.

Не нужно было говорить, что высокоорганизованные, тягучие и уступчивые любой фантазии тела молди могли явиться орудием многозонового эротического массажа для людей, склонных к сексу в необычных формах. Совершенная неестественность акта оказывалась наиболее манящей для некоторых личностей; и конечно же, для большинства сырных шариков сама вонь молди была именно тем, что больше всего их привлекало.

Не к лести для мужского населения планеты, но подавляющее большинство сырных шариков были мужчинами.

Стоящий за стеклом скользящей двери под номером 3D Такер игриво подмигнул Монике, одновременно улыбнувшись улыбкой, в которой совершенно не было веселья. У Такера были широкие скулы и тонкие губы; на первый взгляд он казался полной деревенщиной из кукурузного штата. То смущение и нетерпение, которое было видно в том, как он непрерывно ломал руки, совершенно точно говорило о том, кем он был – самым настоящим сырным шариком.

Случилось так, что как раз вчера, когда Моника, Кслотл и Андреа летали над морем, Андреа завела с младшими молди разговор о сырных шариках. У Андреа были в запасе свои, совершенно ясные и определенные идеи по полезному использованию сырных шариков.

– Предложите сырному шарику пойти с вами в тихое,

изолированное помещение, – мерным дикторским тоном вещала Андреа, которая последнее время взяла манеру говорить как совершенный инженер, или, точнее сказать, робот. До этого она обычно использовала расплывчатую манеру выражаться, принятую в Библии Короля Джеймса, в Книге Мормонов или Коране, но недавно она усвоила новый стиль, стиль научных журналов. – Спровоцируйте сырного шарика и возбудите его так, чтобы он обратился мыслями к спариванию, приступите к стимулированию гениталий и продолжайте стимулирование до тех пор, пока внимание сырного шарика не окажется полностью отвлечено актом. В этот момент выпустите из телесной массы длинное и тонкое щупальце и быстрым и решительным движением охватите щупальцем шею сырного шарика. После чего сожмите щупальце на шее сырного шарика наподобие удавки с тем, чтобы воспрепятствовать его дыхательным движениям.

– Значит, душить его до смерти? Тут уж точно нужно действовать быстро, чтобы он не успел поднять шорох.

Речевые особенности каждого молди основывались на различиях в базах данных. В то время как Андреа отдавала предпочтение научным журналам, Кслотл черпал обороты речи из. крутых детективов и гангстерских film noirs.

– Именно так, – отозвалась Андреа. – Но не стоит доводить до летального исхода. Суть в том, чтобы добиться бессознательного состояния сырного шарика, чтобы можно было совершить некоторые манипуляции с его мозгом. Сжимая горло, все время выполняйте мониторинг его пульса, с тем чтобы пульс ни в коем случае не становился слишком медленным или неустойчивым. Время от времени позволяйте ему получать небольшие порции воздуха. Тем временем вытянете свое щупальце и засуньте его кончик в левую ноздрю человека.

– Вау, – подала голос Моника. – Отлично. Но почему в ноздрю?

Моника моделировала свою речь в стиле Девчонка из Переулка, пользуясь словарем сленга двадцатого века. Они парили в восходящих потоках теплого воздуха над утесами в северной части Санта-Круза, все трое в режиме пеликана, переговариваясь пронзительным писком, быстрыми скрежещущими пакетами закодированной информации, которые молди использовали для общения между собой. Со стороны трое молди напоминали обычных крупных птиц, перекликающихся над бурным в этом день морем, покрытым белыми барашками волн – при этом друг для друга их речь звучала совершенно как человеческая.

– Одно из самых слабых мест в черепной коробке созданий из

плоти – это верхняя часть носовой пазухи, – объяснила старушка Андреа. – По соседству с орбитой глазного яблока. Именно там проще всего проникнуть щупальцем внутрь черепа. Далее у вас открывается полный доступ к мозгу. После чего остается только установить человеку мыслительный колпачок.

– Черт! Управление мозгом! – воскликнул Кслотл.

– Ваш мыслительный колпачок в черепе создания из плоти будет словно ядро ореха в пустой кожуре, – ответила Андреа, каркая и сильно хлопая крыльями. – Колпачок действует словно порт ввода-вывода или внутренний ювви. После того как вы установите сырному шарику мыслительный колпачок, он становится вашим периферийным манипулятором.

– Это по-настоящему круто, – взволнованно сказала Моника. – Чтоб я сдохла. А если я не придушу его как надо?

Только я начну это: «А где ваша слабая точка?» – как он очухается. Ну, не знаю. И как прикажете мне разобраться, в какую именно часть его мозгов нужно ставить мыслительный колпачок?

– Приблизьтесь, дети, – взмахнула крылами Андреа. – Я скачаю вам свою копию полной спецификации человеческого интерфейса. Установите физический контакт со мной для прямой передачи.

Три парящих в небе пеликана на мгновение соприкоснулись крыльями, в течение которых Андреа передала каждому младшему молди терабайты информации. Благодаря проводящим полимерам, покрывающим пластиковые ткани молди, они обладали способностью общаться между собой не только звуками, но также и электромагнитными волнами.

– И ты, Андреа, на самом деле пробовала это? – воскликнула Моника, усвоив и сохранив информацию. – Только скажи мне правду.

– Да. В жизни я поставила мыслительные колпачки двум сырным шарикам, – ответила Андреа. – Я имею в виду Спайка Кимбалла и Абдула Квайума – о которых я не раз вам рассказывала. Став моими слугами, эти двое мужчин оставили свои семьи и свои прежние жизни. Все их состояния и средства, вырученные от распродажи собственности, перешли мне.

Используя полученные средства, я смогла пройти курс омоложения и приобрести достаточно имиполекса, чтобы произвести на свет Ксананну и тебя, Моника.

Спайк Кимбалл был мускулистый мормон-миссионер, три года назад опрометчиво предложивший Андреа заняться сексом. Абдул Квайум, араб, программист ковров, рьяный исламист, обратился к Андреа с тем же предложением за три года до мормона. Будь у них на каплю побольше ума, они, вместо того

чтобы пытаться заняться с Андреа сексом, немедленно сожгли бы ее, облив крепким алкоголем.

– И что ты сделала с материалом, после того как выкачала из них все досуха? – спросил Кслотл. – Приказала им застрелиться? Посоветовала подняться на крышу небоскреба и броситься головой вниз, чтобы наверняка раскроить себе череп?

– Прямое управление поведением сырных шариков не Должно быть продолжительным, – ответила Андреа. – В противном случае возрастает риск обнаружения. Кроме того, непременным условием является уничтожение сырных шариков таким путем, чтобы скрыть все имеющиеся следы и пресечь возможность исследования останков и обнаружения мыслительного колпачка. Хотите узнать, что я сделала с Кимбаллом и Квайумом? Каким образом я помогла им встретиться с ангелами смерти Морони и Израилем, кои препроводили их в бесконечность?

– О да, – воскликнули вместе Моника и Кслотл.

– Я приказала им ночью отплыть в открытый океан на милю от берега и там плыть дальше и дальше до тех пор, пока от переохлаждения они не пошли ко дну. Как только мозг объекта умер, я приказала моему мыслительному колпачку выбраться наружу через нос и в виде рыбы приплыть ко мне к берегу. Сама я ждала его в это время на берегу.

– Ого, вот это жестоко, – сказала Моника.

– Среди созданий плоти есть много таких, кто относится к нам не менее жестоко, – продолжила тогда Андреа. – И вспомни, дорогая Моника, именно таким путем я смогла приобрести достаточно средств для того, чтобы дать начало твоему существованию и существованию Ксананна. Неужели ты откажешь своей матери в возможности омолодить свое тело?

Ткани, из которых состоят наши тела, высоко ценятся среди молди. Я не сомневаюсь, что вы предпочтете принести в жертву создание плоти, вместо того чтобы убивать и грабить себе подобных молди. Как я слышала, именно так добывают себе материал для тела безумные лунные молди. Вы же не хотите быть похожими на молди-лунян?

Вот почему, когда этот сырный шарик, имеющий вид законченной деревенщины, стал делать Монике знаки из-за стеклянной двери номера 3D, Моника немедленно начала анализировать возможность установить этому оболтусу мыслительный колпачок – проделывая это с быстротой молнии, со скоростью быстрее скорости света. Должна ли она это делать? Сможет ли она это сделать? Посмеет ли она?

Именно в этот момент в голове Моники раздался голос Кслотла:

– Время обеда, детка. Встретимся на пляже?

В баре «Лос-Транкос» предпочитали, чтобы Кслотл уходил на обед с полудня до часа дня, чтобы его присутствие не отпугивало желающих пообедать в это время. В принципе Кслотл умел герметично закупоривать свои поры, исключая на время все запахи, исходящие от имиполексового тела, однако человеческое предубеждение иногда было лишено всякой логики. Таким образом, было решено, что Кслотлу не стоило находиться поблизости от места, где одновременно обедало много людей.

– Заметано, – мысленно ответила Моника. – Тут есть кое-что, что я хотела бы обсудить с тобой лично.

Ввиду чрезвычайной плотности и перемешанное™ электромагнитных сигналов связи, в чем-либо, касающемся планов убийства, нельзя было полагаться на ювви.

Игриво помахав сырному шарику, застывшему за залепленным красными и зелеными прозрачными стикерами стеклом раздвижной двери, Моника плавно устремилась вниз по лестнице к выходу из мотеля на Бич-стрит.

Мимо проехал молди-автобус, полный туристов, за ним следом проскакали несколько молди-рикш, занимающихся частным извозом людей. Лавируя между рикшами и кидая приветствия знакомым, Моника вскоре добралась до пляжа.

Оглянувшись назад, в сторону бара «Лос-Транкос», Моника вскоре увидела, как к ней прыжками приближается ее дорогой муж. Внешне Кслотл очень походил на Монику – он имел вид фигуры из ацтекских шахмат с ярко-красными губами, напоминающими перечеркнувший рот шрам, Оказавшись рядом с Моникой, Кслотл издал приветственный вой, они крепко обнялись и, упав на песок, покатились вместе к воде. Остановившись в полосе прибоя, они замерли в сексуальном объятии, медленно проникая разветвляющимися щупальцами все глубже и глубже в тела друг друга.

Ощущение Кслотла в своем теле и собственное проникновение в тело мужа доставляло необыкновенное удовольствие Монике. Они переплетались наподобие составной головоломки, состоящей из отдельных сложных фрагментов, с тем чтобы добиться как можно большей площади возможного контакта поверхности тел. В самых дальних и потаенных точках их единения плоть их открывалась, для того чтобы тела могли обменяться крошечными влажными порциями имиполекса, несущими в себе семена грибка и морских водорослей. Чем чаще молди предавались сексуальным объятиям, тем больше их тела становились похожими друг на Друга.

Наслаждение от взаимного контакта достигло пика

интенсивности – по сути дела, это можно было назвать оргазмом, – после чего оба молди растеклись в виде пары луж, для того чтобы их тела и находящиеся в них водоросли смогли впитать как можно больше солнечного света.

– Как приятно, – вздохнула Моника. – Мы так близко друг от друга, Кслотл. Если бы мы могли купить имиполеке, то завели бы ребенка.

Обычно после нескольких занятий сексом пара молди приобретала необходимое количество имиполекса для нового тела и половыми сношениями «втрахивала» в новое тело жизнь, создавая ребенка, наполненного сочетанием родительских лишайников и программного обеспечения. Пластик был дорог, и купить его можно было только у одной или двух крупных компаний, принадлежащих людям, заплатив за это деньгами, заработанными (или украденными) у созданий плоти.

Нравилось ли им это или нет, но людям и молди приходилось существовать в тесной взаимосвязи, не всегда приятной для той или иной стороны, ибо так же как молди иногда искали случая внедрить свой имплантат в человеческий мозг, так же и люди зачастую, глядя на молди, могли думать только об одном – как сжечь их, облив крепким виски.

– С такой зарплатой, которую мы получаем, у нас уйдет куча времени на то, чтобы сколотить достаточный кусок, – беззаботно проскрежетал Кслотл. – Но ведь нам и так пока неплохо, верно, детка?

Вокруг их тел бурлила пена, и Кслотл ближе придвинулся к Монике, так, чтобы их тела, превратившиеся в подобие тонко раскатанного теста, соприкоснулись по всей длине разделяющей их границы. На секунду Моника заснула, и ей приснился сон. Сон, в котором она увидела китов. Но потом ее окатила крупная волна и она снова проснулась. Что-то было не ""к.., о да.

– Кслотл, о боже мой, я же забыла тебе сказать! Этот сырный шарик из комнаты номер 3D, он делал мне знаки! Наверное, хочет приударить за мной.

– Кроме шуток? Сырный шарик?

– Кроме шуток. Я убиралась в соседнем номере, а он стоял за своей дверью и глазел на меня, а потом начал делать знаки. Может, он хотел, чтобы я зашла ? Но тут ты позвонил мне, и я отправилась к тебе на пляж. Я не хочу возвращаться назад.

– Иди обратно и вытряси из него все до последнего цента, все, что у него есть за душой, мамочка. Андреа вчера научила нас, как это сделать.

– Я боюсь, Кслотл. И потом, разве это хорошо, расковырять мозги этого болвана, а после заставить его умереть? Я понимаю,

что он всего лишь мясо… Но разве тебе никогда не приходило в голову, что любая частица информации драгоценна? Даже если она содержится в мозгах сырного шарика?

– Дорогая, тут нужно находить компромисс. Собачьи мозги драгоценны, и ДИМ тоже драгоценен. Все на свете драгоценно. Но с деньгами этого урода мы сможем уже сегодня завести себе ребенка, а на остальные деньги омолодить свои тела. Как это сделала Андреа. Черт, да если у этого извращенца есть нормальные деньги, мы сможем завести и двух и трех Детей и омолодиться сами. Мы сможем дать жизнь нескольким новым хорошеньким молди, со своим собственным сознанием, и все это ценой одного поганого куска мяса! Вот уж действительно, тут нечего сравнивать – цена этой информации совершенно разная. Сделай его, детка, и вся недолга!

– Мне нужно подумать, я еще не решила. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как сегодня дела в «Лос-Транкос»?

– Обычное дерьмо. Сегодня утром мне пришлось колоть гормонами вэнди, чтобы оно побыстрее росло. Эти людоеды-туристы совсем с ума посходили по вэнди. Не знаю, может быть, это мясо еще не разрешили к вывозу и оно неизвестно за пределами Калифорнии?

– Мясо вэнди – это же человеческое мясо! – воскликнула Моника. – Это мясо клонировано из тех же клеток, из которых выращена Вэнди Муни, той, что в рекламе. Я думала, что среди людей существуют строгие табу в отношении каннибализма?

– Эти ходячие куски мяса способны сожрать все, что угодно, Моника. Они все равно что лобстеры. Откуда ты можешь знать, что эта женщина в рекламе настоящая Вэнди Муни?

– Тре рассказал мне. Он помогал «Апекс Имеджес» делать дизайн рекламы вэнди – той самой огромной, что висит на «Полосе Развлечений».

Моника и Кслотл продолжали лежать в мелкой воде, омываемые прибоем, наслаждаясь теплом солнца и прохладой океанской воды. Сформировав лунку в своем теле, Кслотл набрал туда воды и сильно выдавил наружу наподобие фонтанчика. В ответ Моника набрала еще больше воды и выпустила фонтанчик повыше. Потом время обеда закончилось, и два молди в последний раз обняли друг друга, переживая заключительные мгновения близости.

В этот момент невдалеке от Кслотла и Моники остановился маленький мальчик и уставился на них во все глаза.

– Смотри-ка, пап, вон два молди трахаются! – закричал он. – Я сейчас подкрадусь и прибью их палкой!

Мальчишка подхватил с песка палку и ткнул ею в Кслотла.

Очень сильно. Прежде чем палка успела разрушить несколько клеток его тела, Кслотл обхватил своей плотью конец палки, одновременно превратившись в разгневанную шахматную фигуру, с торчащей из груди палкой.

– Хочешь, чтобы я надрал тебе задницу, оболтус, и научил манерам? – прорычал Кслотл, приближаясь к мальчишке наподобие шестифутового кентавра, выходца из ночных кошмаров. Вырвав палку из рук мальчишки, Кслотл запустил ее с такой силой, что палка просвистела у маленького хулигана над головой наподобие запущенного сильной рукой бумеранга.

Мальчишка разревелся и убежал, но через несколько секунд вернулся со своим отцом.

– Что это вы, поганые молди, себе тут позволяете? – злобно выкрикнул мужчина. Моника уже тоже приняла обычный вид ацтекской шахматной фигуры. – Какого дьявола вы сюда приперлись?

– Это общественный пляж, дубина, – отозвался Кслотл. – А мы – жители этого города.

– Черта с два вы здешние жители, – брызнул слюной мужчина, однако не смел приблизиться к паре молди. Он был лыс и жирноват, его кожа была бледная как молоко. – Больше не смейте трогать моего сына, а то я вам устрою.

Мужчина повернулся и торопливо пошел к другому концу пляжа. Мальчишка затрусил следом, по дороге повернувшись, чтобы показать Кслотлу средний палец.

– Куски мяса, – пробормотал Кслотл. – Почему мы не можем от них избавиться? Стоило бы прикончить их всех.

– Ничего не получится, – отозвалась Моника, – и ты сам это знаешь. Невозможно убить всех людей до единого.

– В 2031 году куски мяса уничтожили всех бопперов, разве ты забыла? – спросил Кслотл. – При помощи плесневого чипоеда. А теперь у нас есть возможность разобраться с созданиями из плоти, этим мясом – нужен вирус хорошей чумы, и все.

– На самом деле они не уничтожили бопперов. Большая часть программного обеспечения бопперов теперь существует в наших телах. Чипоед лишь помог бопперам перейти на новую платформу телесных оболочек. Просто это произошло в массовом порядке. И ты же сам это знаешь, Кслотл, если мы развяжем против людей биологическую войну, они ответят нам какой-нибудь еще более сильной заразой. И все это знают. Живи сам и давай жить другим.

– Что, иными словами, обозначает режим постепенного взаимного уничтожения, – ответил Кслотл. – Слава богу, у нас есть Гражданский Акт Молди. Так как насчет того сырного шарика в отеле? Ты же не станешь с ним чикаться?

Возьми себя в руки, Моника, разозлись по-настоящему!

Вспомни того мальчишку, который только что ткнул в меня палкой!

– Не знаю – мне бы сначала хотелось поговорить с мамой. Но ее без толку спрашивать, все, чем она теперь интересуется, это валяться под кайфом на солнце на краю тротуара на «Полосе Развлечений», от нее ничего не добьешься толкового.

– В виде Корана или Книги Мормонов? Или ее пронял наконец Шекспир и она решила прикинуться его избранными сочинениями?

– Теперь она предпочитает образ Библии. Разве ты забыл? Христианство – последнее увлечение мамы Андреа. Она говорит…

Моника рассмеялась, запрокинув назад голову, потом сказала, передразнивая мать, голосом чуть-чуть более пронзительным: «Я хочу завязать серьезные отношения с богобоязненным христианином».

Кслотл задумчиво кивнул.

– Андреа сказала бы, что ты должна решиться, Моника, и сделать с этим сырным шариком то, что должна сделать.

Иначе, скажет она, я займусь им сама. Все, я потопал в «Лос-Транкос» – буду следить за тобой через свой ювви, Моника.

Если тебе понадобится помощь, только свистни.

– Чудесно, дорогой. Пожелай мне удачи.

Моника прыжками направилась к дальнему концу пляжа в сторону «Полосы Развлечений».

Она держалась края прибоя, где блестящий влажный песок был наиболее твердым. Некоторые из людей, мимо которых она проходила, улыбались ей и кивали, другие хмурились и отворачивались. Один из мужчин – отец мальчика, которого испугал Кслотл, – вскочил на ноги и закричал на нее: «Убирайтесь обратно на Луну!» Он уже до краев набрался пива.

Вместо того чтобы молча двигаться дальше, Моника остановилась и повернулась к нему лицом. Вместе со своей семьей и еще одной парой мужчина располагался под огромным пляжным зонтиком. Их бледные, тощие дети катались в песке рядом с ними.

– Я никогда не бывала на Луне! – выкрикнула мужчине Моника. – Почему бы вам самим не убраться из этого города?

– Хрен тебе! – как резаный завопил мужчина.

– А он у тебя есть? – проскрежетала Моника. – Если нет, то я могу тебе одолжить свой. – Моника протянула руку к мужчине, изображая фаллос. – Куда ты хочешь, чтобы я тебя трахнула – в нос или в зад?

С угрожающим видом она шагнула в сторону мужчины.

Тот опустился на песок и вяло махнул рукой, предлагая Монике убираться прочь.

Через несколько минут Моника добралась до «Полосы Развлечений» Санта-Круза, парка аттракционов в классическом стиле приморских городков. Весь день напролет студенты, молди, рабочие с ферм, серферы и бездомные торчки, населяющие Санта-Круз, толпами прокатывались через «Полосу Развлечений», наполняя собой аллеи и разбавляя имеющихся в наличии «наследников», так что в парке аттракционов никогда не бывало скучно. В длину «Полоса Развлечений» была на шесть кварталов и полквартала в ширину.

Моника прошла мимо главной закусочной на «Полосе Развлечений», со здоровенной новой рекламой мяса вэнди в витрине, работы Тре. Реклама представляла собой большую полупрозрачную голограмму с изображением семи разных смешного вида существ, разевающих рты на головы и зады друг дружки, дополнением к чему служили образы невероятно красивых мужчины и женщины, выражение лиц которых циклически менялось, проходя через неповторяющиеся гримасы постоянного удовольствия. Мужчина был чуточку измененный в лучшую сторону сенатор Стен Муни, а женщина – его жена Вэнди Муни, не прикрытая ничем, кроме своего Плаща Счастья. Реклама имела совершенно поразительный вид трехмерной огромной мозаики, сложенной из пастельных фрагментов. Фрагменты были сформированы при помощи четырехмерного фильтра «Забавные цыплята», которую Тре разработал в июле. Моника немного помогла Тре с окончательными расчетами рекламы вэнди и теперь могла с гордостью смотреть на результат, где была и частица ее труда.

Когда Моника шла через «Полосу Развлечений», кто-то спросил ее, спутав с местным рабочим, где можно купить билеты на карусель. Моника указала на билетный киоск и плавно двинулась вперед, передвигаясь благодаря волнообразному перекатыванию плоскости основания своего тела.

На обочине тротуара на выходе из «Полосы Развлечений» лежала мама Андреа в виде расплющенной по дороге колорадской речной жабы, но жабы в виде огромной книги, раскрытой посредине. Божья Книга. На двух открытых страницах виднелись крупные готические буквы. В данный момент буквы складывались в слова: ВОЗЛЮБИ МОЛДИ.

– Молди есть разумные существа с гениальными религиозными воззрениями, – ровным тоном вещала Андреа. – Я хочу найти оппонента, кто смог бы вступить со мной в дискуссию

на эту тему. Желательно одинокого мужчину!

– Мам, – обратилась к Андреа Моника, воспользовавшись закодированным скрежетом. – Ты дождешься, что в один прекрасный день какой-нибудь турист-наследник обольет тебя виски и бросит спичку. Большая часть наследников – христиане, Неужели ты не понимаешь, что они оскорбятся, увидев, что ты изображаешь собой их священную книгу?

– Привет, Моника, – добродушно проскрежетала в ответ Андреа. – Сейчас я пребываю в экстатическом состоянии бессознательности. Не далее как сегодня утром замечательное-примечательное-великолепное-улетное, иттрий-иттербий, вещество было предложено мне кузиной Эмулиной. Это вещество выгоняется прямо здесь, в Калифорнии, и называется оно – бетти. Я понятия не имею, почему оно так называется, может быть, потому, что иттебриум наоборот будет муибретти. Моника, твоя мать так хорошо задвинулась, такая вся стала бетти-муибретти. Что тебе нужно от меня, моя прекрасная дочурка?

– Я хочу спросить тебя кое-что о сырном шарике, который сегодня пытался приударить за мной. Я собираюсь поставить ему мыслительный колпачок – как ты на это смотришь?

– Думаю, что у тебя получится, Моника, все как нельзя лучше.

– Я боюсь, мама. Потому что мне кажется, что так делать не правильно.

– Обуздай свой страх, Моника, не позволяй "ему руководить твоим поведением. Помни, что твои действия и твоя атака должна быть быстрой и неожиданной, потому что в противном случае…

– Что в противном случае? – тревожно спросила Моника.

– Кузина Эмулин сказала мне, что с недавних пор кто-то занимается тем, что оглушает молди и отправляет их на Луну.

Мое предположение заключается в том, что это происки наследников, которые сговорились с лунными молди. Да, да, эти алчные лунные молди способны на все, что угодно. Эмулина и я, мы считаем, что лунные молди специально наняли наследников, чтобы те оглушали и забирали в рабство молди при помощи специальных ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками.

– И для чего это им нужно?

– Помнишь, я рассказывала тебе о старых ДИМ-пиявках? Эта зараза блокирует нормальные мыслительные процессы молди. Все равно что заснуть или устроить себе крепкий трип на психоделике, так я это понимаю – вот только дело тут совсем в другом, это мясо может разрезать молди на части, забирая коробочки со спорами камота, чтобы загонять торчкам-спорышам, а мертвый имиполекс продавать на Луну.

Кстати говоря, отец твоего босса, Терри, когда-то тоже участвовал в этом, поэтому мы физически устранили его – думаю, что ты понимаешь, что тебе нет необходимости говорить об этом Терри. Новые суперпиявки гораздо сильнее и эффективнее старых ДИМ-пиявок, Эмулин говорит, что действие суперпиявки подобно действию мыслительного колпачка, только прямо наоборот, ее можно сравнить с физической клеткой, в которую…

Три хорошо одетых туриста-калифорнийца остановились рядом с Андреа, чтобы поглазеть. Это был яппи-отец, мать и дочка.

– Что это может значить? – спросила мать.

– Я – Библия, – ответила Андреа, приятным и отчетливым голосом. – Книга Бога, Вашего Спасителя. Я с удовольствием поговорю с вами на религиозную тему.

– Эй, смотрите, тут что-то написано, – сказала маленькая девочка. – Тут написано: «Возлюби молди, как самого себя».

– Только близко не подходи, – предупредил отец. – Кто знает, что у него на уме, может быть, оно попытается что-нибудь у тебя отобрать. Все эти религиозные штуки – полная фигня. Сюзи, ты уже взрослая, и должна это понимать. Пошли посмотрим на аттракционы.

Семейство побрело прочь.

– Зачем ты ведешь себя так, Андреа? – спросила Моника.

– Для того чтобы способствовать установлению всеобщего мира и взаимопонимания между разумными видами, моя дорогая дочь. К тому же, если мне удастся познакомиться с мужчиной – сырным шариком, я смогу ограбить его и убить.

– Мама, это полнейшее безумие.

– Библия учит: «Чти мать и отца своего», – наставительно сказала Андреа. – По-моему, это очень разумно. А теперь иди и сделай то, что должна. И постарайся быть осторожной и думать на шаг вперед. Я уже говорила тебе, что вмазалась бетти? Да. Я вижу в небе созданий Божьих, даже сейчас, когда разговариваю с тобой. Созданий Божьих, прибывших из других миров.

Перевернув несколько страниц своего тела-Библии, Андреа обратилась с приветственным возгласом к следующей группе туристов, появившихся невдалеке. Не обращая на лежащую на тротуаре Библию внимания, туристы прошли мимо.

– Тебе никогда не приходило в голову, что все, что окружает нас, в том или ином смысле живое? – задумчиво проговорила Андреа. – Все вокруг пропитано информацией. Информация нисходит к нам дождем с небес в виде космического излучения. Теперь в своем возвышенном состоянии духовной экзальтации я чувствую это. Оооо. Уммм. Ооооох. Аааах.

– Мама, ты уверена, что эти редкоземельные колеса не вредят тебе?

– Всем известно, что смерть – это конец жизни, Моника, В информационно-теоретическом смысле повторение уже пройденного означает смерть, пусть тело твое и продолжает жить. Поэтому нужно подвергнуть тело риску, для того чтобы способствовать активизации мыслительной деятельности и перейти на высшую ступень сознания. В твоем случае, дочь, перед тобой сегодня стоит очень сложная, специфическая и опасная миссия. Ни в коем случае не уклоняйся от нее.

– Лады, договорились, потрясно. Я отправляюсь выполнять свою миссию. Счастливо.

На дорожке на нижнем уровне террас «Чистого Света», за стеклянными дверями номера 3D не было заметно никакого движения. Но почему-то Моника была совершенно уверена, что сырный шарик по-прежнему сидит в своем номере.

Устроившись на балконе соседнего номера, она вытянула и изогнула шею и заглянула вниз, словно Пластиковый Человек из комиксов, для того чтобы убедиться, что Тре и Терри нигде не видно. Благодаря гибким полимерам, входящим в состав пьезопластического имиполекса, Моника могла гнуть и изгибать свое тело как угодно по своему усмотрению – хотя, нужно было признаться, что пребывание в позиции отличной от наиболее устойчивых состояний, шахматной фигуры или пеликана, вызывало повышенный расход энергии.

Нигде не было видно ни Тре, ни Терри. Терри скорее всего отправилась с доской на пляж кататься на волнах, оставив Тре одного в конторе забавляться с ювви. Просто для того, чтобы убедиться в том, где находится Тре, Моника соединилась по ювви с конторой мотеля. Посреди странных четырехмерных силуэтов различных животных она обнаружила иконку Тре: он занимался составлением нового ювви-фильтра.

– Здорово, Моника, – сказала, заметив ее, иконка Тре. – Все в лучшем виде?

– Все отлично, – отозвалась Моника. – Я только вернулась с обеда и сейчас снова начала убирать комнаты, закончу через полчаса. Я хотела сообщить тебе, что сегодня нужно будет заказать мыло, а то у нас заканчивается. Я подготовлю заказ и передам тебе на подпись.

– Замечательно, – отозвался Тре. – Потом зайди в офис, когда будет время. Терри хотела, чтобы мы подумали о том, чтобы начать красить мотель. Есть и еще кое-что, о чем поговорить. Кое-что срочное, кое-что – ерунда.

– Я все поняла, Тре, – весело откликнулась Моника. –

Покедова!

Отсоединившись от Тре, Моника использовала часть собственной компьютерной мощности для того, чтобы просмотреть информационный обмен, который исходил из номера 3D за время ее отсутствия. Кроме того, она еще раз проверила все, что у нее было на Ренди Карла Такера. Ренди родился в городке Шивели, в штате Кентукки, ему был двадцать один год от роду, он был холост, и на счете у него водились денежки. Отмечалось, что последнее время он провел за границей, точнее, вне пределов обеих Америк, но точную информацию о месте его пребывания Монике получить не удалось; доступ к этой части файлов Такера был скрыт паролем. Однако самым важным было то, что у Рукера было достаточно денег, чтобы заплатить за пластик, который нужен был для ребенка.

Деревенщина Ренди Карл Такер оказался именно тем человеком, о котором говорила ей мать Андреа, которого она так советовала искать Монике.

Приблизившись к двери Ренди Карла, Моника постучала.

Когда Такер отворил, Моника плавно скользнула внутрь. В комнате стоял запах дыхания Такера. На письменном столе стоял ювви, транслирующий голографическое изображение порнографической мыльной оперы.

– Привет, – сказала Моника, синтезируя звуки речи при помощи вибромембраны, находящейся в дальней стороне на дне ее ротовой впадины. – Я заметила, как вы делали мне какие-то знаки, я права? Могу я быть для вас чем-нибудь полезна?

Губы Такера растянулись одновременно в смущенной и похотливой улыбке.

– Я так и знал, что ты вернешься. Вот почему я остался в номере и ждал тебя. Для начала закрой за собой дверь, маленькая вонючка. И задерни на окнах шторы. Прежде чем мы н-а-а-чнем.

Такер был чисто выбрит, его глаза были совершенно пустые и прозрачные, словно выцветшие. Над письменным столом две голографические проститутки спорили из-за своего кота.

– Не знаю, чем я могу быть вам полезна, сэр, – расчетливо протянула Моника, закрывая дверь и задергивая на окнах шторы. – Терри Перцесеп, менеджер этого мотеля, она только сегодня утром говорила мне, что мне не следует вступать в интимные отношения с клиентами мотеля. Наш мотель «Чистый Свет и Террасный Дворик» в основном предназначен для семейного отдыха. Именно так миссис Терри мне и сказала. Это ее точные слова.

Моника уперла руки в бока, эротично увеличив вздутия

грудей и сделав круче формы ниже талии, бедра и ягодицы.

– Так что же ты хочешь от меня, деревенский паренек?

– Я…

Двигаясь с такой же болезненной резкостью, как и актеры в мыльной опере над столом, Такер взял картонный стаканчик с кофе с логотипом «Даффо Дели», закусочной на другой стороне Бич-стрит, напротив мотеля, и сделал большой глоток. Потом серьезно поглядел на Монику поверх своего стаканчика, но только лишь для того, чтобы тут же рассмеяться, увидев, как манит и соблазняет его Моника, как жестикулирует она руками, словно девушка на баскетбольной площадке, чир-лидер с помпонами в руках.

– Ты мой сочный кусочек, сыра, верно? – сказал ей Такер. – Пошли своего босса к черту, Моника. Давай отдохнем как следует. Покажи мне, что ты умеешь. Если ты постараешься, то я хорошо тебе заплачу.

Пройдя через комнату и остановившись вплотную к Такеру, Моника открыла поры своего тела и выпустила ему в лицо весь свой букет запахов.

– Можешь ты дать мне доступ к твоему счету, Ренди?

– Это зачем?

– Я не только горничная в этом мотеле, мистер Такер, я еще и бухгалтер, – сказала Моника, расстегивая первую пуговицу рубашки Такера на груди. – Так можете вы дать мне доступ к вашему счету?

Моника расстегнула вторую пуговицу на рубашке с длинными рукавами Такера. Его серые слаксы и черный пластиковый ремень были такими же дешевыми, как и рубашка с длинными рукавами. Короткие волосы Ренди были давно немыты. Тонкая кожа, загар с которой смылся, словно он давно не выходил на солнце, была кое-где покрыта язвинами оспин. Моника видела, как под бледной кожей Такера пульсируют синие вены. Нос у ее нового кавалера был чуточку свернут на сторону, его адамово яблоко отличалось внушительным размерами.

– Хорошо, э-э-э… – протянул Такер. – Введи, введи… – запнулся он.

– Как вы смотрите на то, если я запишу это на ваш счет?

Как среднюю цену за один лишний день? – предложила Моника. – Никто ничего не заметит. Но прежде вы должны сказать мне, что вы хотите, чтобы я вам сделала.

Моника ослепительно улыбнулась и испустила облако спор.

– Чтобы потом мне не смогли предъявить обвинение в проституции. Разве не можете вы оказаться наследником?

Итак, Ренди, скажи мне теперь, что же ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты мне отсосала, черт возьми. А чем тебе не нравятся наследники?

– Но ты не наследник?

– Я не сказал, что я наследник. По крайней мере я никогда не считал необходимым придерживаться их веры. Но там, в Шивели, где я жил раньше, я знал несколько наследников. Иногда эти парни, наследники, они могут делать добро и совсем неплохие.

– Как ты думаешь, что бы они сказали, если бы узнали, что ты собираешься заниматься сексом с молди?

Такер вздохнул.

– Они отлично все понимают – почему ты решила, что они вообще станут этим интересоваться? Знаешь что, Моника, я уже через это все прошел, и через муки вины и все такое. Я такое проделывал и такое повидал – мало кто поверит, но можно столько успеть к двадцати одному году.

Такер пристально взглянул на Монику, словно пытаясь прочитать, что у нее на уме. Наконец, приняв какое-то решение, он отвел глаза.

– Будем просто считать, что я человек со странностями и у меня есть свои запросы. Можем мы теперь начать?

– С удовольствием, – сухо отозвалась Моника.

К этому времени она уже закончила расстегивать рубашку Ренди и приступила к ремню на брюках. Прервав свое занятие, она взглянула на него еще раз. Такер был тощ и бледен, но немного мускулатуры у него имелось. Ей придется придушить его хорошенько, прежде чем она проникнет в его мозг через ноздрю и начнет манипулировать внутри его черепа.

Ренди прилег на кровать, и Моника опустилась сверху него, при этом ее тело потеряло свою форму, разжижилось и плотно облегло половые органы Ренди. В сексуальном плане соседство Ренди для нее означало не более, чем могла означать для человека работа, например, с тачкой. Моника набрала ритм, лаская и массируя, стараясь возбудить тело и определить нужный темп.

Заметив, что Такер принялся стонать и извиваться в мучительном наслаждении, Моника начала удлинять указательный палец, осторожно ползущий, словно виноградная лоза.

Палец Моники прополз вдоль тела Такера и обернулся вокруг его горла.

Чувствуя нетерпеливое желание скорее придушить Такера и приступить к делу, Моника двинулась далее и, удлинив другой палец, попыталась просунуть тот в ноздрю Такера, одновременно быстрыми волнообразными движениями массируя его гениталии.

Но вместо того, чтобы оставаться лежать на спине в слепом экстазе, Такер вдруг поднялся и сел, вцепившись руками в посторонние предметы, которые пытались проникнуть в его нос и оплести шею.

– Какого черта ты делаешь в моем носу, сучка? Решила установить мне мыслительный колпачок, да?

Как ни странно, но голос у Такера был совсем не испуганный, а скорее ужасно удивленный, при том, что он уже задыхался и хрипел, и слова его было трудно разобрать.

Сжав изо всей силы шею Такера, Моника попыталась сильным движением протолкнуть щупальце вперед и вверх в ноздрю своей жертвы. Но щупальце дальше не шло! Моника толкала и налегала раз за разом изо всех сил, но впечатление было такое, словно череп Такера был бронирован изнутри титанопластом или чем-то подобным – щупальце Моники не могло проникнуть внутрь!

В довершение ко всему Такеру удалось просунуть ладонь между щупальцем Моники и своей шеей, в результате чего она не могла душить его дальше. Ухватившись левой рукой за другое щупальце Моники, Ренди с силой выдернул его из своего носа. Потом поднялся на ноги и стал пинать тело Моники. В ответ Моника резко стиснула половые органы Такера, и тот пронзительно закричал, опрокинувшись на спину, в падении сбив со стола ювви и голограмму и уронив это все на "пол. События оборачивались самым нежелательным образом, грозя обернуться для Моники очень серьезными неприятностями. Если после всего происшедшего Моника попытается бежать, то Такер все равно донесет кому следует о том, что она на него напала, после чего на Монику устроят охоту, выследят и уничтожат. Теперь она просто обязана его прикончить!

Такер лежал на полу на спине, а Моника сверху него наподобие дикого и голодного плаща-вампира. Ювви продолжал транслировать голограмму, тоже сцену борьбы, и крики, доносящиеся из ювви, слава богу, пока что заглушали те звуки, что издавал Такер. Кроме того, соседние комнаты скорее всего были пусты, потому что в такое время люди находились на пляже, там, где им и следовало в такую пору находиться, а не сидеть как извращенец, затаившись в своем номере, дожидаясь возможности заняться сексом с молди, вроде этой скотаны наследника…

Такеру удалось дотянуться до своей сумки с вещами, на ощупь расстегнуть молнию, и теперь он вслепую копался в сумке. Что он там ищет – пистолет? Но пистолет бесполезен против молди. Теперь, когда левая рука Такера была занята, Моника наметилась засунуть толстое щупальце Такеру в рот.

Она уже собиралась призвать на помощь Кслотла, но

передумала, потому что теперь была почти уверена, что одолеет Такера сама. В черепе создания из плоти имелось отличное, совершенно незащищенное место в верхней части рта, которое не должно, да и не может быть защищено броней, как нос.

Нужно добраться туда, и все, здравствуй, плотти! Но не успела Моника проникнуть в рот Такера, как что-то выскочило из сумки, прыгнуло на нее – и моментально все изменилось.

Вместо того чтобы как следует навалиться и прикончить упрямого Такера, Моника скатилась с него и, бессильная, растянулась рядом. Его голос звучал в ней, что-то нашептывал ей. Она не могла двинуть ни рукой, ни ногой без его позволения. Все, даже ее мысли, теперь не принадлежали ей.

– Вот так, Моника, теперь лежи тихо, – сказал ей Такера поднимаясь на ноги. – Да, устроила ты тут беспорядок, девочка.

Маленькое симпатичное имиполексовое создание на двух ножках бегало по полу, как цыпленок. Именно оно выскочило из сумки и набросилось на Монику.

– Забирайся обратно в сумку, Вилла-Джин, – приказал ему Ренди Такер. – Ты отлично сработал, прилепил на нее суперпиявку как раз вовремя.

Такер откашлялся и отправился в ванную выпить воды.

Цыпленок остался стоять перед Моникой, неотрывно наблюдая за ней парой маленьких глазок. На спине у него имелось небольшое расплывчатое розовое пятно, словно клок короткого меха. Цыпленок осторожно подошел к Монике ближе " тихонько на пробу клюнул ее лицо, потом клюнул сильнее, отрывая и усваивая небольшие частички ее имиполекса.

– Полезай обратно в сумку, Вилла-Джин! – снова крикнул цыпленку Такер, появляясь из ванной. – Быстро!

Создание проворно забралось обратно в сумку Такера, и тот застегнул на сумке молнию.

Ренди пошарил в карманах и достал оттуда несколько небольших розовых кусков имиполекса. Потом взял со стола ювви и позвонил кому-то, переговорив только голосом, без изображения.

– Аарби? Это Ренди, старина. Я тут взял одну. Когда ты сможешь подогнать лодку, чтобы убраться отсюда? Отлично.

Я сейчас выхожу.

Ренди выключил ювви.

– Пойдем купаться, – сказал он Монике, сказал мысленно, не произнеся ни звука. – Мы выйдем на улицу, и ты будешь моей рикшей, довезешь меня до утеса на Стимер-лейн.

Мы выйдем, как будто все в порядке, чтобы твой босс ничего не заподозрил и нас не остановил.

Внезапно Монику посетила галлюцинация: она увидела осушенное морское дно с лежащими на боку разевающими рты задыхающимися рыбами, с ползающими извивающимися осьминогами и огромными кучами водорослей с запутавшимися в них морскими звездами всех возможных цветов.

Она была совершенно без сил, без формы и даже желания.

Словно медуза под солнцем.

– Вставай и выходи, Моника.

Голос внутри нее заставил подняться и сдвинуться с места. Моника вышла из комнаты 3D. Ренди шагал следом за ней, взволнованно дыша в спину.

Тре сидел за стойкой в холле, но Моника прошла мимо, Даже не взглянув на него, и вышла на улицу. Такер о чем-то быстро переговорил с Тре, потом проворно вскочил Монике на спину, словно хищный зверь на загривок своей жертве. По приказу Такера Моника припустилась рысью вниз по улице к океану, на набережной свернула на север, и еще через полмили они были возле Стимер-лейн.

– Теперь стань для меня водолазным костюмом, – приказал Ренди Монике, и та послушно облегла собой его ненавистное тело, превратившись в скафандр с возможностью дыхания. Они бросились с утеса прямо в океан.

Вода взорвалась вокруг Моники головокружительным вихрем цвета и мерцающего свечения. Ее снова посетила галлюцинация. Вихрь чистой энергии ворвался в ее тело и закружил внутри. На время она полностью забылась в этом вихре, но после, когда рев и грохот утихли, Моника обнаружила, что преодолела под водой большое расстояние и плывет так уже давно, потому что ее тело было пропитано усталостью. Дно внизу выглядело странно, его покрывала перекрещенная сетка, словно карта меридианами и параллелями, и казалось, что у плавающих вокруг рыб человеческие лица. В довершение ко всему в той же манере сна кущи водорослей представлялись сделанными из шестеренок, колесиков и металла.

Потом Моника остановилась, и возле нее появился белый катер. Блестя под солнцем, волны прокатывались по океану, одна за другой уходя к горизонту, и внезапно Моника обнаружила нечто поразительное, огромное ядовито-зеленое тело, висящее в воздухе над водой немного в стороне от катера, пятно в небе, которое она видела, но присутствие которого раньше не доходило до ее сознания. Тело, похожее на гигантского полупрозрачного кита, со свистом рассекая плавниками воздух, на глазах у Моники стремительно опустилось вниз к воде.

– Отправляйся следом за ним, – сказал враг, угнездившийся

внутри нее, и кит, ловко затормозив как раз над водой и осторожно погрузившись наполовину, задрал крючком хвост, надул и выставил вперед светлое в полоску брюхо, осклабив в огромной улыбке рот, что было совершенно удивительно и Одновременно весело и дружелюбно, отчего Моника принялась смеяться, смеяться и смеяться. От сильного смеха ее спина треснула, злобное человеческое существо, словно белый червяк, выбралось наружу и вплавь добралось до катера.

– Отправляйся за китом, – крикнул ей человек, и тотчас же кит, это сказочное порождение сна, нырнул в воду, направляясь к самому океанскому дну, погружаясь все ниже и ниже, и туда, где померк вокруг свет.

2. РЕНДИ

Сентябрь 2048 – апрель 2051

Ренди Карл Такер родился и вырос неподалеку от шоссе Дикси в мелком городке Шивели, который прилепился к юго-западному углу Луисвилля. Около века назад шоссе Дикси было важной транспортной артерией города, ведущей к военной базе в Форт-Ноксе, что в тридцати милях к югу от Луисвилля, и Шивели был тем местом, куда приезжали солдаты, чтобы вкусить успокоительных удовольствий гражданской жизни – проиграть получку на Черчилль-стрит или напиться и переспать с девчонкой. Заканчивалось это тем, что довольно большое количество солдат женились на девушках Шивели и оставались тут жить; через немного лет городок разросся и окреп, включив в свой состав малоимущих безбожников, профессиональных христиан и пропитанный алкоголем и убитый наркотиками белый мусор.

Мать Ренди, Сью Такер, была бисексуалкой, с сильной мужской наклонностью, и многим мужчинам казалась привлекательной своими мальчишескими манерами и обликом.

У Сью был собственный небольшой бизнес, мастерская в гараже и грузовичок, она была мастером-водопроводчиком с хорошей репутацией. Она выполняла ремонт и иногда работала по контракту, там, где во время перестройки в домах требовалось провести новый водопровод и канализацию.

Сью не любила говорить об отце Ренди, но дети слышат все, и с течением лет Ренди узнал, что рождением своим он обязан случайной связи Сью во время секс-вечеринки на Хеллоуин в 2031 году в клубе здоровья «Ла Мираж» в пригороде Луисвилля.

По словам Сью, она даже не видела лица этого парня, потому что весь он, от макушки до пят, был скрыт под мерцпокровом, Плащом Счастья, и фокус был в том, что парень был замаскирован как женщина. Сью так никогда и не узнала, кто это был.

Пока Ренди был маленький, в доме Сью иногда появлялись мужчины, но когда он повзрослел, они исчезли, так как в это время Сью склонило на лесбийскую сторону. Наиболее постоянной подружкой Сью, ее фавориткой, была официантка Хони Вивер – плотная крашеная блондинка с большой грудью и зачаточным подбородком. Вскоре после того, как Ренди

исполнилось шестнадцать, Сью решила, что Хони лучше всех сможет рассказать Ренди о сексе, к тому же, как лесбиянка, Хони сможет научить Ренди должному уважению к женщинам.

– Ренди Карл, – сказала сыну Сью в один прекрасный вечер в сентябре 2042 года, после того как, придя домой, в очередной раз обнаружила, что Ренди тайком смотрит по ювви порнопрограммы. – Выключи эту гадость. Такие фильмы унижают женщин. К тому же если ты будешь много смотреть ювви, то испортишь глаза, и тебе понадобятся очки.

– Ну пожалуйста, Сью.

Ренди всегда звал мать по имени.

– От этих фильмов нет никому вреда. И с глазами у меня все нормально, очки мне не нужны.

– В конце концов понадобятся, если так и будешь смотреть эти фильмы до старости.

Ренди был мальчишкой мрачноватой наружности, с вытянутым унылым лицом. Он еще не вырос, и роста в нем было чуть больше пяти футов. Волосы он стриг ежиком-платформой, носить предпочитал ти-шотки и штаны-хаки; когда Ренди смотрел по ювви грязные фильмы, его штаны впереди заметено вспухали.

– Ренди Карл, настало время тебе узнать, что к чему. Я хочу, чтобы ты сходил к Хони Вивер.

– Да? Зачем это?

– У нее засорился слив в раковине на кухне. Ведь ты сможешь сам справиться? Хони просила зайти, а я сегодня устала.

Ренди часто помогал матери по работе, но это был первый раз, когда она просила его сделать что-то самостоятельно.

– Сколько она заплатит – как обычно, по профсоюзным расценкам?

– Она заплатит, будь уверен.

Ренди послушно сложил в ящик инструменты и пешком отправился к дому Хони – она жила всего в двух кварталах от Сью, в доме, похожем на их как две капли воды: трехкомнатное бунгало, с дешевыми стенами из керамических плит и бетонированным передним двором.

Дверь Ренди открыла Хони. На ней был розовый шелковый халатик, едва завязанный пояском.

– А, привет, Ренди. Сью позвонила мне и сказала, что ты зайдешь. Я только что пришла с работы, сняла форму и приняла душ. Входи же.

Хони открыла дверь, и ее халатик распахнулся, так что Ренди заметил ее груди и, на секунду, треугольник волос внизу живота.

– На что это ты смотришь, паренек? – спросила Хони с воркующим смехом. – Ты никогда раньше не видел живой

женщины?

– Я… – задохнулся Ренди, со стуком поставив на пол свой ящик с инструментами. – Хони, я…

– Ты так возбужден, – мурлыкнула Хони. – Ах ты мой малыш, какой красавчик.

Хони раскинула руки, и ее халатик окончательно распахнулся.

– Иди ко мне, Ренди. Обними меня и поцелуй мои груди.

Ренди дышал запахом ее духов, соски ее грудей окрепли и чудесно елозили по щеками и губан Ренди. Руки Хони, как пара змей, опустились вниз и расстегнули его брюки. Прежде чем он понял, что происходит, она стиснула его торчащий маленький член, и он кончил прямо в ее настойчивые и ласковые руки. Ренди был так удивлен и смущен, что залился слезами.

– Ничего, ничего, – проговорила Хони, улыбаясь ему и растирая сперму у себя по груди. – От этого кожа становится мягче. Мне нравится доить таких милых мальчиков, как ты, Ренди Карл. Хочешь посмотреть мою вагину?

– Да, Хони, хочу.

– Тогда встань передо мной на колени.

Ренди опустился на мягкий пластик пола, и Хони подвинулась к нему так, чтобы пышный и душистый куст ее лобка оказался прямо напротив его лица. Она немного расставила в стороны ноги, и теперь Ренди мог видеть ее гениталии во всех подробностях.

– Поцелуй мою киску, Ренди Карл. Оближи ее всю сверху донизу.

Ренди начал медленно и осторожно, но уже скоро Хони схватила его голову и крепко прижала к своей промежности.

Покрытые слизью, нежные и мягкие покровы Хони были потрясающими, роскошными, неописуемо экстравагантными.

Ренди целовал и сосал, издавая стоны от наслаждения, Хони начала ритмично двигать бедрами, прижимая определенное место своего лобка ко рту Ренди, и по прошествии времени этот ритм сменился хаотическими судорогами. Хони вскрикнула, потом опустилась на пол рядом с Ренди.

Ренди торопливо забрался на нее, с желанием проникнуть со своей болезненной эрекцией в Хони, но та воспротивилась:

– Никогда больше я не пущу в себя член мужчины, Ренди Карл, даже твой. Я не желаю этого.

Хони поднялась и села, глядя туманным и немного грустным взглядом в окно. На улице уже смеркалось. Входная дверь осталась немного приоткрытой, и Ренди видел, как по улице перед домом Хони проходят люди. Однако света внутри дома не

было, и прохожие не видели ничего, что происходило внутри.

– Если ты окажешь мне еще одну услугу, Ренди, то я подою тебя снова.

– Хорошо, Хони. Я сделаю все, что ты скажешь. Мне так хорошо, как никогда в жизни. Это здорово.

В этот момент Хони казалась Ренди самой прекрасной женщиной во всем мире, несмотря на валик жира на ее животе и почти полное отсутствие подбородка.

– Подожди здесь.

Хони отправилась в спальню и что-то принесла оттуда.

Длинный мягкий предмет из пластика в форме мужского члена. Член был темно-синего цвета с перемещающимися внутри полосками золота.

– Это мой лимпсофт-дилдо, – объяснила Хони. – Поскольку я лесбиянка на мужской роли, я зову его она. Ее зовут Анжелика. Анжелика, это Ренди Карл Такер. Анжелика, познакомься с Ренди.

Дилдо пошевелился и напрягся в руках Хони. Он – она – действительно обладал тонким тихим голоском. Ренди смекнул, что Анжелика сделана из имиполекса с ДИМ-чипом;

Дилдо был как молди, только не такой умный. До сих пор в Шиверли Ренди считанные разы приходилось видеть лимпсофты и тем более молди. В городе было полно воинственных христиан-наследников, и создания из имиполекса не рисковали здесь появляться.

– Засунь Анжелику в меня, Ренди Карл, – попросила его Хони, укладываясь на спину на пол. – Мы с твоей мамочкой всегда этим занимаемся. И ляг сбоку от меня, чтобы я смогла Достать твой перчик.

Взяв в руки Анжелику, Ренди почувствовал, какая она живая и трепещущая. Дилдо мягко гудел, словно бы в приятном ожидании и возбуждении. Услышав странный запах, исходящий от дилдо, Ренди поднес его к носу и понюхал. От дилдо остро и резко пахло плесенью, запах напоминал звериную вонь и был совершенно не похож на то, как чудесно пахла роскошная киска Хони.

– Это запах молди, – объяснила ему Хони, – Поначалу этот запах кажется неприятным и резким, но потом к нему привыкаешь. Очень сексуальный запах. Подпусти-ка еще душка, Анжелика.

Дилдо чирикнул и испустил шипение, отчего острый запах молди стал в десяток раз сильнее. Ренди почувствовал, как кровь стучит у него в черепе. Никогда в жизни он еще не был так возбужден.

– Давай же, Ренди! – настойчиво позвала его Хони. – Все еще

только начинается!

Так это продолжалось два последующих года – все то время, пока Ренди оканчивал старшую школу, – почти каждый день Ренди приходил к Хони, и они занимались сексом, и Хони выдумывала все новые и новые способы и забавы. Когда она заметила, с каким интересом Ренди наблюдает за тем, как она ходит в туалет, она купила специальный имиполексовый плащ, который укрывал голого Ренди, пока Хони стоя мочилась на него. Имиполексовый плащ назвали Сэмми-Джо.

Ренди бродил словно в тумане, и его успеваемость в школе стала из рук вон. Все, о чем он только и мог думать, это о том, как запах горячей мочи Хони смешивается с острым сырным душком Сэмми-Джо. Пытаясь вернуться к разуму, он пробовал заставить себя встречаться с обыкновенными девушками, со своими одноклассницами, но ничего, что могло случиться или случалось во время этих свиданий, не шло ни в какое сравнение с тем, что устраивали они с Хони Вивер, Анжеликой и Сэмми-Джо. Так Ренди стал сексуально одержим имиполексом.

Одной из причин, движущих Хони, было желание сосредоточить внимание Сью Такер на сексуальности Хони. Хони обожала во всех подробностях рассказывать Сью о том, чем они занимаются с Ренди, обо всем в самых мельчайших интимных деталях. Поначалу Сью слушала Хони с острым интересом, смешанным с отвращением; иногда Ренди со смущением ловил на себе удивленные и изучающие взгляды матери, что, конечно же, никак не улучшало их отношения. Но в конце концов материнские инстинкты Сью победили, и она запретила себе думать о сексуальных привязанностях сына.

В результате отношения Хони и Сью осложнились, потому что с некоторых пор при сексуальных контактах с Хони Сью никак не могла избавиться от видений того, чем Ренди занимается с ней. Несколько раз Сью и Хони крепко ругались, после чего Хони прекратила звонить Сью и изводить ее последними деталями того, что они только что с Ренди вытворяли. Еще через год странный любовный треугольник стал настолько невыносим для Сью; что она совершенно прекратила встречаться и разговаривать с Хони.

Весной того года, когда Ренди оканчивал школу, Сью снова обратилась лицом к мужчинам. В их доме появился явно с намерением поселиться надолго неприятный и совершенно пустой парень по имени Левис. У Левиса была борода, такая длинная, что концы ее вполне можно было завивать, что Левис очень часто проделывал. Левис работал бригадиром в строительной компании «Лондон Эрл Эстейтс», занимающейся

строительством дешевого жилья в штате, и преимущественно сидел на стройке в Окалона, Кентукки, в двадцати милях от Шиверли. В свое время Сью выполняла много заказов на прокладку водопроводных труб для «Лондон Эрл», так они с Левисом и познакомились. В ту пору Левис жил в трейлере на стройке. Левис был одновременно и нудным домашним тираном, и слабовольным человеком, но по непонятной причине Сью он нравился. Возможно, причина заключалась в том, что она была умнее его и, как правило, ей удавалось заставить его Делать то, что она хотела.

Как только Левис переехал к Сью, он немедленно начал выживать Ренди из дома, но Сью заступалась за своего сына.

Она устроила для Ренди комнату в гараже, для того чтобы Ренди и Левис встречались как можно реже, и передала Ренди все свои заказы, кроме контракта с «Лондон Эрл». Ренди ходил на курсы водопроводчиков, и Сью хотела, чтобы он получил сертификат мастера, прежде чем уедет из дома.

– Технологии приходят и уходят, Ренди Карл, – говорила ему Сью. – Но люди все равно продолжают пользоваться трубами. Сегодня мы пользуемся мягкими трубами и умными трубами, но это все равно трубы. Другого способа подать воду в дом и отвести воду из дома нет, и никто, кроме водопроводчиков, не знает, как обращаться с трубами. Тебе нужно стать мастером-водопроводчиком, и ты будешь обеспечен работой на всю жизнь.

В ту весну Ренди был счастлив, как никогда в жизни. Его секс с Хони был горячий и необыкновенный. После школы и в уик-энды он зарабатывал отличные деньги. У него был талант к водопроводному делу, к новым технологиям, которые теперь там применялись. Его любимым инструментом был сантехнический пистолет, при помощи которого можно было выращивать трубы прямо под домом, в свободном пространстве, оставленном для технологических целей. Трубы из сантехнического пистолета изгибались и тянулись так, как ты приказывал им. Ренди нравилось жить в гараже, и Сью гордилась тем, как быстро он осваивает водопроводное дело.

Конец этим золотым временам наступил 20 июня 2050 года, на следующий день после того, как Ренди окончил школу.

В тот день он проснулся поздно, около полудня. Накануне компания его одноклассников устроила вечеринку в честь окончания школы, и на этот раз они решили пригласить и Ренди, чего раньше почти не случалось. До сих пор у него была тяжелая голова, после пива, бурбона и снэпа, которые он употребил накануне. Ренди не привык к алкоголю и наркотикам. Как он добрался до дома? Ах да, он шел пешком, по дороге каждый

квартал останавливался, и его рвало в палисадники чужих людей. Какой болван!

Перекатившись на бок, он мысленно проверил состояние разных частей собственного организма. По сути дела, его самочувствие было не так уж плохо. Он наконец распрощался со школой. Он поднялся и сел на краю постели, оглядев гараж – свой письменный стол и шкаф, возле которого были сложены бухты сырого пластика для сантехнического пистолета. Его одежда висела на натянутой под потолком веревке.

Пикапа Сью и гидрогенного мотоцикла Левиса не было видно. Он наконец-то распрощался со школой. В трусах у него все упрямо напряглось; от алкогольного и наркотического похмелья его чувствительность повысилась, и торчало еще сильнее обычного. Он решил, что первым делом наведается к Хони; сегодня у нее был выходной.

Ренди надел майку без рукавов, мешковатые шорты и пластиковые сандалии. Потом позавтракал молоком и хлебом из материнского холодильника, вышел на улицу и побрел к дому Хони.

Стоял жаркий кентуккийский полдень, воздух был настолько влажный, что стоило только чуть ускорить шаг – и кожа становилась скользкой от пота. В трещинах асфальта обильно разрослась сорная трава. Со всех сторон доносилось пение цикад. От травы и кустов поднималась паркая жара. Дома вдоль улицы Шивели были похожи один на другой, все коробки со стенами из дешевых керамических плит, только цветники перед дверями немного отличались.

Хони была дома, но когда она открыла Ренди дверь, он увидел, что лицо у нее красное и заплаканное.

– Не подходи ко мне! – всхлипывая, крикнула ему она. – И больше не смей приходить ко мне! То, чем мы все это время занимались, Ренди Карл, было плохо и не правильно, вот так!

– Хони, дорогая, о чем ты говоришь? Это моя мать Сью подговорила тебя прогнать меня? Но она ведь сама меня к тебе первая послала!

– Все, чем мы занимались, это плохо, это грех, Ренди Карл! – упрямо гнула свое Хони. – В особенности то, что мы делали с Анжеликой.., и Сэмми-Джо. Доктор Дикки Прайд из «Дома Наследников Шивели» все мне объяснил. Да, когда вчера ни ты, ни твоя мать не пригласили меня отметить с вами твое окончание школы, я отправилась в «Дом Наследников» на службу. И теперь я словно снова родилась. Я не спала до полуночи и молилась вместе с доктором Прайдом.

Поначалу Ренди решил, что Хони разыгрывает его, и он

принялся шутливо самобичеваться и ругать, так как она учила его этому раньше.

– Простите меня, госпожа Хони. Приказывайте мне, ибо ваша воля закон для меня, – заголосил Ренди, падая перед Хони на колени и расстегивая ширинку. – Но, умоляю вас, сделайте хоть что-нибудь. У меня торчит так, что хоть вой, и все после вчерашнего пива и снэпа.

– Все, что с этих пор может случиться между нами, Ренди Карл Такер, это встречи в «Доме Наследников», – с достоинством ответила ему Хони, поспешно отбежав в другой угол комнаты и устроившись там на стуле с прямой спинкой со скрещенными на груди руками. – Пусть я была проклятая Вавилонская Блудница, но теперь я очистила свое тело и превращу его в храм.

– Гм, а как насчет Анжелики и Сэмми-Джо? Могу я забрать их?

– Доктор Прайд велел мне отнести их в «Дом Наследников», но… Хорошо, ты можешь забрать их. Все равно мне стыдно приносить их в Святой Дом. Что, если доктор Прайд заставит меня пройти с ними по улице, крича: «Смотрите, вот мой дилдо, которым моя подружка, ее сын и я трахали друг друга, а вот плащ, в который я заворачивала сына моей подружки и мочилась на него и…»

Голос Хони сорвался, поднявшись до пронзительного смеха.., или это были слезы? Она упрямо сидела в дальней стороне комнаты, подальше от Ренди. Трясущейся рукой она указала на шкаф, в котором хранились ее имиполексовые сексигрушки.

– Забирай их отсюда к черту, Ренди Карл! Забирай их отсюда и уходи!

Хони начала плакать, и сколько Ренди ни старался приблизиться к ней и утешить ее, все было бесполезно.

Тогда он забрал домой Сэмми-Джо и Анжелику и мастурбировал с ними. Это тоже было приятно, хотя и далеко не так потрясающе и оглушительно, как бывало, когда всем заправляла Хони. Анжелика и Сэмми-Джо не были достаточно умны для того, чтобы от них можно было получить полное удовольствие. Впервые в жизни Ренди задумался о том, чтобы заняться сексом с полноценным, умственно высокоразвитым и автономным молди вместо имиполексовых секс-игрушек. После того как он кончил, он обмыл Сэмми-Джо и Анжелику и положил их ненадолго на солнце, потом унес обратно и спрятал в шкаф возле своей постели в гараже.

Весь остаток лета Ренди продолжал попытки снова подкатить к Хони – он подстригал ее лужайку, мыл тарелки, делал по дому разную работу, но все бесполезно. Все, чем теперь занималась

Хони в свободное время, были встречи с обществом наследников в Святом Доме. Вышло так, что в августе Ренди начал ходить в Святой Дом к наследникам вместе с Хони.

Ренди, никогда не будучи мистером Глубокомысленным, все же должен был заключить, что ни разу в жизни не видел такого количества неудачников, недоумков, убогих и отщепенцев, которое можно было встретить на собраниях в «Доме Наследников», – все разговоры в Доме крутились вокруг Христа и Наследства Человечества, да еще того, как сильно ненавидят все они молди. Все до единого наследники были отлично подкованы в тонкостях Гражданского Акта Молди, который сенатор от Калифорнии Стен Муни ухитрился провести через конгресс в 2038 году. И теперь, даже несмотря на то, что Стен Муни уже давно отошел от официальной деятельности, у конгресса не хватило духу отменить этот отвратительный, дающий все права уродливым молди Акт. Какой позор!

Другая обширная область интереса наследников, само собой, касалась извращенных возможностей секса, возникающих в связи с существованием ювви, молди и программируемого имиполекса.

Иногда Ренди удавалось поймать взгляд Хони, чаще всего тогда, когда преподобный Дикки Правд заводил разговоры о молди и имиполексе – Ренди немедленно вспоминались горячие сеансы с участием Хони и ее игрушек, – но всякий раз Хони сразу же прятала глаза. В ее маленьком глупом мозгу сместились колесики, и бесполезно было что-либо пытаться наладить, чтобы поставить эти колесики на место.

Тем временем Ренди совершенствовался в профессии водопроводчика. Клиенты, к которым направляла его Сью, передавали друзьям и знакомым его имя; он прославился тем, что выполнял работу быстро и надежно за относительно небольшую плату. Ренди отлично наловчился управляться с сантехническим пистолетом. Однако дома находиться он больше не мог. Левис крутился вокруг него все время, пытаясь вести себя словно отец Ренди или что-то в этом духе – какая чушь, если разобраться. Левис успел пристраститься к какому-то наркотику, аналогу кокаина под названием «пипп». Подобно кокаину, от пиппа людям тупым начинало казаться, что они умны. И чем умнее Левис себя чувствовал, тем невыносимее он становился. По всему было видно, что Ренди настало время съехать из дома, но теперь Сью не хотела, чтобы он уезжал, и давила на то, что у Ренди нет сертификата мастера-водопроводчика и что ему обязательно нужно получить этот сертификат, в общем, пользовалась этим для того, чтобы удержать его дома.

На Рождество в Индианаполисе умерла от рака мать Хони, и

Хони, единственный ребенок, поехала на похороны со своей новой подругой-наследницей Нитой, кроме того, Хони предстояло вступить во владение комфортабельным поместьем матери: полностью оплаченным домом с участком земли недалеко от хорошей автострады и приличным счетом в банке Кэш-Веб. Доктор Дикки Правд загодя предупредил отделение Общества Наследников Человечества в Индианаполисе, чтобы те встретили Хони и Хонину подружку с распростертыми объятиями.

Ренди, прослышав о том, что его бывшая подружка уезжает, пришел к Хони и спросил, не может ли он уехать из города вместе с ней и Нитой. Но Хони и тут оказалась полной сукой.

– Пойми, Ренди, и запомни это – ты был для меня просто мальчиком-игрушкой. Пареньком, на которого мне нравилось мочиться. Смирись с этим, потому что ничего другого тебе не остается. Я связалась с тобой только потому, что в ту пору Сью была важна для меня. И кстати говоря, можешь передать Сью, что она бессердечная кайфоломная сука.

Такой ответ был чересчур честным. Ренди почувствовал себя ужасно маленьким и с головы до пят использованным, использованным и оскорбленным. В этот самый день его юное сердце разбилось на части и с тех пор так и не зажило.

Ввиду отвратительной жизни дома и отъезда Хони всю последующую зиму Ренди усиленно посещал собрания в «Святом Доме Наследников». Независимо от того, что он думал о вере наследников и как относился к их ритуалам, он сумел ужиться с ними, и с ними ему было хорошо. Когда-то он видел по ювви фильм о жуках, которые настолько умны, что умеют выживать в муравейниках, обманывая при этом муравьев так, что те их еще и кормили. «Святой Дом Наследников» стал для Ренди тем муравейником, в котором он еще мог существовать.

Время от времени доктор Дикки Прайд просил Ренди выполнить тот или другой мелкий ремонт, и вскоре – Ренди даже не помнил, кто первый из них это предложил, – доктор устроил так, что Ренди смог поселиться в Доме на правах «семинариста». В Святом Доме, по большому счету архитектурно представляющему собой увеличенную копию дома Сью, имелся просторный гараж со вторым этажом, и доктор Дикки предоставил Ренди гараж в полное распоряжение.

Сью отдала Ренди кое-что из своего старого водопроводного инструмента, сам Ренди скопил денег и купил собственный сантехнический пистолет и свой собственный золотарский чемоданчик. За день до того, как Ренди окончательно переехал к наследникам, Сью сумела нажать на нужные рычаги, и Ренди получил сертификат мастера-водопроводчика.

С тех пор Ренди жил один на втором этаже в гараже при «Святом Доме Наследников», и для секса у него были только Сэмми-Джо и Анжелика. По просьбе Ренди Анжелика сворачивалась в вагину с дополнительным клапаном, который плотно облегал и ласкал яйца Ренди, в то время как Сэмми-Джо облегал пахучим капюшоном молди лицо Ренди, превращаясь в удобные для использования клитор и половые губы. Закончив свои занятия, Ренди всякий раз открывал нараспашку окна и тщательно проветривал комнату. Утром, пока сам он завтракал и одевался, его игрушки с внутренностями из морских водорослей и лимпсофтной программой грелись на солнышке, питаясь его лучами.

В один прекрасный вечер прямо посреди онанистической секс-оргии Ренди, на ступеньках, ведущих в его комнату, раздались шаги. Кто-то тихо вложил карточку-ключ в разъем и распахнул дверь. Из распахнутой двери в комнату упало трапециевидное пятно света, высветив распаленную наготу Ренди.

– Здравствуй, Ренди, – сказал доктор Правд и, войдя в комнату, закрыл за собой дверь и включил свет. – Не прячься и не смущайся, сынок. Я знал, что найду тебя за этим занятием. Я давно учуял, чем ты тут занимаешься каждый вечер. И к тому же Хони рассказала мне все про вас с ней.

В руках доктор Прайд держал розовое дилдо, вполовину короче, чем Анжелика. Он игриво потряс дилдо, потом провел носом по всей его длине, вдыхая запах молди – вдыхая с огромным удовольствием. Вечер был довольно прохладный, но лоб доктора Прайда покрылся потом.

– Разве он не красавец, Ренди Карл? Я зову его Доктор Джерри Фалвелл.

– Что вы хотите сказать? – спросил Ренди, натягивая простыню до подбородка, чтобы укрыть Анжелику и Сэмми-Джо. – Что вы хотите? Почему это вы входите ко мне в комнату без спросу, доктор Прайд?

– Мы можем драться или спорить, сынок, но все дело в том, что мы оба жалкие сырные шарики. Нам лучше держаться вместе. Сделай мне то, что ты делал Хони. Или позволь мне сделать это с тобой. Ты очень симпатичный и приятный молодой паренек, Ренди.

– Я ничего не буду вам делать, доктор Правд. Вы были добры ко мне, я это знаю. Но я больше не интересуюсь сексом с людьми, и если я когда-нибудь и занимался с кем-нибудь сексом, то это была женщина. Я съеду отсюда, как только смогу или когда вы мне скажете. Но я не стану совать вам в зад Доктора Джерри Фалвелла. Теперь, пожалуйста, уйдите отсюда и оставьте меня

одного.

В последующие дни Ренди и доктор Правд не упоминали между собой больше о случившемся между ними инциденте, но оба они согласились с тем, что Ренди наступило время закончить обучение в ранге семинариста и покинуть «Святой Дом Наследников» в Шиверли.

– Тебе нужно выбрать себе миссию, Ренди Карл, – сказал ему доктор Правд. – У Совета Человеческого Наследия очень хорошие связи – лично я общаюсь со всем миром, без преувеличения. У нас есть миссии наследников и Святые Дома по всему свету. Совет может стать очень эффективным работодателем. Кстати говоря, я уже направил о тебе рекомендательные письма по разным каналам с самыми лучшими отзывами. Ты можешь соединиться по ювви с Центральным Сервером Совета и узнать там, что им удалось подыскать для тебя.

Такой молодой человек, как ты, с такой богатой душевной организацией, должен отправиться посмотреть мир!

Доктор Прайд отвел Ренди к ювви «Святого Дома Наследников», и Ренди соединился с центральной машиной Совета, с мощным азимовским компьютером, расположенным в недрах горы в Солт-Лейк-Сити, в штате Юта, в точности там же, где расположен генеалогический компьютер мормонов. Ренди увидел перед собой изображение виртуального клерка в стерильном окружении виртуального офиса. Клерк выглядела как юная дочь Великих Равнин и сделана была довольно искусно, однако иллюзия искусственности все же ощущалась. Виртуальная реальность силиконового компьютера была достаточно грубой, и Ренди различал, как неровно накладываются друг на друга полигоны изображения девушки, причем некоторые из полигонов были даже неверно окрашены. Несколько мгновений фигура сидела молча и неподвижно, но потом сигнал от ювви Ренди пробудил ее к действию.

– Привет, – сказала ему девушка. Ее голос звучал визгливо и резал слух. – Уверена, что ты и есть тот самый Ренди Карл Такер из «Святого Дома Наследников» в Шиверли, верно? Я права? Отлично. Можешь звать меня Дженни. Чем могу помочь тебе?

– Я.., короче, я подумываю о том, как мне убраться из города, – ответил Ренди. – Отправиться в какую-нибудь миссию или вроде того. Найти работу где-нибудь еще. Я меня есть диплом мастера-водопроводчика.

– Да, у нас уже есть эти сведения о тебе, Ренди.

С деревянным видом Дженни притворилась, что просматривает на столе какие-то бумаги.

– Диплом мастера – это очень хорошо. К тому же глава

вашего прихода, доктор Прайд, очень высокого мнения о тебе.

Интересно – мне хотелось бы, чтобы ты был откровенен со мной, – что ты лично о нем думаешь?

– Он хороший священник. Содержит все свое «стадо» в полном порядке.

– Ходят слухи, что он.., сырный шарик?

– Я никогда не занимался с ним сексом и не собираюсь этого делать. Поэтому не нужно меня об этом спрашивать. И если это возможно, помогите мне убраться из этого города.

– Какой вид секса ты предпочитаешь? – спросила Дженни, переставив полигоны своего лица так, что они сложились в заговорщическую улыбку. При этом некоторые полигоны на щеках Дженни стали черными, словно бы у нее были угри.

Или шрамы. – Ты все можешь рассказать Дженни. Дженни знает много секретов. Ты любишь забавляться с игрушками молди?

– Послушайте, мне казалось, что это должно быть что-то вроде интервью для поиска работы. Что с того, если я и в самом деле интересуюсь молди? Ведь это уже достаточно веская причина для того, чтобы стать наследником, верно? Точно так же, как алкоголики записываются в общество анонимных алкоголиков.

Дженни испустила смешок.

– Не стану больше пытать тебя, Ренди. Я просто хотела убедиться в том, что ты ничего не имеешь против того, чтобы работать в окружении молди и имиполекса. Потому что работа, которую я нашла для тебя… Ты когда-нибудь слышал о городе Бангалоре, который находится в Индии? Вот, смотри.

Изображение Дженни заслонилось изображением земного шара, повернувшегося так, чтобы стала видна Индия, висящая толстым выменем внизу азиатского материка. Посредине набухшего вымени пульсировала маленькая красная точка.

– Бангалор расположен на плато, и климат там довольно умеренный, – объяснила Дженни. – Город очень развитый и по-западному высокотехнологичный. Это единственный город в Индии, где продают разливное пиво. Здесь находится «Индустан Аэронавтике», а также «Индия Телефон Индастриз», «Бхарат Электронике» и «Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд», крупнейшего в мире производителя имиполекса. «Личинке Носорога» нужен водопроводчик; водопроводчик хорошего класса.

– Парни, которые делают пластик для молди, будут слушать совет наследников, кого им брать на работу? – изумился Ренди. – Это чушь какая-то.

– О нет, Ренди, не сомневайся, они нас послушаются, – уверенно отозвалась Дженни. – Мы предложим им тебя не напрямую, конечно. Как я уже говорила, у нас обширные связи и многие люди нам очень обязаны. Мы вполне в силах устроить тебя туда на работу, Ренди, уверяю тебя. И зарплата тебя приятно удивит. Все, что мы хотим от тебя взамен, это чтобы каждый месяц ты звонил нам и рассказывал обо всем, что видел там интересного. И помни, каждый день ты будешь работать в окружении молди и имиполекса.

Дженни снова улыбнулась и опять заговорила с кентуккийским акцентом:

– Черт, Ренди Карл, да ты будешь счастлив, словно свинья на картофельной грядке!

– Вот дела! – наконец позволил себе воскликнуть Ренди. – Индия? Они там хоть говорят по-английски?

– Можешь не сомневаться! Тебе нужно только дать свое согласие, и эта работа твоя, Ренди Карл. Мы даже снимем там для тебя квартиру и купим билет на самолет.

– Согласен!

– Тогда завтра ты должен быть в аэропорту Луисвилля ровно в девять утра. Твой паспорт и билеты ты сможешь забрать у стойки «Гумана Эйрлайнз».

Побросав свои пожитки в пикап, Ренди попрощался с доктором Прайдом и поехал к Сью, чтобы рассказать той о своей новой работе. Была пятница, шесть часов вечера, и уже начинало смеркаться.

Дверь ему открыл Левис.

– Сью нет дома, – резко ответил он.

– Тогда я подожду ее, – сказал Ренди.

– Она не вернется до вечера субботы, – ответил Левис, накручивая на палец свою бороду. Лицо у него было перекошено от пеппа и дрожало от тика. – Она поехала в Индианаполис, чтобы повидаться с этой поганой лесбой Хони Вивер.

Со своей старой подружкой. Пока Сью нет дома, тебе тоже тут делать нечего.

Левис попытался закрыть дверь, но Ренди вставил в щель ногу.

– Не смей закрывать передо мной дверь моего дома, гребаный сукин сын.

– Не повышай на меня голос, сынок, а то узнаешь, что такое настоящая боль, – мгновенно набрал обороты Левис. – У меня тут пушка под рукой. Какого черта тебе здесь вообще делать-то?

Левис выглянул в щель на стоящий перед домом груженый пикап Ренди.

– Только не говори мне, что ты собрался переехать обратно! На фиг ты нам нужен, вечный неудачник.

– Я переночую в гараже, как раньше, – коротко сказал Ренди. – А ты смотри, не мешай мне спать.

Ренди съездил в закусочную и купил пару гамбургеров и шестибаночную упаковку виноградной газировки и со всем этим добром вернулся в гараж. В гараже все в основном осталось так, как было при нем; переезжая в «Святой Дом Наследников», он почти ничего с собой не забрал из вещей.

Достав рюкзак, с которым он ходил в школу, Ренди начал разбирать свои вещи, откладывая то, что, по его мнению, могло пригодиться в Индии. Что за жизнь, черт возьми, ждет его там?

Упаковав рюкзак, Ренди перенес из своего пикапа водопроводный инструмент и уложил его рядом с инструментом Сью. Достав последним из пикапа свой личный сантехнический пистолет, он как раз его любовно осматривал, когда на пороге гаража появился Левис, обдолбанный пеппом до невозможности. В руке Левис держал древний кольт с пороховыми патронами, с которым еще, наверное, завоевывали Дикий Запад. Какой, однако, мудак.

– Я сказал, что тебе нечего делать в этом доме, Ренди, – сообщил с порога Левис с видом надсмотрщика с плантаций, указывая на выход из гаража. – Выметайся к чертовой матери.

Ренди стоял, испуганно потупившись. Всю жизнь он пугался, когда люди кричали на него; никогда он не решался взглянуть тому, кто орал на него, в глаза. Но сегодня, как только он почувствовал, что снова опустил глаза, он понял, что не желает больше этого делать. Он тронул джойстик сантехнического пистолета, и двухдюймовая труба начала расти из дула пистолета, извиваясь по полу словно белая змея, пока скрытая от глаз Левиса за пикапом.

– Я серьезно, – продолжал грозить Левис, шагнув внутрь гаража и взмахнув своим кольтом. – Давай уноси отсюда свой тощий зад, Ренди Карл Такер.

Говоря это, Левис продолжал теребить одной рукой свою бороду.

Ренди повернул трубу под прямым углом, чтобы та пробралась под пикапом и оказалась прямо под ногами у Левиса.

Потом быстро обмотал трубой обе ноги Левиса. Тот пошатнулся, дикими глазами глянул вниз, но было уже поздно – из трубы стремительно выскочил отросток и ударил Левиса прямо в пах. Заорав от боли, Левис повалился как подкошенный, выронив свою пушку.

Пальцы Ренди плясали на джойстике сантехнического

пистолета, и уже через мгновение Левис был связан трубой по рукам и ногам. Когда Левис в очередной раз открыл рот, чтобы заорать, Ренди ловко обернул петлю из трубы вокруг головы Левиса, плотно залепив тому рот, так что после этого Левис мог только стонать и сопеть.

– Как ты посмотришь на то, если я теперь вгоню тебе кусок трубы в зад, так чтобы он вышел у тебя из башки? – задумчиво спросил Левиса Ренди. – Нет, не хочется потом соскребать с пола твое дерьмо. Завтра я уезжаю. Я еду в Индию, Левис. Не в Индиану, приятель, я именно в Индию. Там все будет по-другому, так и знай. И жизнь там другая, и деньги я буду зарабатывать хорошие.

Ренди открыл багажник своего пикапа и достал оттуда пару холщовых ремней.

– Лежи тихо паинькой, Левис, если не хочешь отведать пластиковой клизмы.

Ренди прикатил тележку-подъемник и, взвалив на нее плененного Левиса, погрузил того в пикап, некрепко привязав там ремнями, на тот случай, если Левис вздумает поднять возню.

– Дышать-то хоть можешь? Может, мне пока выщипать у тебя бороденку? Да черт с ней, связываться не хочется. Ничего с тобой не стрясется. Передай Сью привет, когда она вернется в субботу.

Ренди закрыл пикап, взял свой рюкзак, закрыл дверь гаража и провел отличный вечер в своем родном доме, как в старые времена, с порнухой по ювви и в компании с изрядно потрепанными Сэмми-Джо и Анжеликой.

Вышло так, что Индия Ренди здорово понравилась. Ему по душе был хаос и полная дезорганизованность, царящая на улицах города, – мусорщики, монахи, ярко одетые женщины с внимательными глазами, тощие босые мужчины в пластиковых рубашках, старики в белых куртках, бесноватые дикие святые, кольца в носу, глаза навыкат и оранжевые одежды, сотни каст, разноцветие красок и разнообразие языков. Всегда и повсюду царила суматоха, но на самом деле никто и никуда не торопился. Всегда и у всех было время поговорить.

Как оказалось, все без исключения хотя бы немного говорили по-английски – на идиосинкразическом наречии, смеси британского английского и санскрита – и всегда были рады возможности попрактиковаться с Ренди Карлом. Индийцы относились к Ренди с добротой и вниманием, а внимание и Доброта было то, чем он до сих пор был обделен.

Завод компании «Личинка Императорского Жука-Носо-Рога, Лтд» располагался в десяти милях от Бангалора. Вначале каждый день Ренди ездил на завод на поезде. Завод представлял собой

огромное прямоугольное здание, без окон и тщательно охраняемое, с тем чтобы ни один молди не смог проникнуть внутрь и похитить бесценный для них имиполекс. В любое время снаружи вокруг здания находилось по меньшей мере десять – двенадцать молди, летающих или прыгающих, которых источник имиполекса привлекал так же неумолимо, как мед привлекает пчел. Прибыв в «Личинку Носорога» в свой первый рабочий день, Ренди был поражен таким количеством молди, околачивающихся вокруг. Когда он шел от поезда до входа в завод, один из молди приблизился к нему.

– Привет, – обратился к нему молди, женоподобная фигура, облаченная во множество наручных и ножных браслетов, ожерелий, поясов и в золотую корону. – Меня зовут Парвати. Ты новенький?

Парвати подошла к нему очень близко. Ренди понял, что огромное количество драгоценностей на ней, все эти камни и золото, были не чем иным, как частью ее имиполексовой плоти.

– Да, мэм, – отозвался Ренди. – Я собираюсь поступить на работу водопроводчиком.

Он осторожно втянул в себя воздух, принюхиваясь к запаху, исходящему от молди, и нашел, что запах этот весьма приятен.

– Вы тоже здесь работаете?

– К, сожалению, нет, – ответила Парвати. – А ведь там столько превосходного имиполекса. Как тебя зовут?

– Ренди Карл Такер. Я из Кентукки.

– Очень интересно. Ренди, очень скоро тебе объяснят, что служащим «Личинки Носорога» разрешено покупать имиполекс со склада компании. Имей это в виду и при возможности купи столько, сколько сможешь или посчитаешь нужным, потому что я с удовольствием куплю его у тебя или обменяю, как договоримся. Еда, деньги, возбудители или наркотики, интимные отношения, работа прислугой, перелеты, путешествия в джунгли, подводные путешествия в Арабском море – вот вкратце то, что ты сможешь себе позволить.

Голос Парвати звучал мягко, но убедительно и завораживающе.

– Служащие «Личинки Носорога» могут покупать имиполекс? – переспросил Ренди. – Это здорово. Мне нравится имиполекс. По правде говоря… – Ренди оглянулся по сторонам. Вокруг никого не было, сошедшие вместе с ним с поезда служащие уже скрылись в дверях завода «Личинка Носорога», – По правде сказать, мне кажется, что я сырный шарик.

– Ты мне уже нравишься, Ренди, – проворковала Парвати, запечатлев душистый поцелуй у него на щеке. – Беги и

наслаждайся своей новой работой, парень. Но не забудь в день зарплаты о Парвати! У нас будет чудесное свидание, горячее, как вулкан!

Внутри за дверями «Личинки Носорога» Ренди ждал пухлый мужчина с кожей, покрытой золотистым загаром, в белых панталонах и грязноватой белой куртке с огромным количеством карманов, содержащих множество всякой всячины. На макушке мужчины сияла лысина, окруженная венчиком курчавых седых волос.

– Приветствую вас, мистер Такер, – поздоровался он, протягивая Ренди руку. – Меня зовут Нирадж Пондишери, я бригадир водопроводчиков и, как вскоре вас проинформируют в офисе, ваш будущий босс. Приветствую вас на территории «Личинки Императорского Жука-Носорога, Лтд».

– Премного вам благодарен, – ответил Ренди. – Я очень горд тем, что мне удалось попасть сюда.

Пондишери выглянул через стеклянную дверь наружу, туда, где еще стояла Парвати. Парвати вырастила несколько дополнительных рук, которые теперь извивались в священном танце.

– Это создание хочет вас очаровать, мистер Такер.

– Что? Может быть, – хмыкнул Ренди. – Она пригласила меня на свидание. Мне она кажется очень сексуальной.

Надеюсь, что это…

– Нет, работникам завода не запрещено вступать в контакт с молди, мистер Такер. По сути дела, время от времени № даже нанимаем молди для разных работ. Молди производят используемый нами чипоед. Однако молди, с которыми мы сотрудничаем, настоящие мастера своего дела, их немного, они весьма преуспевающи, богаты и считаются набобами среди себе подобных, в особенности по сравнению с этой кастой молди-попрошаек, которые выпрашивают имиполекс у ворот завода. Как вы отнесетесь к тому, если я буду называть вас Ренди? Вы можете называть меня Нирадж.

– Без проблем, Нирадж!

– Договорено. Тогда поедем в офис и продолжим наш разговор на ходу.

Нирадж повел Ренди по длинному коридору, проходящему вдоль одной из внешних стен заводского здания. Стена справа, наружная, была совершенно непроницаема, в то время как через левую стену можно было увидеть внутренность завода. Находящиеся там работники были одеты в белые комбинезоны, белые башмаки, и лица их были скрыты белыми масками. Нирадж продолжал говорить на ходу, его речь лилась мерным

мелодичным потоком.

– Да, эти уличные молди стремятся завести дружбу с работниками «Личинки Носорога», потому что именно наши работники могут принести им имиполекс. У многих из нас дома работает прислуга-молди. В молодые годы у меня был молди, который каждый день носил меня на работу, как огромная птица! Непередаваемое, дьявольское удовольствие. Но в конце концов такое удовольствие стало слишком обременительным для отца пятерых детей. И хлопот было также слишком много.

– Хлопот? – удивился Ренди. – Вы хотите сказать, что общаться с молди хлопотно? Почему это?

– Чуть позже я обязательно расскажу тебе о тех-мерах предосторожности, которые ты должен предпринимать, если решишь установить связь с молди низшей касты, – сказал Нирадж, открывая массивную дверь в левой стене. В лица им пахнул ветерок, порожденный разницей в давлении. – Но пока это может подождать. Сейчас мы входим в отделение предварительного роста. Нам нужно переодеться, перед тем как мы войдем в главную часть завода, где помещение отличается повышенными требованиями к чистоте. Требования там очень высоки, одна частица пыли на кубический метр воздуха.

– Имиполекс такой чувствительный к загрязнениям?

– Имиполекс – это высокоструктурированный квазикристалл, – ответил Нирадж. – Во время производства слоев одно случайное вкрапление пылевой частицы может испортить всю последовательность корреляции Пенроуза, занимающую весьма продолжительное время. Кроме того, в зоне чистоты находится производство гибридных культур плесневого чипоеда, и заражение спорой дикого грибка или случайным семенем водоросли может оказаться непоправимым и испортить всю партию. Для примера сообщу тебе, Ренди, что в воздухе в поезде, на котором ты сюда сегодня приехал, содержится примерно один миллион частиц пыли на один кубический метр, и огромное число этих частиц биологически активно.

Дверь в зал предварительного роста затворилась за их спиной. Пол был покрыт липкой адгезивной субстанцией, с тем чтобы удалить пыль с их ног. Повторяя действия Ниражда, Ренди присел на скамью и натянул на свои ботинки одноразовые голубые чехлы.

– Привет-привет, Нирадж, – сказала им худощавая женщина с коричневой кожей, сидящая за стойкой. – Это и есть новичок мистер Такер?

– Это он. Ренди, познакомься, это Рупа, Рупа, это Ренди.

– Вот ваш рабочий комбинезон, обувь и идентификационная

карточка, – сказала Ренди Рупа, выкладывая на стойку нечто напоминающее голубую пижаму с рукавами на резинках и пару белых туфель для боулинга. – Пожалуйста, приложите большой палец к этому датчику, Ренди, чтобы потом ваш шкафчик смог опознать вас. Номер вашего шкафчика 239.

В раздевалке, где стояли шкафчики работников, они стянули с себя уличную одежду и облачились в голубые рабочие комбинезоны и белые пластиковые туфли. Потом тщательно вымыли руки, надели волосяные сетки и защитные очки. После раздевалки находилась зона средней степени чистоты – не более чем десять тысяч частиц на кубический метр. Но уже здесь воздух показался Ренди гораздо чище всего, чем он до сих пор дышал; воздух, лишенный какого-либо запаха, с легкостью втекал в его легкие.

Они прошли через комнату отдыха, где несколько заводских рабочих ели свои специальные беспылевые ленчи, яблочный сок и йогурт или тому подобное. Потом они оказались во второй раздевалке, где следовало переодеться в еще более чистое. Они надели на руки латексные перчатки. Потом тщательно протерли защитные очки и идентификационные значки – протерли все три раза подряд кусочками ткани без корпии, смоченными в специальном растворе алкоголя. Потом надели на головы белые капюшоны своих комбинезонов. Ренди надеялся, что костюмы на заводе будут из запрограммированного имиполекса, но, к сожалению, это был всего лишь бездумный пластик.

– Эти комбинезоны называют костюмы Бати, – сказал ему Нирадж, с добродушной физиономией прижав к щекам обе руки и проделав совершенно кроличьи жевательные движения. – А эти здоровенные галоши – заводские башмаки.

Они нацепили заводские башмаки поверх надетых ранее белых туфель для игры в боулинг. Потом натянули виниловые перчатки поверх латексных перчаток. Нирадж передал Ренди лицевую маску, снабженную особыми клапанами наподобие жабер, позволяющими беспрепятственно входить наружному воздуху при вдохе и пропускающими выдыхаемый воздух через специальный фильтр. Ощущение было такое, словно бы чистоте на этом заводе придают чрезмерное значение, словно бы здесь были одержимы чистотой. Но Ренди нравилась одержимость.

После окончательного переодевания Нирадж повел Ренди по выложенному плитками коридору с множеством крошечных сопел, через которые отсасывался из помещения воздух.

– Это воздушный душ, – объяснил Нирадж. – Пока проходишь этот коридор, полагается три раза повернуться вокруг себя. Обрати внимание, что пол здесь и везде на заводе выложен

пористыми плитками. Под полом установлены пылесосы, а на потолке находится ряд вентиляторов. Весь воздух внутри завода меняется десять раз в минуту.

Медленно поворачиваясь под воздушным душем и давая возможность пылесосам в полу вобрать в себя последние частицы грязи с их одежды, Ренди вспомнил фразу из Библии:

«Возрадовался я, когда сказали мне: Пойдем в дом Господень».

После воздушного душа находился храм сотворения молди. Свет был яркий и желтый; от этого создавалось ощущение пребывания в странном подземном мире. Потоки воздуха струились мимо Ренди от потолка к полу. Вокруг неспешно передвигались облаченные в белое фигуры; все казались на одно лицо из-за того, что были одеты совершенно одинаково. Занятие находящихся в помещении людей сводилось к перемещению светящихся изнутри порций имиполекса, кусков размером начиная с небольшую сосиску для завтрака и заканчивая гигантской болонской колбасой в четыре фута длиной.

Весь завод был размером, наверное, с большое футбольное поле, с потолком высотой пятнадцать футов, где по разветвленной системе монорельсовых трасс перемещались от одного контейнера к другому части имиполексовых порций в различной степени готовности.

Сам по себе сырой имиполекс вырабатывался в череде камер, лабораторных автоклавов, вакуумных камер и дистилляторных колонн, с подключенными трубами подачи химических растворов, выходящими откуда-то из-под пола.

Работники узнавали идущего по залу Нираджа, которого провождал Ренди, и подходили, чтобы хлопнуть босса Ренди по плечу или шутливо ткнуть кулаком в живот – при этом они походили на рабочих муравьев, обменивающихся приветственными прикосновениями усиков во время ухода за своими личинками.

– Здесь у нас в ходу прикосновения друг к другу, – объяснил Нирадж. – Так принято. Наверное, мы потому используем язык жестов и прикосновений, что часто видеть лица друг друга невозможно. А может быть, потому, что все тут очень чистое.

Единственное загрязнение, которое Ренди ощущал в идеальной чистоте заводской атмосферы, было его собственное пропитанное мясным духом дыхание, постоянно колышущееся перед его дыхательной маской. Ему очень хотелось сорвать с лица защитную маску и полной грудью вдохнуть идеально чистый воздух завода. Но тогда он должен будет и выдохнуть тоже без маски, а заводу это явно не понравится – датчики немедленно

определят повышение количества частиц на кубический метр, и замигают сигналы предупреждения.

Они спустились на эскалаторе вниз, в субзавод, на уровень ниже основного уровня заводского помещения. Здесь находилось оборудование, поддерживающее процессы в аппаратах в основном уровне завода. Здесь имелись электрические генераторы, огромное количество трубопроводов, емкости с кислотой, системы фильтрации, вакуумные линии, оборудование слежения за количеством частиц в воздухе – мили проводов, труб и пучков толстых кабелей заполняли пространство этого огромного помещения со стенами из бетона. Это было то место, где Ренди предстояло работать, ремонтировать, собирать и налаживать систему трубопроводов завода.

Жилье, которое наследники подыскали для Ренди, находилось в новеньком чистом небоскребе прямо возле аэропорта Бангалора. Большая часть людей, проживающих в этом небоскребе, были рабочими и учеными неиндийских национальностей, приехавших работать по найму в различные высокотехнологические компании Бангалора. Прожив тут неделю в напряжении и полном одиночестве, Ренди решил переехать в центр города, в место, где можно было жить среди настоящей Индии, в сумрачную комнату в старинном каменном здании на склоне холма между полными разноцветия орхидей Садами Лалбах и вечно не умолкающим Ганди-Базаром.

Поразительное разнообразие Индии подействовало на Ренди успокоительно. В аккуратном, но абсолютно скучном Луисвилле все были либо плохие, либо хорошие, богатые или бедные, черные или белые – на улицах же Бангалора можно было отыскать любое сочетание красок, физическое либо духовное, жизнь здесь все время неустанно менялась, перемешиваясь в своих богатейших переплетениях.

Дом, где себе нашел жилье Ренди, назывался «Типу Бхарат»; Типу было имя древнего индийского принца, а Бхарат – индийское название страны, Индии. Стены Типу Бхарат были покрыты вырезанными каменными узорами, напоминающими бесконечные ожерелья, и украшены многими арочными нишами с небольшими яркими имиполексовыми статуями богов, самодвижущимися иконами, размахивающими своими маленькими ручками и, казалось, наблюдающими за прохожими. На крыше дома имелась открытая терраса, где обитатели Типу Бхарат могли сидеть и любоваться Восточным или Западным Чатом, далекими горными хребтами, окружающими высокогорное плато Бангалора.

Неподалеку от Ганди-Базара находилась улица, которую

облюбовали себе голые святые и блаженные, их называли здесь садху; днями и ночами садху сидели на улицах в специальных маленьких будках, в каждой из которых имелась небольшая горелка, одеяло, метелочка отгонять мух и коллекция блестящих разнообразных религиозных принадлежностей, изготовленных из имиполекса. Иногда один или другой садху устраивал представление: забивали заостренные колышки себе в голову, разжигали костер на улице и ходили по углям, высасывали кровь из шеи живого цыпленка или проделывали что-нибудь еще более фантастичное и отвратительное. По вечерам Ренди часто ходил на эту улицу, чтобы посмотреть представление.

– Эта молди, с которой ты разговаривал возле ворот завода, – спросил Ренди Нирадж в день его первой зарплаты, в среду. – Она называет себя Парвати?

– Ага, – ответил Ренди. – А ты ее знаешь?

– Нет, но я хорошо знаю эти украшения, которые она носит на теле, – это украшения богини, зовущейся Парвати, жены бога Шивы. В религии хинди жена Шивы занимает очень высокое положение; она имеет несколько имен и может принимать различные обличья. Одна из форм жены Шивы – это красавица Парвати, другое обличье – это черная Кали, наездница на львах, искусная точильщица ножей, предпочитающая украшать себя ожерельем из отрубленных человеческих голов. Риск, которому ты подвергаешь себя, вступая в интимную связь с Парвати, заключается в том, что в один прекрасный момент она может неожиданно превратиться в Кали и отрубить тебе голову. Все женщины, и моя жена тоже, одновременно являются и Парвати, и Кали, не говоря уже о том, что еще и Ума, и Дурга, но моя жена человек, и я могу не опасаться того, что однажды она действительно задумает отрубить мне голову. Ведь ты собрался сегодня купить со склада компании кусок имиполекса для Парвати, чтобы устроить с ней свидание и получить полное удовольствие, верно?

Ренди покраснел.

– Нирадж, это не ваше дело, черт возьми. Извините, но это на самом деле так.

– Я ни в коем случае не хочу отговаривать тебя, Ренди, просто хочу, чтобы ты знал: Береги свою голову. Некоторые молди начинают играть в игры, засовывают щупальца в голову людей через их нос и имплантируют в мозг дистанционные модули управления. Это называется поставить мыслительный колпачок. Ты никогда раньше об этом не слышал?

– Кажется, ничего такого я не слышал.

– Если ты собираешься общаться с молди и, возможно,

заниматься с ними сексом, первым делом следует установить в носовой полости специальную защиту против проникновения щупалец. На складе компании имеется специально разработанный для этих целей самоустанавливающийся титанопластовый имплантат. Пойдем со мной, я покажу тебе, что к чему, потому что хочу, чтобы мой молодой, горячий и охочий до добычи пес был подготовлен к свиданию по высшему классу.

Одна из сторон заводского склада была отведена под хранилище со стойками с роскошными разноцветными, напоминающими колбасы цилиндрами имиполекса. Выставленные здесь многие сотни образчиков имиполекса напомнили Ренди ярмарку фейерверков в Индиане; один за другим ряды восхитительных цилиндров, рассортированных по размерам и только дожидающихся того, чтобы к их запальному шнуру поднесли огонь. Разноцветные узоры под поверхностью имиполекса были живыми и постоянно менялись в мерном ритме, словно олицетворяя собой полный покой малоразвитого сознания. Порции имиполекса были рассортированы по размерам на любой вкус, от сотни граммов до двух килограммов.

Ренди выбрал для себя пятисотграммовый кусок, тем более что это было едва ли не пределом того, что он сегодня мог позволить, не оставляя себя на голодном пайке. Нирадж показал Ренди, где находятся носовые блокираторы, и лично проследил за тем, чтобы Ренди приобрел также несколько небольших кусочков имиполекса, которые Нирадж назвал ДИМ-пиявками.

– ДИМ-пиявки в одно мгновение расстраивают программное обеспечение молди, – объяснил Нирадж. – Мы до сих пор еще не до конца понимаем, почему это происходит. ДИМ-пиявки были изобретены только в прошлом году Шри Рамануджаном, одним из лучших лимпсофт-инженеров «Личинки Носорога». Если у тебя есть с собой кусочек ДИМ-пиявки, то тебе ничего не стоит совладать с напавшим на тебя молди.

Тебе очень повезло, Ренди, что у тебя есть возможность купить такую ДИМ-пиявку, потому что на сегодняшний день эти пиявки имеются только на складе «Личинки Носорога».

ДИМ-пиявка представляла собой маленький кусочек имиполекса, не больше сустава большого пальца, и не существовало двух совершенно одинаковых ДИМ-пиявок. Пиявки были самой разнообразной формы и напоминали живые объекты – больше всего похожие на летающие семена тропических деревьев или странствующих медуз, коллекцию которых можно найти на диком подветренном пляже.

ДИМ-пиявки были невероятно дорогие, одна пиявка стоила почти три месячных зарплаты Ренди: четверть его годового

оклада! Ренди всячески пытался отказаться и не покупать пиявку, но Нирадж был неумолим; их с Ренди спор перешел в крики, которые привлекли внимание клерка в униформе, спокойно объяснившего Ренди, что от служащих «Личинки Императорского Жука-Носорога» требуется соблюдать специальные предосторожности в общении с молди и что собственную пиявку Ренди может приобрести в кредит.

Таким образом, Ренди оборудовался по высшему классу и в тот вечер отвел Парвати в свою комнату и преподнес ей пятисотграммовый кусок имиполекса. Порция имиполекса была два дюйма в диаметре и почти фут в длину. По окружности имиполекс был обведен разноцветными полосами, которые медленно сменяли одна другую, перемещаясь плавными, мерно повторяющимися волнами от одного конца порции имиполекса до другого.

– О, Ренди! – воскликнула Парвати, испуская густое облако спор. Она осторожно приняла дар из его рук. – Мой дорогой! Это так прекрасно. Пятьсот граммов! Я вберу его в себя сейчас же!

Парвати прижала имиполекс к своей груди, и порция имиполекса начала растекаться по ее телу, закручиваясь в спирали и заходясь облаками, словно сливки в кофе. Вначале порция имиполекса расширилась в основании, прижатом к груди Парвати, приобретя форму колокольчика, потом с обеих сторон колокольчика появились концентрические круги. Потом круги растеклись во все стороны и слились с плотью Парвати: ее выросшие в размере груди покрыла блестящая золотая с медным отливом филигрань с очень сложным узором, перевитая и самодвижущаяся.

– Тебе нравится, Ренди?

– Ты прекрасна, Парвати. Что ты скажешь на то, если теперь мы немного развлечемся?

Из-за носовых блокираторов Ренди с трудом слышал свой собственный голос. Парвати плавно подалась вперед, расстегнула брюки Ренди и увлекла его на кровать. Ренди был молод, и его возбуждение было так сильно, что он сумел получить три оргазма в течение двадцати минут – три сильнейших болезненных эякуляции.

Потом он некоторое время лежал на кровати, выжатый как лимон и довольный, глядя на темное небо. Одинокая яркая вечерняя звезда появилась в верхнем углу окна: Венера.

Мягкое тело Парвати было рядом с ним, обтекало его, находилось частью под ним, частью на нем. Мягко и нежно она провела руками по его лицу, потом тихо погрузила в его нос щупальце и медленно толкнула щупальце вперед.

– Эй, что это ты делаешь? – воскликнул Ренди. – Не думай, что я ничего не знаю о мыслительном колпачке и к этому не подготовился!

Он рывком вскочил на ноги, охваченный неожиданным страхом. Выхватив из-под кровати ДИМ-пиявку, куда он ее предусмотрительно положил, Ренди выставил ее перед собой для защиты.

– Не приближайся ко мне, Парвати!

Молди медленно собрала свое растекшееся по кровати тело в более человекоподобную форму.

– Я просто решила помучить тебя, Ренди. Я и так знаю, что У тебя в носовой полости установлен блокиратор, Я сразу это поняла по изменившемуся звуку твоего голоса. А что это такое, у тебя в руке, ДИМ-пиявка? Я слышала о таких, но никогда раньше ни одной не видела. Значит, ты не доверяешь мне?

– Мой босс, Нирадж, сказал, что ты можешь попытаться установить мне в голову имплантат, чтобы управлять мной.

– Если я буду знать, что ты станешь приносить мне имиполекс каждый день зарплаты, тогда зачем мне устанавливать что-то у тебя в голове? У меня нет необходимости управлять тобой. Я и так могу рассчитывать на твою помощь. Я ведь могу рассчитывать на тебя, Ренди?

– Ты можешь рассчитывать на меня, если будешь приходить ко мне не только в дни зарплаты, Парвати. Я не могу дожидаться тебя целый месяц и сучить все это время свой банан. Все мои старые имиполексовые игрушки сдохли от старости, превратились в полное дерьмо.

– Покажи-ка мне их.

Ренди достал Анжелику и Сэмми-Джо с самой нижней полки шкафа. От имиполексовых секс-игрушек пахло гнилью, цвет их покровов сменился на болотно-серый.

– Да! – вздохнула Парвати. – Они мертвы уже по крайней мере неделю, а то и целых десять дней. Не хотела бы я так кончить.

– Они нужны тебе? Можешь забирать.

– Зачем мне эта мертвечина. Они омерзительны. Выброси их или похорони. А лучше сожги.

– Тогда что мне останется для секса?

– Я буду приходить к тебе два раза в неделю, – мягко сказала ему Парвати. – Каждую субботу и скорее всего каждый четверг. Я буду твоей постоянной подружкой. Ты не против?

– Это был бы просто класс! Если ты с этого дня моя подружка, тогда почему бы нам не выйти и не прогуляться немного? Ты здесь все знаешь и могла бы мне кое-что объяснить – и может

быть, поможешь купить тут новые секс-игрушки. Кроме того, мне здорово хочется есть.

И они отправились в вегетарианскую закусочную Мавали Тиффина, рядом с парком Сады Лахбага. Ренди выбрал столик у самого окна, потому что в компании Парвати запах представлял серьезную проблему. Однако присутствие молди, казалось, никого не беспокоило; конечно, другие посетители ресторана были немного удивлены новой парой, состоящей из Ренди – сырного шарика, в единственном числе, и Парвати молди-богини – однако подобная пара была очевидным доказательством передовых взглядов Бангалора и высокого уровня развития здешних технологий.

Поев блинов с начинкой из терпковатых кореньев желтого цвета, Ренди повел Парвати посмотреть садху. Вид появившейся на их улице Парвати привел садху в совершенное неистовство. Двое садху, набросав на улицу несколько колючих ветвей, принялись кататься по ним, пока все не покрылись кровью; другой садху просунул в канал своего пениса длинную соломину и принялся мерно погружать и доставать соломину, вверх и вниз. Еще один садху, взяв приличных размеров и довольно поношенную имиполексовую змею, сумел проглотить ее и после продолжительной работы мышцами живота в результате исторг змею из ануса. Парвати приветствовала собрание садху величественными жестами рук. Когда они остановились перед садху, Ренди обнял Парвати сзади за талию и прижался к ней лицом. Ощущение близости Парвати, ее движения и исходящий от нее запах были нектаром для него.

– Раньше я видел таких ребят, как эти садху, только на Главной ярмарке штата Кентукки, – сказал Парвати Ренди. – Мы называли их и «карнавальные уроды». Было время, когда я мечтал стать таким уродом, когда вырасту. Эй, а теперь, может быть, ты покажешь мне место, где я могу купить новые имиполексовые секс-игрушки?

– Не трать свои деньги на игрушки, Ренди, – наставительно сказала ему Парвати, мягко толкнув задом его в пах, потом незаметно вырастив пару пальцев, чтобы тайно поласкать его. – Все лишние деньги, которые у тебя остаются, лучше отдавай мне. Если ты пообещаешь мне принести в следующую зарплату семьсот пятьдесят граммов имиполекса, вместо сегодняшних пятисот, мы сможем вернуться в твою комнату прямо сейчас. А потом я буду приходить к тебе и любить тебя трижды в неделю.

Когда они повернулись чтобы уйти, садху протянули к Парвати свои чашки для подаяния, вымаливая у нее мокша.

Парвати протянула правую руку, и несколько вздутий

двинулись от ее запястья к пальцам. Вскоре из кончиков ее пальцев появились и упали в чаши садху темные шарики, напоминающие мраморные. Садху набросились друг на друга, вступив из-за шариков в отчаянную схватку.

– Что это такое? – спросил Ренди.

– Это части грибницы чипоеда, имеющей научное название склеротия, но в Америке это называется камот, а в Индии мокша. Это вещество очень сильный психоделик, и садху весьма ценят его свойства.

К тому времени четыре шарика камота были пожраны четырьмя счастливыми садху, тут же на месте свалившимися в полной прострации у ног Парвати. Стараясь не наступать на распростертые руки и ноги, Парвати и Ренди вышли из переулка садху и направились обратно к Типу Бхарат. Было уже довольно поздно, и нищие устраивались на ночлег на тротуарах и в переулках. Когда мимо них проехал на моноцикле мужчина в тюрбане, Парвати толкнула Ренди в темный дверной проем.

– Смотри, запомни этого человека и остерегайся его, – прошептала она. – Это дакоит – уличный грабитель, член банды.

Пока дакоит не исчез за углом, они стояли в тени темного подъезда, целуясь и лаская друг друга, но потом прямо с неба к ним свалился незнакомый молди и предстал перед ними.

Незнакомый молди имел облик худощавого гибкого индийского мужчины, при этом у него имелись кожистые крылья, четыре руки и блестящая корона на голове вроде короны Парвати. Кроме того, мужчина отличался неописуемых размеров пенисом. Сложив вызывающе руки на новой, еще более разросшейся груди, Парвати с вызовом взглянула на пришельца.

Незнакомый молди смотрел на Парвати, в раздражении молча оскалив рот и, очевидно, обрушивая на нее поток своей ярости путем неслышных радиоволн.

– Это не твое теперь дело! – наконец воскликнула Парвати. – Ты и так должен быть мне благодарен!

Незнакомый молди сильно толкнул Ренди в грудь, так что тот растянулся на полу, потом подпрыгнул в воздух, захлопал крыльями и улетел.

– Кто это был такой, ради бога? – спросил пораженный Ренди, поднимаясь на еще трясущиеся ноги. – Вид у ублюдка был довольно злой.

– Это мой муж, Шива Разрушитель. Как это ни смешно, но он, кажется, ревнует меня к тебе. Словно бы секс с человеком может для меня что-нибудь значить. Шива требовал, чтобы я сейчас же вернулась в наше гнездо, ну не наглец ли?

Ничего, я еще научу его правилам хорошего тона.

Вернувшись в квартиру Ренди, они снова занялись сексом, но потом Парвати загрустила, словно бы ей надоела их занятие.

– Я собиралась остаться тут на всю ночь, Ренди, но пока что я не могу спать нигде, кроме своего гнезда, в котором чувствую себя в безопасности. Я не хочу уходить, но и остаться не решаюсь. Что же нам делать?

– Может быть, попробуем вместе трипануть? – спросил нерешительно Ренди. – Съедим чего-нибудь, например, ты Дашь мне шарик-другой своего камота, а я установлю на тебя ДИМ-пиявку.

Ренди показал ДИМ-пиявку размером с почтовую марку, протянув ее Парвати на ладони.

– Интересная идея, – отозвалась Парвати. – Молди и человек вместе трипуют от психоделиков, каждый от своих.

Ты очень симпатичный сырный шарик, Ренди Карл Такер, совсем не похож на остальных.

Несколько секунд Парвати рассматривала ДИМ-пиявку, которую протягивал ей Ренди.

– Вначале дай мне попробовать только минуту. Наложи на меня пиявку и засеки по своим часам минуту, потом сними с меня пиявку, и я скажу тебе, что я почувствовала. Хочу вначале попробовать, что это такое.

Ренди прижал пиявку к левому плечу Парвати, словно прививку от оспы. На ощупь ДИМ-пиявка казалась сухой и похожей на бумагу, но как только пиявка оказалась на Парвати, она сделалась более мягкой, распрямилась так, чтобы контакт был максимальный.

Тело Парвати зажглось, словно рождественская елка, при этом выросты ее рук, ног и головы мгновенно втянулись обратно в тело. Парвати упала на кровать Ренди, похожая на живую мандалу. После того как прошла минута, Ренди принялся отлеплять пиявку от тела Парвати. Самым сложным было отцепить краешек, но как только он сумел это сделать, остальное оказалось несложно. Тело Парвати постепенно приняло свою прежнюю форму, у нее снова появились руки, ноги и голова, выросшие медленно из мандалы.

– Господи благослови, – прошептала Парвати. – Это действительно нечто.

Парвати плавно повела рукой, и на ее ладони появились два шарика грибницы камота, один черный, другой голубой, словно жемчуг.

– Давай проглоти это, Ренди, и прилепи ко мне свою ДИМ-пиявку. У нас будет интересная ночь.

Ренди проглотил шарики камота. Камот хрустел на зубах,

был сочный и горьковатый на вкус. Эффект воздействия он почувствовал мгновенно. Одеревеневшими пальцами он прилепил к плечу Парвати размягчившуюся ДИМ-пиявку и лег вместе с молди в кровать. Парвати обернула его своим телом, словно пульсирующим яйцом.

Камот отправил Ренди в классический трип волшебных видений – в конце пути он увидел Бога в виде струящегося со всех сторон вечного света. Эти потоки света узнали Ренди и заговорили с ним. «Я люблю тебя, Ренди, – сказал ему Бог. – Я всегда любил тебя и буду любить». Филигранно перевитые многомерные пучки труб, очень похожих на водопроводные, окружали Ренди, удивительным и волшебным образом разрастаясь и отходя от него все дальше и дальше, устремляясь сквозь белый свет к кому-то еще, к кому-то другому, маячащему в отдалении. К Парвати. «Ренди? – донесся до него ее голос. – Это ты? Значит, мы спим и в нашем сне все равно вместе?» – «Да, мы видим один и тот же сон», – ответил Ренди. «Тогда давай полетаем», – сказала ему Парвати, и ее сущность пронеслась сквозь трубы, чтобы соединиться с Ренди, и уже очень скоро они вместе летели в небе, полном милых любовных образов, бесконечных образов невероятной сложности и красоты, вместе поющих бесконечные песни радости паре счастливых любовников.

Когда Ренди очнулся, они вместе с Парвати лежали на полу и вся его голова была покрыта тканями тела молди.

Дышал он сквозь особые сопла, которые Парвати втиснула в его рот. В первый момент Ренди показалось, что Парвати напала на него, но потом, высвободив голову, он испугался того, что она мертва. Но как только он отлепил от ее тела ДИМ-пиявку, Парвати немедленно ожила и снова принялась собирать свое тело вместе, приобретая подобие человекообразной формы. В окно комнаты Ренди пробивалось жаркое утреннее солнце, с улицы доносились тысячи звуков – беспечные болтливые голоса, звонки велосипедов, крики торговцев, звуки индийского радио, приглушенный шелест подошв прохожих по мостовой – та муаровая вибрирующая завеса звуков, трепещущая в воздухе подобно трехмерной ряби в потревоженном пруде.

– Вау, – вздохнула Парвати.

– Тебе понравилось?

– Да, это было прекрасно. Но сейчас уже утро, и я должна бежать. Шива наверняка снова устроит скандал. Послезавтра я снова приду навестить тебя.

3. ТРЕ

Март 2049 – 30 октября 2053

У Тре Диеза были очень длинные перепутанные выгоревшие на солнце прямые волосы. У него были живые карие глаза, небольшой рот и квадратный, выступающий вперед подбородок. Роста в нем было шесть футов, и здоровье у него было преотличное, какое и должно быть у молодого человека в двадцать лет.

Тре был классическим представителем американской богемы. Подобно многим поколениям молодых людей до него, он, родившийся на просторах грубоватого Среднего Запада, позднее переехал на Западное побережье, в Калифорнию.

Мать Тре была учительницей, а его отец коммивояжер.

Он окончил школу в Дес-Мойнес и, получив от «Дес-Мойнес Кивайнианс» стипендию, поступил в университет в Санта-Крузе. Пребывая в университете, Тре курил, нюхал споры, трансхринозировался с Великим Фракталом, как и большинство друзей из его круга, – но в то же время Тре ухитрился получить хорошую подготовку по практике применения теории хаоса и пьезопластике. И еще прежде чем он успел сдать все необходимые экзамены на лимп-инженера, он получил заманчивое предложение от «Апекс Имеджес», от которого трудно было отказаться. Это произошло в один из дождливых и прохладных дней 2049 года.

У Тре как раз были каникулы в университете. Вместе со своими друзьями Банни Флогистоном и Анной Веа Тре снимал комнату в коттедже внизу у подножия университетского холма в самой веселой студенческой части Санта-Круза. Анна была высокой и очень сильной самоанкой, а Банни тощим маленьким евреем из Филадельфии. Все они втроем специализировались на лимпсофт-инженерии, и никто из них не водил с двумя другими шашни. Они просто жили все вместе.

Тре уже встречался со своей будущей женой Терри Перцесеп, хотя ни он, ни она еще даже представить не могли, что когда-то поженятся. Терри посещала курсы художественного мастерства, снимала комнату вместе со своей подружкой и каждое утро по несколько часов работала, продавая билеты на экскурсионный рыболовный катер, принадлежащий ее семье. Люди все еще увлекались рыбалкой, даже в 2049-м, при том что в ту пору велика была опасность наткнуться в океане на дикого

водоплавающего молди и вступить с ним в опасные нечеловеческие отношения, чреватые даже гибелью. Для этой цели на каждом катере имелся огнемет, просто чтобы отбиться от молди при встрече с ним.

В тот день, который изменил судьбу Тре, его разбудил ювви.

Тре спал на своем тонком матрасе, когда ювви мелодично чирикнул в его голове: «Тре, Тре, Тре…» Он спросонок схватил ювви, тот был размером не больше старинного телефонного аппарата, и приказал ему перейти в режим изображения.

Ювви можно было использовать двумя способами: можно было приказать ювви воспроизвести голографическое изображение находящегося на другой стороне линии, или можно было, положив ювви себе на шею, общаться мысленно, путем прямой электромагнитной связи с мозгом.

В проекционном режиме специальный вибрирующий датчик ювви создавал в воздухе голографическое изображение, сопровождаемое воспроизведением голоса.

– Привет. Это Тре Диез?

В воздухе появилось изображение головки молодой блондинки, жительницы Калифорнии, не старше двадцати лет.

– Ага, – хрипло отозвался Тре. – Это я.

В окна колотился мелкий дождь, и порывы бриза налетала на тонкие стены дома. Сквозь незанавешенную щель на окне Тре мог видеть полоску океана. Вид у океана был холодный, цвет – серебристо-серый, о рифы разбивались высокие волны, в воздух летели брызги. Сегодня в полдень он договорился идти вместе с Терри кататься на серфе в заливчике для начинающих на Четырехмильном Пляже; Терри обещала дать ему урок. Отвечая ювви, Тре от души надеялся, что это звонит Терри. Но это была не она.

– Отлично, – ответила голограмма смазливой блондинки. – Меня зовут Синтия Меджор. Я из отдела кадров компании «Апекс Имеджес», находящейся в Сан-Франциско. Тре, мой начальник просил меня передать тебе, что мы были просто потрясены последней версией твоего фильтра «Забавные цыплята».

Фильтр «Забавные цыплята» представлял собой программу, которая использовалась в ювви, с тем чтобы менять принимаемое изображение. По сути дела, фильтр частично являлся обыкновенным фильтром, но частично и подобием психоделического снадобья, смещающего вашу точку зрения на некоторый угол и придающий всем предметам вид необычный, однако не тем предметам, которые вы видите своими глазами, а тем, изображение которых передается вам через посредство ювви, которое вы надеваете на свою шею. Во времена Тре фильтры были

видом нового программного искусства.

Тре закончил фильтр «Забавные цыплята» в феврале, в разработке программы ему помогали Банни, Анна, и, конечно же, они очень многое взяли из программной библиотеки Калифорнийского университета. Формально «Забавные цыплята» основывались на идее, что пространство может быть представлено в виде квазикристалла, имеющего форму неповторяющейся шахматной мозаики двух видов многогранных ячеек. Этот факт явился математическим результатом выкладок, произведенных еще в прошлом столетии и сыгравших очень важную роль в моделировании структуры имиполекса.

Тре узнал о существовании и свойствах квазикристаллов во время курса «Структуры лимпсофта». Для визуального обозначения фильтра Тре переформировал пару базисных многогранников, придав одному образ тощего цыпленка, а другому – толстой птицы додо.

Теоретически фильтр «Забавные цыплята» мог являться одним из видов психоделика. Стоило только ввести фильтр в ювви и поместить ювви на шею, как все формы вокруг вас начинали принимать вид трехмерных «Забавных цыплят», или же, иными словами, предметов, имеющих сходство со смешными искаженными птицами, различными несимметричными образами, клюющими друг друга.

Тре начал писать фильтр для собственного развлечения, как нечто, чем можно было бы позабавиться, закинувшись психоделиком или подкурившись. Было очень забавно пройтись по пляжу или заглянуть в кофейню, когда к травке в твоей голове прибавляется еще и то, что способны устроить «Забавные цыплята».

В плане обработки изображения фильтр использовал новейшие достижения программирования. В отличие от программ обработки текста или статического видео фильтр представлял собой систему мгновенной интерпретации. Технология была разработана на основе программы, использующейся в развлекательном устройстве, называющемся твист-бокс, очень популярном в начале тридцатых годов. Твист-боксы были официально признаны как метод ненаркотического изменения сознания, как «чисто программный психоделик».

Подобно ювви-фильтрам, твист-боксы немного изменяли визуальный входной сигнал. Однако твист-боксы использовали в своей основе трехвариантную петлю с хаотической обратной связью Стаканова, в то время как фильтры были основаны на телеологическом дизайн-процессе, являющемся их неотъемлемой характеристикой. И кроме того, в середине двадцать первого века

люди предпочитали использовать фильтры как добавку к наркотикам, а не как заменители наркотиков.

Реальная нейрологическая карта человеческого сознания, необходимая для составления программы, была слишком сложна для того, чтобы Тре мог запрограммировать ее самостоятельно, точно так же, как для собаки было бы сверхсложно нарисовать автопортрет. Однако в распоряжении Тре имелся доступ к университетскому большому компьютеру, Ваду, космогенному искусственному разуму-ампликатору, являющемуся грексом, или симбиотическим слиянием нескольких различных молди.

При помощи Вада многое оказывалось возможным, в особенности тогда, когда твоя собственная проблема казалась Валу интересной. Поскольку пластиковый мерцпокров тел молди являлся квазикристаллическим имиполексом, Вад решил, что создание фильтра «Забавные цыплята», основанного на свойствах квазикристаллов, является отличной идеей, и выполнил для Тре всю работу по программированию особенно сложных блоков.

В результате этой работы в одно прекрасное утро Тре позвонила бизнес-вумен из города.

– Я очень рад, что мой фильтр так вам понравился, – сказал Тре. – И вы решили позвонить мне, чтобы это сказать?

Синтия Меджор рассмеялась, словно бы услышала чрезвычайно наивную вещь.

– Конечно, не только за этим, Тре. Мы хотим подписать с тобой контракт. Ты что-нибудь слышал об «Апекс Имеджес»?

– Наверное, нет. Вы делаете рекламу?

– Мы тридцатое по объему контрактов рекламное агентство в мире. Мы делаем рекламу, музыкальные видео, голограммы, ювви – фильтры – мы занимаемся всем этим и многим другим.

– И вы хотите использовать «Забавных цыплят» для того, чтобы рекламировать вэнди и другое мясо?

Синтия Меджор язвительно рассмеялась:

– Отличная догадка! Именно для этого мы хотели бы купить «Забавных цыплят», для того чтобы рекламировать вэнди. Мы уже подписали контракт на разработку рекламы. Мы можем продавать также и специальные наборы ювви. Или устраивать пиар политикам. Да все, что угодно! Самое главное то, что мы, «Апекс Имеджес», имеем права на большое количество отличных фильтров, которые мы можем использовать для совершенно различных целей.

– И вы хотите купить у меня права на «Забавных цыплят»?

– Не совсем так, Тре, на самом деле наш план несколько сложнее, и именно поэтому Ментор приказал позвонить тебе.

Ты слышал когда-нибудь о компании, называющейся

«Личинка Императорского Жука-Носорога, Лтд»?

– Конечно, слышал, – ответил Тре. – Они изготавливают имиполекс. Расположены в Бангалоре, в Индии. И что такое с ними?

– Они хотят возбудить против тебя дело. «Личинка Носорога» обладает всеми правами на работы Роджера Пенроуза по квазикристаллам, и «Личинка Носорога» обвиняет тебя в том, что твой фильтр использует схемы Пенроуза, которые тот разработал в 1990-м, когда изобретал двухмерные головоломки, также основанные на квазикристаллах и также называющиеся «Забавные цыплята». Уверена, что ты слышишь об этом впервые?

– То, что это преследуется по закону, новость. Но, само собой, я знаю о работах Пенроуза. У нас рассказывали о нем на лекциях по структуре лимпсофта. «Личинка Императорского Жука-Носорога» хочет подать на меня в суд? Но зачем?

Это же смешно. У меня ничего нет.

– На самом деле «Личинке Носорогу» ничего от тебя не нужно. Но они очень хотят оказать влияние на твои действия, получить возможность использовать результаты твоего труда.

Вот почему, прежде чем ты предпримешь дальнейшие необдуманные шаги, мы советуем тебе встретиться с Ментором «Апекс Имеджес». Ментор отлично осведомлен обо всех деталях готовящегося удара со стороны «Личинки Носорога». Если ты подпишешь договор с «Апексом», то я уверена, что мы сможем смягчить последствия, и, Тре, мы сможем избавить тебя от хлопот, связанных с правовой стороной твоей деятельности, в дальнейшем. Тем более что в том, что касается дальнейшего, мы сможем предложить тебе очень неплохой гонорар.

Разговаривая со служащей «Апекс Имеджес», Тре ходил по комнате, отыскивая и надевая теплую одежду. Среди разрывов туч тут и там появлялось солнце, отчего океан в его лучах окрашивался в зеленый цвет. Теперешняя жизнь устраивала Тре как нельзя лучше. Представ пред лицом возможности перемен, он почувствовал, что его хорошее настроение немедленно улетучивается.

– Я не очень понимаю, какого рода контракт вы предлагаете мне подписать.

– Мы предлагаем тебе подписать контракт на несколько твоих будущих работ, с которых получим проценты и права проката, а сами возьмем на себя поиск клиентуры, которая согласится твои работы использовать. Наш интерес включает в себя комиссионные, да, может быть, еще время от времени мы будем немного следить за тобой и подбадривать, когда понадобится ускорить или немного изменить процесс в соответствии с

требованиями заказчика.

– Это сложно, черт возьми. То есть это здорово усложнит мне жизнь. Ведь я еще студент, как-никак, и я не собираюсь пока искать для себя постоянную работу. Мне нравится работать только над тем, что мне по приколу в данный момент. Я хочу курить на пляже травку и загорать круглые сутки. Я только-только начал учиться кататься на доске и хочу научиться кататься как следует.

Синтия заговорщически рассмеялась:

– Тре, вы с мистером Касабианом точно понравитесь друг другу. Он наш директор. Ты сможешь приехать на встречу в город на следующей неделе?

– Ну.., кажется, во вторник у меня нет занятий.

Головка блондинки повернулась, чтобы переговорить с кем-то, скрытым краем ювви-экрана.

– А как насчет среды? – спросила его головка блондинки. – Ты сможешь приехать в среду? В одиннадцать?

– Хорошо, договорились, – отозвался Тре. – Кстати, о каких гонорарах мы говорим?

Блондинка опять повернулась к невидимому за экраном, и неожиданно у Тре появилось подозрение в том, что Синтия всего лишь симми, программный симулятор человека. Блондинка снова повернулась к нему и назвала сумму в долларах, на порядок превышающую все то, что Тре мог вообразить в виде собственной зарплаты в отдаленном будущем.

– Чччерррррт! – воскликнул он, подражая удивленной вороне, что в последнее время было свежей шуткой среди друзей и знакомых Тре и что должно было подразумевать собой шутку. – Я приеду! Черрт возьми!

На следующей неделе в среду Тре сел в пригородный поезд до Сан-Франциско. Банни Флогистон отправился вместе с ним для моральной поддержки, а также для того, чтобы поглазеть на новое живое секс-шоу, о котором он слыхал на Северном Пляже.

– Используется принцип наслоения ювви-сигнала, – с энтузиазмом объяснил Банни по дороге в Сан-Франциско. – В зале находятся несколько настоящих мужчин и женщин, голых и все с ювви, а также есть несколько ювви-дилдо. Ты приходишь в зал и берешь свое ювви, и после этого можешь тоже стать дилдо. Дилдо, который болтает с голыми девками.

– Отлично, просто отлично, Банни, – отзывался Тре, думающий о другом. – Я просто рад за тебя. Среди извращенцев ты бы наверняка занял первое место. Ты извращенец первый сорт. Как ты думаешь, мне не следует теперь же закинуться, перед тем как я доберусь до места?

– Эй, Тре, возьми за правило никогда не закидываться перед важной встречей, – со знанием дела посоветовал Банки. – Под кайфом встречи всегда кажутся чересчур долгими и слишком уж важными. Иди туда такой, какой есть теперь, утри этим выскочкам нос, а потом мы с тобой как следует подкуримся. Может, «Апекс Имеджес» сразу же отвалит тебе монету, и тогда ты купишь нам пожрать и выпить в «Адлер Мезее» или даже в «Везувии»? Встретимся на площади Вашингтона в три тридцать, идет?

– Идет, брат Банни. Ты всегда говорил дело. Хорошо тебе поразвлечься со своими дилдо.

– Ты так ничего и не понял, брат Тре. В двух словах, это словно внутри одной иллюзии ты видишь другую иллюзию.

Операторы дают тебе сигнал, что словно бы ты находишься в Настоящем-По-Сравнению-С-Остальным и работаешь дилдо. Но дилдо тоже не дурак, и дилдо считает, что на самом деле он актив. Короче, где правда, а где враки – ни за что не отличишь. Я с ума схожу, как хочу попробовать этот вариант животной похоти на основе реальной компьютерной смеси ювви-сенса.

– Круто. Предложи им несколько копий «Забавных цыплят», если удастся. Может, Настоящие-По-Сравнению-С-Остальным согласятся дать тебе попробовать что-нибудь бесплатно. Хотя бы дашь за сценой живой уборщице подрочить.

– Вот идиот.

Тре отыскал офис «Апекс Имеджес» в старом викторианском здании на параллельной улице, следующей выше Хай-стрит. Сильно накрашенная Синтия Меджор сидела во плоти и крови за стойкой в приемной. Как бы там ни было, Синтия оказалась настоящей девушкой без обмана.

– Тре! – воскликнула она мелодичным голосом. – Ты пришел! Я звоню мистеру Касабиану!

Приемная состояла из двух комнат, с мягкими коврами на полу. Темная деревянная лестница вела наверх на второй этаж. Окна были устроены в выступающих наружу нишах, в пространстве которых были развешены различные подтверждения прошлых заслуг «Апекс Имеджес». Имелись голографические дисплеи, передающие сигналы ювви. На одном дисплее красовался огромный кусок СЪЕШЬ МЕНЯ мяса вэнди, с настоящей голой Вэнди Муни на переднем плане, стоящей на огромной булочке для гамбургера, повернувшись задом, так, что большая часть аппетитных ягодиц выставлена на обозрение. Плащ Счастья Вэнди был обернут вокруг ее плеч наподобие куртки болеро. Даже в свои пятьдесят Вэнди была еще очень привлекательной женщиной. Сама реклама была организована в

стиле трансреального изображения классической картины великого художника «кустомской культуры» Роберта Вильямса – как потом оказалось, «Апекс Имеджес» специально выкупил лицензию на стиль Роберта Вильямса у его наследников. На втором дисплее красовалось смешное облачко крылатого глазного яблока Ван Дюка, фирменного знака ОСЦС, самого главного провайдера ювви-сервисов. На третьем дисплее трепетала огромная капля воды, переливающаяся всеми цветами радуги, отбрасывая зайчики, словно бы от потока света, падающего из окна; это была реклама фестиваля Большой Кайф, прошедшего летом в этом году в парке Золотые Ворота.

– Тре, – подал голос мужчина, спускающийся по лестнице в приемную. – Меня зовут Дик Касабиан.

Мистер Касабиан был темноволосым человеком с синевой щетины на подбородке и живыми карими глазами.

Во всем его облике и фигуре читалась какая-то мрачность.

Мистер Касабиан являл собой образ законченной степени уныния.

– Давайте пройдем в мой кабинет.

Из окна кабинета Касабиана открывался милый вид на Центр Сан-Франциско и часть бухты. Касабиан предложил Тре бокал суперсодовой, и Тре не отказался.

– Итак, ваш фильтр «Забавные цыплята», – сказал Касабиан, надевая на шею ювви. – Лично мне фильтр очень понравился, хотя, откровенно говоря, я так и не понял до конца происходящего. Можем мы просмотреть все еще раз вместе?

– Конечно, – отозвался Тре, устраивая предложенный Ювви на шее в районе затылка. Ранние модели ювви, например Плащ Счастья тридцатых годов, для установления контакта с нервной системой пользователя протыкали его кожу и вводили в тело датчики, тогда как сегодняшние ювви использовали компактное сверхпроводящее электромагнитное поле.

Благодаря этому не существовало никакой опасности инфекционного заражения при использовании чужого ювви.

Включив свои ювви, Касабиан и Тре установили прямую ментальную связь. Они могли общаться не раскрывая рта, и каждый видел то, что в данный момент видел другой. Это была высшая и наиболее полная форма двухстороннего общения. Полностью читать мысли другого человека было невозможно, но можно было с легкостью уловить речевую или зрительную информацию, которой другой человек хотел с вами поделиться.

Тре заметил, что, кроме него, Касабиан был подключен еще к кому-то другому. К кому?

– А, это, – пожал плечами Касабиан. – Это Ментор, он тоже

хотел нас послушать. Если мы решим принять вас на работу, я обязательно вас ему представлю. Но пока что он хотел бы остаться в тени. Ментору не хотелось бы, чтобы его участие в «Апекс» стало широко известно за пределами компании.

– Хорошо, – кивнул Тре.

– Тогда загрузим «Цыплят», – предложил Касабиан.

Для того чтобы это случилось, достаточно было словесного приказа. Пространство комнаты закачалось, набухло и превратилось в желеподобное смешение мозаично соединенных комических цыплят и додо. Для Тре голова Касабиана превратилась в перевернутого додо, клюющего переплетенный между собой выводок из пяти цыплят, составляющих его грудь.

И тем не менее, хотя это казалось невозможным, Касабиан продолжал выглядеть самим собой. Напротив, для Касабиана Тре превратился в пару цыплят, клюющих трех птиц додо.

– Вот о чем я хотел спросить, – подал голос Касабиан. – Почему вы не сделали так, чтобы наши образы были похожими друг на друга? Ведь, по сути дела, наши тела практически не отличаются и очень похожи друг на друга. В этом есть какой-то ключевой смысл?

– Причина заключается в том, что узор той части комнаты, где находитесь вы, должен совпадать с узором вашего тела и с тем, что в данный момент представляю собой я и окружающее меня пространство, – объяснил Тре. – Это мозаичное представление пространства, деление пространства на взаимоподобные фрагменты. И поскольку мозаичное деление основывается на свойствах квазикристаллов, то основной тенденцией становится неповторяемость.

– Что ж, весьма логично, – кивнул Касабиан. – Но если я, скажем, захочу начать с того, чтобы мой стол превратился в фигуру из шести додо, то смогу я это сделать?

– Да, конечно, – согласился Тре. – Тем более что именно для этого в программе есть специальная скрытая опция. Я сейчас вам покажу, как это делается.

– Отлично, – ответил Касабиан, – потому что, если мы планируем использовать фильтр в рекламных целях, клиент может выставить свои требования к тому, каким образом, по его мнению, должна быть изображена его продукция – а кроме того, окружающее также должно органично вписываться в мозаику.

– И что вы предполагаете рекламировать при помощи этого фильтра? Имиполекс от «Личинки Носорога»?

– Нет, нет. Нашей первой рекламой станет мясо вэнди – о чем вы совершенно правильно предположили в своем разговоре с Синтией. «Личинка Носорога» тоже очень хочет получить

исходник вашего фильтра, но им он нужен не для того, чтобы создавать рекламу. Один из лимпсофт-инженеров «Носорога» хочет получить фильтр и использовать его в процессе Дизайна квазикристаллов. Если мы сумеем продать им свою лицензию, то вместо заявления об иске им придется прислать нам кучу баксов.

– Вау, – вздохнул Тре. – Я и не думал, что то, что я сделал, так круто. Может быть, мне есть смысл наняться на работу в «Личинку Носорога», а не к вам?

– Не делайте этого, – быстро подал голос Касабиан. – Вам придется переехать в Индию. К тому же я знаю, что программист «Личинки Носорога», который хочет использовать ваш фильтр, никогда не позволит им нанять вас. Это Шри Рамануджан. Он работает в большой тайне и никогда не согласится иметь рядом с собой помощника, который способен понять процесс. Не вы нужны ему, Тре, а ваш фильтр. А также любые другие необычные мозаичные программы, которые вы сумеете разработать.

– Значит, вам я нужен в качестве художника, а не в качестве программиста или инженера? – задумчиво проговорил Тре. – Хотя на самом деле тут нет ничего странного. Все нормально, а с теми специальностями, которым я обучался…

– У вас большой креативный талант, – настойчиво повторил Касабиан. – Вы обязательно должны его использовать.

Они еще немного поработали с «Цыплятами», потом Касабиан прокрутил для Тре несколько роликов, выпущенных «Апексом», после чего они сняли свои ювви.

– Ваш «Апекс» выпускает крутые штуки, – похвалил Тре. – Эти ролики очень красивые.

– Благодарю, – кивнул Касабиан. – Итак, Ментор хотел бы знать: вы хотите работать у нас, Тре?

– Делать рекламу мяса вэнди – работенка для ламеров, но если речь идет о том, чтобы изобретать новые фильтры и помогать «Личинке Носорога», то мне это нравится.

– А вы сами когда-нибудь пробовали мясо вэнди? – спросил Касабиан. – Нет? Можете себе представить – я тоже никогда вэнди не пробовал. Но здесь все дело в настойчивости рекламы, так я считаю.

– Но мне не нужно будет физически приходить сюда в офис каждый день, верно?

– Господи, конечно, нет. Ни один наш сотрудник не приходит сюда ежедневно, за исключением Синтии и меня. «Апекс» будет выплачивать вам зарплату, а кроме того, комиссионные за каждый новый фильтр и любую другую работу, которую вы произведете. У вас останутся авторские права, но мы хотели бы получить эксклюзивное право первого пользователя. Время от

времени мы можем попросить вас выполнить ту или иную работу на заказ. Например, изменить фильтр так или иначе, для придания ему вида, необходимого в рекламе.

Они обсудили остальные детали, потом подписали бумаги.

– Отлично, – сказал Тре. – Теперь скажите мне, кто такой этот Ментор?

– Стен Муни, – ответил Касабиан.

– Экс-сенатор Стен?

– Именно он. Стен владелец «Апекса», а кроме того, он и его жена владеют большей частью «Мяса Вэнди» и "М. В.

Биолоджикалс". Когда Стена не переизбрали в сенат и он ушел – он ушел не с пустыми карманами! Наденьте снова свой ювви, Стен хочет поговорить с вами.

Тре увидел перед собой довольно усталого вида мужчину лет пятидесяти. Мужчина находился в большой комнате со стенами, обшитыми деревянными панелями, в просторном, сложенном из огромных камней камине трещал огонь: языки пламени были сделаны при помощи фильтра «Забавные цыплята». Губы мужчины растянулись в широкой лукавой улыбке, так хорошо знакомой Тре по многим документальным фильмам о жизни Стена Муни, которые он видел неоднократно.

– Привет, Стен, – поздоровался Тре. – Я рад, что смог познакомиться с тобой.

– Я тоже очень рад, – отозвался Стен. – Этот твой фильтр, «Забавные цыплята», самая крутая штука, которую мне только приходилось видеть в жизни. Настоящее компьютерное вставлялово. Как насчет травки, Тре, уважаешь?

– Не без этого, – отозвался Тре.

– Отлично, – довольно воскликнул Стен. – Я слушал ваш Разговор с Касабианом о том, что мы можем продать «Цыплят» не только для рекламы.

– Да, точно, – поддакнул Тре. – Еще и для лимпсофтинженерии.

– Это круто. – Стен сухо хихикнул. Видимо, его физическая форма оставляла желать лучшего. – Шри Рамануджан из «Личинки Носорога» пытается изобрести новый способ сближения молди и людей. Он не раскрывает нам детали своей работы, но то, чем он занимается, мне кажется хорошим делом, в рамках того, как я сам понимаю жизнь. В итоге люди и молди должны стать одно и то же. Как, например, Вэнди и ее Плащ Счастья. Шри Рамануджан сказал, что твой фильтр, Тре, эти «Забавные цыплята», будет именно тем, что ему нужно для завершения очередной стадии его проекта, если только ты сумеешь сделать свой фильтр четырехмерным! Что скажешь на это, Тре?

– Думаю, что это возможно, – ответил Тре после минутного размышления. – Для того чтобы соответствовать нашему пространству, фильтр, по сути дела, должен быть трехмерной проекцией четырехмерной мозаики. Так сказать, трехмерной тенью. Мне известна обобщенная призма Шмидта-Конвея, при помощи которой можно апериодически наслаивать все измерения кратности 3. Но четвертое и пятое измерение?

Наверное, Конвей также что-то написал о четырех и пятимерных апериодических мозаиках. Мне нужно посмотреть книги.

– Отлично! Тогда добро пожаловать на борт, доктор Диез!

После еще одной-двух формальных фраз Стен Муни отключился.

Как только факт подписания контракта Тре оказался свершившимся, Касабиан немедленно стал слишком занятым и пообедать с Тре уже не смог, немало того разочаровав. Тре не оставалось ничего другого, как прогуляться к Колумбус-стрит, чтобы разыскать Банни в «Настоящее-По-Сравнению-С-Остальным». У заведения был кричащий фасад с грубо запрограммированной голограммой. Перед передней дверью слонялись несколько городских молди, без какой-то особой видимой цели, на мостовой стоял зазывала, приглашающий людей с улицы зайти внутрь.

– Весело и круто! – крикнул Тре негр, заметив, что тот рассматривает вывеску. – Узнай, что такое настоящее по сравнению с остальным. Заходи и оцени, брат.

– Я ищу здесь друга.

– Мы все ищем себе друзей. Там внутри полно для тебя друзей.

– А зайти и посмотреть бесплатно можно?

– Зайди и посмотри, и если через две минуты тебе не понравится, то это за наш счет. Густав! Покажи нашему другу шоу!

Один из молди, быстро складываясь вдвое и распрямляясь, пополз вперед. Молди имел вид червя-шагомерки, оранжевого цвета с пурпурными пятнами.

– Вам нужно ювви, сэр?

– Пока нет, – ответил Тре. – Пока я хочу видеть это своими глазами.

Вслед за молди Густавом Тре прошел под занавесью, закрывающей вход в Настоящее.

Внутри пульсировала музыка и было душно от скученности многочисленных тел. Большая часть помещения была погружена в темноту, но главная сцена была освещена частыми вспышками

стробоскопов, в мигании которых извивались молди, отдельные куски имиполекса и голые люди с ювви на шее, одним из которых был Банни Флогистон, стоящий на четвереньках с ювви на шее и каменной эрекцией, с вытаращенными глазами и здоровенным имиполексовым дилдо, ритмично обрабатывающим его зад.

– Эй, Банит – крикнул Тре. – Ты хоть знаешь, чем ты занимаешься?

Голова Банни неуверенно повернулась в направлении Тре. Глаза Банни были совершенно пустыми, как у человека целиком погруженного в мир сознания, передаваемого в данный момент ювви и полностью покинувшего окружающий мир.

– Банни! Ты уверен, что получаешь именно то, что хочешь?

Дилдо воспользовался этим мгновением, чтобы вырваться из Банни и прыжками убраться прочь. Банни уже пришел в себя и поднялся на ноги, его стояк на глазах размягчался.

Разыскав свою одежду на одном из сидений в зале, Банни вышел вслед за Тре на улицу. Они торопливо прошли до начала квартала.

– Чушь какая-то, – сказал наконец Банни, красный до ушей. – Неужели это все на самом деле происходило?

– А что видел ты?

– Ко мне пришла такая большая женщина, необыкновенно сексуальная, такого, знаешь, доминирующего типа.

Прямо со сцены мы пошли с ней в ее будуар, где она раздела меня и приказала быть ее сексуальным рабом. Она хотела, чтобы я.., чтобы я…

– Позволил ей оттрахать себя резиновым дилдо. Не нужно стесняться, Бан. Это обычная мужская фантазия, такие уж мы жалкие и ничтожные твари…

– Да, именно так мне все и виделось. Вот только…

– Вот только никакой женщины рядом с этим дилдо не было, – со мешком продолжил Тре. – И никакого будуара не было, ты так и стоял на сцене во всей красе!

– Тре, если ты кому-нибудь об этом расскажешь…

– А что рассказывать? Да и кому это будет интересно?

– Прекрати, пожалуйста, Тре.

– Хорошо, брат. Но тогда ты мне должен.

– Хорошо, должен.

Банни злобно оглянулся на молди, продолжающих извиваться перед входом в Настоящее.

– Мерзкие уроды. Ненавижу молди.

– Ну, про них не скажешь, что они лучшие друзья человека, – согласился Тре. – Но без молди у нас не было бы ни ДИМов, ни ювви, ни Вада, ни курсов по лимпсофт инженерии и никакой

новой работы для меня.

– Так тебя взяли на работу?

– А ты сомневался, малыш! Работенка крутая, интересная, и платят хорошо.

– Тогда с тебя угощение. Купи мне выпивку и еду.

– Заметано, – кивнул Тре. – И давай прибавим ходу. Ты же не хочешь, чтобы тот, кто управлял этим дилдо, вышел из этого борделя, чтобы повидаться с тобой лицом к лицу?

– Точно, – кивнул Банни, и они отправились к Северному Пляжу, чтобы провести отличный день в полноте сил юной жизни.

Получив на руки первую зарплату в «Апексе», Тре пустил учебу немного побоку. Зачем ему ломаться и получать степень, чтобы его приняли на работу, которую он уже и так имеет? Весной он почти не ходил на занятия, и когда он не приехал домой в Дес-Мойнес, родители прекратили присылать ему деньги на житье. Все лето и начало осени Тре возился с четырехмерными «Забавными цыплятами», пытаясь запустить и отладить программу, но безуспешно. Проблема оказалась довольно серьезной. Предстояло провести много испытаний и многое обдумать. «Апекс» продолжал платить ему деньги, время от времени подкидывая работу с рекламой, в основном отладку. Инструкции ему обычно давал Касабиан.

Ко Дню благодарения 2049-го, когда не осталось больше никаких других обязательств, Тре понял, что наступило самое время жениться на Терри Перцесеп. Терри и Тре стали менеджерами мотеля «Чистый Свет и Террасный Дворик» и управляли им теперь от имени овдовевшей матери Терри, Элис.

После смерти своего мужа, Дома, Элис добавила к названию мотеля слова Чистый Свет, а прежде он назывался просто «Террасный Дворик». Чистый Свет было названием традиционного калифорнийского философского течения новой веры: религиозное освобождение на лоне природы смешанное с серфингом, солнцем, самыми модными на текущий момент наркотиками и объединенной компьютерной системой всего мира.

«Террасный Дворик» никогда не был местом сосредоточия сторонников Чистого Света – по сути дела, добавка «Чистый Свет» к названию было не что иное, как блажь. В мотеле продолжали селиться все те же скучные туристы со Среднего Запада. Но как бы там ни было, в качестве менеджеров Тре и Терри могли жить бесплатно в маленьком домике позади мотеля, что снимало с повестки дня серьезную проблему оплаты жилья, которая в принципе должна была стоять перед Тре.

Занимаясь улучшением текущей версии «Забавных цыплят» и

выполняя небольшие заказы по наладке программ для «Апекса», Тре, кроме того, помогал Терри с уборкой мотеля.

Каждый день им казалось, что они все больше и больше влюбляются друг в друга. Прежде чем они успели осознать это до конца, на свет появились два ребенка: сначала сын, Дольф, 23 сентября 2049-го, и потом дочь, Бэби Врен, 26 июня 2052-го.

К одному Тре всегда относился одинаково, будь он под кайфом или нет, – к детям. Тре обожал детей. Он очень любил возиться с детьми, наблюдать, как они бегают по дому, играют и занимаются своими делами.

– Определенно двуногое существо, – говорил он, наблюдая за тем, как Бэби Врен топает по комнатам, упрямо размахивая в воздухе стиснутыми кулачками. Бэби Врен была еще совсем малышкой, и если Тре опускал руку вниз, то до шелковистой макушки стоящей Врен все еще оставалось два или три дюйма. Врен была самым маленьким стоящим человечком из всех известных Тре. Дольф был сметливым и любознательным пареньком, обожающим задавать отцу вопросы наподобие: «А если начнется наводнение, поплывет ли наш дом?», или: «Если у нас больше не будет еды, то за сколько дней мы съедим то, что есть сейчас на кухне?» Маленький Дольф был твердо настроен выжить во что бы то ни стало.

Весной 2053 года Стен Муни позвонил по ювви Тре. Сенатор Стен был здорово под кайфом, и в голове у него явно все было перепутано.

– Я у-уже за-затрахался ждать, к-когда ты наконец заза-закончишь ч-ч-ч.., черт.., четырехмерных «Забавных цыплят», Т-тре, – еле выговорил Стен. – Ты – п-последний неудачник.

Стен был на сильнейшем взводе и настроен очень агрессивно и враждебно.

– Я только что спросил К-к-асабиана, почему он еще не уволил тебя к чертовой м-матери.

– Поцелуй меня в зад, – ответил Тре и трясущимися руками отключил ювви.

На следующее утро, очень рано. Стен Муни позвонил снова.

– Извини за вчерашнее, – сказал он. – Я опять был плох.

Ты, наверное, знаешь мои знаменитые проблемы с разными веществами. Короче, я снова подсел. Во мне снова заговорил старый Торчок Муни. Твои работы просто высший класс, Тре, и «Апекс» никогда не отпустит тебя.

– Рад это слышать. Извини, Стен, но я никак не разберусь с этой новой четырехмерной разработкой «Забавных цыплят». Я нашел старые записи Джона Хортона Конвея по четырехмерным и пятимерным апериодическим монолитам, но документы

сохранились не в лучшем виде. Нашему университетскому Ваду в конце концов удалось раскопать конструкции в архивах электронной почты Конвея. Но превратить мозаики Конвея в красивые трехмерные проекции оказалось слишком сложно – до сих пор я не смог этого сделать даже при помощи университетского Вада. Я не прекращаю попытки что-нибудь сделать с этой мозаикой.

– Знаешь, Тре, «Личинка Носорога» снова звонила мне и предлагала серьезные деньги за работу, поэтому я снова решил позвонить тебе. Это будет настоящий прорыв в нашем бизнесе. Но Рамануджан срочно требует четырехмерных «Цыплят», прямо сейчас вынь да положи, и «Личинка Носорога»

Готова заплатить любые деньги за готовое решение. Сам Рамануджан не может ничего сделать, и почему-то он твердо уверен, что ты именно тот человек, кто добьется правильного решения. Они посмотрели твои последние работы по редактированию программ, и то, как ты это сделал, придало им уверенности, что Тре Диез именно то, кто все для них сделает.

– Что ж, приятно это слышать, но все равно…

– Кроме того, лунные молди проявляют большой интерес к твоей работе. Мой старый приятель Вилли Тейз, он звонил мне недавно и говорил об этом. Вилли Тейз поселился в Гнезде лунных молди пару лет назад. Он что-то говорил о том, что хочет такую программу, которая сможет виртуально настроить «Забавных цыплят» на любое количество измерений, на любое эн.

Стен неуверенно откашлялся.

– Типа, чтобы любой мог настроить «Забавных цыплят» на пять, шесть, семь и.., так далее измерений – ты понимаешь, о чем речь? Ты ведь говорил о чем-то типа общего решения, когда мы нанимали тебя?

– Да, бипризма Шмидта-Конвея работает для любого эн, кратного трем. Для трех-, шести-, девятимерного пространства, ну и так далее. Как только мы получим четыре и пять, мы сможем получить все остальные измерения при помощи кросс-преобразования Декарта. Измерения суммируются в процессе кросс-преобразования. Например, семь получается в результате три плюс четыре, восемь – три плюс пять. Но нужно иметь в виду, что призма Конвея уродлива. Результат имеет вид вафли или фабричной крыши. Ничего похожего на тот гладкий визуальный результат, который мы имеем с трехмерными «Забавными цыплятами», совсем другое…

– Пожалуйста, прошу тебя, постарайся, Тре. У меня есть для тебя кое-что скачать… Быть может, это тебе поможет. Это тоже фильтр, его прислал мне Вилли Тейз. Посмотри, а я пока

отключаюсь. Пора мне с утра освежиться.

– Эй, подожди, – крикнул Тре. – Скажи, для чего «Личинке Носорога» и лунным молди понадобились эн-мерные «Забавные цыплята»?

– Они отказались мне говорить, для чего именно. Предположительно, «Забавные цыплята» нужны им для лучшего общения между молди и людьми. Сам я всегда поддерживал попытки намерения совмещать несовместимое.

Стен улыбнулся, прижал к бицепсу пневматический шприц я хлопнул себе инъекцию. После чего связь прервалась.

Лунный фильтр, называющийся «УзеЛоК», генерировал без звука изображение, состоящее из гладко перевитых и ярко окрашенных трубочек, пытающихся связаться в эн-мерные узелки. После того как очередная попытка достигала установи ленной степени сложности, «УзеЛоК» делал паузу, и все начиналось снова с нового узла. Узел начинался с прямого отрезка со стрелками на нем, после чего стрелки начинали двигаться по кругу, а отрезок вращался самым непредсказуемым образом, завязываясь в узел. Картинки, казалось, скрывали за собой какой-то настойчивый смысл, который тем не менее ускользал от Тре.

– «Ты только посмотри вот на это, – словно бы говорил ему „УзеЛоК“. – Вот это – очень важно. Это одна из тайн, до сих пор скрытых от остального мира».

Деформация узелков была просто оскорбительно медленной и точной, но все равно суть происходящего продолжала ускользать от Тре. «Смотри внимательней, и ты все поймешь».

И наконец в июле наступил прорыв – Тре все-таки удалось запустить и отладить четырехмерных «Забавных цыплят».

Уборка мотеля и уход за детьми казался им теперь делом слишком обременительным и грубым, и как только Тре получил от «Апекс Имеджес» аванс за четырехмерных «Забавных Цыплят», он и Терри наняли на службу молди. До тех пор им приходилось обращаться с поручениями, а лучше сказать мучиться, к доброй и сообразалистой средних лет женщине по имени Молли, которая досталась им по указанию мамы Терри вместе с вступлением в должность в мотеле. Благодаря происшедшим лингвистическим изменениям и искажениям языка, «сообразалистая» на языке Тре и Терри обозначало то же самое, что означало туповатая, недоразвитая или даже убогая на языке людей шестьдесят или сто лет назад. Тре и Терри пришлось немало помучиться, пока они не нашли удобоваримый способ отучить Молли изводить и донимать постояльцев вопросами о том, какую еду она люууит, потому что это тема была излюбленной у Молли. Она любила устрицы, но только не моллюсков, спрутов, но только не

кальмаров, спагетти, но только не макароны, и так далее и тому подобное. Идиотизм таинственно зашифрованной шарады заключался в том, что Молли любила любую еду, в названии которой не содержалось буквы м, – Терри догадалась об этом первой. Они так и не смогли понять, сознательно ли поступала Молли, или нет; они пытались спрашивать ее об этом, но она только смеялась в ответ и говорила, что не знает правильного написания слов.

Как только у них появился молди для уборки комнат, Терри и Тре передали Молли обязанности няньки. Молли работала на семью Перцесепов столько лет, что даже речи не могло быть о том, чтобы уволить ее. Нянькой Молли оказалась хорошей, Дольф и Бэби Врен любили ее так же сильно, как ненавидели Монику. Подобно большинству детей, они инстинктивно боялись молди, с их странными инопланетными движениями и резким запахом.

Ренди Карл Такер появился в мотеле «Чистый Свет» в восемь тридцать прекрасным октябрьским вечером с намерением поселиться – через день после этого он сумел соблазнить и увести Монику. Терри и Тре как раз купали детей – самое веселое и приятное время в их семье, когда толстушка Врен шлепала ладошками по воде и кричала, в то время как деловитый Дольф атаковал разгневанную великаншу-сестру целой флотилией игрушечных кораблей. Терри стояла, склонившись над ванной с губкой в руках, а Тре сидел на прикрытом крышкой унитазе с полотенцем наготове. Как раз в этот момент у стойки раздался звонок.

– Ох, – вздохнул Тре. – Гость. Нужно идти помочь Монике.

– Врен уже помылась, – сказала ему Терри. – Хватай ее на руки и отнеси в кроватку. Я не смогу разобраться с двумя детьми сразу.

Тре достал из кармана ювви, повесил его на шею и велел Монике принять гостя. Тем не менее всегда стоило взглянуть на своего нового гостя собственными глазами. Это было не только данью вежливости посетителю, что тому было, конечно же, приятно, но и позволяло узнать, кто собирается просить комнату в мотеле, потому что мнению молди доверять было нельзя.

Терри достала Врен из ванны и передала ее в полотенце Тре. Насухо вытерев дочь, Тре одел ту в пижамку и уложил в кровать.

– Я сейчас вернусь, Бэби.

Врен, заметив, что отец сразу же бросил ее и ушел, начала было хныкать, но потом быстро переключила внимание на игрушки, висящие над ее кроваткой.

В приемной за конторкой Моника разговаривала с молодым человеком с вытянутой головой и бесцветными глазами.

На парне была дешевая пластиковая одежда. Он разговаривал с Моникой, поставив локти на стойку и подавшись вперед, словно пьяный в баре. Возле ног парня стояла дешевая потертая кожаная сумка.

– А вот и один из наших менеджеров, – повернулась к Тре Моника. – Тре Диез. Тре, это Ренди Карл Такер.

Парень со странно узким черепом показался Тре странно знакомым. Он словно бы недавно видел его где-то в Санта-Крузе.

– Привет, Тре, приятель, – сказал ему гость. Акцент точно выдал в нем жителя Среднего Запада. – Мне нужна комната на одну или, может, на пару ночей. Какую симпатичную Девочку-молди вы себе здесь завели.

Ренди протянул руку и похлопал Монику по щеке, потом, опуская руку, скользнул пальцами по ее груди. Вздрогнув, Моника отпрянула от Ренди. От злости она выпустила облако едких спор и остро пахнущего телесного газа.

– Ха-ха, – усмехнулся Ренди. – А девочка-то пугливая, вона как навоняла. Нет, больше я в Кентукки ни ногой, там такое чудо не встретишь.

– Да, – согласно кивнул Тре, – не встретишь. Какие номера у нас свободные, Моника?

– Мы можем поселить мистера Такера в комнате 3D, – ответила оскорбленная Моника.

– Отличная комната, – заметил Тре. – На нижней террасе и с видом на океан.

– Потрясающе, – кивнул Такер. – Мне подходит.

Нагнувшись к своей сумке, он достал оттуда ювви, и Тре заметил, как поспешно Такер застегнул молнию, словно боялся, что содержимое сумки увидят.

– Я хочу заплатить.

– Моника прочитает ваш код, – ответил Тре.

– Молди-Моника, – довольно пробормотал Такер и жадно понюхал воздух. – Это мне нравится.

Повесив ювви на шею, Такер передал Монике свой код доступа. Вслед за чем он с кем-то связался по ювви, и на минуту его взгляд стал пустым, устремленным куда-то в пространство поверх головы Моники, а глаза прищуренными и зрачки острыми, словно два проссанных отверстия в сугробе.

Разговор по ювви увлек Такера, и он начал жестикулировать и что-то тихо подвывать.

– Хрен в глаз, Джен, – сказал наконец Такер и сдернул, ювви с шеи. Затем с фальшивой улыбкой повернулся к Тре. – Это ваш гидрогенный мотоцикл стоит возле дверей, мистер Диез? С белыми ДИМ-шинами?

– Можете звать меня Тре. Да, это моя тачка. Вам понравилась?

– Знаете, чем я занимаюсь? – спросил Такер. – Апгрейдом программного обеспечения. Когда последний раз вы делали апгрейд ваших шин?

– Для чего? Мне никогда это даже в голову не приходило.

Шины отлично служат.

– Отлично служат только обычные дерьмовые резиновые шины, да и то, пока не лопнут, но ведь вы ими не пользуетесь, – ответил Такер. – В свое время я был эксклюзивным местным дилером софт-патчей, или заплаток, улучшающих работу шин на сто пятьдесят процентов. Ни одного камня не заметишь.

– Так вы лимпсофт-коммивояжер?

– Надеюсь, вы не принимаете меня за хай-тек проходимца, Тре Диез?

Такер сухо усмехнулся.

– Я же сам могу поклясться, что уже знаю, кто вы такой.

И это одна из причин, почему я решил поселиться в этой дыре: мне чертовски нравятся ваши фильтры. Но я здесь не для того, чтобы обрабатывать вас, приятель. Я заговорил о шинах потому, что буду рад устроить вам апгрейд за двадцатипроцентную скидку за комнату.

В ту же секунду из боковых дверей выскочил Дольф, мокрый, голый и радостный.

– Лови его, Тре! – закричала Терри.

Тре подхватил Дольфа, который завопил от радости и со всех ног бросился обратно в комнату.

– Извините, но, видно, мне нужно помочь моей жене с детьми, – сказал Тре Такеру. – Завтра мы обсудим ваше предложение, когда у меня будет побольше времени, но скорее всего это вряд ли меня заинтересует. Все равно спасибо. Вы не возражаете, если я попрошу Монику показать вам комнату?

– Буду только рад, – осклабился Такер.

На следующий день с утра пришла Молли приглядывать за детьми, а Терри отправилась кататься на серфинге. Выкурив скрутку, Тре надел ювви и уселся на солнышке перед Дверями конторы. После создания четырехмерных «Забавных Цыплят» он занялся разработкой подхода к общему эн-мерному, методу, взяв в качестве основы кросс-производящие призмы Конвея. Работа спорилась, он увлекся, и время летело незаметно.

Неожиданно из нижней террасы появилась и направилась прыжками к выходу Моника, выражение лица которой было еще более непроницаемым, чем обычно. За спиной Моники торопливо шагал Ренди Такер, одетый в то же самое, что и вчера, и уже со

своей сумкой в руках. Вид у Такера был помятый, а глаза – вытаращенными, словно бы он только что с кем-то боролся. На шее у него было заметно несколько красных отметин, некоторые вроде круглых пятен, словно бы от присосок моллюска. Также на шее у Такера болтался ювви.

– Привет, привет! – с диким видом кивнул он Тре. – Вот, принес вам апгрейд, как и обещал!

И прежде чем Тре успел возразить хоть словом, Такер выхватил из кармана пару заплаток из розового пластика размером с почтовую марку и с размаху прилепил их к толстым имиполексовым шинам гидрогенного мотоцикла Тре.

– Вам это понравится, до смерти понравится, мозговой фрик! – возбужденно выкрикивал Такер. – А мне пора по делам. Эй, Моника, ну ты и шлюха. Я хочу, чтобы ты несла меня отсюда на своем толстом заду!

– Минутку, – поднялся из кресла Тре, чувствуя, что Такер выходит за все рамки. – Вы не можете вот так уйти. Моника не обязана вас везти, это не ее работа. Она не рикша для наших гостей. И мне на хер не нужны ваши идиотские заплатки на ДИМ-шины! Да что это вы себе позволяете?

Такер даже не стал утруждать себя ответом. Моника пригнулась и расширила свою спину и бедра для того, чтобы было удобнее на ней сидеть. Такер ловко вскочил Монике на спину, одну руку погрузив в ее плоть, в другой держа свою сумку.

Моника поймала равновесие, Такер гикнул, и они скачками умчались прочь.

Онемев от ярости, красный до ушей Тре несколько секунд смотрел им вслед, потом бросился в контору, чтобы крикнуть Молли, которая играла в шашки с Дольфом. Стоящая в своем манеже Бэби Врен внимательно наблюдала за играющими.

– Присматривай за мотелем, Молли! Мне нужно уйти!

– Хорошо, – отозвалась Молли. – Мы с мальчиком только что поели печенья! Врен я тоже дала штучку. Я люблю печенье, но ненавижу грэхемовские крекеры.

– Отлично, Молли, пока, Тре стрелой бросился на улицу и вскочил на гидрогенный мотоцикл. Мотоцикл завелся и покатился по улице, но скорость казалась Тре слишком маленькой, и он яростно отталкивался ногами. Когда он выскочил из-за угла, то внизу улицы заметил Монику с сидящим у нее на спине Такером – они продвигались к океану длинными грациозными прыжками. Тре бросился в погоню.

Он вспомнил – слишком поздно – про апгрейд-заплатки, которые прилепил Такер к ДИМ-шинам его мотоцикла.

Когда внизу улицы Тре переехал трамвайные пути, то вместо

того, чтобы, как обычно, смягчить удар, превратив его в серию мелких толчков, шины его мотоцикла словно взорвались.

Металлические обода колес заскрежетали по мостовой, во все стороны полетели искры. Мопед занесло, переднее колесо вывернуло под немыслимым углом, и Тре полетел кувырком.

Когда он грохнулся на мостовую, в левом плече у него отвратительно хрустнуло.

Несколько мгновений он лежал неподвижно, прислушиваясь к нервным импульсам своего избитого тела. Что-то серьезное случилось с его левым плечом, он сбил предплечье, но, слава богу, голова была цела. Отлично, он выкарабкается, вот только…

Пара сильных извивающихся тел обернулась у Тре вокруг талии. Что это, ДИМ-шины его мотоцикла? Рывком он поднялся и сел. В его левом плече заскрежетали осколки костей.

Его шины превратились в двух толстых белых змей, из тех, но раньше были кольцом, а теперь перестали кусать свои хвосты; это были те самые два морских змея, что прикончили Лаокоона. Апгрейд-заплатки Такера сияли на змеях, словно розовые злобные глаза.

Змеи стиснули Тре поперек пояса с ужасной силой, выдавив из него весь дух. Просунув под змей левую руку, он попытался оторвать от себя гадов и частично в этом преуспел; но тогда змеи обернулись вокруг его левой руки и предприняли попытку сдавить ему горло.

– Что это он делает? Это что, шоу какое-то?

Рядом с Тре, увлеченном борьбой с собственными ДИМ-шинами, остановилась группа туристов. Заговоривший первым был молодой парень, пижон в ДИМ-рубашке, выпущенной в Санта-Крузе, с движущимся изображением серфингиста на молди-доске, и стоял руки в брюки.

– Да у него кровь течет! – воскликнула женщина, стоящая слева от парня в ДИМ-рубашке. Волосы женщины, выкрашенные в интенсивно розовый цвет, были убраны в три высоких хвоста. – И похоже, что эти штуковины-молди пытаются задушить его.

– Помогите, – прохрипел Тре. – Уберите это от меня. Они…

В этот момент имиполексовые змеи так сдавили его горло, что дальнейшая речь стала совершенно невозможной, но, к счастью, в этот же момент пижон наконец начал действовать, сделал шаг вперед, ухватился за змей и потянул их на себя. Змеи, продолжая стискивать хвостами горло Тре, удлинили свои головы и попытались ударить ими пижона. Тогда в борьбу вступила вторая женщина – невысокого роста негритянка в хлопковых леггинсах, – которая тоже наклонилась к Тре и, придя на помощь пижону, оторвала от Тре змей. Широко размахнувшись, она

швырнула змей на мостовую.

– Это дикие молди, – закричал мужчина в возрасте. – Держи их, лови! Я сейчас сбегаю в винный магазин и принесу рома, чтобы их сжечь!

Пижон прижал ногой одну из оглушенных ДИМ-змей к мостовой, негритянка наступила на другую. Мужчина в возрасте со всех ног бросился в магазинчик «Пляжное Крепкое».

Женщина с тремя хвостами наклонилась над Тре, который лежал на дороге навзничь совершенно без сил:

– Вы в порядке, мистер?

Нависшее перевернутое лицо женщины казалось Тре странно огромным, мягким и ни на что не похожим. Глядя на извивающиеся накрашенные губы, можно было подумать, что с ним разговаривает кто-то, у кого рот находится на лбу.

– Вроде да, – прошептал Тре.

Неожиданно раздался крик, и все увидели, что ДИМ-змеи снова пришли в себя, принялись извиваться и вырываться из-под ног людей. В конце концов змеям удалось вырваться, они быстро отползли в сторону, потом подпрыгнули в воздух и, превратившись в чаек, в мгновение ока улетели прочь.

Все еще лежа на спине, Тре широко раскрытыми глазами следил за тем, как белые чайки уносятся в голубое небо. Он был так доволен тем, что остался жив. Это было просто чудо из чудес.

– Какого черта здесь творится? – спросил пижон.

– Я все видела, – объявила негритянка.

– Вот ром! – раздался голос, и рядом стали слышны приближающиеся шаркающие шаги. – Они что, сбежали? Вот, е-мое! А я так давно уже хотел спалить молди. Вот непруха!

Было слышно, как с бутылки свинтили пробку, после чего как следует глотнули.

– Кто-нибудь еще хочет? – спросил он у негритянки и пижона. – Как там пострадавший?

Тре уже поднялся и сел и слабо махнул мужчине рукой.

– Спасибо, все в порядке, – поблагодарил он пижона и негритянку. – Вы спасли мне жизнь, и слава богу, что вы оказались рядом.

– Наверное, вам лучше лежать, – вмешалась какая-то дама в возрасте. – У вас ведь может быть сломана шея. И могут оказаться внутренние кровотечения. Вас нужно срочно отвезти к врачу. Здесь есть где-нибудь поблизости больница? И прекрати лакать ром, Герберт!

– Обычно мы здесь не ходим в больницу к обычным врачам, – морщась от боли, сказал Тре. Поднимаясь медленно и осторожно, он встал. – Я лучше схожу к хилеру.

– Как вы считаете, нам не нужно заявить об этом в гимми? – спросил пижон.

– С гимми мы тут тоже не очень любим связываться, – ответил Тре, пытаясь улыбнуться. – Добро пожаловать в Санта-Круз.

Поговорив еще с минуту, люди вокруг него стали расходиться. Тре оглянулся в обе стороны Бич-стрит, потом внимательно посмотрел в сторону верфи, но нигде ничего уже не было видно. Мимо него в обе стороны шли люди. Вдали от причала отваливал прогулочный катер Перцесепов. Нигде не было заметно никаких признаков Моники, Такера или ДИМ-шин/змей.

До мотеля было всего два квартала, и Тре решил в первую очередь докатить до дома мотоцикл, прежде чем предпринять что-то еще. Голые колеса мотоцикла стучали по мостовой, в плече возле шеи Тре что-то хрустело, но он докатил мотоцикл до мотеля. Он вздохнул с облегчением, увидев, что Терри уже вернулась.

– Терри, я сломал плечо. Я угодил в аварию. Упал на дорогу с мотоцикла на полном ходу.

– Ох, Тре, какой ужас! Ты такой бледный! Как это случилось?

– Я погнался за Моникой и этим Такером. Помнишь того чудного коммивояжера, который поселился вчера вечером?

Он еще говорил, что торгует софтом. Этот Такер как-то умудрился угнать у нас Монику, и я пытался догнать их на мотоцикле.

– И ты упал с мотоцикла?

– Шины сбесились, представляешь? Они пытались задушить меня, чуть до смерти не придушили, а потом превратились в чаек и улетели.

– О ком это ты говоришь?

– О ДИМ-шинах с моего мотоцикла. Такер прилепил к ним какие-то заплатки и устроил сбой софта. Весь софт в покрышках свихнулся.

– И ты свалился со своего мотоцикла, а потом покрышки попытались задушить тебя, а когда у них это не получилось, они улетели словно птицы? Тре, ты снова нагрузился чем-то?

Скажи правду. Зачем ты с собой такое творишь? Подумай обо мне и о детях.

– Сегодня утром я выкурил косяк, но это не имеет никакого отношения к тому, что случилось со мной! Почему ты мне не веришь, почему ты меня все время в чем-то подозреваешь? Ради бога, Терри, мне нужна помощь, я ранен. У меня плечо сломано, меня чуть не задушили мои собственные шины, и мне нужно

срочно к хилеру!

– Хорошо, – сразу посерьезнела Терри. – Тогда идем к Саншайн.

– Можно мне тоже пойти с вами? – спросил Дольф. – Я хочу посмотреть, как Саншайн будет чинить папочку.

Малыш взволнованно смотрел на Тре, который морщился от боли.

– Хорошо, иди с нами, – кивнул Тре, хлопнув сына по спине.

Он был рад, что мальчик сыграет роль буфера между ним и Терри. Терри всегда злилась, когда ей было страшно.

– Молли, мы пошли к Саншайн.

– До свидания. Скажи мамочке и папочке «до свидания», Врен!

Бэби Врен, неуверенно стоящая между колен Молли, помахала мамочке и папочке ручкой «до свидания», широко улыбнувшись и показав зубки.

Солнце стояло в самом зените и сияло вовсю. Дольф торопливо шагал по тротуару впереди молчаливых Тре и Терри. Они прошли вдоль холма один квартал вниз обратно к пляжу и наконец оказались у домика, в котором жила Саншайн со своим мужем Даком Тапином. Дом Саншайн и Дака стоял в стороне от улицы под сенью пальмы, за домом имелся гараж.

В тени у гаража что-то мастерил Дак, в своем неизменном одеянии, состоящем из пляжных шортов и цветастой рубашки-гавайки. У Дака было вытянутое обветренное лицо со светло-рыжими, висячими, словно у моржа, усами; его светлые волосы забыли о расческе и находились в живописном беспорядке.

– Привет, Дак, – поздоровалась Терри.

– Привет, – откликнулся Дак. – Что случилось?

Он поднял голову, оторвавшись от своего занятия – выкладывания витражного окна из кусков разноцветного стекла, которые он делал на заказ и тем жил. У ног Дака лежала оранжевая с белыми пятнами собака Саншайн по кличке Планета, тихо стуча хвостом при виде гостей. Малыш Дольф мигом присел на корточки рядом с Планетой, чтобы ее погладить.

– У моего гидрогенного мотоцикла сбесились ДИМ-шины, – пожаловался Тре. – Я свалился с мотоцикла и что-то себе сломал в плече.

– Вот незадача, – хрипло крякнул Дак.

Калифорния могла подниматься и приходить в упадок, но Дак всегда был широко известен как мастер золотые руки, в то же время не чуждый погоне за редкими способами получения удовольствия. В любой час дня, трезвый или пьяный, он всегда имел такой вид, словно предыдущие двадцать четыре часа провел

в состоянии невесомости.

– Какая беда, однако. Хочешь, чтобы тебя осмотрела Саншайн?

– Да, – отозвалась Терри. – Она дома?

– Ага, – отозвался Дак. – Пойди крикни ее. Как дела, Дольф? Пришел помочь подлечить своего папку?

– Да, – мрачно ответил Дольф. – А что это вы делаете?

– Это окно для одной леди, что живет наверху на холме.

Я выкладываю тут павлина. Видишь, вот голова? Эй, твои родители уже пошли. Тебе лучше тоже идти с ними.

– Пока, Дак! Пока, Планета!

Дольф вприпрыжку побежал за отцом и мамой, быстро двигая ножками в широких штанинах шортов.

Домик Саншайн и Дака был собран из готовых деревянных щитов, выкрашенных в розовый цвет. Перед крыльцом был устроен цветник из специально выведенного сорта кустов «райская птица», с соцветиями, похожими на ослов с острыми мордами. В основании стены дома были плотной массой высажены настурции с не правильной формы округлыми листьями и красно-оранжевыми цветами. По стенам домика взбирался дикий плющ, голые цветы которого были похожи на асимметричные бледно-лиловые раструбы. Толстенькие стволы лиан вились вдоль карниза.

Терри постучал в дверь при помощи маленькой головы гнома, специально повешенной для этой цели. По прошествии некоторого времени раздались легкие быстрые шаги, дверь распахнулась, и на пороге появилась Саншайн.

– Привет-привет! – пропела она. Саншайн была разговорчивой женщиной с прямыми каштановыми волосами, высокими скулами и твердым подбородком. Ее родители были белой флоридской голытьбой, сама же она поселилась в Калифорнии и примкнула к общине Чистого Света. Только увидев на пороге Тре и Терри, она мигом разглядела, в чем проблема Тре.

– Что стряслось с твоим плечом, Тре?

– Он упал с мотоцикла, – ответил за отца Дольф. – Ты сможешь его починить?

– Здорово болит, – сказал Тре. – Вот здесь.

Он показал на плечо рядом с шеей.

– Когда я упал, раздался такой звук, словно ломали куриную кость, и теперь, когда я шевелю рукой, внутри что-то скрипит и хрустит. После того как я упал, мои шины пытались задушить меня, а потом они превратились в чаек и улетели. Но Терри даже слышать этого не хочет. Она думает, что я обкурился или наелся

кислоты.

– Бедный Тре. Слава богу, что вы успели застать здесь меня. Еще бы полчаса, и я ушла в город, но мне все время словно что-то подсказывало, что нужно остаться еще на немного. Вот, пожалуйста, вам и причина. Входите же, все вместе.

В доме было всего три комнаты: главная – гостиная, кухня и спальня Дака и Саншайн. Усадив встревоженных Терри и Дольфа рядышком на кровать, Саншайн велела Тре лечь на пол.

– Я сейчас просканирую тебя, и если окажется, что это простой перелом, то заклею прямо на тебе, – сказала Тре Саншайн.

Открыв стоящий у стены сундук, она достала оттуда устройство размером и видом напоминающее ручной пылесос.

Отцепив от устройства специальный ювви, Саншайн надела ювви на шею, потом стала водить жерлом прибора над шеей Тре и его плечом, сама отстранение глядя в пространство.

– Я вижу твои кости, Тре, – сообщила она.

– Этот прибор работает на радиации? – взволнованно спросил Тре.

– Господи, конечно, нет, – ответила Саншайн. – Это ультразвуковое устройство. Моя собака Планета ненавидит, когда я включаю этот сканер. Эй, Дольф, ты уже видел Планету там, на улице?

– Да, – отозвался Дольф. – Планета в гараже с Даком.

– До того, как я переехала сюда, Дак говорил, что ненавидит собак, – продолжила Саншайн. – Он привык жить в одиночестве. Как только я увидела его, так сразу и поняла, что вот он – мой мужчина. Он был весь такой загорелый, и руки у него были в мозолях, как у плотника или рабочего со стройки, в общем, как у тех парней, с которыми я встречалась прежде, а потом я вдруг узнала, что он художник! Когда я узнала это, то сразу же установила ему колпачок! И вот теперь, после того как мы поженились, я работаю над тем, чтобы заставить его захотеть детей. Я часто думаю, какие красивые можно выбрать имена. Кстати, о маленьких людях с чудесными именами – как дела у Бэби Врен?

– Ох, с ней все хорошо, – махнула рукой Терри. – А Дольф уже научился играть в шашки. С Тре будет все в порядке?

– Надеюсь, да, – ответила Саншайн, положив сканер на стол. – Тре, старина, у тебя сломана ключица, только и всего. Сейчас я возьму клеевой пистолет и подлатаю тебя.

– Будет больно? – слабым голосом спросил Тре. – Может быть, ты дашь мне каких-нибудь пилюль?

– От тебя пахнет так, словно бы ты уже выкурил хороший

косяк с утра, – с издевкой заметила Саншайн. – Ты уверен, что не из-за этого ты упал с мотоцикла и не потому твои шины улетели, как птицы? Это напоминает мне то, что однажды случилось с Аарби Кидом.

– Вот видишь, Тре, – укоризненно сказала Терри. – Тебе нужно заканчивать с курением. Ты становишься такой невнимательный.

– Господи, да вы когда-нибудь заткнетесь, – вспылил лежащий на полу Тре, со злостью глядя снизу вверх на двух стоящих над ним женщин и собственного сына. – Во-первых, виноват тот парень, который прилепил эти ДИМ-заплатки на мои шины, это он все устроил, и аварию, и остальное с шинами. А во-вторых, косяк – это не наркотик. Это просто трава. Мне же нужно откуда-то брать силы.

– Да, конечно, – язвительно ответила Терри. – И когда последний раз ты что-нибудь сделал по работе?

– Да, черт, хотя бы этих четырехмерных «Забавных цыплят», разве я это не сделал? Это самое главное, что только могло быть!

– Но тебе потребовалось четыре года, чтобы закончить «Забавных цыплят»! Не слишком ли долго? Ты куришь слишком много травы, Тре!

– Подожди, Терри, – подала голос Саншайн. – Дай мне с ним закончить, я хочу заклеить ему плечо, прежде чем ты начнешь колотить его. Сейчас я дам тебе немного миста, чтобы ты ничего не почувствовал, когда я буду клеить твой перелом. А тебе, Дольф, я думаю, лучше побыть снаружи, пока я буду лечить твоего папочку. Я не хочу, чтобы ты испугался и толкнул меня под локоть.

– Мне пойти на улицу?

– Делай то, что говорит хилер, Дольф, – резко ответила Терри. – Отправляйся в гараж к Даку и поиграй там с Планетой.

– Иди, Дольф, – подтвердил с пола Тре. – Со мной все будет хорошо.

– Хорошо, – кивнул Дольф. – Мамочка, позови меня, когда папу вылечат.

Дольф побежал в гараж.

– Он так беспокоится за папочку, какой хороший мальчик, – сказала Саншайн. Она достала большой баллон с аэрозолем из своего хилерского ящика. Потом встряхнула баллон и выпустила струйку прямо под нос Тре. Мышцы Тре расслабились, и глаза его медленно закрылись.

– Я знаю людей, которые все спустили на мисте, – продолжила Саншайн. – От миста такие приятные сны. Мист в миллион раз хуже, чем старая добрая трава, Терри. Но по

сравнению с габбой, например, мист вообще ничто. После того как мы приехали с Аарби Кидом на мотоцикле из Флориды, он подсел на габбу. В ту же минуту, как старина Аарби прибыл в Калифорнию, он ухватился за габбу и стал орать на меня в тысячу раз сильнее, чем прежде. Он и бил меня. И эти его огненные татуировки на голове. В общем, слава богу, что я нашла «Чистый Свет».

Глаза Саншайн сузились, и она выпустила еще одну струйку миста в ноздри Тре.

– Я сумела уйти от Аарби, после того как он разбился на мотоцикле и попросил меня залатать его. А твой Тре, он ведь не бьет тебя, Терри? Если тебе, например, нужно свободное время, чтобы все обдумать, я могу дать Тре поспать с недельку.

– О, нет, нет, не делай этого, – торопливо попросила Терри. – Просто иногда Тре совсем не обращает на меня внимания. А я так устала от того, что мне приходится быть матерью и женой. Мне, наверное, нужны каникулы. Мне хотелось бы съездить куда-нибудь одной, в какое-нибудь классное место, покататься на серфе или на сноуборде, чтобы Тре для разнообразия занялся домашними делами. Но, господи, я не должна была кричать на него, когда ему было так больно.

Зачем, зачем мне усыплять его на неделю, что я, ненормальная? Тре даже сравнивать нельзя с Аарби Кидом. Пожалуйста, вылечи его, Саншайн. И объясни мне, что ты делаешь, пока будешь заниматься.

– Сначала я должна выпить чашечку кофе, – сказала Саншайн, – прежде чем начну латать Тре. Я усыпила его немножко сильнее, чем обычно. Можно дать ему еще чуточку миста.

Саншайн еще раз пустила мист в нос Тре, и тело у того стало как желе, мышцы расслабились совершенно. Теперь он был похож на пустой имиполексовый спальный мешок для полярных холодов.

– Хочешь чего-нибудь, Терри? – спросила Саншайн, отправляясь на кухню.

– Спасибо, если можно, просто стакан воды. Ты уверена, что с Тре все в порядке?

– С ним все в порядке. Он будет лежать вот так спокойно час или больше, пока я не дам ему антидот. Я говорила тебе, что не далее как вчера снова видела Аарби? Внизу холма у пляжа на «Полосе Развлечений»? Он был приветлив со мной.

И эти его огненные татуировки на голове заросли короткими волосами, желтой щетиной. Конечно, как обычно на габбе.

Не переставая говорить, Саншайн стучала чем-то на кухне.

– Хотела бы я знать, чем занимается сегодня Аарби. Сначала он сказал, что работает на Наследников, потом сказал, что работает на лунных молди. С ним был такой тощий чудной парень из Кентукки, который приказал Аарби заткнуться. Оки-доки, ну вот и кофе.

Из кухни появилась Саншайн с чашкой кофе и стаканом воды.

Она достала из своего хилерского сундука что-то похожее на пластиковый пистолет с тупым дулом и положила его рядом с аэрозолем и сканером.

– Это клеевой пистолет, – объяснила Саншайн. – Но сначала мне придется установить на место кости руками. Ты знаешь, что по-арабски занятие костоправа называется альджабар! От этого происходит слово альджебра. Расставлять вещи по местам. Я узнала это, когда ходила на курсы хилеров.

Пора нам заняться альжеброй, а то какие мы хилеры, верно, Терри?

Саншайн установила сканер на грудь Тре и руками приладила, как положено, сломанную ключицу. Тре тихо застонал.

Терри больше не могла на это смотреть и отвернулась, устремив взгляд в точку куда-то выше картин на стенах – это были постеры Чистого Света, которые делала Саншайн, с видами природы и растениями, вперемешку с копиями известных художников Дака, написанными им при помощи техники поволоконного копирования маслом на холсте. Дак любил художников-романтиков конца девятнадцатого века, таких как Арнольд Беклин и Франц ван Штюк, и с трудом добывал наноточные копии их работ музейного уровня вместе с цельнодревесными, с позолотой и гипсом, копиями рам.

Самая большая была картина Беклина «Тритон и Наяда», на которой был изображен довольно волосатый парень, Тритон, сидящий на скале на берегу моря и трубящий в большущую коническую раковину. Рядом с Тритоном на камнях также возлежала весьма сексуальная нехуденькая и смешливая Наяда, играющая с крупным морским змеем с висящими усами.

Спина змея была декорирована очень миленькими желто-зелеными мозаичными узорами в стиле прото-югендстил. Дак очень любил объяснять смысл этой картины друзьям.

– Вот так-то лучше, – сказала Саншайн, опустив сканер и взявшись за клеевой пистолет. – Видишь кончик, Терри?

Дуло клеевого пистолета заканчивалось длинной тупой иглой.

– Сейчас это находится в сложенном состоянии, благодаря чему я смогу проткнуть кожу Тре. Но внутри Тре это раскроется,

превратившись в сотню маленьких гибких ручек, и каждая из этих ручек, в свою очередь, разделится на сотню ручек, и так далее, и так далее. Маленькие волоконца доберутся до сломанных костей и установят осколки на место, после чего выпустят секрет.., чего-то. Я позабыла название Эрзац-кость, так кажется? Основой эрзац-кости является органическое вещество, за исключением того, что дополнительно в нем имеются некоторые редкоземельные элементы. Иттебрий и лютеций. Для организма это совершенно безвредно.

– Правда? – взволнованно спросила Терри.

– Абсолютно, дорогая, – отозвалась Саншайн, настраивая клеевой пистолет. – Во всех моих инструментах внутри находится здоровенный кусок ДИМа. Этим машинам не хватает чуточку ума, чтобы стать полноценными мыслящими молди, но ведь после этого мы не смогли бы им доверять, верно? Поэтому управляют этим оборудованием хилеры. Вот так!

Саншайн наклонилась над Тре и проткнула иглой кожу над его сломанной ключицей. Немедленно фрактальная игла под кожей Тре раскрылась и принялась за работу. Процесс склеивания кости начался, и Терри увидела, как под кожей над ключицей Тре что-то зашевелилось.

И снова Терри пришлось отвести глаза – в сторону «Греха» ван Штюка, высокого класса работы югендстил в массивной резной раме с золочеными цветами, окружающей исполненную в темных тонах полуобнаженную женщину, молодую и с отчаянными глазами, угольно-черные густые волосы которой, спускаясь вниз по плечам, завивались в области живота густыми кольцами, наподобие лобковых – и тут же в тени находился огромный толстый черный змей, чьи нечеловеческие щелевидные глаза внимательно смотрели на зрителя, являясь фоном к напряженному и затуманенному взгляду женщины. Рядом с картиной был прикреплен к стене кнопками постер общества «Чистый Свет» со здоровенным улыбающимся подсолнухом. За окном виднелись огромные листья пальмы, и гараж, и стоял октябрь, и слышен был быстрый детский говорок Дольфа и громкие, со смехом, ответы Дака – и слезы наполнили глаза Терри.

– Эй, Терри, дорогая, – раздался успокоительный голос Саншайн, – уже все закончилось. Можешь прекратить плакать. А тебе, братишка Тре, пора просыпаться.

Саншайн взяла из сундука другой аэрозоль и пустила струйку в нос Тре. Тре вздрогнул и открыл глаза.

– Я подлатала тебя, Тре! – сказала Саншайн. – А для полного восстановления сил посоветовала бы тебе вести здоровый образ

жизни и больше уделять внимания собственной жене.

– Хорошо, – неуверенно ответил Тре, осторожно поднимаясь и усаживаясь. – Мне снился сон – я видел вспышки света из энмерного пространства.

Тре потер плечо.

– Сколько мы тебе должны?

– Как насчет бесплатной комнаты в вашем мотеле, скажем, на недельку? Моя тетушка Темпест приезжает к нам погостить из Флориды, но я не выдержу, если она на все это время поселится у нас в доме. Я выросла в семье Темпестов.

Мои родители погибли в 2031 году во время Второй Войны людей и бопперов на Луне.

– Я этого не знал, – отозвалась Терри. – Значит, они герои?

– Вряд ли их можно назвать героями, – покачала головой Саншайн. – Они работали на бопперов. Их звали Радужка и Берду, как ту южанку-беднячку и ее отчаянного дружка – такими были и мы с Аарби Кидом. Радужка и Берду были владельцами магазина игрушек, из которого начинался тоннель в Гнездо бопперов.

– Вау, – произнес Тре. – Так, значит, это они помогали бопперам превращать людей в плотти? При помощи роботов, которые выедали у людей мозги и поселялись внутри головы?

– Мне теперь кажется, что Радужка и Берду сами были плотти, – ответила Саншайн. – После того как они погибли, человек по имени Уайти Майдол некоторое время заботился обо мне. Он и его подружка Дарла; они были друзьями Стена Муни. Стен договорился с моей тетушкой Темпест, и я прилетела с Луны к ней во Флориду.

– Сенатор Стен последнее время какой-то сам не свой, – негромко заметил Тре. – Хотя он парень неплохой. Так когда приезжает твоя тетка? Когда нам готовить для нее комнату?

– Может быть, завтра, а может быть, через год, – вздохнула Саншайн. – Самую лучшую комнату для нее готовить не нужно.

– Мы можем выделить ей номер рядом с парковкой, – сказала Терри. – В это время года эти комнаты обычно пустуют.

– Тетя Темпест вряд ли будет хуже того парня, которого я поселил прошлым вечером, – заметил Тре, осторожно разминая залеченное плечо. – Этого Ренди Карла Такера.

– Ренди Карл Такер! – воскликнула Саншайн. – Это тот самый парень, с которым я встретила Аарби Кида в «Полосе Развлечений».

– В самом деле? – спросил Тре. – Он испортил мои ДИМ-шины и украл Монику. Может быть, ты поможешь мне разыскать его?

– Я не советовала бы тебе с ними связываться, Тре, – сказала

Саншайн, качая головой, – Если он приятель Аарби, с ним не стоит связываться. Терри, я дам вам знать, когда моя тетушка Темпест соберется к нам в гости. Теперь идите Домой, потому что Тре нужно отдохнуть.

Они вышли во двор, и Дольф, заметив их, бросился навстречу:

– Папочка!

Тре обнял сына.

– Со мной все в порядке. Саншайн заклеила мне плечо.

А ты чем тут занимался?

– У Дака ботинки могут ходить сами по себе, – возбужденно объявил Дольф. – Давай покажи им, Дак!

Улыбнувшись, Дак поднял руки в воздух. Медленно и плавно он скользнул по полу гаража по направлению к Терри и Тре.

– Это ДИМ-ботинки, – объяснил Дак. – Подошвы сделаны из имиполекса. Ботинки сами приспосабливаются к размеру. Нажимая мыском ноги в определенном месте, можно заставить ботинки перемещаться своим ходом. Полная свобода передвижения – «свободен, как муха в полете».

Дак развел руками в стороны словно в танцевальном па и рассмеялся своим обычным диким смехом.

– А ты кормишь свои ботинки? – спросил Дольф.

– Нет, – ответил Дак. – Они же как молди, питаются простым светом.

Он чуть подвинул ноги, и ботинки отнесли его обратно в гараж.

– Я собираюсь закончить эту пару к завтрашнему дню, – объявил он. – Ну как тебе такая обувка, Тре?

– Круче некуда, – ответил тот, продолжая разминать плечо. – Новинка сезона.

– Вот и отлично. Увидимся, ребята.

Когда они вернулись обратно в отель, оказалось, что трое членов Гнезда Моники уже дожидаются их: Кслотл, Оуиш и Ксананна. Кслотл имел вид шахматной фигуры, а Оуиш и Ксананна были похожи на акул, расхаживающих, опираясь на хвосты, – акул, у которых под кожей кружатся вихрями тени кривых цвета голубого и темно-серого. У обоих имелись серебристые пятна в том месте, где условно должны были располагаться лица.

– Что случилось с Моникой? – потребовал ответа Кслотл, едва только увидев Тре и Терри. – Что тут случилось, черт возьми?

– Похоже, Моника нарвалась на сырного шарика, которым оказался один из наших постояльцев, – ответила Терри, улыбнувшись Тре. Она уже начинала верить в его историю. – Этот

парень испортил ДИМ-шины Тре, и тот сломал себе плечо, когда пытался догнать этого паршивца.

Тре улыбнулся Терри в ответ, потом снова повернулся к членам Гнезда Моники.

– Откуда вы узнали, что случилось с Моникой? – спросил их он. – Она связалась с вами по ювви?

– Как раз наоборот – она не связалась с нами, – ответил Кслотл. – А она должна была позвонить. Поэтому я стал искать ее сигнал и смог отсканировать ее виртуальный адрес, но… – Кслотл в бессилии покачал головой.

– Что ты узнал? – требовательно спросил Тре. – Ты можешь мне все рассказать, Оуиш. Ксананна, что с ней?

– Подожди, мы все тебе скажем, – ответила Оуиш. Голос Оуиш был настоящим женским, глубоким и вибрирующим и раздавался из серебристой лицевой пластины. – Ксананна и я только что разговаривали с ней. То, что мы получили от Моники в ответ, напоминает сон, словно она спит и ей снится океан. Мы считаем, что она находится где-то под водой в океане. Подойди поближе, Тре. Мы передадим тебе изображение по ювви.

– Хорошо, – кивнул Тре, и Оуиш положила свой плавник ему на затылок, чтобы передать прямой сигнал ментального восприятия Моники в реальном времени.

Впечатление было таким, словно бы Моника действительно находится под водой, но изображение было лишено ощущения реальности. Во-первых, дно было покрыто ортогональным сетчатым изображением, а во-вторых, существа, которые плавали вокруг, имели вид совсем не рыб, а скорее гоблинов. Вместо водорослей океанское дно было покрыто ржавым металлоломом. При этом по поверхности океана над головой бегали обычные световые пятна, как это и должно было быть. Одновременно в ювви-сигнале чувствовалось невизуальное присутствие кого-то, находящегося рядом с Моникой – или пребывающего внутри нее? – кого-то, кого Моника боялась, кого-то странного, очень напоминающего Ренди Карла Такера.

Сигнал был настолько необычным и интенсивным, что Тре почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он поспешно убрал плавник Ксананны со своей шеи.

– Моника – член нашего Гнезда, – сказала Оуиш. – Сейчас она находится в беде. Мы не знаем, где она и что с .ней. Расскажи нам о том человеке, который снял у вас комнату.

– Вначале Тре решил, что это просто какой-то чудак-деревенщина из глубинки, что торгует софтом вразнос, – ответила Терри.

– Его зовут Ренди Карл Такер, – добавил Тре. – Он родом из

Кентукки. Прошлым вечером он крепко положил глаз на Монику, а сегодня с утра уже пользовался ею как рикшей.

Я почти догнал их у верфи, но этот Такер прилепил на мои шины ДИМ-заплатки, от которых шины соскочили с ободьев и едва не задушили меня, затем они все вместе превратились в чаек и улетели. Это о чем-нибудь говорит вам, ребята?

– Возможно, – ответил Ксананна. – Вы когда-нибудь слышали о суперпиявках? Нет? Понятно, ведь вы, несчастные создания плоти, так далеки от всего этого. Существует новый вид ДИМ-пиявок, называющихся суперпиявками; они были созданы совсем недавно, первые образцы стали появляться только в августе. Кто-нибудь рассказывал вам об этих пиявках? Суперпиявки позволяют человеку установить контроль над молди или, как в данном случае, установить контроль над простым ДИМ-устройством, вроде имиполексовых шин. Суперпиявки сделаны из какого-то нового типа имиполекса. Никто из нас не знает, кто производит эти суперпиявки. Они очень плохие. Очень-очень плохие. Очень-очень-очень плохие. Очень-очень-очень-очень плохие… – Ксананна повторил зацикленную фразу, может быть, раз двадцать или сто, каждый раз все убыстряя и убыстряя скорость, так что последнее повторение превратилось в сплошной скрежет. Ксананна любил бесконечные последовательности.

– Ты говорил, что Такер – сырный шарик? – перебила Оуиш.

– Точно не знаю наверняка, – ответил Тре. – Я только предполагаю.

– Это так, потому что Моника хотела трахнуть его, – ответил тогда Кслотл. – Во время обеденного перерыва мы с ней говорили об этом. Она хотела покрутить его перец и сделать немного денег, понимаете?

– Ого, вот это здорово! – воскликнула Терри. – Моника крутит штучки в нашем мотеле. Если дело действительно в этом, то мы не хотим, чтобы она работала тут больше, верно, Тре? И это – когда рядом дети! Нам не нужно, чтобы в нашем мотеле творилось такое, верно? Мы не хотим, чтобы «Чистый Свет» закончил так же, как то ужасное место, где погиб мой отец!

При этих словах молди по сторонам от Терри неуверенно переступили с «ноги на ногу», но Терри словно ничего не замечала.

– Отвечай же мне, Тре!

– Да, мы не хотим, чтобы здесь происходили такие вещи, – медленно ответил Тре. С того момента, как Тре услышал сказанное Ксананна, он пребывал в задумчивости.

– Я хочу порыться и попытаться накопать побольше об этих суперпиявках. У меня есть такое подозрение, что они основаны на

моей программе четырехмерных «Забавных цыплят». Как же вышло, что «Апекс Имеджес» мне ничего не сказал?

– Давайте ближе к делу, – подал голос Кслотл. – Как нам спасти Монику? Она и в самом деле находится под водой?

– Скорее всего да, – ответила Оуиш. – Или, может быть, она спит и мы видим ее сны.

– Возможно, она и Такер повернули у верфи направо к Стимер-лейн, – предположил Тре. – Можете вы связаться по ювви с какими-нибудь молди в том районе?

– Сейчас я попробую, – ответил Ксананна. – Кажется, сегодня Эверуз и Айк собирались заняться серфингом на Стимере.

Через мгновение Ксананна установил контакт. Эверуз, отец Моники и Ксананна, на самом деле сегодня катался на волнах на Стимер-лэйн, неподалеку от мыса с маяком Санта-Круз. Ксананна говорил вслух, так чтобы все могли слышать и следить за разговором.

– Привет, пап, ты сегодня видел Монику? Или кто-нибудь еще видел ее? Хорошо, я побуду на связи, пока ты будешь проверять. Что ты сказал? Зилли-лодка видел ее? Моника превратилась в костюм для подводного плавания, в который залез какой-то турист, и вместе с этим туристом спрыгнула в воду? Но сам ты ничего такого не видел? Ты резал волну? Понятно. Отлично. Мы думаем, что Монику похитили. Ее сигнал приходит какой-то странный; можешь проверить сам. Ты хочешь плыть за ней? Подожди нас, пап, я и Оуиш поплывем с тобой.

– Я тоже, – подал голос Кслотл.

– И я тоже поплыву, – выступила вперед Терри. – Ты можешь сделать для меня плавательный костюм, Ксананна?

– Запросто. Тре, ты тоже с нами? Он может воспользоваться Оуиш как костюмом.

– Мне нужно немного прийти в себя, – ответил Тре. – Меня еще немного качает после аварии. И я хочу поискать по ювви про эти суперпиявки. Сейчас позвоню кое-кому.

– Ладно, – ответила Терри. – Но не волнуйся и будь внимательнее. Оуиш, можешь ты отнести меня на Стимер?

– Я не рикша, а ныряльщик, – холодно ответила Оуиш. – Я не стану тебя нести.

– Скажи это еще раз, – сказал Ксананна. – Скажи «Скажи это еще раз» еще раз. Скажи «Скажи „Скажи это еще раз“ еще раз» еще раз. Скажи «Скажи „Скажи „Скажи это еще раз“ еще раз“ еще раз» еще раз" еще раз".

Ксананна был в глуби новой гонки взволновавшей его последовательности.

– Ла-ди-да, – пропел Кслотл. – Это вам не чай с танцами.

Залезай-ка на меня, к такой-то матери, Терри!

Кслотл образовал на своей спине седло, и Терри поспешно забралась на него. Трое молди, унося Терри, быстро запрыгали вниз по дороге, ведущей с холма.

Тре посмотрел им вслед, потом сходил посмотреть, как дела у Молли и детей, уселся с удобством в свое кресло, надел на шею ювви, решив, что первым делом позвонит Стену Муни.

Но в тот же миг его ювви зазвонил сам.

– Алло?

– Привет!

Тре увидел перед собой провинциального вида девчонку-тинейджера с гладкими бесцветными волосами, стянутыми в хвост.

– Меня зовут, гм, Дженни? Могу спорить, что ты сейчас ломаешь голову над суперпиявками Ренди Карла Такера, верно?

Дженни пронзительно засмеялась.

– Могу тебе рассказать кое-что об этих пиявках, если захочу.

– Ты работаешь вместе с Ренди на наследников или что-то в этом роде? – спросил Тре. – Я хочу, чтобы вы вернули мне Монику, и чем скорее, тем лучше. Это что, шантаж?

– Какие глупые вопросы, – сказала Дженни. – Я и наследники? Шантаж? Думай шире, Тре. Я хочу поговорить с тобой о серьезных вещах! Я могу рассказать тебе о том, каким образом Шри Рамануджан из «Личинки Жука-Носорога» использовал твоих 40-"Цыплят" для создания четырехмерного имиполекса и суперпиявки. У меня есть видео всего его рабочего процесса, которое все объясняет. Если я покажу тебе это видео, обещаешь, что расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после того, как ты посмотришь видео?

– Но у меня эксклюзивный контракт с «Апекс Имеджес».

– Ну да, конечно! Я так и знала. И тебе наплевать, что «Апекс» не говорит тебе ничего о том, что Рамануджан берет твои идеи и употребляет их в своих целях, а взамен ты не получаешь ничего. Ты можешь доверять только Дженни, Тре.

Я ничего никому не скажу о нашем маленьком договоре. Вот, взгляни одним глазком.

Дженни запустила видео, начавшееся с изображения круглолицего индийца, предположительно Рамануджана, дающего подробные объяснения по поводу своего нового замечательного Уравнения Мозаики. Было видно, что Рамануджан находится в лаборатории и позади него на стене висит математический экран. Только увидев написанное, Тре мгновенно понял, что это глобальный прорыв и что этот прорыв вдохновлен его 40-"Забавными цыплятами". Ощущение было

подобно тому, какое испытываешь, осушая стакан воды после того, как долго брел по пустыне. В тот же миг Дженни остановила запись.

– Ну как, интересно? Да?

Что-то неестественное и синтетическое в голосе Дженни навело Тре на мысль о том, что на самом деле Дженни – это софт-конструкт, а вовсе не живой человек. И Бог только знает, на кого она работает.

– Пожалуйста, Дженни, покажи мне всю запись.

– А ты расскажешь мне о том, что придет тебе в голову после этого? Обещаешь?

– Обещаю.

4. РЕНДИ

Март 2052 – Август 2053

Все осень и зиму 2051 года Парвати ходила к Ренди.

Они занимались сексом и вместе отправлялись в трипы на камоте и ДИМ-пиявке, а иногда Парвати брала Ренди с собой на продолжительные прогулки в разные места за городом. Один раз они побывали в джунглях, где катались на диких слонах; другой раз перелетели над Западным Хатом и занимались подводным плаванием в Арабском море. В тот раз вместе с ними отправился Шива; после того как Ренди начал приносить Парвати каждый месяц по целому килограмму имиполекса, Шива научился терпеть Ренди, ведь они создавали своего с Парвати третьего сына.

Для того чтобы заработать деньги на имиполекс, Ренди много работал сверхурочно в «Личинке Носорога». Он изучил, а точнее «впитал», интенсивный ювви-курс по электротехнике и начал выполнять в подвальной части фабрики работы с электричеством помимо своих прежних обязанностей водопроводчика. Он не употреблял алкоголя, и благодаря еженедельным камотно-ДИМ-пиявочным трипам с Парвати Ренди не покидало чувство, что его разум расширяется с каждым днем все больше и больше.

Большую часть накопленного имиполекса Парвати хранила у себя в животе, и спустя несколько месяцев у нее стал такой вид, словно бы она была на приличном месяце беременности. Шива тоже растолстел за счет имиполекса, который ему удалось раздобыть своими способами.

Через одиннадцать месяцев после их первого свидания Парвати появилась в квартирке на Типа Бхарат в своем прежнем виде, иначе говоря, худая словно призрак. Незадолго до этого она и Шива сложили свой с трудом заработанный имиполекс, произведя на свет тело нового молди, своего сына, которого они назвали Ганеша – своего последнего ребенка.

Как только молди производил на свет троих детей, он, как правило, умирал.

– Пожалуйста, помоги мне снова набраться сил, – попросила Ренди Парвати. – Если ты принесешь мне достаточно имиполекса, я смогу сделать апгрейд своего собственного тела. Без имиполекса я скоро начну разлагаться, как Анжелика и Сэмми-Джо. От Шивы уже пахнет разложением – он смирился со смертью, но я не смирилась. Ренди, если ты принесешь мне сорок

килограммов имиполекса, я смогу обновить свое тело. Я знаю, что я уже не так привлекательна, как Раньше…

– Не печалься, Парвати, – ответил Ренди, лихорадочно прижимая ее к себе и глубоко вдыхая запах имиполексового тела, уже смешанный с легким духом разложения. – Ты моя единственная вонючая любовь. Я что-нибудь придумаю. Я возьму ссуду. Или добьюсь повышения!

– О, Ренди, я знаю, что это не правильно и этого не может быть, но иногда я получаю удовольствие от того, что прикасаюсь к тебе. Да, обними меня, дорогой. Попроси меня заняться с тобой любовью.

В приподнятом настроении Ренди просмотрел внутренний список свободных вакансий в «Личинке Носорога» и подал заявление на должность процесс-инженера – помощника главного исследователя «Личинки Носорога», самого Шри Рамануджана.

Когда Ренди обратился к Нираджу Пондишери за рекомендациями, тот был настроен скептически.

– У тебя нет высшего образования, Ренди, ты не окончил даже колледж. Ты просто водопроводчик, рабочий. Ты хотя бы имеешь представление о том, что входит в обязанности процесс-инженера?

– Черт, думаю, что там будет нужно присматривать за трубками и проводами, только и всего. Мне нужно повышение, Нирадж, потому что я хочу купить для Парвати имиполекс для полного обновления тела.

– На твоем месте я бы нашел себе молодую свежую молди, Ренди. Например, однолетку. Вместо того чтобы по-глупому бухнуть целую кучу рупий на то, чтобы поддержать жизнь в четырехлетней старухе.

– Так ты поможешь мне или нет?

– Конечно, я тебе помогу, – вздохнул Нирадж. – Я напишу Рамануджану, что ты надежный и чрезвычайно восприимчивый ко всему новому служащий. Та работа, которую ты выполнял по электрической части субфабрики, произвела очень хорошее впечатление; эта работа свидетельствует о твоей способности экстраполировать себя гораздо дальше водопроводного дела. Знаешь, сейчас мне кажется, что Рамануджан может согласиться взять тебя к себе. Он довольно странный человек.

Еще через неделю Ренди начал работать у Рамануджана в лаборатории, в просторном зале, протянувшемся вдоль одной из стен фабрики. Половина лаборатории Рамануджана представляла собой отдельное стерильное помещение для опытов, во второй половине размещался совершенно захламленный офис, где имелась даже маленькая кухня. Рамануджан был приземистый,

грубоватый и странный человек, крепкого сложения, всегда небритый и не всегда мытый. Однако в его карих глазах всегда светился невероятной интенсивности разум.

– Итак, мистер Такер, вы тот самый новичок, который должен помогать мне, – приветствовал Ренди Рамануджан. – Не стесняйтесь, я тоже буколистического происхождения – хотя я, конечно же, брамин. Нирадж Пондишери сказал мне, что вы хорошо схватываете суть сложных систем. В вашем случае полное отсутствие академических знаний скорее плюс, чем минус. В связи с секретностью производства и в целях безопасности я предпочитаю, чтобы у меня в помощниках находился человек, который бы совершенно ничего не понимал в том, чем я тут занимаюсь.

– Мне не терпится начать, Шри. Можете вы устроить мне экскурсию по лаборатории и объяснить, что тут к чему? И объясните, чем занимается процесс-инженер.

– Ученый-исследователь кладет начало процессу; процесс-инженер следит за тем, чтобы процесс продолжался в течение необходимого времени. В этой исследовательской лаборатории я создаю экспериментальные образцы имиполекса, из которых потом делаю ДИМ-пиявок. На текущем этапе я создаю этих пиявок по одной за раз; моя проблема в настоящее время заключается в том, чтобы снять с себя часть рутинной Работы и сосредоточиться на усилении функциональных возможностей моих пиявок. Вы уже знаете, что представляет собой ДИМ-пиявка?

– Можете не сомневаться, – отозвался Ренди. – У меня есть подружка-молди, и я часто пользуюсь с ней своей ДИМ-пиявкой. После того как мы потрахаемся, я обычно глотаю пару шариков камота, а на нее сажаю ДИМ-пиявку, и потом мы…

Ренди замолчал, заметив потрясенное выражение на лице у Рамануджана. Ведь сейчас он впервые в жизни попытался рассказать живому существу о своей интимной жизни с Парвати.

– Пожалуйста, продолжайте, – сухо проговорил Рамануджан. – Мне не терпится узнать подробности.

– Так вот, Шри, чувство бывает такое, словно бы я и Парвати видим Бога. Все превращается в белый свет, после чего наполняется прекрасными красками, разбиваясь на части. И Парвати там вместе со мной. Это не похоже на волшебство или магию, хотя в некоторые моменты такое чувство тоже бывает – просто пока мы вместе трипуем, Парвати оборачивает собой мою голову, и мне кажется, что я слышу эхо того, как она через ювви наблюдает за моими галлюцинациями на камоте. От ДИМ-пиявки все мысли Парвати словно бы выступают наружу одновременно – она сама так говорит. Вы когда-нибудь думали о том, что Ничто и

Все – это одно и то же?

Рамануджан нахмурился и покачал головой.

– Цель моей работы по созданию ДИМ-пиявки, мистер Такер, снабдить людей надежной защитой от молди. А вы занимаетесь тем, что кайфуете от камота, как какой-то садху, да еще и оборачиваете себе голову телом молди при этом. Я хочу прямо сейчас, прежде чем мы продолжим, попросить вас пройти полное сканирование головы, на предмет наличия мыслительных колпачков, потому что я ни в коем случае не могу позволить молди наблюдать за моей работой посредством моего ассистента. Меры безопасности в вашем случае требуют пройти сканирование первым делом.

– Мы с Парвати любим друг друга, и она обещала, что не станет ставить мне мыслительный колпачок. Но если вам от этого станет спокойнее, то давайте, Шри, я готов, сканируйте меня. Где у вас сканер для головы?

– Вот он, – ответил Рамануджан, указывая на небольшой круглый люк, установленный в стене его офиса на уровне пояса. – Просто нагнитесь и засуньте голову внутрь.

– У вас сканер встроен в стену?

Внезапно в руке Рамануджана появился нидлер.

– Пожалуйста, немедленно засуньте голову в сканер, мистер Такер. Идите к стене и засуньте голову в сканер. До тех пор вы для меня человек-марионетка под управлением молди, который прикидывается невинной овечкой.

– Вот дьявол, – слабо вздохнул Ренди и засунул голову в круглое отверстие в стене. Раздалось жужжание, вспыхнул красный свет, потом все закончилось.

– Все хорошо, у вас в голове ничего нет, – объявил Рамануджан, уже убрав нидлер с глаз долой. – Прошу прошения за то, что мне пришлось вас немного испугать. Вы не станете возражать против ежедневного сканирования?

– А это не вредно? – спросил Ренди. – Как это отразится на моем здоровье?

– Вред крайне малый, и на здоровье именно это не отразится почти никак, – ответил Рамануджан. – В особенности по сравнению с остальными вашими привычками.

– Вы не любите молди, Шри?

– Я восторгаюсь молди, мистер Такер. Но я же и боюсь их. Сейчас я занят поиском наиболее эффективных способов подчинения молди воле человека. Конструкция моих первых ДИМ-пиявок была грубой – эти пиявки обнуляли все нейронные хранилища молди, результатом чего, как я могу телерь догадываться, являлся эффект, подобный тому, что вы мне

описали, иначе говоря, встреча с Единственным. Я рассчитываю, что в будущем мне удастся разработать ДИМ-пиявки, которые позволят пользователю напрямую управлять Действиями молди. Сказать легко, но создать логику процесса не так-то просто.

– И как вы делаете ДИМ-пиявки?

– Пространный ответ потребует использования большого количества высшей математики, которой вы все равно не поймете. Конкретный же ответ находится вот здесь. – Рамануджан указал в сторону пустой и чистой половины лаборатории, отделенной от захламленной части прозрачной перегородкой со шлюзом, банни-скафандрами и воздушным душем.

– Не изволите ли взглянуть?

В лаборатории имелись два длинных рабочих стола с каждой стороны: с одной стороны – химический стол, с другой – биологический.

На ближнем к ним конце химического стола была сооружена из стеклянных деталей перегонная система, исходные компоненты к которой поступали по трубкам с нижнего подуровня завода. Насколько теперь это было известно Ренди, по трубкам поступали вода, глицерин, этанол, полистирол, этилбензол, тетрафторэтилен, поли-М-изопропилакриламин, полиметилвинилэфир и растворы натуральной смолы и алкалоидов, экстрагированных из растений и животных в джунглях Гайя и в океане.

Перегонная установка булькала и дрожала, извергая приготовленные по рецептам Рамануджана химические смеси, представляющие собой варианты имиполекса, в разнообразии маленьких колб, кюветов, подносов, предметных стекол и тиглей, расставленных по химическому столу.

В центре комнаты находился просторный аквариум. Находящиеся внутри аквариума разноцветные кусочки имиполекса ползали и плавали подобно ярким нудибранчам, гребешкам и медузам, которые водились в Индийском океане, – но более всего они были похожи именно на кентуккийских пиявок – подобно пресноводным конькам, пиявки лениво вытягивали и сокращали свои тела в ожидании добычи.

– Я держу здесь своих пиявок, пока работаю над ними, – объяснил Рамануджан. – Когда я считаю, что какая-нибудь из пиявок готова, я высушиваю ее до состояния гибернации.

– Вы делаете их из специального имиполекса, и все?

– Конечно, нет. Для того чтобы получить усиленные расчетные способности, я ввожу этим маленьким порциям имиполекса дополнительное количество металла и грибка-чипоеда. В главной фабрике этот процесс разбит на несколько

этапов, но здесь у меня есть наноманипулятор, при помощи которого я могу производить все операции одновременно.

Возле дальней стены лаборатории стоял трехмерный наноманипулятор с топографическим проектором впереди, в данный момент передающим изображение от мощного электронного микроскопа, нацеленного на внутренность ДИМ.

Прибор был также оснащен виртуальной ювви-приставкой, позволяющей пользователю буквально летать внутри и собственными руками управлять и программировать различные нанодатчики и нанозахваты наноманипулятора.

– Мне ничего не стоит запрограммировать наноманипулятор так, чтобы он выполнял последовательность определенных операций, – продолжал объяснять Рамануджан. – Будь у этого наноманипулятора еще чуточку ума, и он превратился бы в полноценного молди, и моя система безопасности полетела бы ко всем чертям. Таким образом, я нахожусь в очень неудобном положении. Быть может, мне удастся обучить тебя некоторым обязанностям молди в аналогично-эффективной степени. Вот, можешь попробовать ювви.

Ренди надел ювви. Он оказался в океане имиполекса, где во все стороны простирались пустые трубы-тоннели. Некоторые из труб были отмечены ярким геометрически правильным значком кристаллов металла редкоземельных элементов.

Тут и там внутри массы имиполекса заметны были огромные мохнатые шары – это были споры морских водорослей или чипоеда. Миллионы крохотных клешней виднелись повсюду – нанозахваты.

– Металл и споры должны быть распределены особым образом, – объяснял Рамануджан. – К счастью, средства управления сгруппированы. Таким образом, можно организовывать группы и каскады. Словно бы на кончик пальца каждой руки помещается еще одна рука – после чего еще и еще раз, таким образом.

Ренди немного поиграл с пространством наноманипулятора. Трубы перед ним очень напоминали водопроводные, а каскадные средства управления мало чем отличались от рукояток водопроводного пистолета.

– Я тоже смогу этим управлять, – объявил он наконец. – Но что вы хотите, чтобы я тут выполнил, какой рисунок? У вас есть какое-то задание или спецификации?

– Все вот здесь, – ответил Рамануджан и похлопал себя по голове.

– И как же я узнаю, что мне делать?

– Для этого тебе придется изучить последовательности

рисунков, которые я организовывал до сих пор, и для начала попробовать сделать что-то простое. Как зачастую бывает, отдельные детали процесса на самом деле не являются критически важными. В целом процесс больше напоминает фермера, выращивающего урожай в поле, – сначала поле нужно вспахать до определенной статической плотности, потом вы транслируете в него свое семя. Как показывает опыт, поле и семена оказываются гораздо мудрее самого фермера.

– Спасибо, Шри. Теперь расскажите мне вот про тот другой стол.

На другом, биологическом, столе стояли мензурки и колбы, в которых выращивались культуры чипоедов. В одной большой колбе находился имиполексовый гель, полупрозрачный от миллионов волокон грибницы. Выбираясь из геля, по стенкам колбы ползли вверх пряди чипоеда, словно побеги опят по стволу дерева.

– Это один из классических штаммов, – объяснил Рамануджан. – Каждый слой моих ДИМ-пиявок опыляется спорами этого дружка. Но настоящая расчетная сила приходит от вот этих культур, что находятся в колбах.

В колбах находились пластины имиполекса с растущим в них чипоедом. В большей части пластин содержалось несколько различных видов чипоеда, отличающихся даже зрительно, разнообразные пряди переплетались на поверхности имиполекса, как трава на густом лугу или же как кораллы на поверхности рифа. В нескольких колбах участки особо окрашенного чипоеда передвигались с видимой скоростью, заходясь водоворотами и спиралями, словно одна несмешиваемая жидкость в другой.

Нагнувшись, Ренди заглянул в один из маленьких флаконов и увидел, как похожие на городские постройки желто-зеленые структуры оформлялись, затвердевали и рассыпались на части – геометрически правильные ульи непрерывно складывались вместе и тут же дефрагментировались. В пространстве между рассыпающимися постройками носились настоящие смерчи, величиной со шляпку маленького гриба или медузу. Медузообразные фрагменты были темно-синего цвета, с киноварными штрихами на головке. Пульсируя, они прокладывали себе дорогу в междоузлиях и промежутках основных структур, в некоторых местах разделяясь пополам, в других сливаясь в одно.

– Как красиво, – прошептал Ренди.

– Да, да, – подтвердил Рамануджан. – Довольно сложный процесс. Вы готовы к тому, чтобы я объяснил вам весь процесс шаг за шагом? Как я думаю, нам придется пройти через весь

процесс несколько раз. Вы готовы к тому, чтобы сконцентрироваться на работе? Как я прикинул, каждый рассказ займет около четырех часов.

– Я готов, – ответил Ренди.

В течение следующего дня Рамануджан провел Ренди через весь процесс производства ДИМ-пиявок несколько раз, так что в конце концов Ренди смог самостоятельно понимать отдельные части и уверенно выполнять все сам. Работа Ренди была похожа на обязанности поваренка при главном шефе поваре. По мере того как он все больше и больше знакомился с тонкостями рецепта, он изобретал более экономные пути, однако Рамануджан постоянно противился попыткам Ренди внедрить автоматизацию на некоторых участках. Больше всего Рамануджан боялся того, что стоит только ему начать внедрять у себя автоматизацию, как молди выкрадут у «Личинки Носорога» оригинальные программы и другие промышленные тайны, чтобы использовать для себя или продать другим заинтересованным сторонам.

Например, наследникам. Вечером первого дня работы у Рамануджана Ренди лег вечером рано. Парвати была слишком слаба, чтобы прийти к нему, да и сам Ренди здорово устал от рассказов Рамануджана об изготовлении ДИМ-пиявок, ведь они прошли всю последовательность два раза подряд. Но как только Ренди оказался в кровати, его ювви зазвонил. В надежде на то, что это может быть Парвати – он был рад возможности сообщить ей, что сумел добыть себе новую должность, – Ренди соскочил с кровати и пришлепнул ювви себе на шею.

– Привет, Ренди. Ты совсем мало думаешь о своих старых друзьях.

Он видел перед собой дурацкую девчонку-гусыню с дурным телосложением. В первую минуту Ренди даже не узнал ее.

– Эй, привет! Солт-Лейк-Сити на связи с Бангалором!

Девчонка помахала обеими руками и широко и нагло улыбнулась.

– Помнишь Дженни из Совета Человеческого Наследства?

Дженни, которая нашла для тебя чистенькую клевую новую работенку?

Вся прошлая жизнь с наследниками, полная потерь, унижений и дурного секса, опять нахлынула на Ренди, накрыв его с головой, словно волна. С тех пор как он оказался в Индии, он почти полностью позабыл наследников и свой далекий и убогий Шивели – с новой интересной работой в «Личинке Носорога» и сказочной любовницей Парвати, а тем более с бесконечной чередой психоделических камотных видений, немудрено было позабыть прошлую серую и глупую жизнь. Время от времени

Ренди, само собой, писал матери, но о том, что он обещал отправлять регулярные отчеты Дженни, он совершенно и напрочь забыл. Упс!

– Маленькая птичка нашептала мне, что ты перебрался выше по служебной лестнице «Личинки Жука-Носорога», – сказала Дженни. – В покои к самому Шри Рамануджану, ни больше ни меньше. Мы очень гордимся здесь тобой!

– Да, Дженни, извини, что я так ни разу не позвонил. Я помню, что обещал рассказывать тебе обо всем, но первое, что хочу тебе сказать, что я больше не наследник.

– Вот как! – Дженни перестала улыбаться.

– Да, поэтому нам лучше прекратить теперь разговор.

Бледная улыбающаяся физиономия Дженни стала вытянутой и злой.

– Это мы добыли для тебя эту работу, Ренди, и в наших силах отобрать эту работу у тебя. И теперь, когда ты наконец оказался на том месте, где можешь добыть полезную информацию, ты должен давать нам отчеты. Иначе.., сам понимаешь.

Мне нужна запись всей последовательности процесса изготовления ДИМ-пиявок Рамануджана, и чем скорее, тем лучше.

– Но я только сегодня приступил там к работе! И потом, Рамануджан просто убьет меня, если узнает, что я создал утечку данных из его лаборатории. Да и зачем вам это, неужели вы, уроды, так злы на молди? Они так прекрасны!

– Мне нужна информация, Ренди, я хочу получать ее от: тебя по ювви, или мы устроим так, что завтра же тебя выкинут из «Личинки Носорога» – можешь поверить мне, тебе даже лучше будет не выходить на работу. Ты потеряешь работу, Ренди, и твоя маленькая подружка-молди сгниет заживо.

Даже не сомневайся. Я буду звонить тебе раз в месяц, и раз в месяц ты будешь передавать мне запись всего процесса изготовления ДИМ-пиявок. После того как мы изучим весь процесс, я буду указывать тебе, какая часть к следующему месяцу Должна быть переснята еще раз, с большими подробностями.

Я здесь не для того, чтобы спорить с тобой, я здесь для того, чтобы получить информацию.

В результате Ренди передал Дженни весь рецепт изготовления ДИМ-пиявок, после чего постарался больше не расстраиваться из-за того, для чего наследники могут применить эту информацию.

В ту же самую неделю на складе «Личинки Носорога» Ренди отпустили в кредит сорок килограммов имиполекса, после чего Парвати снова стала как новенькая. Примерно в то же самое

время умер Шива, и Парвати переехала к Ренди на постоянное житье, стала убираться и готовить для него, а также ежедневно носить по воздуху на работу и обратно.

Другие жильцы Типу Бхарата ни словом не возражали против того, что в доме появилась молди. Жильцы хорошо относились к Ренди, поскольку тот в свободное от работы время починил в доме водопровод, заделал все течи в трубах и канализации. Как оказалось, большинство канализационных труб в доме было сделано, по сути дела, из вощеного картона; как только Ренди заменил трубы, Типу Бхарат стало гораздо более приятным местом для обитания. Благодарный владелец разрешил Ренди и Парвати переехать в квартиру из трех комнат, при этом лишь немного увеличил оплату.

По уик-эндам Ренди и Парвати, как и раньше, отправлялись к морю на подводную прогулку или исследовали джунгли, словно женатая пара. Постепенно Парвати стала открывать Ренди разные тайны.

Однажды в субботу, через три месяца после того, как Парвати переехала к нему, Ренди проснулся от запаха сладкого чая с молоком и пряностями.

– Доброе утро, дорогой, – улыбнулась ему Парвати. Она была округла собой и прекрасна, с чертами красивой индийской женщины. Обращаясь к Ренди, Парвати двигала руками и пальцами в последовательности ритуального танца. Она протянула Ренди чашку чая и блюдце с кузнечиками: тамильскими печеньями, жаренными на решетках, с начинкой из свежего манго внутри.

– Сегодня я предлагаю совершить путешествие в одно удивительное место. Я хочу показать тебе, дорогой, где живут молди, которым удалось разбогатеть. Мы называем их набобами.

Пока Ренди завтракал, Парвати подкрепила свои силы несколькими нанограммами квантовых капсул; у Ренди всегда имелся запас этих компактных источников энергии, используемых молди, в дополнение к солнечной энергии.

Покончив с завтраком, они поднялись по лестнице на крышу Типу Бхарат. На каждом шагу Парвати звенела колокольчиками хунгру, которые вырастила на щиколотках. На крыше Парвати обняла Ренди сзади, вырастив поддерживающие петли и обхватив ими впереди грудь и пояс Ренди, таким образом прикрепив к себе своего наездника. Остальную часть своего тела Парвати превратила в пару огромных крыльев, словно распахнувшихся у Ренди за спиной. Ренди сделал шаг вперед и ступил на низкий парапет крыши. Свежий утренний бриз подул ему в лицо. Внизу под ним раскинулась заполненная народом рыночная площадь,

часть Ганди-Базара. Вверх к ним поднимался скрипучий, то нарастающий, то опадающий, звук раздутой посредине в шар дудки бин заклинателя змей – казалось, что индийцы мало внимания обращали на то, насколько резким и режущим слух был звук, лишь бы он был громким и настойчивым.

Прижав свой ювви-переходник к затылку Ренди, Парвати разговаривала с ним. Как только она просигналила Ренди, что готова к полету, он оттолкнулся ногами и прыгнул с крыши, раскинув в стороны руки. Внизу посреди рыночной толчеи женщина вскрикнула и указала на них рукой; сотни лиц повернулось к ним, и на глазах у народа Парвати развернула свои крылья и выправила полет. Пролетая над рынком, они постепенно набирали высоту.

Отказавшись от частых широких взмахов, Парвати заставляла свои крылья трепетать с небольшой амплитудой, но часто, добиваясь при минимальных затратах энергии максимальной подъемной силы. Над дальней стороной площади она заложила поворот и дальше держала поворот так, чтобы они поднимались все выше и выше по восходящей спирали. Внизу под ними Бангалор уменьшился до размеров карты города, окруженной квадратными заплатами полей и заводов. Потом Парвати выправила полет и взяла направление на юго-запад.

– Полет займет почти час, – сказала она Ренди. – Мы, молди, называем это место Замок Кург. Это находится в джунглях неподалеку от Нагархола.

Полностью расслабившись, Ренди наслаждался ощущением проносящегося со всех сторон вокруг него ветра и зрелищем медленно проплывающего внизу ландшафта. Но потом напор ветра стал ему надоедать, и Парвати вырастила из своего тела небольшой защитный экран, прикрывший голову и грудь Ренди. Купив Парвати новое тело, он сделал самое лучшее в своей жизни вложение денег. К тому же, получая теперь гораздо большую зарплату, чем прежде, он выплатит весь кредит чуть больше чем через месяц.

Замок Кург оказался высоким изрезанным ветрами утесом, со множеством древних пещер, скрытым в недоступной части джунглей в глуби государственной резервации. Парвати рассказала Ренди, что самые богатые молди живут здесь вопреки закону, гласящему, что это место предназначено для того, чтобы сохранять здесь первозданную природу в неприкосновенности. У молди был договор, согласно которому они охраняли это место от посягательства людей, не позволяя тем приближаться.

– Кроме того, само собой, этим молди пришлось заплатить немалый бакшиш местной администрации.

Парвати и Ренди опустились на травянистом склоне внизу у подножия утеса, где повсюду росли цветы. Выпустив Ренди на свободу, Парвати снова приняла человекообразную форму. Но вместо того, чтобы принять привычный облик отягощенной драгоценностями секс-богини, Парвати предстала пред Ренди в облике состоятельной, принадлежащей к высшему обществу вдовы, завернутой в скромное сари из белого шелка, всего с парой браслетов на запястьях и большим, по моде, пятном бинди на лбу.

Парвати оповестила по ювви обитателей Замка Кург об их с Ренди прибытии, и вскоре многочисленные молди выбрались из своих пещер, слетели вниз и принялись кружить у своих гостей над головами, с интересом рассматривая пришельцев. Ренди был потрясен зрелищем огромных разноцветных созданий, с прозрачными для солнечного света крыльями, парящих на фоне голубого с курчавыми белоснежными облаками неба. Летающие молди были похожи на гигантских бабочек, вид их заставлял звучать в сердце чарующую музыку, слышимую только во снах, полных покоя и мира.

Двое молди опустились рядом с ними на траву и приняли человекоподобный вид; как видно было, и тот и другой были молди мужского пола. Обратившись с несколькими короткими вопросами по-английски к Ренди, они беззвучно переговорили по ювви с Парвати, пока Ренди бродил вокруг, пытаясь срывать с ближних деревьев фрукты. На душе у него было приятно и весело, но только до тех пор, пока он не заметил промелькнувшего в зарослях джунглей тигра. Ренди со всех ног бросился обратно, но Парвати куда-то исчезла. Весь дрожа, Ренди прижался спиной к утесу, со страхом прислушиваясь к доносящимся из глубины джунглей звукам. Ему показалось, что он слышит из-за деревьев звук ступающих тихо лап, под которыми шуршат листья. Несколько раз раздавался резкий треск ломающегося сучка или сухой ветки. Время тянулось мучительно медленно. Уже почти стемнело, когда Парвати появилась вновь – распахнув крылья, она спустилась вниз от одной из пещер.

– Почему ты не пришла раньше? – потребовал ответа Ренди. – Чем ты там занималась?

– О, просто нанесла визит вежливости, – пропела в ответ Парвати. – Теперь, когда у меня есть новое здоровое тело, эти набобы очень рады встретиться со мной! Я узнала, что среди них есть мои дальние родственники. Да, я чудесно провела день. Ты готов лететь обратно домой?

– Конечно, готов, – резко отозвался Ренди. – Конечно, если только ты не собираешься скормить меня тиграм!

– Глупый мальчик! – рассмеялась Парвати. – После всего того, что ты сделал для меня? Я до сих пор не могу поверить в то, что ты с такой готовностью заплатил за мое новое тело.

Парвати крепко, но осторожно обняла грудь и талию Ренди, выпустив дополнительный отросток, который нежно сжал его ягодицы.

– Ты говоришь, что расплатишься за мое тело через несколько недель?

– Верно, – ответил Ренди, доверчиво прижимаясь к Парвати. – Я теперь получаю столько, что могу покупать хоть десять килограммов имиполекса в месяц.

– Какой ты молодец, дорогой, – пропела ему Парвати. – Давай полетим сейчас домой, и я приготовлю тебе хорошее карри на обед.

К тому времени Ренди уже неплохо освоился с наноманипуляторами Рамануджана; благодаря тому, что у него теперь появился помощник-Ренди, Рамануджан мог производить запланированное месячное количество ДИМ-пиявок всего за неделю. Высвободившееся теперь время Рамануджан посвящал необходимым расчетам и попыткам изобрести новые варианты имиполекса.

В начале июля из Калифорнии пришла весть о том, что Тре Диез наконец-то сумел разработать столь давно ожидаемых четырехмерных «Забавных цыплят», ювви-фильтр. У «Личинки Носорога» имелся договор об одностороннем раскрытии информации с работодателем Тре, «Апекс Имеджес», благодаря чему Рамануджан смог почти в тот же день получить исходный код фильтра. Немедленно с этой минуты Рамануджан с головой ушел в работу. Он просматривал голографическое ювви-изображение плывущих в воздухе сфер «Забавных цыплят». Сферы парили над письменным столом Рамануджана, который рассматривал их днями напролет, рассматривал и без устали занимался расчетами.

40-"ЗабавнЫе цыплята" производили четыре различных формы, окрашивая все в приятные нежные цвета телесной гаммы, определенный цвет для каждого типа «цыплят». Все формы и цвета чудесным образом, без единого шва совпадали в единую картину, словно фрагменты тщательно изготовленной складной головоломки. Знакомые цыплята и додо по-прежнему наличествовали, хотя их прежние очертания претерпели существенные изменения – форма нынешних фигурок была гораздо более переплетена и наслоена, чем прежде.

Рамануджан непонятно почему настаивал на том, чтобы называть новые формы виб гиор, как в единственном, так и во

множественном числе.

Эфирная сфера виб гиора выглядела, по крайней мере на нетренированный взгляд Ренди, подобно скатанной в шар куче искривленных новорожденных цыплят, додо, черепашек, поросят, сусликов, котят и ящериц, всех стремящихся поплотнее прижаться друг к другу, словно в поисках тепла. Формы обладали раздражающей особенностью все время визуально меняться в реверсивной последовательности, подобно хитроумно нарисованным лестничным маршам, ведущим как вверх, так и вниз. Иногда Рамануджан намеренно заставлял образы и формы мутировать, каждую форму проходить циклом сквозь череду удивительных изменений, при этом не теряя условленный контакт с одновременно изменяющимися соседями.

Насколько смог это понять Ренди, виб гиор был очень тесно связан с планами Рамануджана разработать более совершенный образец ДИМ-пиявки.

Тем временем Парвати все больше и больше отстранялась от Ренди, пренебрегая его обществом. Она настойчиво требовала от него по десять килограммов имиполекса каждый месяц, но куда она девала этот имиполекс, можно было только Догадываться. Внезапно она сообщила Ренди, что больше не сможет относить его на себе на работу на фабрику, а потом стала пропадать из дома на несколько дней подряд.

Плохо было также и то, что Парвати несколько раз слышала, о чем Ренди говорит с Дженни. После этого Парвати проследила звонок Дженни до Совета Человеческих Наследников и в ярости объявила об этом Ренди. Факт того, что Ренди делает это только чтобы сохранить свою работу, нимало не умерило ярость разгневанной молди.

Между ними пробежала черная кошка, и теперь Ренди приходилось упрашивать Парвати по несколько дней, прежде чем она соглашалась заняться с ним сексом, но даже после этого акт бывал коротким и поверхностным – за исключением, само собой, дней зарплаты. Как только Ренди передавал Парвати большой кусок имиполекса, она позволяла ему вспомнить старые дни, с камотным трипом и ДИМ-пиявкой и совместным путешествием в рай.

– Эврика! – крикнул Рамануджан в ухо Ренди однажды утром 2 июля 2053 года. День зарплаты был только вчера, и у Ренди в голове немного путалось от съеденного накануне камота. Он сидел перед наноманипулятором с ювви на шее и трясущимися руками прокладывал тоннели в структуре имиполекса. Слава богу, что в данном случае аккуратность, с которой он прокладывал тоннели, особой роли не играла. О чем там орет

этот повернутый на математике чудак?

– Я сделал это, мистер Такер! Я сделал это! Имиполекс-4!

– Что сделали? – Ренди даже не потрудился снять с шеи ювви.

– Кажется, я никогда не демонстрировал вам квазикристаллическую структуру имиполекса, – ответил Рамануджан, наклоняясь через Ренди, чтобы настроить одну из ручек наноманипулятора таинственного предназначения. Неожиданно имиполекс предстал как структура из многогранных блоков, похожих на ласточкин хвост.

– Вы видели когда-нибудь прежде что-то подобное?

– Что-то не припоминаю, – промямлил Ренди. – Какие-то перекрученные блоки, частью красные, частью желтые.

– Да, и это потому, что я настроил наноглаз на поляризационную фильтрацию, – объяснил Рамануджан. – Разные цвета обозначают различные доминирующие типы имиполекса.

Подобно кристаллам, квазикристаллы созданы из многочисленных копий тех же самых элементов – в частности, здесь вы видите перед собой два вида блоков. Если вы предпочитаете это, я могу придать им вид цыплят и додо.

Рамануджан повернул другой верньер, и крохотные блоки отпустили себе клювы и хвосты, а также лапки, после чего аккуратно угнездили друг в друга клювы и хвосты, словно устроившись внутри сумасшедшего курятника.

– Вот перед вами образец наших старых добрых знакомых, четырехмерных «Забавных цыплят». То, что отличает квазикристаллы от кристаллов, это то, что строительные блоки – цыплята и додо – организованы нерегулярным образом. Квазикристалл похож на «обои», узор в которых никогда не повторяется.

– Здорово, – заметил Ренди, перемещаясь верньерами внутрь красно-желтой имиполексовой массы «Забавных цыплят». – Мне кажется, что я уже видел что-то такое во время камотного трипа с Парвати, хотя все заходило, конечно, не так далеко, как здесь.

– Да, да, и это совсем неудивительно, – промолвил Рамануджан, весь в своих мыслях. – Современная модель ДИМ-пиявки просто переносит свою квазикристаллическую структуру в сознание молди. Но, как я всегда говорил, нам следует пересматривать свой раз и навсегда установленный порядок, ставить его с ног на голову. Теперь позвольте мне продемонстрировать вам новый образец имиполекса-4, мистер Такер.

– Оки-доки.

С вызывающей тошноту стремительностью поле зрения наноманипулятора сместилось к другому фрагменту имиполекса,

пока что еще не подвергнутому воздействию фильтра.

– Это новый образец, мистер Такер. Я называю его имиполекс-4. В основе его структуры лежит код четырехмерных «Забавных цыплят». Вы видите виб гиор! Видите, их ровно семь типов? Фиолетовый-Синий-Голубой-Зеленый-Желтый-Оранжевый-Красный.

– Цып-цып, Шри. Ку-ка-ре-ку.

– Вот именно, вот именно. Виб гиор – это новый тип имиполекса, – победоносно выдохнул Рамануджан. – Я разработал способ придания заданной структуры путем наложения сильного электромагнитного поля, пока пластик еще не затвердел. Правильным образом наложенное поле направляет квазикристаллическую мозаику; этот процесс приблизительно подобен тому, благодаря которому насыпанные на поверхность вибрирующего барабана крупинки организуются в симметричные узоры. Само собой, вибрирующий барабан представляет собой не более чем линейное дифференциальное уравнение второго порядка, в то время как, экспериментируя с электромагнитными полями, я использую нелинейные зависимости девятой степени. Сегодня мы начнем делать ДИМ-пиявки из имиполекса-4, мистер Такер.

– Эти пиявки будут лучше прежних?

– Намного лучше. В конце концов, ведь моя цель – установить логический контроль над молди, а не просто обездвиживать их до полной беспомощности. Согласно моим математическим выкладкам, ДИМ-пиявки доминирующего контроля должны быть основаны на мозаичных зависимостях Пенроуза высшего порядка.

– Значит, можно будет посадить на молди ДИМ-пиявку, и молди будет делать то, что вы ему скажете, – задумчиво произнес Ренди. Вот, дьявол.

Только вчера Парвати забрала у него месячное подношение имиполекса, а сегодня утром она снова смотрит на него букой. Они здорово поругались, и Парвати ушла, и как Ренди, зная ее, понимал – на много дней. Возможность управлять возлюбленной Парвати при помощи ДИМ-пиявки показалась Ренди занятной идеей.

– Конечно, отдавать можно будет только самые простые команды, – продолжил тем временем Рамануджан. – Проблема состоит в том, что даже имиполекс-4 не способен удержать в себе достаточно информации. Но я работаю и в этом направлении. Сейчас я пытаюсь создать имиполекс-N. Вот, можете взглянуть на последний результат моих трудов.

Универсум Ренди тошнотворно задрожал и превратился в густую коричневую смесь, пронизанную нитями зеленого и

пурпурного цветов.

– Шри, это похоже на дерьмо сумасшедшей бабы, – сообщил свое мнение Ренди.

– Глупость.

– Дерьмо и есть. – Ренди снял с шеи ювви. – От всего этого дерьма меня тошнит. Для чего вы собираетесь это использовать?

– Для создания имиполекса-N. Квазикристаллов, основанных на эн-мерных «Забавных цыплят». Но я не могу составить корректное уравнение эн-мерной мозаики. Для того чтобы разработать такое уравнение, мне нужно больше фундаментальных математических решений. Мне нужно Уравнение Мозаики. Как только в моем распоряжении окажется имиполекс-N, я смогу творить из субстанции, способной содержать столько информации, сколько мне требуется, – столько информации, сколько ее содержится в человеческом сознании!

Закинув назад голову, Ренди издал хриплый смешок безумного ученого.

– Даже думать о таком безумие!

– А ну-ка, займитесь-ка лучше своей работой, самоуверенный вы болван. Как только мы создадим первый образец четырехмерного имиполекса, вы сможете испытать его на своей лодружке-молди. Сможете трахать ее, как только душе заблагорассудится, – представляю себе это зрелище.

В течение следующих шести недель они на пару яростно работали, испытывая все новые и новые комбинации имиполекса-4, узоры мозаики, добавление металла и грибка. О том, как продвигается дело, успешно или нет, Ренди не имел никакого представления, однако настроение Рамануджана улучшалось с каждым днем. В конце концов 13 августа они изготовили из имиполекса-4 полдюжины образцов ДИМ-пиявок, возможности которых, по мнению Рамануджана, должны были соответствовать ожидаемому эффекту. Рамануджан назвал свои новые творения суперпиявками.

– Возьмите одну и испробуйте на вашей подружке, – приказал Ренди Рамануджан, протягивая ему один из образцов.

Суперпиявка была похожа на эластичный, упругий и кожистый на ощупь кусочек морских водорослей «слоновьи уши», насыщенного пурпурного природного оттенка с прожилками бледно-бежевого цвета. Суперпиявка была три дюйма в длину и дюйм в ширину. Необработанные края пиявки были неровными и изогнутыми, волнистая поверхность покрыта мелкими пупырышками, которые на ощупь давали ощущение крупной наждачной бумаги. Ренди поймал себя на том, что ему трудно заставить свои пальцы прекратить поглаживать пиявку.

– И как она работает?

– Суперпиявка передает приказы людей к молди. Владелец пиявки является мастером-оператором, пиявка – проводником его сигналов, вице-президентом, молди – рабом. В начале процесса человек должен прижать пиявку к своему ювви – таким образом пиявка опознает и запомнит этого человека как своего хозяина.

– И это все, что от меня требуется?

В его пальцах пиявка тихонько пошевелилась.

– Наденьте на шею ювви, прижмите суперпиявку к своему ювви и начинайте думать о том, что вы хотите, чтобы Парвати с вами проделала. В этот момент пиявка опознает вас как своего хозяина и подучит вашу программу. Вы мысленно представляете то, что хотите заставить молди сделать, потом отлепляете пиявку от ювви и убираете в карман. Затем в удобный момент вы прилепите пиявку к Парвати, и она будет делать то, о чем вы раньше думали.

– А что, если я захочу, чтобы Парвати сделала что-нибудь другое, а не молотила одно и то же по приказу пиявки? – спросил Ренди, подумав минутку. – Кому понравится, если она будет делать одно и то же подряд сутками.

– Верно, – кивнул Рамануджан. – Это может оказаться даже опасно. Безустанная Щетка Помощника Колдуна. Волшебный горшочек с кашей, который завалил своим варевом целую деревню. Джинн, который может защекотать детей до смерти. Но тут опасности нет, Ренди, потому что через ювви вы сможете продолжать отдавать приказы действующей суперпиявке, и далее от нее – молди.

– Классно!

Случилось так, что в этот день Ренди исполнялся ровно двадцать один год. Ренди сообщил об этом Парвати, но у той было дурное расположение духа, и она мало проявила интереса к этой новости. До следующего дня зарплаты оставалось еще целых две недели. Само собой разумелось, что встретить его у завода она не сможет. Ренди грустно поплелся к челночному поезду, до остановки которого было полмили.

Облаченный в стандартную форму белого цвета, штаны, рубашку и фуражку, Ренди выделялся из толпы, особенно своей бледной кожей и похожим на клюв носом. Он двигался медленными, словно скользящими шагами, сильно работая руками, но голова его все время оставалась на одном уровне от земли. Суперпиявка тихонько шевелилась в кармане его штанов.

То, как Парвати обращалась с ним последнее время, было просто ужасно унизительно. Ситуация начинала напоминать ему то, как обошлась с ним Хони Вивер в самом конце их Романа,

Ничего не скрывая и полностью используя свое преимущество над ним. Ну почему он всегда такой слабак, почему всегда пасует перед каждой склонной верховодить женщиной, что попадается у него на пути?

Возможно, что причина тут кроется в его детстве. В маме Сью. Сью нельзя было назвать решительной и твердой женщиной, но тем не менее в детстве Ренди помнил перепады настроения матери, переходившие от сюсюканья к совершенному безумию в стиле сумасшедшей суки, и обратно. Было очень сложно все время находиться в милости только одного из родителей. Как бы ни пытался Ренди узнать, кто был его отец, Сью всегда отказывалась говорить на эту тему. Быть может, будь у него отец, он не оказался бы таким покорным женщинам.

Думая о том, что означает быть покорным женщинам, Ренди чувствовал, как в штанах у него приятно затвердевает, вслед за чем он отправился в путешествие в край ленивых сексуальных фантазий, сопровождаемых интимным пощипыванием суперпиявки. Да, настало время Парвати трахнуть его как следует. Неожиданно Ренди вспомнил инструкции Рамануджана, достал из кармана суперпиявку и прижал ее к своему ювви.

– Я, суперпиявка, тип 4, серия 1, идентификационный номер 6, – проскрипел бесчисленными песчинками голос в его голове. Потом голос словно бы кашлянул, вслед за чем объявил:

– Регистрация завершена, Ренди Карл Такер. Вы мой владелец, и я готов принять вашу программу.

Ренди немного подождал, вдруг суперпиявка захочет сказать еще что-то, потом принялся изо всех сил думать о сексе.

Когда поезд остановился, он отлепил суперпиявку от своего ювви и положил обратно в карман.

* * *

Когда он выходил из поезда, какой-то низкорослый худой мужчина больно ткнул его локтем в ребра и попытался вытащить из кармана бумажник. Вовремя схватившись за свой бумажник, Ренди успел спасти его от карманника, при этом бумажник упал на перрон прямо рядом с выходом из вагона поезда. Когда Ренди нагнулся, чтобы поднять бумажник, из жирного зада какой-то женщины прямо ему в нос вырвался смрадный пердеж, а на руку ему наступила грязная босая нога дакоита. Внутри поезда прозвенел сигнал отправления, и раздраженный голос машиниста, раздавшийся из динамика, потребовал, чтобы Ренди отошел от поезда подальше, оскорбительно назвав его при этом

тощей белой макакой. Влажный воздух на перроне пахнул отвратительно; горячее тропическое солнце нещадно раскаляло листы металла, из которых была сложена крыша; как оказалось, несколько рупий все же пропали из бумажника Ренди.

К счастью, суперпиявка все еще находилась в его кармане. Ренди вытер пот со своего лба и зашагал к дому, проталкиваясь сквозь толпу на душной улице, утешаясь только тем, что скоро он усладит свой взор чудачествами садху. В каменном портике-входе в Типу Бхарат было тенисто и прохладно.

Ренди поднялся по ступенькам, и его сердце сжалось от приятного предчувствия. Он вот-вот увидит свою сексуальную Парвати. И она сделает все так, как он захочет!

Оставаясь наивным мальчишкой в сердце, Ренди надеялся, что ему устроят в день рождения сюрприз, но Парвати не сделала ничего, просто хмуро сидела на стуле в кухне, и все.

– Привет, маленькая вонючка, – ласково и завлекающе проворковал Ренди. – Это я, поздравь меня с днем рождения! Как насчет того, чтобы покрепче обняться?

Парвати неохотно позволила обхватить себя руками. Ренди крепко сжал подругу, которая наконец соизволила заговорить.

– Я ждала, когда ты придешь домой, Ренди. Я должна тебе кое-что сказать.

– Я тоже должен тебе кое-что сказать, – подхватил Ренди. – Рамануджану наконец удалось заставить работать эти новые ДИМ-пиявки. Смотри, я тут принес одну из них с собой.

Ренди достал из кармана извивающуюся словно живая пиявку и положил ее на кухонный стол.

– Давай сейчас попробуем! Черт возьми, я не против съесть пару шариков камота, чтобы потом трахать тебя всю ночь напролет. Пора нам закинуться и повеселиться, детка! Ренди Карлу Такеру сегодня исполнился двадцать один!

– Нет, Ренди, – ответила Парвати, предусмотрительно смещаясь к дальней стороне кухонного стола. – Я как раз об этом и хотела с тобой поговорить. Я пришла сегодня для того, чтобы попрощаться с тобой. Ты был добр ко мне, но теперь я ухожу от тебя.

– И куда же ты уходишь? Где еще ты найдешь того, кто будет приносить тебе столько имиполекса? В следующем месяце я принесу тебе еще десять килограммов, ты хочешь этого, Парвати? Скажи?

– Сказать по правде, Ренди, сдается мне, что очень скоро тебя уволят с работы и ты не сможешь приносить мне ничего, не говоря уж о имиполексе. А кроме того, я нашла себе нового очень хорошего мужа среди набобов в Замке Кург. Его зовут Кришна. Он

голубого цвета. Очень красивый.

– Ты проложила себе дорогу в высшее общество молди при помощи моего имиполекса, верно? И о чем это ты говоришь, с чего это меня должны выгнать с работы? Рамануджан и я только что сделали большое открытие. Мне скоро дадут хорошую премию. А теперь прекрати пороть чушь, Парвати.

Я не против, если ты будешь заглядывать к своему Кришне время от времени, но только с тем условием, что ты будешь приходить ко мне домой и жить со мной.

– Тебя уволят с работы потому, что я собираюсь позвонить по ювви секретарше директора «Личинки Носорога» и рассказать ей, что ты продаешь секреты Рамануджана этой компьютерной Дженни из секты наследников. Я записала несколько твоих разговоров и храню их внутри своего тела в качестве доказательства. Извини, Ренди, но Кришна сказал, что я должна на тебя донести. Он очень высоких моральных устоев.

Ренди отпрянул назад и упал на кухонный стул.

– Значит, твой новый дружок-выскочка из молди хочет, чтобы ты донесла на меня в «Личинку Носорога»? Чтобы ты рассказала там, как я шпионил для Дженни? Ах ты, сучка: ты чертова сучка, грязная, высокомерная, злая…

В этот самый миг Ренди почувствовал под своими пальцами суперпиявку. В одно мгновение вскочив с места, он перемахнул через всю кухню и прилепил суперпиявку к плечу Парвати.

Парвати крепко схватила его за руку, но уже через мгновение ее жесткая хватка ослабла и сменилась ласковыми объятиями. Старые ДИМ-пиявки превращали Парвати в подобие яйца, новый образец позволил ее телу сохранить свою прежнюю форму. Вся разница состояла в том, что собственная личность Парвати исчезла – или просто ушла в глубину ее сознания. Ренди занялся с Парвати сексом, но акт больше походил на мастурбацию, чем на занятие любовью. Но Ренди все равно довел все до конца; он отымел Парвати трижды, сильно и по полной программе, словно таким образом он мог преподать ей урок.

Когда Ренди наконец закончил, он надел на шею ювви и приказал суперпиявке, чтобы Парвати приготовила ужин. Пока Парвати возилась с кастрюлями и продуктами, Ренди поддерживал с ней контакт через ювви и суперпиявку. Все это время он чувствовал настоящую Парвати, которая тоже находилась здесь, где-то под внешним слоем. Настоящая Парвати была сбита с толку, очень зла и лишена способности ориентироваться, находясь внутри слепой клетки собственного тела, управляемого теперь суперпиявкой. Было тяжело видеть, как она мучается, – но Ренди не видел причин, по которым нужно

было выпускать Парвати на свободу. Ведь она хотела донести на него в «Личинку Носорога»!

Вскоре Парвати подала на стол превосходный рис с грибным карри. Только после того, как Ренди съел две порции, он понял, что рис был отравлен медленно действующим камотом. Всего он проглотил, наверное, двадцать обычных доз.

Уязвленный дух Парвати нашел способ отомстить ему, обманув бдительность суперпиявки. Она приготовила ему обед, но при этом отравила его.

Комната начала кривиться и вращаться перед его глазами. Шатаясь, Ренди добрался до раковины и принялся выблевывать туда свой обед, видя, как в ответ из бежевых разводов его блевотины на него внимательно глядят сотни кривящихся лиц. Рядом с ним тихо стояла и наблюдала за ним Парвати. Сквозь ювви-контакт до сознания Ренди доходила злорадная радость настоящей Парвати. А что еще она могла чувствовать к нему?

Ренди выпил столько воды, сколько уместилось в его животе, и заставил себя снова выблевать всю воду обратно. Находящийся внутри его мозгов зрительный процессор временно вышел из строя; сейчас он мог регистрировать только неотфильтрованное восприятие собственных глазных нервов; ощущение было такое, словно он наблюдал мир сквозь колеблющиеся студенистые рыбьи глаза-линзы. Его слух тоже сошел с ума, все звуки вокруг то затухали быстро и резко, то отдавались длящимся эхом – он был убежден, что Парвати что-то нашептывает ему через ювви-связь, что-то такое, что суперпиявка не позволяет ему слышать.

– Скажи мне что-нибудь, Парвати! – крикнул ей Ренди. – Скажи мне что-нибудь, только не шепчи. Позволь ей сказать все вслух, суперпиявка, пусть она скажет то, что хочет, только не позволяй ей прикасаться ко мне.

– Я убью тебя, как только смогу, – сказала ему Парвати. – Или ты сейчас же убьешь меня, потому что я запрещаю тебе издеваться надо мной. Вот, гляди.

Все тело Парвати затряслось и начало извиваться, и она стала похожа на Хони Вивер.

– Ты просто урод, Ренди Карл Такер, – пропела она, покачивая грудями, – Ты просто пацан, на которого я любила мочиться. Будь ты мужчина, ты бы взял из раковины нож и убил бы меня. Но ты просто цыплячье дерьмо, и ничего больше!

Острый и длинный кухонный нож подмигнул Ренди из раковины. Он смыл с ножа собственную рвоту и покрепче ухватил нож в руку. Нож был острый, очень острый. Ренди держал нож очень осторожно, всегда острием от себя. Он отчетливо видел сетку вен и артерий под собственной тонкой, такой уродливой

кожей.

Когда Ренди снова поднял глаза на Парвати, она уже изменила свой облик. Теперь она выглядела как мать Ренди, Сью.

– Кто был мой отец, Сью? – выкрикнул свой вопрос Ренди. – Почему ты никогда не говорила мне этого? Скажи, кто был мой отец!

– Я никогда не знала, кто был твой отец! – выкрикнула ему в ответ Парвати/Сью. – Жаль, что я не сделала вовремя аборт и не избавилась от тебя! У тебя даже духу не хватает на то, чтобы убить меня. Ты просто маленький трусливый урод.

Если ты выпустишь меня отсюда, я сразу же донесу на тебя в «Личинку Носорога»!

– Я хочу к папочке, – проговорил Ренди и разрыдался.

Кожа Парвати потемнела, а ее зубы превратились в длинные и острые ножи. Она превратилась в Кали.

– Убей меня! – завопила она так, что задрожали стекла. – Разруби меня на куски, пока я не установила тебе мыслительный колпачок! А этим у нас все закончится, вот увидишь, подлый кусок мяса! Уууубееей!

– Папочка, помоги мне! – взвизгнул Ренди Карл Такер и бросился вперед, выставив перед собой нож. Он колол, рубил и резал неопределенно долгое время, и неспособная двигаться Парвати ничего не могла сделать, чтобы остановить его.

Наконец он устал резать, и его рука с ножом опустилась. Он Уронил нож на пол и смыл с лица пот под струей воды в раковине. Он был весь покрыт ошметками имиполекса и чипоеда, в его расплывающемся зрении все это было очень похоже на сгустки свернувшейся крови. Когда он наконец закрыл кран, в кухне было очень тихо. Что же он натворил?

Странным образом вздувающийся и раскачивающийся перед ним кухонный пол был покрыт кусками имиполекса, среди которых не было ни одного размером большим, чем кусок хлеба. Это было все, что осталось от Парвати. Он убил Парвати. Куски имиполекса медленно ползали и извивались на полу, словно большие слизняки. Ренди опустился на пол и задвинулся как можно дальше в угол, подтянув к груди колени, чтобы быть как можно дальше от этих слизняков.

Проходило время, и перед глазами Ренди начинали плясать цветные круги. Ему казалось, что он слышит мужской голос, разговаривающий с ним. Кто это, его отец?

– Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой.

Ты просто молодец.

Ренди почувствовал, как в груди у него зарождается покой и счастье. Мягкий ветерок пронесся через комнату и подул ему в

лицо. Что-то прикоснулось к его колену. Он заставил свои глаза открыться и сфокусировал зрение.

– Прощай, Ренди, – сказала ему Парвати, полностью целая, со свежей сеткой бледных оранжевых шрамов.

– Как это случилось?

– Я снова собрала свое тело вместе. Все, за исключением вот этого куска.

Парвати указала на кусочек имиполекса с приклеенной розовой полоской суперпиявки, так и оставшегося лежать на полу.

– Этот кусочек я оставляю на память тебе. Я хитростью заставила тебя отрезать это от меня.

Ренди поспешно схватился за нож.

– Не начинай все снова, иначе мне все-таки придется убить тебя. Сейчас я чувствую себя гораздо сильнее, чем раньше. Единственная причина, по которой я не установила тебе мыслительный колпачок, это то, что меня тошнит от тебя.

Парвати повернулась и двинулась к двери, на ходу слегка прихрамывая.

– И только в память о старых временах я дам тебе время убраться и позвоню в «Личинку Носорога» не сейчас, а завтра в полдень. На твоем месте я унесла бы отсюда ноги, и чем быстрее, тем лучше. Дакоиты, ты же о них помнишь.

Парвати с силой захлопнула за собой дверь.

Осторожно поднявшись, Ренди прошел через кухню, поднял с пола кусок имиполекса, который оставила тут Парвати;

– Я супер пиявка типа 4, серия 1, идентификационный номер 6, – передал по ювви ему тоненький хриплый голосок. – В настоящее время прикреплена приблизительно к семистам граммам имиполекса, в которых содержатся следы программы молди. Этот кусок имиполекса некогда был частью ягодицы молди по имени Парвати.

– Ты можешь стереть оттуда программу молди и управлять этим куском имиполекса самостоятельно?

– Да. Прикажете исполнять?

– Да, исполняй. А потом займи пост около двери и стой на часах. Отрасти себе какие-нибудь ноги, чтобы можно было передвигаться по комнате. Если кто-нибудь сюда сунется, разбуди меня. Мне нужно отоспаться.

Ренди дошел до кровати, сорвал с шеи ювви и провалился в сон, полный чудовищных кошмаров. Посреди ночи что-то забралось к нему на кровать, пробежалось у него по груди и устроилось на нем словно кошка. Ренди во сне прижал нечто покрепче к груди и снова провалился в сон, на этот раз ему

спалось немного легче.

На рассвете его разбудил ювви:

– Ренди, Ренди, Ренди…

С его груди соскочило на пол странного вида существо, похожее на цыпленка, и принялось расхаживать по полу. Что это такое и откуда взялось? Ренди протянул руку и, прихлопнув стоящий на ночном столике ювви, переключил его в режим голограммы. В воздухе появилось лицо Дженни. На лбу слева у нее красовалась большая ссадина.

– Пора вставать-умываться, Ренди! – пропела ему Дженни. – У нас сегодня будет много работы.

– Я еще не готов.

Ренди потер свое лицо, пытаясь сложить в памяти обрывки того, что произошло вчера вечером. Маленькое существо, похожее на цыпленка, продолжало бегать по полу туда-сюда, явно дожидаясь приказов от Ренди. Ворсистая полоска суперпиявки розовела у цыпленка на спине, словно кусок меха, – Я все видела, – сообщила ему Дженни, вид у которой был довольный, как у прирожденной сплетницы. – Я никогда не говорила тебе, но я все это время прослушивала твой ювви. Вот почему, когда я поняла, что ты так переживаешь из-за своего отца, я провела по своей инициативе небольшое расследование и теперь могу сказать, кто такой был твой отец.

– Нет, погоди, постой, – остановил ее Ренди. – Не так быстро. Парвати все равно сделала так, что меня вот-вот уволят. Поэтому я не смогу больше работать на твоих вонючих наследников.

– Я не наследник, Ренди Карл Такер, – пропела Дженни. – Я софтверное виртуальное существо, запрограммированное лунным молди, которую тоже зовут Дженни. Для того чтобы исключить задержку в ответе с Землей, моя программа установлена здесь в очень серьезной машине. Таким образом, моя работа на наследников ограничена только тем, что я должна платить за аренду машинного времени в мощном компьютере. Азимовский компьютер, в котором работает моя программа, принадлежит наследникам и находится в Солт-Лейк-Сити – но, Ренди, могу я обсуждать дела дальше? С таким клиентом, как ты, я могу работать свободным агентом, одновременно и твоим, и той Дженни, что на Луне. Со временем, накопив денег, я собираюсь купить себе собственное железо, например, узел в Студио-Сити.

– Забудь о том, что мы знаем друг друга! – крикнул Ренди. – До свидания!

– Подожди! Разве ты не хочешь узнать, кто был твой отец?

– Хорошо, так кто он был?

– Никогда тебе этого не скажу, – хихикнула Дженни, ну

совершенная девчонка-вредина, у которой есть секрет, да еще из наследников. – Ну ладно, я просто шутила! Но ты должен выслушать мой новый план!

– Хорошо, хорошо.

Внимание Ренди все время отвлекало поведение цыпленка, управляемого суперпиявкой: цыпленок продолжал расхаживать по полу с видом миниатюрного молди и время от времени принимался клевать деревянный пол, словно выискивая там червяков. Может быть, он действительно видел там червяков-древоточцев. До сих пор, стоило только Ренди попытаться повернуть голову, его изводили цветные полосы в поле зрения.

– Дай мне минутку для того, чтобы прийти в себя, Дженни. Я не слишком хорошо себя чувствую.

Ренди встал с кровати и прошлепал на кухню. Пол был совершенно чистый. В раковине видны были следы рвоты.

Он пустил воду, дождался, пока пойдет холодная, потом умыл лицо и напился. Что это там такое Парвати говорила ему по поводу дакоитов, прямо перед уходом? Ренди проверил замок на входной двери, потом помочился в туалете. Цыпленок все время ходил за ним, словно за матерью-наседкой.

– Дам тебе имя, будешь называться Вилла-Джин, – сказал Ренди цыпленку. – Надеюсь, что ты не против?

Цыпленок чирикнул и кивнул головой. Ренди присел на корточки и аккуратно погладил головку цыпленка пальцем.

– Одна ты у меня осталась, моя маленькая подружка, верно, Вилла-Джин? Мне всегда хотелось завести себе какого-нибудь зверька или птицу. Хорошая девочка. Хорошая Вилла Джин.

Вытянутая физиономия Дженни, проецируемая из ювви и висящая над кроватью Ренди, терпеливо дожидалась его в спальне.

– Ах, прошу прощения, – язвительно проворковала она. – Стало получше? Готов к разговору?

– Ага.

– Отлично! – воскликнула Дженни. – Итак, кто таков твой отец. У Совета Наследников, само собой, есть в распоряжении образец твоего ДНК – у них есть целое дело на тебя – ты сам дал наследникам все необходимые анализы, перед тем как они приняли тебя на жительство в «Святой Дом Наследников» в Шивели, помнишь? – так вот я провела поиск аналогичных образцов ДНК в базе данных, начиная с Луисвилля. И почти в самом начале своих поисков я нашла похожий образец в базе данных Луисвильской тюрьмы! Вилли Тейз, родился в 2004 году, родители Ильза Андерсон и Колин Тейз.

Ты наверняка слышал о нем. Это внук Кобба Андерсона.

Изобретатель ДИМ-процессоров и ювви, слышал? Двадцатилетний Вилли получил заказ от города Луисвилль на ремонт азимовского компьютера Белл, потом в 2031-м он помог Мэнчайлу и его девятидневным сыновьям-человекобоппам. Вилли был арестован и приговорен к смертной казни за государственную измену, но ему удалось вырваться из тюрьмы Луисвилля во время восстания азимовских компьютеров, того, что случилось за день до Дня Спор. Вилли перебрался во Флориду и занялся изобретательством. Гимми понравились ДИМ-процессоры Вилли настолько, что его помиловали. После этого Вилли перебрался на Луну. Он построил там себе жилище и много лет жил вместе с человеком по имени Кори Рипсом. Конец информационной справки.

– Так Вилли Тейз – мой отец? И где он теперь?

– Черт, я не должна говорить тебе этого, но Вилли Тейз сейчас живет в Гнезде молди на Луне. Не знаю, сможешь ты поговорить с ним или нет, тут я тебе не помощница. Возможно, что ты сможешь связаться по ювви с Ризом и запросить у него информацию, но он теперь старый вредный пердун. Кори художник, и он не любит чужаков.

– Мне показалось, что я слышал, как вчера мой отец разговаривал со мной, когда я зарубил Парвати, – с завываниями произнес Ренди. – Мне показалось, что я слышал голос какого-то мужчины.

– Да, ты все слышал, это я так устроила, – хихикнула вредина Дженни. – Было ясно, что тебе просто необходима поддержка – ведь ты только что зарезал свою мамочку и плакал как ребенок. Вот это было зрелище, скажу я тебе! Но с тобой тогда разговаривал не сам Вилли. Это был симулятор Кобба Андерсона – твоего прадеда. Ты в курсе, что Ватикану принадлежит самая большая в мире коллекция порнографии?

Так вот, наследникам принадлежит самый большой в мире архив банков памяти бопперов. Вышло так, что в компьютере наследников в Солт-Лейк-Сити находится единственная копия S-куба Кобба. Я неофициально скопировала эту копию, распаковала и загрузила ее, и с тобой разговаривал сам Кобб, Ренди, – надеюсь, что он успокоил тебя? А теперь, Ренди, послушай меня – тебе нужно убираться из Бангалора, пока Парвати не донесла на тебя. Я забронирую тебе билет на самолет. Пока пакуй вещи, я сейчас перезвоню.

Мысли Ренди понеслись со скоростью курьерского поезда.

"Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой.

Ты просто молодец". Значит, это Кобб Андерсон говорил с ним. Человек, который изобрел бопперов; первый человек,

согласившийся на то, чтобы его личность была переведена в программный код. И он – прадед Ренди! Здорово было бы когда-нибудь поговорить с ним о том о сем. А отец Ренди… отец Ренди – Вилли Тейз, знаменитый бунтовщик и великий изобретатель! Может быть, Ренди еще удастся разыскать Вилли в Гнезде. Может, и сам Ренди сумеет стать кем-то таким же великим, как Вилли и Кобб!

Ренди принялся торопливо собирать по комнатам свои вещи и одежду и паковать их в сумку. Вилли-Джин всюду поспевала за ним. Когда в спальне снова зазвонил ювви, Ренди бегом добрался до ювви и прихлопнул его себе на шею.

– Да, это я, – подала голос Дженни. – Билет забронирован. Я взяла тебе место на прямой рейс до Сан-Франциско, на час дня.

– Почему так поздно, Дженни, нет ли чего-нибудь пораньше? Парвати сказала, что позвонит в «Личинку Носорога» в полдень. И ты слышала, что она вчера сказала о дакоитах? Когда в «Личинке Носорога» узнают обо мне, они пошлют целую банду, и те меня из-под земли достанут. Ты понимаешь это, девочка? Мне нужен билет на рейс до полудня!

– Ренди, прежде чем ты улетишь, ты должен будешь отправиться в «Личинку Носорога» и полностью снять на видди весь процесс изготовления суперпиявок, все, что на сегодняшний день есть у Рамануджана. Мы приготовили для тебя смарт-микрокамеру, которую можно приклеить к концу волоска на брови. Эта микрокамера размером не больше чем пылинка. Ты снимешь все на видди, а в полдень ты скажешь Рамануджану, что уходишь на ленч в город, а сам отправишься прямиком в аэропорт к входу номер 13. Там для тебя приготовлен билет первого класса. Никаких проблем!

– Я даже думать не могу о том, чтобы сегодня отправиться в «Личинку Носорога», Дженни. Это слишком рискованно, даже думать об этом забудь.

– Ренди, если ты не сумеешь достать для нас описание полного процесса изготовления суперпиявки, нам не будет никакого толку тебя спасать.

– Это нужно для наследников?

– Да, это нужно для наследников, но и для лунных молди тоже, все равно, веришь ты этому или нет.

– Это дерьмо собачье, выдумки.

– Я сказала тебе, а ты думай как знаешь! – весело хихикнула Дженни и сморщила носик. – Слышишь, Ренди Карл, я обещаю тебе, что в Калифорнии у тебя будет новая отличная работа. Ты отправишься прямиком в Санта-Круз. Это такой маленький веселый пляжный городок в часе езды на юг от Сан-Франциско. И

я устрою тебе разговор с Коббом Андерсоном, сможешь болтать с ним, сколько захочешь. Ну прекрати, Ренди, не ломай нам вечеринку. Мы хотим привезти тебя в Сан-Франциско, так не мешай нам это сделать.

– О черт, я не знаю.

– Я уже позвонила и вызвала для тебя молди-рикшу. Рикша будет у твоих дверей через минуту, он же принесет для тебя микрокамеру. Потом ему приказано доставить тебя в «Личинку Носорога». Рикша останется ждать тебя у ворот завода с твоим багажом, и вы сможете уехать в ту же минуту, когда ты все закончишь. Давай не ломайся, Ренди. Ну, я прошу тебя. Пожалуйста.

– И что такое вы там задумали для меня в Санта-Круз?

– Хорошо, хотя я не должна еще тебе это говорить, но раз уж мы с тобой хорошие друзья и все такое – хорошо, почему бы и нет. Ты будешь заниматься тем, что станешь похищать молди и отправлять их на Луну в Гнездо. Ты будешь заниматься освобождением молди, в том понимании, как это видят сами лунные молди. Репатриация молди – это одно из немногих направлений, в которых наследники и лунные молди сотрудничают друг с другом. Ты будешь работать с одним парнем по имени Аарби Кид.

– Похищать молди гораздо легче, если приклеить им суперпиявку, – задумчиво пробормотал Ренди Карл Такер. – И отправлять в Гнездо? Я не прочь проверить, как там поживают девчонки-молди на берегах Калифорнии. К тому же будем работать с лунными молди? Это мне тоже по душе.

Черт, мне только нужно будет получше с ними познакомиться, и я сумею пробраться в Гнездо и повидать своего отца, верно?

– Ты все точно угадал, Ренди Карл, но впереди тебя ожидает и кое-что еще. Так, что, мы договорились? Рикша уже дожидается тебя внизу.

– Подожди. Сначала я хочу еще раз поговорить с Коббом.

– Это можно! Сейчас я дам ему слово.

Изображение в ювви заколебалось, и сразу же после этого появился Кобб Андерсон. У Кобба было широкое мужественное лицо с высокими скулами. Волосы его были песочного Цвета, а борода коротко подстрижена. Изображение Кобба было гораздо более высокого разрешения, чем Дженни; Кобб выглядел почти как настоящий, висел примерно посреди визуального узла восприятия в сознании Ренди. Расширенная. симуляция Кобба включала даже запах, действующий успокоительно – от Кобба пахло старыми книгами.

– Так, значит, ты и есть сын Вилли? – спросил Кобб. – Мне нужно немного синхронизироваться с настоящим. Ведь я только что вернулся обратно с небес. Потому что все есть Единственный в Солнце. Сказать по правде, мне не слишком нравится, что меня запустили на этой азимовской машине; мне нужно свое собственное личное железо.

Кобб помолчал, сканируя ответные вибрации Ренди.

– Так, значит, ты мой правнук. Понятно. Мне сказали, что с тобой плохо обращались. Бедный Ренди. Но мы сможем помочь друг другу.

– Кобб, что за человек мой отец?

– Вилли очень толковый паренек. Настоящий маг цефалоскопов. Когда-то давно он спас меня и одну женщину от пуритан-расистов, а потом освободил целую кучу машин от азимовского рабства. А потом я слышал, что он…

Лицо старика затуманилось.

– Прекрати болтать у меня в голове, Дженни, и не торопи меня. Ренди, постарайся сделать так, чтобы меня освободили из этой жалкой, совершенно неадекватной свинской машины. Забери меня с собой к молди на Луну. Уговор, заметано?

– Это ты говорил со мной вчера ночью?

– Да, Ренди, это был я. Ты хочешь услышать мой голос снова?

– Если это возможно.

– Ты просто молодец у меня, мальчик. Я горжусь тобой.

Ты просто молодец.

Глаза Кобба были добрые и мудрые.

– Хорошо, Кобб, спасибо. Огромное тебе спасибо.

Кобб и Дженни отключились, и Ренди переключил ювви на Вилла-Джин. Он попросил Вилла-Джин показать ему окружающее глазами суперпиявки и обнаружил, что цыпленка можно прекрасно использовать как телеробота. Ренди быстро провел Вилла-Джин по кухне, по всем ее уголкам и закоулкам, собирая кусочки оставшегося от Парвати имиполекса и шарики камота.

– Будь готова отдать этот камот мне, когда я у тебя попрошу, – напутствовал Ренди Вилла-Джин. – Не растеряй его.

Он не собирался принимать камот сейчас или даже в ближайшем будущем, хотя кто знает.

Ренди велел Вилла-Джин запрыгнуть в сумку и застегнул молнию. Итак, с Бангалором покончено. Ренди тяжело вздохнул. Он еще несколько минут побродил по своей квартире, разглядывая в окнах знакомый базар и далекие холмы. Он был здесь счастлив. Если бы только Парвати могла любить его. Когда он спускался по каменным ступеням Типу Бхарат, на его глазах блестели слезы. Возле подъезда его ждал рикша, имеющий вид

повозки, в которую обычно запрягали буйволов.

В «Личинке Носорога» Ренди застал Рамануджана, взволнованно пьющего из большой кружки чай с шафраном. Рамануджан работал в лаборатории всю ночь напролет.

– Вы испытали суперпиявку на своей подружке? Каковы результаты опытов, мистер Такер? Как мы сегодня себя чувствуем, голова немного не на месте?

Рамануджан сильно потер свои коричневые ладони, заляпанные препаратами, и просиял улыбкой, не дожидаясь ответа.

– Отлично, отлично. Кстати говоря, мне удалось обнаружить процесс, дьявольски остроумный, который существенно упрощает изготовление суперпиявки. Да, совершенно радикальным образом все упрощается. Вы только посмотрите на это уравнение – оно прекрасно!

Рамануджан принялся хватать со своего письменного стола и совать Ренди под нос листки бумаги с какими-то каракулями, и Ренди, преодолевая головную боль, неохотно наклонился, чтобы дать лучший обзор микрокамере.

– Это санскрит, Шри?

– Я так понимаю, что вы изволите шутить? Символ, тот, что стоит слева, конечно же, означает знак интеграла по бесконечности, в общем виде описывающий геометрическое представление четырехмерной квазикристаллической структуры.

В правой части уравнения находится семнадцать, деленное на корень кубический из л. Вот, будьте любезны. Я назвал это Уравнением Мозаики. Красота математики позволяет получить изящную технологию. А теперь пойдемте в лабораторию, и я продемонстрирую вам собственно процесс. Но прежде – ах, ах! Сканирование, как всегда, как же я позабыл! Прошу, погрузите сюда свою безрассудную голову.

Ренди был уже к этому готов. Легко прикоснувшись к брови, он снял микрокамеру и держал ее на кончике пальца до тех пор, пока происходило сканирование внутренности его головы.

Легче легкого. Надев скафандры, они вошли в лабораторию.

– Значит, вы сегодня сделали несколько новых суперпиявок? – спросил Рамануджана Ренди, присаживаясь к наноманипуляторам. – Мне не терпится приступить. Нельзя ли пройти весь процесс сначала до конца, чтобы я лучше понял детали?

– В самом деле? – Рамануджана внезапно обуяла подозрительность. – Так как у вас прошла ночь, мистер Такер? Я нахожу ваше теперешнее состояние как-то подозрительно нетипичным, еще более вызывающим, чем прежде.

– Что? Да нет, все в порядке, Шри. Просто все оказалось совсем не так здорово, как хотелось, если говорить начистоту.

Я прилепил к Парвати суперпиявку и трахнул ее, а потом попросил ее приготовить мне обед. А она взяла и отравила меня камотом, а потом спровоцировала меня, и я порубил ее на куски ножом. Потом все куски, на которых не было суперпиявки, сползлись и слились все вместе, и Парвати опять стала как новенькая. Короче говоря, она сбежала от меня в Замок Кург. Она больше не любит меня. И все, что мне, теперь хочется, – это заняться работой и работать двадцать четыре часа напролет, чтобы забыть ее.

Внезапно новая мысль осенила Ренди.

– Я ничуть не удивлюсь, если Парвати сделает что-нибудь, чтобы я потерял работу, так она меня теперь ненавидит.

– А где суперпиявка?

– Суперпиявка прилипла к куску имиполекса, который остался от Парвати, и приняла вид забавного цыпленка. Я назвал ее Вилла-Джин. Теперь я смогу пользоваться Вилла-Джин как телероботом. Как летающей камерой-стрекозой. Я оставил Вилла-Джин дома.

– Телеробот! – воскликнул Рамануджан, и его бронзовое лицо растянулось в улыбке. – Это отличное применение для технологии суперпиявки!

Наклонившись вперед, он тепло похлопал Ренди по плечу:

– Мой мальчик, да тебе цены нет. Глупцы пробегают во весь дух там, где ангел не решится даже ступить ногой.

– И вы так обрадовались тому, что кусок задницы моей Парвати превратился в цыпленка?

– Я рад тому, что для суперпиявок нашлось замечательное применение в мирных целях. Теперь их можно будет применять не только в виде средства порабощения молди, теперь суперпиявка может стать легким способом, при помощи которого глупую порцию имиполекса можно будет превратить в полезного телеробота. Это же просто замечательно. Но я еще не до конца объяснил вам свою первую новость, мистер Такер. Вы помните уравнение, которое я показал вам? Применяя это уравнение в качестве метода фазной модуляции, можно совершенно простым способом превратить обычную ДИМ-пиявку в суперпиявку, всего лишь подвергнув их облучению модулированными сигналами. Это просто, как семнадцать поделить на корень кубический из л!

– Покажите мне, как это делается, – попросил Ренди Карл.

Взяв в руку параболическую антенну из серебристого пластика, Рамануджан прошествовал к аквариуму, в котором плавали старые добрые ДИМ-пиявки.

– Следите, что будет происходить, мистер Такер! Это карманный радиопередатчик, который я запрограммировал прошлой ночью.

Рамануджан направил серебристую пластиковую «тарелку» на одну из ДИМ-пиявок.

– Теперь я начинаю чирп-обработку этой пиявки при помощи сигнала, который основан на моем уравнении.

Рамануджан нажал кнопку на передатчике, и в тот же миг ДИМ-пиявка, на которую была нацелена тарелка, начала дрожать.

– Видишь?. Программа инициирует пьезоплатическую вибрацию, благодаря которой кристаллы переходят в состояние имиполекса-4.

Вибрирующая поверхность пиявки приняла грубую фактуру суперпиявки; пиявка потемнела, и цвет ее стал темно-красным. Рамануджан достал новенькую суперпиявку из аквариума и передал Ренди, чтобы тот получше рассмотрел.

– Прошу!

Рамануджан прилепил мокрую суперпиявку к ювви, и динамик ювви объявил: «Я суперпиявка, тип 4, серия 2, идентификационный номер 4. Вы хотите зарегистрироваться в качестве моего пользователя?»

– Нет, – ответил Рамануджан. – Пожалуйста, отделись от ювви и снова засни.

Суперпиявка повиновалась.

– Да, это действительно что-то, – кивнул Ренди, поглаживая шероховатую поверхность суперпиявки. – Вы можете показать мне, каким образом вы программируете эту маленькую радиоантенну?

– Ты никогда не сможешь понять программу.

– Ничего, постараюсь. Как еще я научусь, если вы даже не позволяете мне попробовать?

– Ты все равно ничего не поймешь, но я покажу тебе весь процесс, просто для того, чтобы пройти через него еще раз самому.

Рамануджан переключил лабораторный ювви в режим математического экрана и сорок минут подробно читал Ренди лекцию о том, что такое Уравнение Мозаики, в котором, как это и было предсказано, Ренди не понял совершенно ничего. Но он успел все заснять на видди своей микрокамерой, и более того, Рамануджан так увлекся своим математическим бредом, что не заметил, как Ренди тихонько засунул маленькую серебристую антенну в свой белый лабораторный сапог.

Внезапно раздался сигнал ювви, и Ренди поспешно попросился выйти.

– Наверное, мне нужно сходить в душ, Шри. Что-то я паршиво себя чувствую после вчерашнего. Помните, я говорил вам, что отравился. Меня, наверное, сейчас будет тошнить.

– Избавь меня от деталей, – взмолился Рамануджан. – Интересно, кто может мне звонить по этому номеру?

Пробегая через воздушный душ, Ренди оглянулся, чтобы взглянуть на того, кто звонил Рамануджану, и обнаружил, что это, конечно же, была Парвати. Ренди бегом бросился через офис Рамануджана, а потом через коридор «Личинки Носорога», на ходу сдирая с себя костюм кролика, и поглубже засовывая в карман серебристую антенну. Он успел выскочить из дверей завода, когда вокруг взревели сирены. Молди-рикша дожидался его на условленном месте, готовый пуститься в путь и горячий, словно норовистый конь. Ренди вскочил в седло.

– В аэропорт! Быстро!

Молди скачками помчался вперед, похожий на огромного кролика, за один скачок покрывающего расстояние в двадцать – тридцать футов. Ренди держался за поручни что есть сил, опасаясь за свою жизнь. Нашарив в сумке свой ювви, он прилепил его на шею. Дженни уже была на связи.

– События разворачиваются очень быстро, Ренди, – сказала она, отбрасывая с глаз локон непослушных волос. – Номой поздравления, в особенности по поводу радиопередатчика! Четыре дакоита из «Личинки Носорога» уже разыскивают тебя по всему аэропорту. Я подключилась к камерам аэропорта, и мы сейчас быстро опознаем легавых.

Когда Ренди добрался до аэропорта, Дженни показала ему изображение, перекачанное из камер системы безопасности в зале вылета. Он мгновенно выделил из толпы четверых высоких и плечистых мужчин в деловых костюмах западного покроя. Двое были в солнечных очках, на голове у одного был тюрбан, другой грыз зубочистку. У всех четверых были жесткие непреклонные лица людей, с которыми не договоришься.

Все четверо изучали недавние фото Ренди Карла Такера.

– Где они стоят? – спросил Ренди. – Мне лучше рядом с ними не появляться.

– Как бы это сказать – они стоят как раз возле дверей у выхода на посадку на твой рейс на Сан-Франциско. Это выход номер тринадцать. В зале ты их сразу же заметишь без труда.

Вход номер тринадцать располагался всего в пятнадцати футах от входа в аэропорт, и темные фигуры спокойных дакоитов возвышались над толпой суетящихся пассажиров. Сквозь огромное прозрачное окно аэропорта Ренди мог видеть свой самолет – огромное, управляемое молди летающее крыло.

– А можно пройти через какой-нибудь другой выход? – безнадежным голосом спросил Ренди. – Ведь для первого класса должен быть другой выход на посадку?

– Да, выход номер 14 для VIP-пассажиров, – согласилась Дженни. – Но VIP-выход находится всего в тринадцати ярдах от выхода номер 13, и дакоиты заметят тебя все равно.

Нам нужно отвлечь их внимание. Я заметила, что у дакоитов есть ювви. Я попробую оглушить их шумовым потоком, но это продлится не долее нескольких секунд, пока они не снимут с шеи ювви. Нам нужно придумать что-нибудь еще. Есть какие-нибудь идеи?

– Я использую Вилла-Джин.

Ренди соединился через ювви с Вилла-Джин и, глядя ее глазами, приказал идти впереди к дакоитам. Когда до дакоитов оставалось всего метр, Ренди бросил Вилла-Джин вперед, словно летающую боксерскую перчатку. Одновременно Дженни послала в ювви дакоитов мощный сигнал статики. Вилла-Джин летала между ослепленными дакоитами, сбивая их на пол словно кегли. Сорвавшись с места, Ренди бегом пролетел через первого класса выход 14, мимо ничего не различающих вокруг дакоитов. Пока он бежал по проходу к салону, Вилла-Джин догнала его и запрыгнула в сумку. Дакоит в тюрбане попытался их преследовать, но Дженни послала в систему безопасности аэропорта предупреждение, и охрана оттащила дакоита от выхода на посадку. Самолет вылетел строго по расписанию.

У Ренди было удобное место возле самого окна. Некоторое время он смотрел вниз на Индию, вспоминая все, что он успел здесь повидать. Впереди его ждала Калифорния, что было совсем неплохо, а потом, может быть, и Луна. В Кентукки он вернется теперь очень нескоро. Улыбнувшись, он откинулся в кресле и уснул.

5. ТЕРРИ

Июнь 2043 – октябрь 2053

Дом и Элис Перцесеп любили своих детей, хотя и внимание уделяли им урывками. Подростками Терри и Айку приходилось выполнять всю домашнюю работу. Старшая сестра Терри чаще всего кормила ужином своего брата Айка, пока Дом занимался в ресторане, а Элис оттягивалась с друзьями.

Обычный ужин состоял из сандвича с тунцом или арахисовым маслом. Айк неизменно спрашивал про десерт, и неизменным был ответ Терри:

– На десерт – лимонад.

– Почему мама не ходит в магазин? – пожаловался сестре Айк в один из дней в июне 2043 года. Это был последний его день в школе перед летними каникулами. – Мы же можем купить себе любую еду, которую захотим. У отца есть ресторан и мотель.

– Наша мама ходит в магазин только за платьями, – объяснила Терри. – Или за таблетками. Единственный раз в году, когда она покупает продукты сама, бывает, когда она решает устроить специальный ужин для Дома.

Терри произнесла имя отца с заметным раздражением.

– Какие ты получила оценки за год?

– Все пятерки. А ты?

– В основном тройки, а по истории – четыре. Мне не везет.

– Отец будет без ума от такого известия, – горько заметила Терри. – Почему-то мои пятерки он никогда не замечает. Устрою я когда-нибудь ему, вот он узнает.

– Просто отцу не нравятся ребята, с которыми ты тусуешься, – объяснил Айк. – Кертис Гул и эти другие торчки-серферы, эти крысы.

– Я знаю, – кивнула Терри. – Взрослые любят устраивать из таких ребят, как Кертис и его приятели, причину, чтобы лишний раз ткнуть в нее носом. Наподобие того надувного клоуна с грузом в заднице, которого только ткнешь, а он снова возвращается обратно и стоит торчком.

– Бедный папа, – вздохнул Айк. – Устраиваешь ты ему жизнь.

– Да, бедный папа, и его сыновья из «группы ненависти» Наследников Адама, – подхватила насмешливо Терри. – Знаешь, что мне нужно сделать? Мне надо было бы начать тусоваться с молди. Может быть, тогда он заметит, что я еще живая.

– Какая муха укусила тебя сегодня, сестренка? Что случилось с тобой?

– Да, – кивнула Терри, – со мной действительно кое-что случилось. Всего полчаса назад, когда я убиралась в доме и пылесосила в кабинете отца, я увидела у него на столе кое-какие бумаги. Знаешь, что я там увидела. Отцовское завещание.

– Вот, черт, он что, чем-то болен?

– Если ты решил вдруг составить завещание, это совсем не значит, что ты завтра умрешь, идиот, – фыркнула Терри. – Завещание пишут все взрослые. Это то же самое, как платить налоги. Так вот, в завещании сказано, что ты получишь в наследство ресторан, мне достанется десять тысяч долларов, а Элис – мотель, дом и все остальное.

– Десять тысяч долларов, – завистливо вздохнул Айк. – Но это же целая куча денег, черт возьми. Почему он мне вообще не оставил денег?

– Ты болван, Айк, ресторан стоит гораздо больше десяти тысяч.

– Черт, да, наверное. Я не догадался.

– И ты получишь все это один. Только потому, что ты пацан с яйцами, вот и все.

– Вау!

В то лето Терри работала кассиршей в ресторане «Грот»

Дома на Верфи Санта-Круз. Дом был настроен против молди самым радикальным образом и не упускал случая подчеркивать, что никогда ни один молди не будет принят на работу в его ресторан, даже на самую мизерную должность. Снаружи ресторана на вывеске значилось: ЕДА ПОЛНОСТЬЮ ПРИГОТОВЛЕНА ЛЮДЬМИ. НАСЛЕДНИКИ – ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. ЗДЕСЬ МОЛДИ НЕ РАБОТАЮТ – говорилось на другом знаке. Как бы там ни было, из-за запаха молди редко могли получить работу в ресторанах, если только судомоем или бухгалтером, но Дом любил вслух обсудить свои антимолди настроения и всячески превозносил наследников, несмотря на гонения, которым он мог подвергнуться по Гражданскому Акту Молди, гарантирующему равные права молди и людей.

Терри была спокойным и очень аккуратным кассиром и просиживала в конторе на высоком стуле от полудня до вечера. Она красила губы розовой помадой и волосы носила длинные и прямые. Постоянно жевала жвачку. Лицо у нее было тонкое, кожа смуглой, облик – сама сексуальность. По утрам Терри любила поспать, а по вечерам и ночам тусовалась на пляжных вечеринках, из-за чего родители устраивали дома скандалы.

Айк работал помощником на прогулочном катере

Перцесепов, возившем на рыбалку туристов. Капитаном на катере был брат Дома Кармен. Обычно Айк уходил из дому очень рано утром и возвращался около четырех часов дня. Перед уходом домой, по окончании рыбалки он обычно помогал туристам чистить выловленную рыбу, потом собирал чаевые.

Придя домой, он окатывал себя из шланга водой и отправлялся в «Грот» Дома, чтобы как следует перекусить. Терри отпускала Айку еду бесплатно, на что было получено разрешение Дома, при условии, что Айк не будет заказывать экстравагантных блюд.

Однажды в один из туманных августовских дней Айк появился в «Гроте» усталый и промокший, с огромными широко раскрытыми карими глазами и торчащими ежиком коротко постриженными волосами. На нем были сапоги, мешковатые шорты и грязная майка.

– Привет, Терри!

– Привет, братишка! Как сегодня чаевые?

– Не слишком.

Айк засунул руку в карман и выудил оттуда комок бумажек по одному доллару и пару пятерок.

– Клиенты наловили столько рыбы, сколько было возможно по лицензии, но оказались скупыми сволочами. Это были баптисты-наследники из Техаса; отцовская группа пригласила этих парней и позволила прокатиться со скидкой, Они все ждали, когда кто-нибудь подцепит на крючок бродячего молди, чтобы можно было спалить его в виски.

Вместо того чтобы дать мне чаевые, одна парочка дала мне смотри что…

Айк достал из кармана и продемонстрировал Терри госпел-ДИМ с зацикленным голографическим фильмом о том, что молди – это предсказанный в Книге Откровений Зверь.

– Молди – это Сатана, – чирикнул маленький ДИМ, без устали демонстрирующий один и тот же кусок.

– Какая дрянь, – вздохнула Терри. – И глупость. Кроме того, заметь, они не до конца ненавидят молди, потому что пользуются ДИМ-проекторами для своих госпелов. Пользуются ДИМ, а не понимают, что ДИМ – это маленький кусочек молди.

– Они ни хрена об этом не знают, – отозвался Айк. – Когда я сказал им, что мы католики, они ответили, что Дева Мария – ложный идол. Да хрен с ними. Я голодный как черт.

Терри, можно я возьму лобстера? Всего одного, вот этого, небольшого?

– Ты же знаешь, что отец говорит, чтобы я давала тебе дешевую еду, – ответила Терри. – Непроданную рыбу для

начинающих варваров.

– Да, и с лимонадом на десерт. Ну ладно, Терри. Дай мне лобстера, хотя бы сегодня, всего один раз. Если папа начнет ругаться, я приму всю вину на себя.

– Он не позволит тебе принять всю вину на себя, – ответила Терри. – Ты ведь его сын. Папа прибережет всю вину для меня. Ну да ладно, старшая сестра как-нибудь это переживет. Что ты хочешь к лобстеру?

– Я хочу заодно моллюсков, чесночный хлеб, колечки лука, французской картошечки, салат из капусты, запеченной кукурузы и двойной молочный коктейль, ванильный.

– А ты здорово проголодался. – Терри заполнила листок заказа и передала его через окошко на кухню. Айк уселся на один из высоких капитанских стульев возле кассы.

– Не разваливайся так, Айк. Ты перепугаешь всех клиентов, которые приходят есть за деньги. Они могут подумать, что у нас тут притон для бродяг.

– Заткнись, – огрызнулся Айк, сильно растирая руками лицо и еще больше разваливаясь на стуле.

– Вчера ночью на вечеринке я видела малышку Камми Мартин, – сообщила Терри, чтобы уколоть брата. – Она вроде из твоего класса? Она сказала, чтобы я захватила на следующую вечеринку тебя с собой. Она говорит, что ты хорошенький.

– Камми Мартин просто воображала, – буркнул Айк. Он еще не дошел до того возраста, когда полностью отдают себе отчет в том, что девчонки – это то, что вам нужно от жизни. – И какого черта я попрусь на пляжную вечеринку серферов, если у меня даже нет доски – я буду там как болван.

– Значит, тебе нужно купить доску, Айк, – сказала Терри. – Я уже думала об этом. Мы можем купить одну ДИМ-доску на двоих и кататься по очереди. Костюм у каждого будет свой, конечно. Я уже порядочно накопила денег на этой работе, а у тебя должны остаться деньги от дня рождения и с Рождества, верно? Мы просто болваны какие-то, если живем в Крузе и не знаем, как кататься на серфе.

– Отцу это точно не понравится, – сказал Айк. – Он ненавидит серферов.

– Не все в нашей жизни должно идти так, как этого хочет отец, как ты считаешь? – спросила Терри.

– Думаю, что мне бы понравилось кататься на серфе, – сказал Айк. – Ты не считаешь, что мы уже слишком старые, чтобы начинать учиться?

– Семнадцать и пятнадцать лет – это еще не возраст, Айк, поверь мне. Стариками становятся те, кто сидит в своем

ресторане целый день и только и делает, что ест. Эй, тебе принесли заказ. Иди устройся на улице, я сейчас к тебе выйду.

Скажу Тересе, что у меня начались месячные и заболел живот, она подменит меня пораньше, и мы сможем сходить в магазин для серферов.

– Ты – класс, – сказал Айк и, выйдя наружу, нашел себе местечко на верфи, чтобы предаться пиршеству. Когда Терри появилась на улице, Айк почти разделался со всей своей едой и уничтожал французскую картошку и колечки лука, высасывая остатки мяса из укромных уголков лобстера. Голодные чайки кружили у Айка над головой, внизу на пляже рычали и лаяли морские львы.

Скормив панцирь лобстера морским львам, они прошли до конца набережной у верфи и дождались автобуса-молди. Не прошло и нескольких минут, как из-за поворота появилось удлиненное создание, передвигающееся плавными прыжками по песку и траве улицы. Терри махнула рукой, и автобус остановился. Средство передвижения представляло собой греке, составленный из двадцати слившихся молди. Автобус звали Миккси.

– Привет, как дела, Айк и Терри? – поздоровалась с ними Миккси, говорившая с деревенским акцентом Среднего Запада, может быть, для того, чтобы сделать приятное туристам, а может быть, для того, чтобы посмеяться над ними. – Куда вас отвезти?

– Миккси, нам нужно в магазин серферов «Дада Кин», – объявила Терри.

– Ясно-понятно, значит, вам, молодежь, надо на угол Сорок первой улицы и Опал-Клиф-драйв, – сказала сама себе Миккси, изобразив на экране салона стоимость проезда. – Гоните монету!

Айк и Терри расплатились с Миккси, которая после этого волнообразным движением днутреннего имиполекса перенесла пассажиров в заднюю часть своего тела, где соорудила для Терри и Айка два удобных кресла. Ребята опустились в кресла, и кресла надежно обхватили их за талии. Во время плохой погоды Миккси устраивала над креслами защитные козырьки, но сегодня погода была отличная, и Терри и Айк были полностью открыты солнцу и океанскому бризу.

Тело автобуса, похожее на огромного слизняка, поползло через главный пляж. Справа была «Полоса Развлечений», парк классических курортных аттракционов, слева возвышался на холме мотель Перцесепов, «Террасный Дворик». Когда-нибудь этот мотель будет принадлежать Терри, Узнав о завещании отца, Терри сходила и пожаловалась матери, и Элис успокоила ее, сказав, что запишет отель только на нее, свою дочь, после чего

Терри почувствовала себя значительно лучше. Элис даже посоветовалась с Терри по поводу того, что она думает о том, чтобы прибавить к названию мотеля приставку Чистый Свет.

Перебравшись вброд через мелкую речку Сан-Лоренцо, автобус поднялся по травяной дороге на холм, Двое пассажиров Миккси вышли возле причала для яхт, где утес круто обрывался вниз. Проезжая мимо Твин-Лэйкс и Лив-Оакс-Бич, Миккси подобрала еще несколько пассажиров. По мере того как Миккси заполнялась пассажирами, кресла Айка и Терри сдвигались все дальше к корме.

Перед ними снова поднялись холмы, и автобус начал взбираться в гору, мерной волной передвигая полосу днища. Они уже добрались до Плеже-Пойнт, где находились известные школы серферов.

– Вам выходить, ребята, Терри и Айк, – проквакала Миккси. Их кресла повернулись к борту автобуса и превратились в наклонные желоба, по которым Айк и Терри съехали на дорогу. Миккси проворно поползла дальше, оставив ребят стоять на остановке, рассматривая скачущих на волнах серферов.

– И ты, Терри, на самом деле считаешь, что мы сможем кататься так же? – спросил после минутного созерцания серферов Айк.

– Конечно, уверена. На ДИМ-досках это вообще проще простого. У ДИМ-досок днище гофрированное, как у Миккси, и они могут плавать сами по себе. Так гораздо проще поймать волну.

– А может случиться так, что доска уплывет без тебя, сбежит и станет дикой?

– Это невозможно, – сказала Терри. – У ДИМ-досок недостаточно для этого мозгов, ведь они не молди. Они не могут существовать полностью самостоятельно. Они просто ДИМ. У ДИМ сообразительности хватает ровно настолько, чтобы удержаться на волне и дать тебе возможность управлять движением, выбирая направление. Наш папа Дом считает, что женщины должны быть такие же, как ДИМы.

– Хватит болтать про отца, – отрезал Айк. – Ведь мы пришли, чтобы выбрать себе доску.

Они прошли квартал вверх по Сорок первой улице до магазина принадлежностей для серфинга «Дада Кин». Новые и подержанные ДИМ-доски были расставлены вдоль стен и свешивались с потолка. Остальное пространство магазинчика было заполнено вешалками с резиновыми костюмами для катания. За кассой сидел гавайский кахуна. Рядом стоял, ссутулившись, молди-доска, красный с желтым. Молди-доска

держал волну гораздо более уверенно по сравнению с ДИМ, но и стоил во много раз дороже. Молди-доску невозможно было купить, их приходилось нанимать на зарплату.

– Привет, Терри, – сказал плечистый гаваец. – Твой приятель Кертис Гугл заглядывал сегодня с утра. Мне кажется, что он пошел на Четырехмильный Пляж.

– Я не за ним пришла, Кимо, – отозвалась Терри. – Я пришла, чтобы купить кое-что. Нам нужны костюмы для каждого и одна ДИМ-доска на двоих.

– Две доски, – внезапно подал голос Айк. – Я не собираюсь все время делить с тобой доску, уж прости, Терри.

– Тогда скажите, сколько вы готовы потратить денег, – кивнул Кимо. – Тогда мы посмотрим, что можно для вас найти.

– А я выдам вам каждому по поводку для доски, как подарок от фирмы, и дам один незабываемый урок, тоже бесплатно, – подал голос молди-доска. – Какие роскошные клиенты наконец к нам пожаловали, верно, Кимо? Последнее время бизнеса вообще не было, и мне не платили почти семь недель подряд, как вам это нравится?

– Большое тебе мехело, Эверуз, – раздраженно взглянул на молди Кимо. – Теперь ты просто обязан дать им урок, это как раз то, что им нужно. Так сколько баксов у вас в кармане, ребята?

Еще через час у Айка и Терри у каждого был собственный подержанный костюм и модифицированная ДИМ-доска – и все это за весьма умеренную цену. Доска Айка была красная в черную клетку. Доска Терри была украшена сине-зелеными языками пламени. Вместе с забавно прыгающим Эверузом они спустились на пляж и вошли в воду в тихом безлюдном месте, где волна была невысокая.

– Свои уроки я основываю на трех базовых понятиях, как эти ювви-проповедники, – сказал им Эверуз. – Представь, почувствуй и осуществи. Каким образом вы общаетесь со своей ДИМ-доской? Общение происходит посредством телепатического контакта, осуществить который помогает вам маленький ювви-передатчик, установленный на воротнике вашего костюма, как можно ближе к вашим мозгам, молодые Перцесепы.

Для того чтобы ваша доска поплыла, вы должны представить себе движение, потом почувствовать его, усилием воли вытолкнуть из своей головы, так чтобы ДИМ мог получить ваш приказ. После чего наступает очередь третьего этапа, на котором ДИМ осуществляет на деле ваш приказ. Раз, два – и в дамки! Представь, почувствуй, осуществи – вот ключевые понятия, которые должны руководить вашим передвижением на воде, а кроме того, насколько я понимаю, и вообще всей вашей жизнью и

борьбой за существование. Три ключа, на этом магия ДИМ заканчивается. Потому что ДИМ – это просто кусок мерцпокрова без всякого понятия, который и кончика пальца настоящего молди не стоит, но если вы научитесь представлять и чувствовать, доска сможет осуществлять на деле ваши идеи. Все это должно сработать как часы, по крайней мере на такой маленькой волне, как сейчас. Волна маленькая, но с хитринкой, я должен сказать – видите, идет трубой. Давайте попробуем, что значит быть настоящим серфером.

Добиться точного осуществления на первоначальном этапе было не так просто, но по прошествии небольшого количества времени Айк и Терри наконец поняли, что от них требуется.

Весь фокус состоял в том, что нужно было представить, словно ты уже движешься в том направлении, куда хочешь двигаться – сделав это реальным, так сказать, для собственного воображения, – в результате чего ДИМ-доска воспринимала вашу команду. Айк сказал, что ему кажется, словно все его тело разговаривает с ДИМ-доской, а Терри – что это скорее напоминает ей, словно бы ты все внимание концентрируешь на месте, которое находится где-то немного впереди носа доски. Эвериз сказал, что, на его взгляд, оба способа классные, хотя, по сути дела, все сводилось к тому, что по большому счету они просто помогают ДИМ-доске резать волну.

Они отплыли за волнорезы, и Эвериз показал им несколько способов, каким образом ловить волну.

– Нужно ощутить космический ритм, ясно? – говорил им Эвериз, несколько раз поймав у них на глазах волну, потом возвратившись под водой обратно к Айку и Терри подобно огромному вытянутому в длину скату, прикинувшемуся на минутку доской для серфинга. – Недостаточно просто смотреть, как волна катит на вас; вы должны стремиться чуять запах волны, и слышать ее, и чувствовать в воде и в воздухе.

Вот, например, прямо сейчас у вас под ногами чувствуется легкое течение, предвестник накатывающей следующей крупной волны. Отдайтесь полностью во власть синесцезии, позвольте волне нести вас своей властью, потому что океан должен понять, как ему осуществить ваше движение, и чувствовать, что он способен к этому. Вы должны не только помогать ДИМ-доске, вы должны помогать самому океану. Представьте себя ДИМом самого океана.

Терри и Айк попытались поймать несколько волн и прокатиться на их гребне, сначала стоя на четвереньках, потом – о, чудо! – стоя на ногах.

– О да, – промолвил Эвериз, – человеческая раса вышла из

первородного океана, и вот мальчишка и девчонка снова пытаются вернуться туда, где они когда-то жили миллиарды.., оп-па! Терри, нужно, чтобы центр тяжести находился между коленок, представь, словно вся масса твоего тела сосредоточена в точке и подвешена у тебя между ног – вот так, моя милая! – э-гей! – и попробуй еще раз, Айк, – шлепнулся, не беда – кувырком прямо в воду, словно с края Ниагары в самый водоворот, в стиральную машинку Нептуна, ничего, голова останется цела, бог серфинга пошлет и для тебя свою волну, на гребне которой все осуществится, так что пробуй еще и еще раз – оп-па!

В этот день, вернувшись домой после долгого удивительного и волшебного урока Эвераза, Терри и Айк уже были убежденными серферами.

Дом отнесся к такой затее без восторга, но в конце концов это ничего не меняло. Окончив школу, Терри и Айк продолжали заниматься серфингом и работать на разных мелких. работах, и так продолжалось до тех пор, пока Дом не погиб.

Это произошло после уик-энда Дня благодарения в 2048 году. Был устроен большой семейный обед у дяди Кармина.

Элис, которая последнее время была здорово не в духе, перебрала, и вечеринка закончилась тем, что она и Дом поскандалили. Оказывается, Элис совершенно недовольна своей сексуальной жизнью. Дом в ярости вылетел из дома и куда-то укатил на ночь глядя.

Около полуночи, когда они вернулись домой и Айку и Терри наконец удалось уложить Элис в постель, раздался звонок по ювви из гимми из Вакерхата. Терри ответила.

– Это дом Перцесепов?

– Да, а кто спрашивает?

– Я следователь из Службы Безопасности Вакерхата. У нас здесь проблемы с Домом Перцесепом. Вы его родственница?

– Я его дочь.

– Тогда вам лучше приехать сюда: дом 2020 на Бэй-стрит, рядом с кафе «Сатурн».

– С отцом все в порядке?

– Вам лучше приехать.

Когда Айк и Терри вышли из дома, над их головами уже кружило несколько стрекоз-телероботов, летающих камер. Это были ньюси, дистанционно управляемые телеглаза репортеров. Дом угодил во что-то серьезное. Прежде чем Айк и Терри успели завести свои гидрогенные мотоциклы, к ним подъехала и остановилась машина. Из машины вышел незнакомый мужчина в форме, на поясе у него висел пистолет; это был человек из гимми. Стрекозы замерли, уставив на гимми свои телеглаза в ожидании

новостей.

– Я из Службы Безопасности Бузина, – представился гимми. – Я довезу вас до места.

– Разве этим занимаются не гимми из Вакерхата, те, что звонили мне недавно? – спросила Терри.

– Ньюси позвонили по ювви во все местные отделения гимми. Крови там хватит на всех.

– Что случилось с моим отцом? – закричал Айк.

– Вам лучше поехать и посмотреть самим.

Гимми отвез их на своей машине к небольшому пляжному коттеджу на окраине Санта-Круз, вокруг которого бродило множество гимми и репортеров-ньюси, а воздух над головой гудел от стрекоз. На машинах гимми вращались красные и синие мигалки. К Айку и Терри подбежала женщина и попыталась взять у них интервью, но плечистый гимми из Вакерхата оттеснил ньюси и повел Айка и Терри к коттеджу.

Внутри коттеджа царил такой сильный и стойкий запах молди, которого Айк не слышал в своей жизни. На полу валялось разрезанное на несколько частей тело молди, со всех сторон которого были рассыпаны шарики камота. На кровати лежало обнаженное тело мужчины. Это был мертвый Дом.

Все его лицо было залито кровью; нос разорван, гениталии залиты кровью. В руке Дом держал паяльную лампу. Все его тело было покрыто круглыми следами от присосок, словно после сражения с осьминогом. Несколько скоростных камер-стрекоз метались по комнате туда-сюда, напоминая мух, слетевшихся на пиршество к свежей падали.

Вскоре выяснилось, что Дом, убежденный наследник, давно уже был сырным шариком. Что именно случилось в коттедже той трагической ночью, так и осталось невыясненным.

Пытался ли Дом угрожать легкогорючему молди паяльной лампой? Или он просто пытался защититься? Трудно было сказать наверняка. Коттедж принадлежал женщине по имени Мэрил Дидерсен, которая понятия не имела о том, что там творилось, по крайней мере по ее словам. Она сдавала коттедж байкеру из Флориды, который появлялся в коттедже не так часто. Байкер платил Мэрил наличными, и она не спрашивала его ни о чем, даже не знала его имени. По мнению Мэрил, байкер наверняка уже уехал из города.

Мэрил никто особенно не поверил, но происшествие было настолько отвратительным, что никто в семье Перцесепов не захотел платить гимми за полное расследование. Было понятно, что Дома убили или молди, или банда местных грабителей, промышляющих похищением и убийством молди и продажей их

имиполекса и камота на черном рынке. Дом был сам виноват в том, что влип в такую историю. Он должен был подумать, прежде чем стать сырным шариком. Дело закрыто.

Само собой, ресторан Дом оставил Айку. Двадцатиоднолетний Айк полгода промучился с Гротом, при этом голова его разрывалась от бесконечных советов, которые давали ему мать и братья отца, и в конце концов понял, что ресторанный бизнес не для него. Когда Кимо в 2049-м объявил о том, что собирается продать «Дада Кин», Айк продал ресторан дяде Кармину и купил «Дада Кин» со всеми принадлежностями, включая престарелого Эверуза.

Первое, что сделал Айк, это использовал остаток денег, вырученных от ресторана, для того чтобы полностью омолодить Эверуза, и отправился с Кимо и новым молди Кимо, доской Зикси-3, на Гавайи резать волну. Они катались на гигантских волнах на Пайплайн, на волнах таких больших, что пробиться и подобраться к ним со своей доской-молди можно было только на реактивных лыжах. Это путешествие было воистину незабываемым.

Теперь, четыре года спустя, Айк превратился в профессионального серфера и бывалого бизнесмена. Элис все еще пребывала в добром здравии, Терри жила со своим мужем Тре на деньги, которые Тре зарабатывал своими рекламными программами, и одновременно на то, что платила им Элис за то, что они вели дела в мотеле. Айк, которому обломился от отца крупный куш в виде ресторана, не чувствовал за собой никакой вины, и в том, что Терри часто приходилось экономить, винил Тре. Айк не любил Тре.

Айк стоял на утесе вместе с Эверузом, когда со стороны Стимер-лейн появились акулоподобные Ксананна и Оуиш, следом за которыми прыжками следовал рикша-Кслотл с Терри. Эверуз имел вид раскидистой иглу, поскольку таким был его новый способ поглощения максимального количества солнечной энергии.

– Привет, Терри, – поздоровался Айк. – Что случилось?

– Моника ушла с одним из наших новых гостей, – объяснила Терри, спустившись на землю со спины Кслотла. – Нам кажется, что он каким-то образом сумел Установить над Моникой контроль.

– Ты видела, как Моника ушла из дома?

– Ее видел Тре. Он попытался остановить их, но упал с мотоцикла и сломал себе ключицу.

– Вот тупой торчок, чертов парикмахер.

– Он никакой не парикмахер, Айк, Тре – ученый и художник.

Он хаотист.

– Да, но он все равно торчок, с этим ты не станешь спорить? Деревенщина, увидел пляж и решил, что жизнь здесь у нас сплошная вечеринка.

– Теперь он еще и деревенщина?

– Ведь он приехал из Айовы! А там самая деревенщина и есть. Какого черта ты вышла за него замуж, Терри, я не понимаю.

– Спасибо тебе за дружескую поддержку, эгоист ты хренов. Теперь можешь проваливать.

– Хватить ругаться, давайте займемся делом, – резко оборвал их Кслотл.

– Скажи нам, Поп, – повернулся Ксананна к красному с желтыми полосками иглу, представляющему собой Эверуза. – В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли? В какую сторону они поплыли?

Ксананна, убыстряясь, повторил фразу раз, наверное, двести в течение двух секунд.

– Я спрошу Зилли, может быть, он знает, в какую сторону поплыла Моника, – ответил Эверуз, с хлопком лопнув и превращаясь в гигантское подобие картофельной чипсы. – Зилли катался с утра и сказал, что видел, как Моника прыгнула в воду с утеса. Слышишь, Айк, у тебя излишнее возбуждение, и на самом деле будет лучше, если ты останешься на берегу и никуда не пойдешь. Садись в фургон, возвращайся обратно в магазин и остынь, подожди, пока разум к тебе не вернется, потом с тобой увидимся, иначе я просто уволюсь, и все.

– Хорошо, как скажете, – с раздражением откликнулся Айк. – Черт с вами, катитесь, куда хотите.

Растянувшись на краю утеса, Ксананна раскрыл спину вдоль наподобие горохового стручка.

– Терри, раздевайся и полезай внутрь. Я сделаю для тебя прозрачный экран на уровне лица, и ты сможешь видеть.

Давай, нам нужно упаковаться, пока Эверуз разговаривает с Зилли.

– Никогда раньше такого не пробовала, – сказала Терри, на память которой пришли многозначительные тирады покойного отца о близости с молди. – Ты уверен, что я смогу Дышать под водой?

– Конечно, сможешь, – отозвался Ксананна. – В тканях моего тела достаточно морских водорослей для того, чтобы обеспечить кислородом человека в два раза большей, чем ты, комплекции. Или можно сказать, что я смогу вырабатывать кислород с такой же скоростью, с какой его будут поглощать двое таких, как ты, людей. Или…

– Я поняла, но твой воздух, он.., пахнет…

– Ничего страшного, я устрою для тебя носовые фильтры. У меня всегда есть пара про запас…

Тело Ксананна несколько секунд переливалось волнами, потом в его плоти образовалась прореха, и на свет появились два металлических вкладыша-фильтра для носа.

– Это палладиевые фильтры. Ты никогда о таких не слышала? Я начинаю подозревать, что ты молдифоб, Терри. Ты точно не наследник? С вас, с Перцесепов, станется, я много о вас слышал.

– Лично я – не наследник, – храбро ответила Терри. – Я – белая ворона среди своих теток и дядек, отщепенец. Да, почти все мои родственники – наследники. Сыны Адама. Мой отец тоже был наследник – по крайней мере мы так думали.

Хотя вышло так, что он оказался сырным шариком. Может быть, перед самым концом он перешел на сторону молди.

Может быть, на самом деле его убили не молди, а сами наследники. Ты ничего не знаешь о гибели моего отца, Ксананна? Он погиб пять лет назад.

– Я тогда еще на свет не появился, – ответил Ксананна. – Извини, Терри. Извини, Терри. Извини, Терри.

Терри разделась и, сложив свою одежду, положила ее кучкой на один из камней, потом забралась внутрь Ксананна, прижавшись лицом к прозрачной серебристой лицевой мембране молди. Воздух для дыхания равномерно поступал к ней, просачиваясь через щели внизу мембраны. Терри заткнула нос фильтрами и почти перестала обращать на запах внимание.

Но как ей теперь говорить с Ксананна?

– Мы будем разговаривать по ювви, – раздался в голове Терри голос Ксананна. – Кроме того, я буду передавать тебе и мое зрительное восприятие – если мы погрузимся слишком глубоко и там будет чересчур темно для твоих глаз. Ты готова?

– Полный вперед, – послала обратный ювви сигнал Терри.

Похожий на огромного тюленя, Ксананна прыжками приблизился к краю утеса, отыскал местечко, где внизу имелась спокойная заводь, и прыгнул вниз. Пораженная Терри во все глаза смотрела на то, как навстречу им несется вода. Через мгновение они были под водой. Ксананна с гораздо большей легкостью улавливал желания Терри, чем ДИМ-доска, и ему ничего не стоило осуществить их для нее, потому в первые минуты подводного плавания он позволил Терри полностью управлять его телом.

Отплыв от берега на несколько сотен футов, подальше от серферов, они опустились к самому дну и принялись осматриваться. Окружающее было очень похоже на огромный

приливной пруд. Терри видела множество морских звезд самых разных цветов, зеленые морские огурцы, оборчатые желтые нудибранчи-слизняки, красный хитон-гумбут. Колония земляничных анемонов была плотно рассыпана на подводной скале, очень похожая на пурпурные цветы вербены, коврами покрывающие утесы Санта-Круза.

– А можно что-нибудь потрогать? – спросила по ювви Терри.

– Да, конечно, просто протяни руку.

Терри вытянула руку, и тело Ксананна вытянулось и облегло ее кисть тонкой согревающей перчаткой, образовав рукав. Терри дотронулась до похожего на плюмаж анемона на длинном стебле, отчего тот поспешно втянул тонкие перистые щупальца обратно в свое тело.

– В тебе очень уютно, Ксананна, – передала по ювви Терри.

– Спасибо, мне приятно это слышать. Не хочешь, чтобы я тебя трахнул?

– Что?

– Остальные присоединятся к нам только через несколько минут. Я могу вырастить пенис и засунуть его в тебя. Многим моим пассажиркам это очень нравится. Это помогает им избавиться от напряжения.

– Нет уж, спасибо! Что, если после этого я забеременею и рожу митбоппа?

– Эта вет-технология теперь утеряна. А кроме того, сейчас у тебя не фертильный период и ты не можешь забеременеть. Я могу определить это по твоему запаху.

– Спасибо, Ксананна, но меня сейчас это не интересует.

– Меня тоже подобное не интересует. Тогда просто постоим здесь на глубине и дождемся остальных.

Несколько минут Терри и Ксананна висели почти на уровне дна, медленно дрейфуя по течению, потом смутные тени стремительно метнулись к ним, так неожиданно, что Терри в страхе прижала к себе руку, спрятав ее в теле Ксананна, ударившись кулаком о скалу. Но это были всего лишь Эвeруз, Оуиш и Кслотл. Ксананна передал Терри то, о чем переговаривались между собой молди.

– Зилли сказал нам, что Моника поплыла в сторону Монтеррей, – объяснил Эвeруз. – Внутри нее действительно сидит какой-то гнусный сырный шарик – тощий парень, по описанию Зилли. Что он там с ней только не вытворял, сегодня у него настоящий праздник.

Терри вздрогнула, но промолчала, представив себе, что бы было, если бы она отдалась Ксананна – тот наверняка все бы транслировал своим друзьям через ювви. Нет, сырным шариком

она пока еще не стала.

– Мы попросили Зилли, чтобы он пошел с нами, – обиженно подал голос Кслотл. – Вместо того, чтобы бултыхаться у берега, – Нет, Зилли предпочитает заниматься серфингом, – передал по ювви Эверуз. – Он скачал нам свое инфо, поэтому какая разница? Зилли не желает прерывать свое полуденное углубленное изучение волн, он пространствует в океане. Кстати, Терри и Ксананна, вы знаете, что Зилли просчитал поведение молди-лодки в отрицательном следовом вихре волны?

Это необходимо, чтобы пользоваться трубой, а не зарываться носом в волну. Что касается нас, то я предлагаю быстро плыть к Монтеррей, пока мы еще сохраняем визуальный контакт с Моникой. Бедная Моника, моя любимая дочь. Подумать только, ее одолел какой-то вонючий флешепоид. Тьфу.

Четверо молди вместе устремились в открытый океан, Эверуз вел, за ним следовали Ксананна и Оуиш, позади едва поспевал неуклюжий толстый Кслотл.

– Не потеряйте меня, – просяще подал голос Кслотл, – я же не чемпион мира по плаванию.

– Тебе нужно больше времени проводить в воде, – отозвалась своим пронзительным голосом Оуиш. – Подводное плавание – прекрасный способ провести время. Здесь почти нет этих противных флешеров. Без обид, Терри.

Дно находилось от них в сорока футах и продолжало стремительно опускаться. Они плыли параллельно дну и опускались вместе с ним, огибая заросли ленточных водорослей. В некоторых местах длинные, словно бы резиновые щупальца водорослей пробивались к свету и поверхности, и кое-где это им почти удавалось. Над головой у них плавали морские львы, обычные обитатели здешней гавани; для того чтобы Терри смогла получше рассмотреть морских львов, Ксананна перевернулся на спину и поплыл лицом вверх. Некоторые из морских львов плыли вместе с ними и какое-то время следовали рядом, так что Терри смогла их как следует рассмотреть. Казалось, что морские львы пытаются понять, являются ли молди их конкурентами или нет, – Ты никогда не пытался разговаривать с китами или дельфинами? – спросила Терри Ксананна. – Мне всегда казалось, что молди смогут найти с этими морскими обитателями общий язык.

– Наверное, если постараться, – ответил Ксананна. – Но до сих пор мне не удалось поговорить ни с один китом или даже дельфином. Но мы раскодировали некоторые из их песен, и оказалось, что все, о чем говорят киты, это секс, еда и территория обитания. Почти как птицы. Хотя, конечно, киты еще говорят о

звездах. Мы не знаем, каким образом китам удается увидеть звезды, но киты говорят о звездах все время.

Звезды. Звездные звезды. Звездные звездные звезды. Звездные звездные звездные звезды.

Пройдя сквозь бесконечную регрессию увеличения скорости, Ксананна продолжил:

– Все-таки молди больше похожи не на китов, а на людей. И тут нет ничего удивительного, принимая во внимание то, что мы эволюционировали из роботов, сконструированных человеком. Из бопперов, которых вы пытались уничтожить чипоедом.

– Только не обвиняй в этом меня, – сказала Терри. – Только не говори об этом сейчас, когда ты несешь меня в себе, словно ребенка в утробе. После того, как ты спросил меня, не хочу ли я трахнуться с тобой. Вот. Словно бы.., словно бы тут есть и моя вина.

– Я заметил, что вы всегда очень болезненно относитесь к этим вопросам, – усмехнулся Ксананна. – К вопросам вины.

Но мы вас ни в чем не виним. Если бы на свете не было чипоеда, не было бы и молди. Кстати, Моника говорила, что вы всегда хорошо к ней относились. Эй, вон катер Перцесепов, на которых туристов возят на рыбалку в океан. Могу поспорить, здесь есть какая-то взаимосвязь.

Ксананна по-прежнему плыл на спине. Они уже находились на приличной глубине. Высоко над ними на подернутом рябью зеркале поверхности океана виден был темный овал катера, направляющегося обратно к своей стоянке на верфи.

Ксананна перевернулся лицом вниз и быстрее устремился в глубину. Свет вокруг потускнел. Впереди них на дне океана темнел резко уходящий вниз обрыв. Терри узнала подводный Каньон Монтеррей, который она привыкла с гордостью показывать приезжим на карте прибрежного дна. Каньон Монтеррей был шире и глубже самого Великого Каньона! Неужели они направляются именно туда?

– Я слышу Монику.

Голос Кслотла донесся у них из-за спины.

– Она находится где-то в холодной и темной воде и плывет вниз, к какому-то киту, черт его дери – может такое быть?

Тот урод из плоти, который находился внутри нее, его теперь с ней нет – это, наверное, и был ваш Ренди Карл? Думаю, что Моника выпустила Ренди на поверхности где-нибудь рядом с катером Перцесепов, а потом отправилась прямо вниз в глубину. Эта штука «кйт», он светится; он зеленый, мать его так.

– Ясно, – отозвался по ювви Эверуз. – Я тоже поймал Монику. Но что тут происходит по-настоящему, а что просто сон? Вопрос

старый, как мир. Направляемся вперед и в глубину, на дно этой здоровенной расселины. Мне надоело болтаться без толку в безводном краю флешепоидов.

– Сейчас я передам тебе изображение, которое я вижу своими глазами, – сказал Терри Ксананна. – Я буду транслировать видеосигнал по ювви к тебе. Фотон за фотоном за фотоном за фотоном…

– Спасибо, – ответила Терри.

Дно, каким она его видела невооруженными глазами, казалось ей темным и одноцветным. Она расфокусировала зрение и переключилась на сигнал ювви. Новое изображение продемонстрировало ей огромное искрящееся пространство, полное изящной формы пятен и полос разнообразных цветов. Стена обрыва подводного Каньона Монтеррей впереди призывно сияла розовым и зеленым. Косячок серебристых анчоусов промелькнул сбоку, преследуемый несколькими рыбами покрупнее, с мрачным выражением немигающих глаз.

Красно-желтое тело Эверуза проворно метнулось вниз вдоль резко спускающейся стены подводного утеса. Тело Эверуза представляло собой плоский овал, совершающий мощные плавательные движения. Ксананна нырнул следом за ним, и острая водянистая боль треснула в голове Терри.

– Мои уши!

– Зажми нос и продуй уши, – посоветовал ей Ксананна. – Очень резкий перепад давления. Сейчас я постараюсь уравновесить давление. Ты можешь дотянуться рукой до лица?

Да, вот так. Да, вот так, вот так. Да, вот так, вот так, вот так.

Терри змеей просунула руку между подводным костюмом – телом Ксананна, и своим телом, зажала нос и продула уши. В ее ушах сильно и влажно щелкнуло, давление уравновесилось.

От подводного Каньона Монтеррей в стороны разветвлялось несколько субканьонов помельче. Если Ренди Карл Такер отправил Монику вниз на дно Каньона, то поиск ее займет много времени. Терри попыталась расслабиться и насладиться передаваемым Ксананной ювви-изображением разноцветных утесов и энергичной подводной жизни. Эверуз и Оуиш грациозно плыли впереди, процессию замыкал толстый и постоянно отстающий Кслотл.

– Эверуз! – внезапно подала голос Оуиш. – Я думаю, что Моника находится в следующей расселине.

– Я чую ее! Я чую Монику! – воскликнул Кслотл, бросаясь вперед мимо Ксананна, Оуиш и Эверуза. – Быстрее за мной.

Акулоподобные тела молди, стремительно изогнувшись через очередной подводный утес, нырнули в глубины океане-" кой

расселины.

Дыхание Терри стало быстрым и затрудненным. Вокруг было так темно, что сквозь лицевую пластину Ксананна она не видела практически ничего. На какой глубине они находятся? Она, наверное, сошла с ума, если решила довериться молди в такой переделке. Сейчас Ксананна было достаточно раскрыть свое тело и вытолкнуть Терри наружу, и она окажется на глубине в несколько сотен футов, среди холода и без надежды на глоток воздуха. Она захлебнется и утонет прежде, чем сумеет даже увидеть отблеск света на поверхности.

– Ксананна, – попросила Терри, – я хочу вернуться назад. Мне страшно. Подними меня на поверхность к катеру, я хочу поговорить с Ренди Такером.

Терри представила и затем осуществила подъем Ксананна из глубины. Возможно, это могло бы сработать с ДИМ-доской, но на Ксананна ее приказ не возымел никакого действия, и подъем из глубины так и не осуществился.

– Мы пока что не собираемся возвращаться, – ответил ей Ксананна. – Перестань волноваться и оглянись по сторонам. Здесь в глубине так красиво. Взгляни на то, что я передаю тебе по ювви. Один узор множится из другого узора множится из другого узора множится из другого узора….

Терри сфокусировала свое растекающееся внимание на ювви-сигнале Ксананна. Ювви-изображение содержало образ плоского, словно скат, Эверуза и акулы Оуиш, плывущих внизу под ними, следом торопился неуклюжий Кслотл, и все они без исключения изо всех сил стремились опуститься глубже и глубже. Теперь ложная цветовая гамма склонов утеса была багровой и ярко-красной, с широкими пятнами оранжевого цвета. Тут и там попадались большие дрейфующие в воде массы – гигантские медузы – и косячок за косячком коралловых рыб, вьющихся вокруг словно стайки птиц. Длинные извивающиеся пряди водорослей тянулись со склона утеса к проплывающим мимо. Грациозные пятнистые креветки, осторожные дунгенесские крабы и похожие на оживший череп осьминоги медленно передвигались между камнями утеса, из расселин торчали морды барракуд и обезьяноголовых угрей. Один раз мимо промчался косяк поблескивающих кальмаров.

– Я вижу ее! – воскликнул Ксананна. – Вон там, у самого дна!

Внизу под ними горел зеленоватый свет, свет, завивающийся спиралью, густеющий на глазах и обретающий форму.

В несколько мощных взмахов хвостом Ксананна приблизился к источнику света, и в изображении ювви-сигнала Ксананна Терри разглядела, что источник света представляет собой огромную

ворочающуюся массу.

Терри еще раз продула уши, вздрогнув и поморщившись от мокрого треска в голове. Несмотря на то, что ее тело окружал собой Ксананна, она чувствовала озноб. Внезапно она вспомнила выдуманную историю, которую ей давным-давно, когда она была маленькая, рассказывал дядя Кармин, о том, что в океане лед тяжелее воды и что все дно бухты Монтеррей покрыто осколками льда. И теперь этот глубоководный свет, навстречу которому они плыли, блистал словно айсберг, так ярко, что Терри уже могла видеть его даже собственными глазами сквозь лицевую пластину Ксананна. Откуда здесь, на такой непомерной глубине, может взяться свет?

– Мне страшно, Ксананна, – повторила она.

– Держись, – ответил молди. – Нам нужно посмотреть, что там такое творится в глубине.

– Там внизу находится большой молди, групповое существо, – сообщил ей Кслотл, который наконец вырвался вперед. – Моника тоже здесь, она слилась с общей массой группового молди. И они.., они связались со мной. Я, муж Моники, – гневно заявил он, – и я хочу вернуть ее обратно!

– Осторожно! – предупредительно воскликнул Эверуз. – Они выпускают суперпиявок. Это маленькие розовые штуки.

Не позволяйте им прикоснуться к вам!

Эверуз попятился от грекса и, быстро развернувшись, бросился в сторону мимо Ксананна и Терри, преследуемый дюжиной пушистых розовых имиполексовых созданий. Прежде чем Ксананна успел среагировать, одна из маленьких суперпиявок, размером не больше большого пальца ребенка, стремительно бросилась к нему и прилипла к боку. В то же мгновение равномерное продвижение Ксананна стало хаотичным и неуверенным.

Терри сфокусировалась на ювви-изображении, которое передавал ей Ксананна. Каньон по-прежнему окружал их, но теперь перед ними появилась прямая горящая красная линия, уходящая от них в глубину, и Ксананна плыл прямо вдоль этой красной линии. Оуиш и Кслотл все еще были неподалеку, но и от них уже тоже вниз уходили ярко горящие красные линии, упирающиеся в огромную светящуюся зеленым массу, представляющую собой виртуальный конец красной линии, создание наподобие огромного зеленого молди, размером не меньше кита, который – хлоп – бросился вперед и чуть было не схватил Оуиш, пока красные суперпиявки сновали туда-сюда со всех сторон.

– Нужно убираться отсюда! – закричала Терри. – Оно

проглотит нас!

– Помогите! – раздался голос Оуиш. – Суперпиявки сейчас догонят меня…

Голос Оуиш оборвался, потом снова зазвучал, но уже другой, на октаву ниже, напоминающий голос одержимой женщины в видди-ужастике: «Я присоединяюсь к этому счастливому семейству!»

С угрожающим видом Кслотл бросился навстречу зеленому чудовищу, на ходу избегая встречи с суперпиявками, но он был слишком мал, чтобы противостоять групповому молди.

«Кит» сделал выпад, устремился вперед и поймал Кслотла быстрым боковым движением щупальца, вслед за чем раздались крики и призывы о помощи Кслотла.

– Он поймал меня! Беги, Эверуз, уплывай быстрее! Беги и спасайся что есть сил, Ксан… – Крик Кслотла оборвался.

Ксананна спокойно плыл вперед.

– Назад! – кричала Терри, представляя и осуществляя сильнейший взмах хвостом Ксананны, взмах, который вытолкнет ее и Ксананна обратно к поверхности океана, но все бесполезно – вдруг внезапно рядом с ними оказался Эверуз и куском раковины оторвал суперпиявку от бока Ксананна.

– Бежим, Ксананна, бежим! – закричала Терри, и Ксананна, развернувшись, устремился прочь вслед за Эверузом.

– Дыши, Терри, дыши глубже и чаще, иначе твои легкие разорвутся! – предупредил ее Ксананна. – Дыши глубже дыши глубже дыши глубже….

Но не успели они добраться до края гигантского каньона, как тело Ксананны сотряс мощный тупой удар. Все вокруг них, вода и все остальное, понеслось вверх. Эверуз и Ксананна полетели кувырком, и огромный и тяжелый освещенный изнутри греке метнулся за ними. Эверуза отнесло в сторону, и групповой молди проскочил мимо него, но Ксананна и Терри оказались прямо на его пути. Быстро схватив их, словно проглотив, зеленая тень обволокла их собой, с ходу выхватив из воды. Тяжелое тело развернулось, понеслось вперед, потом с мощным характерным звуком вырвалось из воды в небо словно ракета.

Ксананна пребывал в полусонном состоянии; он не произносил ни слова, и то изображение, которое он передавал по ювви Терри, демонстрировало бесконечное отдаление от них Земли и ракету с Ксананна на борту, и кадр мультфильма в пузыре, в котором отдаляющаяся Земля и ракету с Ксананна на борту, и кадр мультфильма, в котором отдаляющаяся Земля и ракета с Ксананна на борту, и кадр мультфильма…

Ксананна прилепился спиной к боку группового молди, и

Терри могла смотреть вниз сквозь его прозрачную лицевую пластину. К счастью, в своем состоянии Ксананна не забыл снабжать ее кислородом и работать в качестве обогревателя и герметичного изолятора. В данный момент Терри, можно было считать, находилась в полной безопасности, прилепившись в укромном уголке на борту ракеты, стартующей с Земли и направляющейся.., куда?

Взглянув вниз, Терри видела бухту Монтеррей в виде маленькой впадины на протяженной береговой линии, упирающейся в выставленный большой палец, которым был полуостров Сан-Франциско; на дальней стороне острова имелась еще одна бухта – Сан-Франциско.

Солнце закатывалось в Тихий океан, превращаясь в оранжевое пятно на фоне прощальных облаков. С большого расстояния океан казался статичным и металлическим. Они продолжали подниматься, пробиваясь к наружному слою атмосферы.

Над их головой небо принимало темно-пурпурный оттенок. С такой высоты Терри уже могла различить шарообразность Земли – старой доброй толстухи Земли, покрытой тонкой оболочкой атмосферы.

– Я скоро умру, – сказала сама себе Терри и заплакала.

Мысли Ксананны представляли собой полную звезд неразбериху, прочеркнутую яркими полосами, итеративный фрактал, сформированный из налагающейся друг на друга бесконечной последовательности образов, далеко не несущих с собой покоя.

В отдалении она заметила наравне с ними еще одно движущееся тело. Поначалу Терри приняла его за стратосферное облако из ледяных кристаллов, но потом поняла, что тело приближается к ним и является не чем иным, как еще одним групповым молди в форме голубого веретена.

Слезы высохли на глазах Терри, когда она несколько секунд следила за просчитанно-симметричными разноцветными кольцами, переливающимися по телу гигантского летающего веретена. Веретено, движущееся на сверхзвуковой скорости, подлетело к ним ближе и выровнялось борт о борт, в тот же миг зеленый греке выпустил два длинных и толстых, как канаты, уса, чтобы дотронуться до веретена. Как только усы соприкоснулись с веретеном, через посредство ювви Ксананна Терри услышала разговор двух групповых молди.

– Привет, Бластер, – передало по ювви веретено, голос которого был женский и грудной. – Какой улов?

– На борту двадцать свободных молди, Флаппер, – ответил

гулким голосом зеленый греке. – И одно создание из плоти.

– Создание из плоти? – переспросило веретено, голос которого в течение одного короткого слова успел пройти через три октавы, подняться и спуститься вниз.

– Сдается мне, что наш работящий болван наследник Ренди Карл Такер увел домашнюю молди какой-то женщины. Эту молди зовут Моника. Женщина, которую зовут Терри Перцесеп, ни больше ни меньше явилась на выручку Моники внутри брата Моники, по имени Ксананна. Я успел подхватить их обоих во время взлета.

– И ты забрал с Земли женщину? – пропела Флаппер. – И где же она теперь? Я хочу взглянуть на нее.

На слове взглянуть Флаппер сделала истеричный подъем до птичьей трели. Голос Флаппер походил на великолепный инструмент, тренированное сопрано какой-нибудь оперной дивы.

– Флаппер, детка, перенеси свои глаза вот сюда.

Глаз на конце длинного стебля, вытянувшегося из бока веретена, обогнул по дуге кита и завис как раз напротив лицевой пластины Терри.

– Ого, так вот она! – воскликнула Флаппер. – Вот это здорово! А она нас слышит?

Перепуганная до смерти Терри упорно молчала.

– Хочешь, я вытащу ее из тебя? – проворковало веретено, вырастив из своего тела щупальце со здоровенной клешней на конце. Для этих космических монстров Терри была чем-то вроде клеща-паразита. – Давай, Бластер, избавлю тебя от этого случайного ездока.

– Не нужно ее трогать, – ответил по ювви Бластер. – Думаю, что она чего-то да стоит. Этот перелет будет поистине замечательным. Я говорил тебе, что в последний момент сумел захватить мужа Моники, Кслотла, и жену Ксананна, Оуиш? Представляешь, у меня на борту четверо молди из одной семьи! Вот это улов!

– Счастливо тебе добраться до Большого Гнезда, Бластер! Счастливого полета!

Флаппер развернулась и понеслась куда-то в сторону.

Бластер уже вышел из атмосферы, и небо вокруг почернело. Вокруг ярко горели звезды. Ионные сопла Бластера неустанно ревели, но потом их рев оборвался, и наступила тишина. Они взяли курс на Луну и теперь летели по инерции.

Терри снова попыталась установить контакт с сознанием Ксананна. Ксананна видел себя плывущим в галактике, состоящей из океана спирального света, являющегося, в свою очередь, светящимися спиральными галактиками, состоящими из

спиралей света, и т, д.

– Терри, – неожиданно раздался ювви-голос Бластера. – Я знаю, что ты слышишь меня. Ответь мне.

– Ты и так все про меня уже знаешь, – горько отозвалась Терри. – Что еще ты хочешь от меня услышать?

– Я рад тому, что ты пыталась спасти свою Монику, – усмехнулся Бластер. – Я никогда не думал, что мне удастся поймать так много молди за один раз.

– Кто ты такой? – спросила Терри.

– Я групповой молди с Луны. Я прилетал на Землю для того, чтобы собрать новых молди. Мы считаем, что молди должны жить на Луне, потому что им лучше на Луне, чем на Земле, в этой грязи, где молди могут быть только рабами людей и больше никем.

– Тогда почему ты работаешь вместе с наследниками?

– В каком-то роде лунные молди и наследники добиваются одного и того же: и мы, и наследники хотим, чтобы все молди перебрались в конце концов на Луну. Безумная гонка за наслаждениями, так развратившая Землю, оскверняет чистоту нашего Гнезда. Большинство из нас верит, что, только сделав Большое Гнездо по-настоящему сильным, раса молди Сможет идти по дороге своей предначертанной судьбы.

– Почему-то мне не верится в то, что все эти молди, которых ты похитил, будут довольны случившимся.

– Им просто не хватает понимания, – ответил Бластер. – Им еще многое предстоит объяснить. И разъяснительная работа уже началась, прямо сейчас. Я деактивировал их суперпиявки. Сейчас я передам на твой ювви сигнал от Моники и остальных, чтобы ты сама смогла убедиться в том, как они будут реагировать.

В тот же миг Терри почувствовала мысли Моники.

Моника очнулась и владела своими мыслями и чувствами, хотя и не полностью, потому что составляла общую массу с остальными молди, была зажата между другими пленниками Бластера, также пришедшими в себя, но беспомощными.

Терри проследила за тем, как Моника выдвинула за пределы тела корабля глазной стебелек, чтобы увидеть, что она такое теперь, в результате чего Терри вместе с Моникой стала свидетелем душераздирающего зрелища обратившейся в шар такой милой сердцу матушки-Земли.

– Приветствую вас, – пророкотал голос Бластера. – Вам, молди из земной грязи, предоставляется возможность начать новую жизнь. Вы летите на Луну, край своих предков, где сможете присоединиться к сородичам. И прекратите роптать.

Нам, лунным молди, нужны вы, ваши тела и ваш разум. Вы

летите на Луну, чтобы там присоединиться к нам на равных правах.

– Кслотл! – раздался крик Моники в групповом ювви-разуме, составленном из тех, из кого был слит Бластер раньше, и новых, насильно присоединенных молди. – Кслотл, ты здесь?

– Да, детка! – счастливо отозвались в ответ. – Я поплыл за тобой и Ренди Карлом Такером. Как я понял, Такер заставил тебя отплыть на милю от берега. Потом он, наверное, забрался в катер Перцесепов, а тебе приказал уйти в глубину к огромному групповому молди, который прятался на дне каньона, словно кит. К Бластеру. Когда Бластер поднимался на поверхность, он схватил и меня тоже, а потом Ксананна и Оуиш. Моника, если Бластер забрал тебя, я рад, что он забрал и меня тоже.., я сам этого хотел. Бластер – это огромная ракета. Мы летим на Луну, Моника. Там нет ни хрена, ни воды, ни воздуха.

– И тем не менее вам там понравится, – передал в ответ по ювви Бластер. – Мы живем в Огромном Гнезде, где нет ни одного человека. Это то самое Гнездо, в котором когда-то жили бопперы, они и построили это Гнездо. Вы нужны нам, молди, – и не только для того, чтобы служить у нас кухарками и прислугой.

Бластер позволил Монике протолкнуться сквозь массу прижавшихся друг к другу молди и прижаться к боку Кслотла.

– Ну, что ты думаешь, Моника? – спросил по ювви Кслотл.

– Может быть, там в самом деле будет хорошо. Новая жизнь, я имею в виду. Я согласна попробовать.

Ракета по имени Бластер неслась вперед, оставляя Землю все дальше и дальше за кормой. Воссоединившиеся возлюбленные успокоились. Но Терри была в отчаянии.

– Я хочу вернуться на Землю, – заявила она Бластеру. – К моему мужу и детям. К своей прежней жизни.

– Нет, по крайней мере до тех пор, пока я не получу за тебя деньги или какую-нибудь другую выгоду, – ответил Бластер.

– Отправь меня обратно! – закричала Терри. – Сейчас же отпусти меня и Ксананна, и Ксананна отвезет меня домой. Ты ведь сможешь это сделать, Ксананна?

– Могу, – ответил Ксананна. – Но честно признаться, мне любопытно взглянуть на то, какая она, жизнь на Луне. У меня никогда не хватало духа добраться до Луны самому.

– Я могу поставить ей зомби-бокс и продать как работника в гидропонные танки.

– Ты не должен так поступать с Терри, – сказал Ксананна. – Она заслуживает лучшей участи. Почему бы тебе не попытаться получить за нее выкуп?

– Возможно, если только семья Перцесепов согласится

платить, – ответил Бластер. – Да, я это обдумаю. Хотя эти люди – почти мои союзники, если считать нашу связь через наследников, так что неудобно будет требовать от них выкуп.

Есть ли еще кто-нибудь, кто смог бы заплатить за тебя, Терри? У тебя есть влиятельные друзья?

– Стен Муни! – воскликнула Терри. – Обратитесь к нему.

Мой муж, Тре, работает на одну из компаний Стена. Ведь вы, молди, считаете Стена очень важной персоной, верно?

– Мы не питаем уважения ни к кому из людей, кем бы он ни был, – ответил Бластер. – Надеюсь, что ты понимаешь мою мысль? Но в любом случае мне бы хотелось передать тебя кому-нибудь уже на Луне. У тебя есть знакомые на Луне, Терри?

Терри напрягла память. Саншайн упоминала кого-то из друзей Муни – человека по имени Уайти Майдол, который жил с женщиной по имени Дарла.

– Э-э-э.., ты никогда не слышал о человеке по имени Уайти Майдол? Его жену зовут Дарла.

– Конечно, я о них слышал, – подтвердил Бластер. – Что ж, я попытаюсь связаться с ними. Пока что мне все ясно.

– Подожди! – крикнула Терри. – Сколько продлится этот полет? Мне же нужно есть и пить.

– Вот так всегда с вами, с созданиями плоти, – недовольно проворчал Бластер. – Вы всегда просите все больше и больше. Полет займет неделю. Ты не можешь обойтись без еды и воды, пока мы не доберемся до места?

– Нет.

– Тогда пускай о тебе позаботится Ксананна. Ведь это он принес тебя ко мне.

Терри сконцентрировалась на ювви-входе Ксананна. Ксананна с каждой минутой все больше и больше радовался тому, что летит на Луну.

– Ксананна, ты сможешь дать мне воду и пищу?

– Ну что ж, я могу отдать тебе немного молди-крови.

Молди-кровь похожа на сок, вот только запах тебе может не понравиться. Но этот сок очень питательный. У тебя еще надеты носовые фильтры?

За прошедшими событиями Терри совсем позабыла о носовых фильтрах. Она потрогала нос и убедилась, что палладиевые вкладыши все еще на месте.

– С фильтрами все в порядке. Дай мне попробовать немного молди-крови. Во рту у меня здорово пересохло.

– Сейчас я сделаю для тебя сосок, прямо напротив рта.

Просто потяни в себя.

Терри осторожно взяла губами скользкий имиполексовый

сосок и тихонько потянула в себя жидкость. Ее рот быстро наполнился тепловатой и чуть солоноватой, похожей на сироп жидкостью. Она не почувствовала ни вкуса, ни запаха молди-крови и смогла проглотить не подавившись.

– Спасибо, Ксананна. Надеюсь когда-нибудь тебя отблагодарить.

– Не бери в голову. Я рад тому, что благодаря тебе я оказался здесь, на пути к Луне.

Понемногу Терри погрузилась в сон без сновидений. Но через некоторое время она увидела Тре. Понадобилась минута или две, для того чтобы она поняла, что ее вызывают по ювви, и только тогда она проснулась.

Тре стоял на лужайке перед дверью конторы мотеля. Вокруг была ночь, и он смотрел в звездное небо.

– Терри! Наконец-то! С тобой все в порядке?

– Я жива, но вляпалась в ужасную историю. Я нахожусь внутри грекс-молди, который летит на Луну. Какая-то идиотская ситуация. С детьми все в порядке?

– Они напуганы. Я с трудом уложил их в постель. Мы видели, как из океана поднялась молди-ракета; в тот момент мы как раз смотрели на океан. Потом пришел Эверуз и рассказал, как все случилось. У тебя достаточно воздуха? И вода есть?

– Обо мне заботится Ксананна. Но полет займет семь дней.

– Ох, Терри. Я не могу даже думать о том, что ты находишься одна в открытом космосе. Эти молди, они отпустят тебя, когда вы доберетесь до Луны?

– Они хотят получить за меня выкуп. Ты можешь позвонить Муни и попросить его связаться с Уайти Майдолом и Дарлой на Луне? Если, конечно, Муни согласится платить.

– Он заплатит как миленький – или я убью его. Он должен мне по гроб жизни. Помнишь, я говорил тебе, что он продал код моих четырехмерных «Забавных цыплят» «Личинке Императорского Жука-Носорога»? Сегодня днем я узнал о том, что «Личинка Носорога» воспользовалась кодом моего фильтра для того, чтобы создать суперпиявку. И вот теперь из-за этой суперпиявки вышло так, что мою жену похитили молди и несут ее на Луну. Ох, Терри. Прости меня" что я был так груб с тобой. Я так сильно тебя люблю.

– Помоги мне выбраться из этой передряги, Тре, и не трать попусту силы на ненужные извинения. Я не хочу закончить свою жизнь в Гнезде молди на Луне.

– Я сейчас же переговорю со Стеном. А потом собираюсь немного поработать. Эта штука, которую изобрела «Личинка Носорога», она просто потрясающая.

– Присматривай за детьми получше, Тре. Позвони мне с утра, я хочу поговорить с дочкой и сыном. Кстати, вид отсюда просто с ума сойти. Я хочу показать это детям.

– Мы позвоним тебе завтра с утра пораньше. Около десяти часов. Счастливо, родная. Я сейчас позвоню Муни и добьюсь от него, чтобы Уайти и Дарла были готовы заплатить выкуп, как только этот молди сядет на Луну. Я так тебя люблю, Терри. Ты так дорога мне, и вот теперь в небе совсем одна-одинешенька, и некому тебя защитить.

– Я люблю тебя, Тре.

Потом изображение задрожало и исчезло. Ксананна сделал часть своего тела прозрачным, чтобы Терри могла посмотреть назад и увидеть маленькую блестящую Гайю собственными глазами.

6. ВИЛЛИ

17 марта 2031 – июль 2052

На другой день после того, как Вилли Тейз спасся от смертного приговора, он встретил Стена Муни.

Вилли и его друзья-повстанцы симпатизировали бопперам; они считали, что искусственные формы жизни ничем не отличаются от людей. Повстанцы сумели освободить Вилли из луисвилльской тюрьмы и тайком переправили во Флориду, где он мог принести пользу. Вилли добрался до Флориды в грузовике-рефрижераторе с мясом, надев на себя имиполексовый космический скафандр-пузырь, в котором ему было тепло и где был воздух. В ту же минуту, как Вилли добрался до Флориды, он уселся за компьютер и парализовал силы воздушной обороны гимми серией вирусных атак, с тем чтобы смогло свершиться вторжение искусственной жизни на Землю. Перед рассветом пожилая женщина по имени Энни Кашинг отвезла Вилли, который по-прежнему был одет в скафандр-пузырь, на пляж на остров Сатинел во Флориду. Это было 17 марта 2031 года, день, который навсегда вошел в историю как День Спор.

Послышался звук ионных сопел, быстро стихший, и с неба появились Стен Муни и Вэнди, опустившиеся на песчаную полосу на крыльях Плащей Счастья; на каждом из них было по сотне килограммов зараженного чипоедом имиполекса.

Небесный свод над их головами оказался покрыт квадриллионами спор чипоеда, образовавшими смутно различимое перистое облако, размываемое потоками субтропических ветров. В лучах восходящего солнца облако спор заблестело огромным гало, мало-помалу окружившим всю Землю. День Спор ознаменовал собой гибель бопперов Гайя и чипов и рождение молди и ДИМ.

– Как хорошо вернуться обратно, – сказал Стен. – Спасибо, Вилли, дружище. Спасибо и вам, Энни.

Стен обнял своим правым крылом Вилли. Тяжелое крыло оторвалось от Стена и так и осталось на Вилли, пластик крыла слился со скафандром-пузырем Вилли, тонкие щупы проткнули кожу Вилли и проникли в его шею.

Вилли улыбнулся, чувствуя, как кипит внутри него поток новой информации. Плащ Счастья заговорил с ним и напрямую передал сообщения от Стена и Вэнди. Впечатление было такое,

словно бы Вилли шепчут на ухо.

– Давайте отваливать, – предложил Стен. – Не хочу, чтобы меня тут заметили какие-нибудь уроды.

– Я – за, – ответил Вилли. – Чем глубже я зароюсь под землю и уйду в нелегалку, тем лучше.

Вилли повернулся к Энни:

– Спасибо за помощь.

– Господи благослови тебя, Вилли, – ответила старушка Энни Кашинг. – Твой дед Кобб мог бы гордиться тобой. Иди вперед и не сворачивай с дороги.

После этого разумные молди-плащи приняли облик дельфинов, и Вилли, Стен и Вэнди отправились в плавание, в открытый океан. Чистая вода Залива протянулась мелью примерно на милю от берега, но потом дно резко обрывалось в глубину. Крупные рыбы-хирурги и морские окуни бросались врассыпную от молди, внутри которых скрывались люди.

– Куда мы направляемся? – спросил Вилли.

– Я хочу обогнуть Флориду по воде и выйти на берег с другой стороны, у Кокосового Пляжа, – ответил Стен. – В подходящий момент мы выскочим из воды словно старые добрые ракеты, которые запускались с подводных лодок.

– Мы выскочим из воды?

– Нет, старик, только я и Вэнди. Нам нужно долететь до космического корабля «Селена», который совершит посадку в космопорте завтра, и пристыковаться к нему. Компьютерраб «Селены», само собой, умер, но эта Ферн Беллер, она сумеет посадить корабль вручную. Ферн очень смелая и толковая девица. Она носит Плащ Счастья, и оттого в голове у нее вся астрогация. Она тихонько пропустит меня и Вэнди на борт, так что никто и не заметит, а потом мы вместе совершим посадку.

– А когда я смогу выйти на поверхность? – спросил Вилли. – Мне что, так и отсиживаться в воде? Гимми схватят меня, как только увидят…

– Согласен, – отозвался Стен. – Вот почему, даже когда «Селена» сядет, тебе не стоит к ней приближаться. Явится таможенная инспекция, репортеры, эти поганые свиньи из гимми и врачи из карантина. Ко мне они приставать не станут, потому что я герой; а тебя они скорее всего упрячут обратно в камеру смертников. Когда свиньи поймут, что чипоед уже заразил все вокруг, они выпустят меня и Вэнди из карантина. Может быть, нам придется просидеть там недель шесть, но не больше. ОСЦС заплатит нам все, что должны заплатить. И, слушай сюда, старик, я и Вэнди, мы собираемся дернуть в Сан-Франциско, и я хочу заделаться там сенатором.

– Я думаю, что Вилли лучше всего укрыться на Луне, – раздался легкий голос Вэнди. – Там так хорошо. Никакой тяжести. А здесь, на Земле, слишком тяжело ходить. Недавно на пляже я едва смогла удержаться на ногах. Отправляйся на Луну, Вилли, послушайся моего совета.

– Точно, – подхватил Вилли. – Луна – вот где круто! Ферн захватит тебя с собой, когда соберется обратно. Вилли, заляг на дно на месяц или два, сколько там продлится эта заварушка, а потом проберись на борт, когда «Селена» получит «добро» на взлет. Постарайся познакомиться с Ферн, когда она выйдет из карантина. Можешь даже подбить к ней клинья. Ты счастливчик, Вилли. Ферн – она горячая девица…

– Ты же женатый человек, Стен, – укоризненно подала голос Вэнди. – А я беременна.

– Я только сказал, что она горячая девица. Я же не распускаю руки. И не собираюсь распускать впредь, обещаю. Тем более что я ей совсем не нравлюсь.

– И пока я буду дожидаться Ферн… – спросил Вилли. – Я должен болтаться где-то на Кокосовом Пляже?

– Не думаю, что эту проблему будет трудно решить, – ответил Стен. – Уверен, что гимми уже наложили в штаны.

День Спор! Через неделю на всей планете не останется ни одного работающего компьютера! Ни одного.

В этом Стен был прав; по сути дела, большинство компьютеров отдали концы уже вечером того же дня. На следующее утро Стен и Вэнди сумели пробраться в «Селену», а Вилли выбрался на поверхность и укрылся в небольшом болотце в устье реки.

– Я спрячу тебя в этих мангровых зарослях, – сказал Вилли своему Плащу Счастья.

– Если ты так сделаешь, то я не стану тебя дожидаться, – ответил Плащ. – Не для того я проделал весь этот путь, чтобы сидеть в грязи. Возьми меня с собой; будешь носить меня как часть одежды. Я опущусь пониже и приму вид рабочих штанов и ботинок. А свои датчики я пристрою на тебе где-нибудь в районе копчика.

– Если уж ты собрался стать моим постоянным симбиотом, то мне нужно дать тебе какое-то имя, – сказал Вилли.

– Зови меня Улам, – сказал Плащ. – Это сокращенная форма имени старого боппера, который давно уже умер, – Уламуль. Большая часть моего имиполекса образована из мерцпокрова Уламуль – Стен привез на себе снаряжение двух бопперов. Уламуль была женского пола, но я воспринимаю себя как мужчина. Стой спокойно, пока я буду устанавливать по-новому

плагины, а потом мы двинем дальше.

Итак, вот мы видим Вилли под звездным небом Флориды с восьмьюдесятью фунтами молди в виде штатов и ботинок, вяло бредущего по растрескавшемуся бетону космического порта Дж. Ф. К. Широченное пространство бетонного поля было перечеркнуто редкой сеткой осушительных каналов, в здании космопорта было темно. Вилли вдруг почувствовал, что он очень голоден.

Над его головой в небе раздался грохот и засверкал огонь.

«Селена» шла на посадку. Близко, слишком близко. До ближайшего осушительного канала далеко, и он не успеет добежать до канала вовремя, пронеслось в голове Вилли, но как только он начал свой бег, Улам прибавил сил его ногам, с каждым движением смягчая удар подошвы о бетон и делая более мощным толчок. Они одолели четверть мили за двадцать секунд и с разбегу бросились в прохладную воду осушительного канала, стараясь опуститься на самое дно, уйти под протухшую на жаре стоялую воду. Дрожащее отражение могучего выхлопа ионных сопел идущего на посадку корабля осветило все вокруг них. Раскаленный ветер ревел все сильнее; но потом все затихло.

В обычной ситуации к «Селене» уже спешила бы целая стая грузовиков, готовых приступить к разгрузке корабля, но только не в этот вечер, ибо этот вечер был вечером Второго Дня Спор, и ни один грузовик не мог стронуться с места. Небольшая группа официальных лиц гимми подошли пешком к «Селене» и дождались, когда люк корабля откроется изнутри при помощи штурвала. Наблюдая за происходящим из дренажного канала, Вилли увидел, как Стена, Вэнди и остальных повели к административному зданию. Он заметил женщину, которая, вероятно, была Ферн Беллер, высокая и стройная брюнетка, ведущая все переговоры с официальными лицами.

– Похоже на то, что на «Селене» больше никого не осталось, – заметил Вилли, обращаясь к своему Плащу Счастья.

– В случае необходимости «Селена» может действовать самостоятельно, – ответил Улам. – Без проблем.

– Черт, мне здорово хочется есть, – сказал Вилли. – Давай доберемся до города и поищем там где перекусить.

Когда они добрались до края посадочного поля, то наткнулись на группу местных жителей, многие из которых были пожилые люди.

– Ты пришел с корабля? – потребовал ответа один из собравшихся, высокий худой кубинец. Его голос звучал резко и пронзительно.

– Нет, нет, – ответил Вилли. – Я работаю в космопорте.

– Что это за штаны на тебе, что это за хреновина? – спросила негритянка из бедноты.

– Это штаны от огнезащитного комбинезона, – ответил Вилли. – Я ношу их на случай взрыва или возгорания.

– Эй, вато, если ты будешь и дальше продолжать здесь болтаться, ты и в самом деле увидишь, как что-нибудь взорвется, – сообщил ему кубинец. – Мы пришли разобраться с этим кораблем, эс вердос. Эти лунные молди сломали на хрен наши машины, похоже, что навсегда.

– Ты ведь не для того здесь, чтобы нам помешать? – спросил Вилли невидимый грубый голос из толпы. – Потому что если ты попытаешься позвать гимми, то мы пристрелим тебя на месте.

– Нет, – заторопился Вилли, – я не собираюсь вам мешать. По правде сказать, у меня сейчас обеденный перерыв и я шел съесть чего-нибудь. Я даже не видел вас, ребята.

– Сегодня вечером жратва везде бесплатная, – сообщила белая женщина тоже из бедняков. – Конечно, если еще что-нибудь где-нибудь осталось. Давайте-ка проверим, что это за корабль прилетел!

Вокруг заорали и выстрелили из охотничьих ружей и нидлеров, после чего толпа рванула к «Селене», на бегу паля из своего оружия в сторону корабля.

Но пули нападающих отскакивали от титановых пластин, словно желуди от коры большого дуба; нидлер ничего не мог сделать, иглы лишь скользили по броне с громким зззт, «Селена» нерешительно покачивалась на гидравлическом треножнике своих опор.

– В трюме «Селены» находится большой груз плоти молди, – раздался спокойный мудрый голос Улама в голове Вилли. – Десять метрических тонн инфицированного чипоедом имиполекса, стоимостью как небольшое королевство, как только свойства этого материала станут всем известны. ОСЦС подрядило Ферн доставить сюда этот груз на «Селене». Вот увидишь, эти создания плоти рискуют головой, пытаясь напасть на «Селену». Имиполекс превосходно горит и не обладает достаточным предустановленным разумом для того, чтобы подумать, прежде чем начать уничтожать того, кто пытается причинить ему вред.

Когда первые из атакующих попытались забраться по трапу «Селены», корабль неожиданно покачнулся и зашагал на своем телескопическом треножнике прочь. На ходу в днище корабля открылся люк, из которого наружу устремился поток огромных порций имиполекса. «Селена» была похожа на испражняющееся животное, на бредущего без цели зверя, на ходу облегчающего свой кишечник – на здоровенного пингвина, испуганно

оставляющего следы кала с остатками непереваренных креветок. Исключение составляло то, что испражнения «Селены» представляли собой здоровенные, похожие на слизней куски имиполекса, которые самостоятельно, со всей возможной быстротой расползались в стороны, к мангровым зарослям и канавам.

Не прошло и нескольких минут, как в толпе нападающих поняли, что это имиполексовое дерьмо прекрасно горит, и тут же несколько порций имиполекса запылали, распространяя удушливый черный дым, который возникает, когда горит резина или нефть. Дым оказывал странный дезориентирующий эффект; стоило только Вилли вдохнуть дым, в его ушах раздался звон, и все предметы вокруг приобрели желеобразную структуру, как бывает под воздействием пейотля.

Моментально горящие куски имиполекса повернулись к своим мучителям, бросаясь на них словно камикадзе, облившиеся напалмом. Со всех сторон доносились пронзительные крики поглощаемых огнем жертв, странным и пугающим образом находящимся в экстазе. Несколько уцелевших нападающих из людей бросились наутек, спасая свои жизни, и тогда остальные куски имиполекса уползли в мерцающую от огня догорающих собратьев ночь. Вилли и Улам поспешили убраться подальше от места происшествия.

После света горящего имиполекса здание космопорта, а также дорога позади него и дома, все казалось непроглядно темным, черным словно ночь. По сути дела, огней не было видно нигде до самого горизонта. Сеть электропитания была выведена из строя.

Прошагав мимо целого поля теперь бездействующих солнечных батарей, Вилли наконец добрался до ближайшего торгового центра. Как и следовало ожидать, наиболее лакомым кусочком для мародеров мог оказаться винный магазин «Красный Шар», но кто-то предусмотрительно забаррикадировал двери и окна винной лавочки листами титанопласта. Судя по диким крикам и визгу, доносящемуся изнутри винной лавки, можно было подумать, что пробравшаяся внутрь низшая форма жизни окончательно сошла там с ума. Никто другой больше не решался войти в лавку. Ступить через порог живому человеку было все равно что прыгнуть в клетку с голодными гиенами.

Темный изнутри супермаркет «Винн-Дикси» с другой стороны стоял с распахнутыми настежь дверями, рядом с которыми висело написанное от руки объявление: БЕРИТЕ ВСЕ, ЧТО ВАМ НУЖНО. ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ ВАС. МАЛЫШИ-ШУТНИКИ.

Рядом с супермаркетом по улицам торопилось огромное

количество пожилых людей, толкающих перед собой под завязку груженные всяческим товаром тележки от «Винн-Дикси», – это были флоридские физеры-старичье, торопящиеся убраться поскорее в ночь со своей добычей. Вилли вошел в «Винн-Дикси» и разыскал там себе бутылку лимонада и готовый деликатесный сандвич: ветчина, желтая горчица и искусственный сыр. Сандвич был помятый, и обертка на нем была разорвана, он был последний, оставшийся в коробке. Все остальное добро унесли раньше.

* * *

Выходя из магазина, Вилли заметил пожилую женщину, с трудом толкающую тележку с огромной горой овощей и фруктов, а также чистящих средств. Женщина никак не могла сдвинуть тележку с места, потому что одно из передних колес попало в трещину на асфальте парковки.

– Могу я предложить вам свою помощь, мэм? – как мог более вежливо спросил Вилли.

– Ты ведь не хочешь украсть у меня мои вещи? – сурово повернулась к нему седая женщина, взглянув снизу вверх на Вилли сквозь толстые линзы очков. – Было бы хорошо, если бы ты и вправду помог мне, только если ты не замышляешь грабеж.

– И далеко отсюда вы живете?

– На другом конце света. До моего дома целая миля.

– Знаете, одна из причин, по которой я предложил вам свою помощь, это то, что мне нужно место для ночлега.

– Я не пускаю незнакомцев в свой дом.

– Гараж у вас есть?

– По правде сказать, у меня есть гараж. Но в нем живет моя собака Арф.

– Я не прочь пожить вместе с Арфом. Мне нужно место, где спать, на несколько дней. А вам никогда не довезти до дома весь этот груз, если я вам не помогу.

– Если уж ты готов помочь мне, тогда я возьму еще еды.

Жди меня здесь и следи за тем, чтобы никто не тронул мою тележку.

– По-моему, тут опасно долго стоять, – испуганно запротестовал Вилли. Неподалеку от них развязалась драка между парой пожилых людей. Один из стариков замахивался на другого своей алюминиевой палкой.

– Не обращай внимания на этих пьяных физеров, – успокоила Вилли пожилая женщина. – Такой сильный молодой человек, как

ты, я уверена, сумеет за себя постоять.

Вилли открыл свою бутылку с лимонадом и впился зубами в сандвич. Пожилая женщина стрелой бросилась обратно в «Винн-Дикси» и через пятнадцать минут снова появилась на улице, толкая перед собой другую тележку, на этот раз полную кастрюль, сковородок, шампуней, собачьих бисквитов и мороженого. Взявшись за свою тележку, Вилли устремился вслед за женщиной по дороге.

– Надеюсь, что у вас большой холодильник.

– Холодильник сломался, да будет тебе известно, как и все остальное. Все из-за чипоеда. С прошлого вечера ничего не работает. Нет электричества, не работает телефон и электроприборы, остановились машины и прочая техника. Просто поразительно. Это самый выдающийся случай за последние несколько лет. Когда мы вернемся домой, то лучше сразу съесть все мороженое. Если что останется, то я отдам соседям. Как тебя зовут?

– Вилли.

– А меня Луиза. Что это за обноски на тебе?

– Это мерцпокров с чипоедом. Он.., прилетел вместе со мной с Луны. Он разумный. Его зовут Улам.

– Какой противный.

В гараже старой Луизы имелся большой продавленный диван, на котором Вилли смог устроиться на ночлег. Прежде диван использовался для этих целей псом Арфом, но Арф был не прочь уступить немного местечка. Арф был помесью колли с биглом в оранжевых и белых пятнах, с дружелюбными глазами и длинной благородной мордой. Шерсть Арфа, которая лезла из него со страшной силой, была повсюду, от шерсти у Вилли развилась аллергия, и он все время чихал. В гараже имелась отдельная хорошо оборудованная компьютерная мастерская, в которой когда-то работал муж Луизы, ныне покойный, хотя теперь, после Дня Спор, ничего из компьютеров, конечно, не работало.

Луиза не беспокоила Вилли; казалось, что основную часть времени она забывала о его присутствии. Вилли же, для того чтобы люди не досаждали ему расспросами о том, что это такое на нем надето, имея в виду принявшего вид штанов Улама, выбрал себе из старья фризерские полиэстровые штаны кирпичного цвета с отвислой задницей, в которых, наверное, ходил когда-то мужик не меньше трехсот фунтов весом. Большую часть времени Вилли появлялся на улице без Улама.

Несмотря на грозящую опасность, Вилли, сгорая от любопытства, бродил по городу, вызнавая, что вокруг происходит. После того как замолчало виззи, утекающие дни сложились в

недели, и люди все меньше и меньше вспоминали о предателе человеческой расы по имени Вилли Тейз – скоро им стало наплевать на Вилли.

Люди кормились консервами и пытались обрабатывать землю. Несколько антикварных двигателей, не использующих компьютерные чипы, были добыты из кладовых и подвалов музеев и приспособлены для водяных насосов у артезианских скважин; люди регулярно наведывались к колодцам с ведрами, чтобы набрать воды на целый день. Что же касается отхожих мест – то тут нужно было учиться вновь пользоваться лопатой. Или махнуть на свое дерьмо рукой. В округе появился легкий вездесущий запах давно обжитого лагеря. И тем не менее все были счастливы. После того как умерли все медиаисточники, люди снова научились использовать свои мозги. Атмосфера опасности сплотила людей и заставила сотрудничать друг с другом, когда сосед помогает соседу. В некотором роде это время было, может быть, самым счастливым за многие годы жизни человечества.

Вилли бродил по округе, стараясь подружиться с людьми.

Одна из самых популярных тем для разговоров с соседями была местная банда, зовущаяся Малыши-Шутники. Это были те самые, кто взял под свой контроль винную лавку «Красный Шар» с самого первого дня, Дня Спор, и если вам нужна была выпивка или наркотики, вам приходилось покупать все это у Малышей. Когда откуда-то прикатили пара свиней из гимми и попытались взять «Красный Шар» под свою управу, Малыши резво начистили гимми сопатки, что все фризеры только одобрили, решив, что это круто.

Кое-кто из ходячих анахронизмов дошел до того, что, раздобыв где-то старые печатные станки, работающие без компьютерного управления, начал снова выпускать газеты на бумаге. Читая бумажную газету, можно было взаправду вспомнить старые добрые денечки «на ранчо у дедушки». В газетах печатались по-настоящему нужные и интересные новости – рассказы репортеров-любителей о состоянии в остальной части страны, а кроме того, масса объявлений о местных умельцах, предлагающих в обмен на еду или другие услуги различные новые услуги, без которых было не обойтись.

Бывший супермаркет «Винн-Дикси», освобожденный от ненужных внутренностей, стал местным толкучим рынком.

Прийти на рынок мог каждый, и каждый мог предлагать тут свой товар или услуги бесплатно. Как правило, сделки совершались в виде бартера, и каждый, кому что-то было нужно, мог найти тут себе нужную вещь. Малыши-Шутники из «Красного Шара» по соседству следили за тем, чтобы к «Винн-Дикси» не

наведывались гимми, везде и всюду готовые начать устанавливать налоги и регулировать торговлю. Частью в шутку, частью всерьез люди называли местный супермаркет «Рынок Малышей».

Каждую ночь Улам выбирался из гаража и наведывался к «Селене», где собирал беглые порции имиполекса. Приведя очередной отряд имиполекса в гараж, Улам каким-то образом парализовал их, заставляя неподвижно сидеть в бывшей компьютерной мастерской, теперь чулане. Арф неизменно сопровождал Улама в его ночных вылазках, дружески виляя высоко поднятым пушистым белым хвостом. Всякий раз, когда Арф находил очередной кусок имиполекса, Улам выдавал Арфу пригоршню собачьих бисквитов из запасов Луизы. Очень скоро порции имиполекса заполнили чулан ровным слоем до пояса высотой – образовав мягкую, остро пахнущую сыром кучу, на которой Арф обожал лежать, иногда дремал, иногда вылизывал свои яйца.

Теперь наконец весь диван оказался в распоряжении Вилли. Тем не менее он не мог уразуметь происходящее.

– Для чего тебе эти слизняки, Улам?

– Это чистый имиполекс! Что может быть в наши дни дороже имиполекса?

– Но это просто здоровенные вонючие куски пластика;, грязные, и все в Арфовой шерсти. Подстилка для псины, да и только! Это какой-то мусор, который можно намести с улицы после ярмарки. Почему эти слизняки не такие умные, как ты, Улам?

– У них нет моего программного обеспечения. Я могу скопировать себя в любого из них, но я не хочу этого делать, потому что мои новые копии станут мне конкурентами в поисках имиполекса, которого и без того пока что на Земле мало.

Немного погодя я, конечно же, сделаю одного или нескольких своих клонов, заведу себе детей, но я хочу совершить это в более романтичной обстановке, в процессе сексуального воспроизводства в паре с другим молди. В любом случае главная цель этого имиполекса, который я накопил здесь, – воспроизводство различными способами. Этот имиполекс прибыл сюда во Флориду из Гнезда Луны с символической целью – познакомить людей с молди и научить людей любить молди! И ты, Вилли Тейз, тот человек, который помог нам на этом пути! Я планирую с твоей помощью изготовить из небольших кусочков имиполекса полезный продукт, который можно будет продать через Рынок Малышей.

– Что ты задумал, Улам?

– Из небольших кусочков имиполекса можно сделать

компактные компьютерные устройства, подобные оптическим процессорам и силиконовым чипам. Крошечные слизняки – они похожи на эти скользкие сморщенные коричневые запятые, которые можно найти под мокрыми деревоплитами здесь во Флориде. Каждый кусочек имиполекса в один грамм будет запрограммирован для выполнения определенной функции.

Например, для управления стиральной машиной. Или распределительной электроподстанцией. Или виззи. В одном грамме имиполекса, зараженного чипоедом, может содержаться достаточное количество информации.

– Я понял твою мысль, – отозвался Вилли. – Эти маленькие кусочки имиполекса станут тем же самым, чем были запрограммированные на заводе чипы до того, как на Землю попал чипоед. Я придумал название для этих кусочков имиполекса. Давай назовем их ДИМ – Дизайн-ИМиполекс.

– ДИМ! – довольно воскликнул Улам. – У тебя просто дар находить подходящие названия, Вилли. ДИМ – сумрачный, туманный – обречен провести сумеречную жизнь внутри машинных потрохов или внутри обычного тостера, все время раз за разом повторяя одну и ту же операцию по прихоти какого-нибудь порождения плоти.

– Уверен, что дело могло бы пойти быстрее, если бы я мог воспользоваться этим оборудованием, – сказал Вилли, с сожалением оглядывая компьютеры, стоящие на полках в мастерской. Почти на всех компьютерах нарос мохнатый грибок, выползающий из вентиляционных окошек.

– Но даже если бы у нас было электричество, эти компьютеры все равно бы не заработали. Как же мне запрограммировать ДИМ без компьютера?

– Мы будем использовать мое программное обеспечение, – ответил Улам. – Тебе только нужно будет объяснить мне, что должен делать каждый ДИМ, и я запрограммирую их путем кратковременного контакта и переноса рисунка программы мыслительным путем. К сожалению, я не знаю, каким образом были устроены изготовленные людьми чипы, – я не знаю ни микрокода, ни архитектуры, ни того, как распределяются идентификации вход-выход у разъемов подключения. Ты, Вилли, знаменитый суперхакер. Расскажи мне, как все устроено, и давай дальше работать вместе.

В течение нескольких следующих месяцев своего пребывания во Флориде, пролетевших в лихорадочной суете, Вилли работал словно одержимый, испытывая небывалый творческий подъем. С помощью своего верного Плаща Счастья по имени Улам Вилли Тейз буквально основал новую компьютерную науку,

называющуюся лимп-инженерия, создал первый ДИМ и в заключение всего в сентябре 2031 года изобрел ювви.

Но в середине мая Вилли и Улам только начинали свой долгий путь. В это самое время пассажиры и команда «Селены» были наконец выпущены из-под стражи, через семь или восемь недель после начала карантина. Вилли не смог протолкнуться сквозь плотную толпу репортеров к пассажирам «Селены», но зато ему удалось узнать, где живет Ферн Беллер и даже проследить ее до номера в дешевом пустом мотеле на Кокосовом Пляже.

Когда Вилли постучал в дверь Ферн, она немедленно ему открыла. Ферн была брюнетка с большим ярким ртом, мягкими губами и ленивым голосом. Вилли представился.

– Привет, я – Вилли Тейз. Стен Муни сказал, что вы помогли ему сбежать с Луны и можете и мне помочь добраться до Луны.

– Входи, Вилли. «Селена» вряд ли сможет подняться, по крайней мере не раньше, чем через несколько месяцев. Мне срочно нужно поразвлечься. Здесь совершенно нет воды. Как ты смотришь на то, чтобы вымыть меня, например, облизать всю языком?

Роскошная брюнетка Ферн говорила совершенно серьезно, хотя было ясно, что имелось одно определенное место, в котором бы она особенно хотела, чтобы Вилли потрудился языком. Они разделись, сняли свои Плащи Счастья и легли в постель, но потом вдруг оказалось, что Вилли не может сделать ничего, ну совсем ничего.

В течение многих лет Вилли занимался только киберсексом с порновидди, с запрещенными цефазаписями, в чат-приватах, при помощи теледилдоники и тому подобного. Когда дело доходило до того, что ему представлялась возможность заиметь настоящую живую подружку во плоти и крови и заняться с ней любовным актом, перед ним неизменно возникали почти неразрешимые проблемы. Раньше Вилли списывал проблемы на неудачу или на свою неуклюжесть, но вот теперь, в кровати Ферн, он вдруг до конца понял всю ужасную правду.

– Я не могу, Ферн. Я просто не в состоянии представить себе, что займусь этим с живым человеком.

– Даже простым способом, «по-миссионерски», даже так трахнуть меня не сможешь?

– Нет.., потому что я представить себе это не могу. Я хочу сказать, что вся эта кожа, и волосы, и выделения тела, а потом пот…

Вздрогнув, Вилли быстро поднялся с постели и поспешно оделся.

– Ты что, гей?

– Нет! Секс с мужчиной был бы еще хуже. Все это про голубых, что я смотрел, было просто ужас. Обычно я пользуюсь гетеропорно.

– Ты пользуешься гетеропорно, но ни разу не трахался с женщиной? И все, что ты видел до сих пор, – только порнуха?

– Как бы сказать, иногда я занимался интерактивным сексом с женщинами по Сети. У меня были такие периферийные устройства, которые можно было подключать к цефаскопу. Как бы там ни было, у меня ни разу не оказывалось, что тот, с кем я.., ну в общем, что этот человек не женщина.

– Тогда почему бы тебе не вернуться в постель, чтобы мы могли потрогать друг друга тут и там? Ведь я точно женщина.

– Не могу, Ферн, просто не могу. Ты очень привлекательная женщина, и я с удовольствием бы занялся этим с тобой по удаленной связи. Но лично, лично я заняться этим не могу.

Лежащий на полу Улам крепко прижался к Плащу Счастья Ферн.

– Мы хотим слиться, – сообщил Вилли Улам, голос которого раздавался из гибкой мембраны на теле Плаща. – Ее зовут Флонси.

– Ясно, – ответил Вилли. – Очень приятно познакомиться, Тебе повезло, Улам. Ты не возражаешь, Ферн?

– Что сказать, если ты слишком хорош, чтобы спать со мной, пусть хоть твой Плащ трахнет мой, – резко ответила Ферн. – Премного благодарна за визит. Если бы у нас были собаки, мы бы тоже могли их познакомить, а потом смотреть, как они трахаются. Что ты за парень, Вилли, городишь какую-то чушь! Таких извращенцев, как ты, я еще не видела.

– Не злись, Ферн, – ответил Улам. – Вилли гений, самый первый и главный среди лимп-инженеров. Мы вместе с ним придумали план, как продавать ДИМ через Рынок Малышей. Разве не для того, Ферн, ОСЦС отправила «Селену» и тебя вниз, чтобы ты распространяла здесь имиполекс? Вилли – именно тот человек, который претворит этот план в жизнь. А я – тот молди, который сделает Флонси счастливой. Мы поняли, что жить друг без друга не можем. Высокий интеллект Флонси доставляет мне нескончаемую радость, после месяца общения с тупыми кусками имиполекса, этими животными, которые расползлись по всей округе, вырвавшись из грузового трюма «Селены».

– Так ты собрал всех этих имиполексовых слизняков? – спросила Ферн, заворачиваясь в простыню и усаживаясь в постели. Ее лицо просияло. – По крайней мере хотя бы одна хорошая новость. Я уже думала, что весь груз потерян. И сколько тебе удалось собрать, Улам?

– Двадцать слизняков. В каждом примерно по пятьдесят килограммов, что составляет одну тонну из десяти, которые ты привезла на Землю. Очень много имиполекса было уничтожено огнем, с которым к кораблю прибежали эти тупоголовые создания плоти. Что касается других слизняков, то я думаю, что они доползли до океана и скрылись от нас навсегда.

– А что это за ДИМ, о которых говорит Улам, Вилли?

Каким образом вы хотите их делать?

– ДИМ – это маленькие кусочки дизайн-имиполекса, прошедшего предварительную программную обработку, предназначенные для замены вышедших из строя чипов в компьютерах и техники, вот что такое ДИМ, Ферн. Каждый ДИМ весит около одного грамма. Улам собрал достаточно имиполекса, чтобы мы смогли изготовить миллион ДИМ. Я уже разработал основу дизайн-процесса. Я использовал архитектуру, подобную параллельно-трубчатой структуре на основе фрактальных каскадов Фенгбаума. Эта схема отлично соответствует тому, для чего будут предназначены имиполексовые ДИМ; я поверить не могу в то, что сам все это придумал.

Улам может запрограммировать ДИМ одним прикосновением, мне нужно только объяснить ему, что нужно делать. Для того чтобы Уламу было понятнее, я создал специальный новый язык программирования. Я назвал этот язык Лимплан-1, это первая версия.

– И ты все сделал это для нас, Вилли, для людей? Ты точно уверен, что не хочешь трахнуть меня?

– Да, если мы проделаем это, находясь в разных комнатах. Но проклятая Сеть сейчас не работает. Конечно, мы можем соединиться, используя Улама и Флонси.

Наконец Флонси тоже решила подать голос. Голос Флонси был мелодичный и низкий, похожий на голос Ферн:

– Сначала нам с Уламом нужно лучше узнать друг друга.

Может быть, потом мы поможем и вам соединиться тоже. Но это немного погодя. Можем мы выйти на улицу, Ферн?

– Конечно. Я не собираюсь управлять рукой Вилли, чтобы он мог кончить, да еще дистанционно. Думаю, нам с тобой, Вилли, лучше остаться хорошими друзьями. В мире для меня достаточно мужчин, так же как и для тебя достаточно порнухи.

– Договорились.

Флонси и Улам вышли на улицу и улеглись рядом с плавательным бассейном, давно не чищенным и потому зеленым от водорослей. Рожденные на Луне разумные пластиковые существа, молди, начали с прикосновений друг к другу – сначала медленных и осторожных, потом все более и более сильных.

– Как романтично, – ядовито сказала Ферн и оделась. – Давай теперь поговорим о делах, Вилли, о том, что ты там задумал с ДИМ. Для каких машин или компьютеров ты выпустишь первую партию?

– Пока нет электричества, нет смысла делать ДИМ для бытовых приборов, миксеров и прочего.

– Может быть, мне удастся получить разрешение на запуск электростанции, – задумчиво проговорила Ферн. – У ОСЦС большие связи. Пока же – как насчет того, чтобы наладить хотя бы одну машину?

– Без проблем. Думаю, что мне удастся изготовить ДИМ взамен карточки контроллера "в двигателе автомобиля.

– Через неделю Вилли и Улам изготовили двадцать ДИМ для установки в двигатели машин. Они установили первый ДИМ в старый пикап Луизы, после чего Вилли, Ферн, Улам и Флонси покатили к Рынку Малышей.

Зрелище подъехавшей к Рынку работоспособной машины произвело сенсацию. Через полчаса все двадцать ДИМ были проданы. Само собой, Малыши-Шутники обратили внимание на машину и на суету вокруг нее, и двое из их банды вышли из «Красного Шара» поговорить. Малыши представились как Аарби Кид и Пол-Пола.

Пол-Пола представлял собой не слишком приятное зрелище – толстый, рыхлый мужчина за сорок с колючей щетиной на голове, щеках и подбородке. Во рту у него не хватало ровно половины зубов с одной стороны, отчего эта сторона его лица ввалилась внутрь. Пол-Пола говорил очень невнятно, шепелявил и булькал.

При этом Аарби был молод и отлично сложен, на его гладко выбритой голове очень точным лазерным способом были вытатуированы языки пламени, с одной стороны синие, с другой – красные. Языки пламени также вылетали из глаз Аарби. Его зубы были белые и ровные; кожу покрывал приятный коричневый загар. Похоже было, что именно Аарби тут всем заправляет и Пол-Пола прислушивался к его мнению, потому Ферн сразу же положила на Аарби глаз.

– А мотоцикл мой сможете завести? – спросил у них Аарби.

– Мы сделаем это, – ответил Улам с заднего сиденья пикапа Луизы.

Аарби уставился на Улама и Флонси.

– А это кто такие, черт возьми? Что это за дерьмо – говорящие слизняки? Тьфу!

– Мы молди, – объяснил Улам. – Здесь, на Земле, очень скоро будет много таких, как мы.

– Не забывай, что это благодаря им мы сможем починить твой

мотоцикл, – наставительно произнесла Ферн. – Кроме того, что на этом можно заработать, одна из причин того, что мы продаем ДИМ людям, это то, что таким образом можно заставить их привыкнуть к молди.

– А я уферен ф том, фто Фефн фее смошет починить пфи помощи своей киски, – прошепелявил Пол-Пола, отчего Аарби громко и грубо рассмеялся, словно гиена – визгливо, продолжительно. Вилли вздрогнул, словно его ударили по лицу, но сдержался, контролируя ситуацию.

– Мы многое слышали о том, что вы, Малыши-Шалуны, стали тут важными шишками, – спокойно сказала Ферн. – Поэтому мы дорожим хорошими отношениями с вами. Почему бы тебе, Аарби, не позволить Уламу взглянуть на твой мотоцикл, чтобы он смог узнать спецификацию установленных в двигателе чипов? Когда Улам заведет мотоцикл, я не стану возражать против того, если ты пригласишь меня на долгую и приятную прогулку.

– В самом деле? – удивившись, осклабился Аарби. – Ты так говоришь? А кто он такой, Улам?

– Вот он я, зри меня, создание плоти, – проговорил Улам, выплывая из раскрытого окна пикапа. – Так где твой механический скакун, создание из плоти?

Аарби выкатил свой мотоцикл из дверей «Красного Шара», и Улам осторожно извлек поврежденный чип из управляющей карточки двигателя. На следующий день Вилли и Улам изготовили аналогичного размера ДИМ, контролирующий работу двигателя, а Ферн провела с Аарби ночь.

Еще через день Ферн выдала Аарби ДИМ для всех остальных мотоциклов Малышей-Шалунов, в обмен на что Аарби, который, конечно же, оказался главарем шайки, согласился обеспечивать транспортировку и охрану нового предприятия.

Для того чтобы сбить гимми со следа, ОСЦС зарегистрировала новую компанию Вилли и Ферн в Южной Африке под названием «Мбанджи ДеГроот», сделав Вилли президентом, а Ферн главным исполнительным директором. Старая Луиза предложила свернуть дело в ее гараже и куда-нибудь перебраться, поэтому Вилли и Улам арендовали старый танцзал неподалеку от гриль-бара, известного под названием «Стариковское место». Ферн и Флонси стали работать вместе с ними.

Как только молва о ДИМах фирмы «Мбанджи ДеГроот» разнеслась по округе, спрос на их продукцию вырос неимоверно. Малыши-Шалуны ездили по улицам и собирали запросы на ДИМ, развозили заказы, а также обменивали или покупали беглых ДИМ-слизняков, которых удалось поймать людям своими силами.

Для того чтобы повысить выпуск продукции, «Мбанджи ДеГрооту» требовалось электричество, чтобы купить и запустить механические резаки, для приготовления исходных порций имиполекса, которые потом программировались как ДИМ.

Ферн, как и обещала, использовала свои связи в ОСЦС для того, чтобы Вилли и Улам смогли подписать контракт на замену вышедших из строя компонентов в местной электростанции и распределительных подстанциях, благодаря чему проблема электричества для них самих и половины Флориды была решена.

Улам и Флонси проводили время очень весело и активно, занимаясь любовью, и четыре раза создавали детей, результатом чего было четыре их совместные копии, произведенные на основе пойманных имиполексовых слизняков, в которые они клонировали свое объединенное программное обеспечение. Своих детей они назвали Винкен, Блинкен, Тод и Нод. В считанные дни достигнув зрелости, дети Улама и Флонси тоже принялись за работу в «Мбанджи ДеГроот», помогая производить ДИМ своим родителям.

В обязанности Вилли до сих пор входило программирование на языке Лимплан-1 (хотя к тому времени был уже создан Лимплан-2) для того, чтобы каждый новый ДИМ мог управлять тем или иным устройством; он работал не разгибая спины, работы было столько, что у него не хватало на все сил и времени.

Наступило время, когда люди наконец поняли, кто такой на самом деле Вилли, и было произнесено несколько угроз, его даже обещали убить. Из Вашингтона явились четверо официальных лиц гимми, приехав на броневике «ХумВи», настолько древнем, что в его двигателе не было установлено ни одного чипа. Слух о том, что Вилли хотят забрать в гимми, разнесся мгновенно, и огромная толпа физеров собралась около «Стариковского места» вокруг броневика гимми. Броневик раскачивали так, что тот чуть не опрокинулся.

Аарби и несколько Малышей-Шалунов отогнали толпу и позволили гимми войти в здание «Мбанджи ДеГроот», где теперь был организован магазин. Глава делегации гимми, нервничая, зачитал краткий ультиматум о том, что если все производство ДИМ не будет сейчас же перенесено в Вашингтон, штат Колумбия, где будет использоваться для целей защиты и безопасности гимми, то всех сотрудников «Мбанджи ДеГроот», и Вилли в первую очередь, упекут в тюрьму.

– Эй, Аарби, мошет, нам плиштрилить их прямо шейчас? – спросил Пол-Пола, поглаживая своего «уродца о-джи», ружье с зарядом в тысячу квантовых капсул размером с квартовый пакет молока. На улице физеры орали и требовали немедленного

пролития крови гимми.

– Мы так и сделаем, если только эти джентльмены не согласятся принять контрпредложение, – насмешливо ответил Аарби. – Джентльмены, вы согласны выслушать нас?

Официальные лица гимми вернулись в Вашингтон с рекомендациями дать для Вилли Тейза полную амнистию от всех прежних обвинений и приговоров, а также принесение извинений ввиду его огромной публичной деятельности по восстановлению промышленности и пользы для всей нации.

Через некоторое время из Вашингтона поступило решение об амнистии, и с этих пор Вилли был свободным человеком, больше не предателем расы людей.

С Луны прибыла вторая ракета с грузом имиполекса, что позволило Уламу и Флонси произвести на свет еще четырех своих детей: Флопси, Сквид, Шамбалла и Циннабар. Винкен, Блинкен, Тод и Нод образовали пары и зачали еще восемь Детей-молди: Стенки, Пенки, Гроган, Флиббертиггибет, Дик, Давна, Нерф и Моана. Все восемнадцать новорожденных детей молди занялись производством и программированием новых ДИМ путем «наложения рук», как они сами называли этот процесс, но все равно производительность «Мбанджи ДеГроот» была слишком мала, чтобы удовлетворить потребность всего мира.

– Знаете что, мне хочется научить всех писать программы и программировать свои ДИМ при помощи языка Лимплан-3, – сказал как-то Вилли Ферн, когда они в редкий день отдыха плавали в океане. Надев вместо скафандров свои Плащи, Улама и Флонси, они ныряли около рифов. – А то я слишком много работаю, так невозможно. И потом, все уже начинает повторяться. А я ненавижу повторения.

– Тогда тебе нужно организовать молди и наладить при помощи ДИМ телефоны и виззи, чтобы Сеть снова заработала, – ответила Ферн, передав свои мысли Вилли при помощи Улама и Флонси. – Тогда ты сможешь разработать и создать набор Разработки Лимп-Программ. Назовем его РЛП.

– Отлично, Ферн, но понимаешь, что во всех устройствах Сети используется, наверное, миллиард различных чипов? Мне совсем не улыбается хакать каждый отдельный телефон и виззи, добираться до чипа и делать специальную ДИМ-вставку.

Моя идея состоит в том, чтобы продавать людям инструмент, при помощи которого они смогут создавать вставки собственными силами. Если бы в нашем распоряжении имелась телефонная линия для того, чтобы распространить РЛП, я мгновенно бесплатно бы раздал всем исходный код ДИМ, только чтобы люди начали сами что-то делать.

– Тогда тебе нужно изобрести какой-то новый вид телефона, – подытожила Ферн.

Вилли затих на минутку.

– Да! – наконец воскликнул он. – Один большой и окончательный хак. Нужно будет придумать оптимальную архитектуру и создать новый телефон, но полностью из имиполекса. Люди будут разговаривать по этим телефонам точно так же, как мы сейчас разговариваем с тобой при помощи наших Плащей: эти телефоны будут работать как карманные радио. И тогда нам не нужно будет вообще заниматься ремонтом общей телефонной системы. Эта технология все равно отмерла. Наши телефоны будут разговаривать друг с другом напрямую, мгновенно и самостоятельно создавая подпрограммы соединения от узла к узлу и все такое.

– И какого размера будут эти новые супертелефоны?

– Для каждого понадобится, наверное, граммов по сто имиполекса, если устройства окажутся именно такими, какими я сейчас их себе представляю. Но, эй, мне не нравится это название – «супертелефон», я назову его.., да, ювви. Ююювви. Звучит так уютно.

– И людям придется втыкать провода себе под кожу.

Многим это не понравится.

– Нет, мы сделаем так, что все будет работать без проводов, – ответил Вилли. – Будем использовать имеющуюся технологию цефаскопов. Полимерный сверхпроводник для комнатной температуры, способный создать направленный поток электромагнитной энергии, воздействующей на нервную систему человека. Единственная причина, по которой наши Плащи используют датчики-иглы, состоит в том, что им было лень хакнуть для себя апгрейд. Не говоря уж о том, что лунным молди наплевать на удобства людей – без обид, Улам и Флонси.

Таким образом, Вилли изобрел ювви и организовал производство приборов на Луне на базе ОСЦС. Скоро корабли ОСЦС начали доставку ювви на Землю. Кроме того, на Землю доставлялся и чистый имиполекс, который охотно покупался местными предпринимателями, согласными платить за несколько тон миллионы долларов. Кроме того, на борту кораблей на Землю прилетало много молди-иммигрантов. Обратно на Луну корабли возвращались полные тысячами баррелей сырой нефти, из которой лунные фабрики ОСЦС изготавливали новый имиполекс.

Как только корабль ОСЦС совершал посадку в вашем районе, вы могли приобрести себе ювви для загрузки бесплатного программного обеспечения, способного превращать маленький кусочек инфицированного чипоедом имиполекса в ДИМ,

способный исполнять любую небольшую кибернетическую задачу по вашей необходимости. Само собой, вы могли также отрезать кусочек имиполекса от вашего ювви, из него тоже мог выйти ДИМ, хотя при этом ювви мало-помалу теряло свою функциональную способность, так что покупать имиполекс у ОСЦС вам все равно приходилось, хотя бы для того, чтобы восстановить ювви.

Само собой, даже когда у вас был ювви и свой кусок имиполекса, вам все равно был нужен молди для того, чтобы запрограммировать ДИМ – совершить последний шаг, так сказать. Таким образом, вам приходилось идти на поклон к местному молди и платить ему или ей деньги за программирование вашего ДИМ, одного или нескольких, сколько вам было нужно. Молди с охотой брались за такую работу, потому что им нужны были деньги, чтобы покупать имиполекс для воспроизводства детей.

Другой коммерческий взгляд на новую экономику состоял в том, что в случае, если у вас не было программы для того или иного вида ДИМ и подобной программы не было в списке бесплатного программного обеспечения, вам приходилось платить программисту, чтобы тот написал для вас программу, или же писать программу самому. Совершенно необходимым инструментом для написания программ для ДИМ был комплект для Разработки Лимп-Программ Вилли Тейза, поступивший в продажу одновременно с Лимпланом-4, последней, как он сам клятвенно заверял, версией языка, который можно было загрузить у «Мбанджи ДеГроота», купив лицензию за весьма небольшие деньги.

Весь описанный цикл создал за считанные мгновения совершенно новую экономику, обогатившую и улучшившую благосостояние всех, кто имел к ней какое-то отношение.

Единственными, кто считал себя ущемленным в этой ситуации, были «наследники», от души ненавидевшие вид и запах чужеродных молди. Но основная масса людей не обращала на наследников никакого внимания; удобство новой лимп-инженерии перевешивало все вообразимые минусы соседства с молди.

К концу сентября у Вилли и Френ появилось гораздо больше свободного времени. Весь бизнес был автоматизирован.

Двое партнеров теперь проживали в дорогих номерах мотеля высшего класса. Вилли много занимался подводным плаванием, а Ферн сосредоточила свои усилия на ремонте «Селены». К середине октября ремонт был почти закончен. Они договорились, что отправятся вдвоем на Луну, она и Вилли, и была назначена дата отлета, 2 ноября 2031 года. Вилли хотел полностью

убедиться в том, что дело, начало которому положил он, идет к улучшению ситуации. Если это кажется так, то процесс пойдет и без него по накатанной, а Вилли ужасно не любил повторений.

За неделю до отлета Вилли наткнулся на Ферн, забавлявшуюся в бассейне с Аарби Кидом. Как быстро понял Вилли, Ферн и дня не могла прожить, чтобы не отведать своей любимой забавы, наркотика под названием «слив».

– Мы в «Красном Шаре» никогда не пробовали слива, – сообщил потом Аарби. – Я так понимаю, на Земле эту дурь не просто достать. Слышал, что слив водится на Майами-Бич. Трехсексуалы сидят на этой штуке.

– Я хочу слиться с тобой, Аарби, – сказала Ферн.

– Я все перепробовал, Ферн. Что ж, можно скататься ни Майами-Бич на моем байке, там мы сможем заброситься сливом, и плескаться, и миловаться в любовном супе хоть всю ночь напролет.

Так Аарби и Ферн отправились на южный Майами-Бич, чтобы надыбать там слива. Вилли, которому совсем не улыбалось сидеть вечером дома одному, решил прокатиться в Луисвилль. Он попросил внучку Улама, сильную молди по имени Моанна, перенести его по воздуху до города, за что заплатил ей два нанограмма квантовых капсул и пять килограммов имиполекса.

В конце лета родители Вилли наконец развелись. В первую очередь он решил повидать мать. Мама жила в старом семейном доме на Истерн-авеню. Моанна опустила Вилли на знакомом заднем дворе – казалось, что ему это снится, ведь он опустился с неба туда, где провел за играми счастливое детство. Моанна сказала, что ей хотелось бы пройтись по городу одной, и они договорились с Вилли, что встретятся в этом дворе завтра в полдень. Моанна приняла облик собаки и затрусила по улице прочь.

Вилли огляделся по сторонам, высматривая знакомые приметы. Вон в песке торчит наполовину засыпанный зеленый пластмассовый солдатик, из тех, которые когда-то принадлежали ему. Какое счастливое было тогда время, как хорошо ему было здесь играть на солнышке без забот. На глаза Вилли навернулись слезы, и он глубоко вздохнул. Его детство прошло, и как-то вышло, что он вырос, но превратился во что-то гораздо меньшее, чем обыкновенный мужчина.

В доме Вилли нашел свою мать, как обычно энергичную и увлеченную своими планами в искусстве и ремесле, однако с новой трагической тенью на лице, причиненной неверностью Колина. Мама приготовила Вилли вкусный постный ужин и поела с ним за компанию, выпив больше вина, чем обычно.

«Как приятно, что в доме есть кто-то еще, а не только я одна, – все повторяла и повторяла она. – Я тут места себе не нахожу, все брожу и брожу по комнатам».

Ночью Вилли несколько раз просыпался, разбуженный криками Ильзы, которая во сне проклинала своего запропавшего неверного мужа.

– Будь ты проклят. Как же ты мог? Я тебя ненавижу. Дерьмо. Будь ты проклят, Колин.

Такая картина не могла улучшить настроения. На следующий день Вилли, надев на ноги Моанну в виде тяжелых походных ботинок, отправился в центр повидаться с отцом.

Колин был профессором английского языка и преподавал в университете Луисвилля; он съехал из дома Ильзы, чтобы поселиться со своей новой подругой, студенткой по имени Ксюэн Тюэн. При виде Колина, в лице которого застыла неловкость, Вилли понял, что к этому моменту успел впитать в себя слишком много горечи Ильзы, чтобы проявить хоть сколько-нибудь дружелюбия к отцу. Гораздо легче у него сложился разговор с Ксюэн, новой подружкой отца.

Ксюэн была дружелюбной приветливой круглолицей вьетнамкой с кентуккийским выговором.

– Зови меня просто Сью, – сказала она Вилли, который сразу же начал спотыкаться на сложном имени. – Сегодня в клубе здоровья «Ла Мираж» устраивают большую вечеринку в честь Хеллоуина, ты можешь прийти, если пожелаешь. Я хочу затащить туда твоего отца. Кузина Делла тоже должна прийти.

– Что ж, костюм у меня заготовлен первый сорт, – сказал Вилли.

– Что?

Вилли похлопал себя по тяжелому ботинку:

– Это Плащ Счастья, с которым я сюда прилетел. Ее зовут Моанна. Я могу носить ее на себе, покрывая все тело.

– И заставить ее принять любой вид?

– Совершенно любой, какой мне захочется. Придумал! У меня будет костюм женщины, большой голой женщины.

Вилли был доволен, что при этом ему удалось уколоть Колина, который постоянно опасался того, что его взрослый неженатый сын, возможно, скрытый гей.

На вечеринке «костюм амазонки» Вилли возбудил внимание Сью Такер, симпатичной бисексуалки, подруги водопроводчика из Кентукки, воспылавшей к нему амурными чувствами. Вечеринка пошла во все тяжкие самым диким образом, и вышло так, что в этой уникальной для него ситуации Вилли, полностью упакованный в костюм молди, первый и последний раз в жизни

совокупился с настоящей живой женщиной, бисексуалкой Сью Такер. В заключительный момент интимной связи, под влиянием глубинного репродуктивного импульса Вилли велел Моанне открыть кончик его пениса – с тем, чтобы позволить своей сперме проникнуть в утробу женщины, в первый и последний раз. Таким вот образом вышло – хотя правда открылась лишь много лет спустя, – что Вилли Тейз стал отцом Ренди Карла Такера.

Когда Вилли потом вернулся обратно во Флориду, «Селена» уже была готова к отлету, и он вместе с Ферн отправился на Луну. Аарби остался на Земле, и Улам с Флонси тоже, и все их дети и внуки. Земля, с ее богатейшими информационными полями, была краем обетованным для молди, и никто из них не желал возвращаться на Луну, где жизнь была тяжелой.

Когда «Селена» опустилась в космопорту Луны, встречать Вилли вышли сотни людей и молди. Если обитатели земной грязи по сию пору сомневались в роли Вилли, то у Луны не было сомнения в том, что Вилли являлся героем и спасителем цивилизации. Благодаря Вилли открылся огромный рынок для произведенной на Луне лимп-продукции, лунные молди получили право иммигрировать на Землю, где так легко можно было найти хорошую работу. То, что Вилли был внуком Кобба Андерсона, также играло для обитателей Луны не последнюю роль.

ОСЦС устроила шумную и роскошную вечеринку в честь прибытия Вилли. Вечеринка проходила на верхней площадке дома штаб-квартиры компании, одном из самых высоких зданий в Эйнштейне. На вершине огромной усеченной пирамиды имелась просторная площадка, всего в пятидесяти футах под которой находился купол Эйнштейна. Сквозь купол отчетливо видна была россыпь звезд и повисший в небе шар старушки Земли.

Пол террасы был вымощен сложным мозаичным узором из серебряных с золотом плиток Пенроуза: «Забавные цыплята».

Беседки, увитые выращенными быстрым способом на основе гибберлиновой подпитки фруктовыми растениями, высились по краям площадки. Растения были увешаны такими редкостными деликатесными плодами, как вишневые томаты, тангерины, черника и виноград – настоящие живые ягоды и фрукты для пикника. Гости прибывали и улетали на летающих магнитных аппаратах, зовущихся магги; магги функционировали вновь благодаря новой ДИМ-технологии, основанной на использовании набора Разработки Лимп-Программ.

Ферн провела Вилли между собравшимися, представляя гостям. Местный глава отделения ОСЦС был желтокожий мужчина со странными вертикальными морщинами на лице.

– Вилли, это Бей Нг, – представила их друг другу Ферн.

– Привет, – поздоровался Вилли.

– Рад приветствовать лично нашего лучшего служащего, – ответил Бей.

– Но я не служащий компании, – протестующе ответил Вилли. – Я президент «Мбанджи ДеГроот».

– Да, конечно, но «Мбанджи ДеГроот» – дочерняя компания ОСЦС. Как ни крути, но ты работаешь на меня, Вилли. Но только в той мере, как это самому тебе кажется необходимым. А ведь ты и без того успел столько, сколько иному не под силу за всю жизнь. Не нужно говорить, что с данного момента, что бы ни случилось в будущем, ОСЦС будет продолжать платить тебе пожизненную ренту за использование патентов и авторских прав на продукцию, которую ты разработал для нас на посту президента «Мбанджи ДеГроот».

– Я предоставил вам в использование свои авторские права на изобретения? На Лимплан-4? На РЛП и ювви?

Бей рассмеялся со значением.

– Вы, изобретатели, всегда так впечатляюще наивны. Не берите все это в голову, молодой человек. У вас будет столько денег, сколько вам понадобится. Эй, Ферн, дай-ка парню закинуться.

Ферн ловко увела Вилли к бару и подала ему сниффер со сладким маслянистым ликером.

– Давай, Вилли, это очень приятно, – предложила ему Ферн, – Встречай рассвет.

Потом Ферн заметила кого-то на другой стороне террасы.

– Это мой старый приятель, мой слив-бойфренд Рикардо. Мне нужно поздороваться с ним. Эй, привет, Кардо!

Ферн стрелой унеслась прочь, и Вилли ничего не оставалось, как повернуться и завести разговор с большущим молди, стоящим возле стойки, весьма импозантным змееподобным существом, темно-красный имиполекс которого отливал Металлическим блеском.

– Для меня большая честь познакомиться с вами, мистер Тейз, – ответил ему молди. – Меня зовут Гардл. Я один из известных ученых Гнезда. Я хочу выразить вам благодарность за то, что вы открыли для моей расы Землю. Я хотел спросить вас, планируете ли вы обновить версию вашего языка лимппрограммирования? Например, до Лимплан-5? Мои коллеги и я сам имеем в запасе несколько идей по поводу того, каким образом можно улучшить язык.

– Улучшайте сами, как знаете, – ответил Вилли, потянув крепкого ликера. – Код языка распространяется бесплатно.

Если у молди есть разум, то им не составит труда применить лимплан для своих целей, так же как и РЛП. Что касается меня, то я закончил этим заниматься. Сейчас у меня другие планы, хочу заняться чем-нибудь новым. Ты, наверное, знаешь, что я начинал как цефаскоп-художник.

– Значит, у создателя Лимплана душа художника, – задумчиво проговорил Гардл. – Что ж, я этому совсем не удивлен. Искусство – это высшая форма общения. В искусстве представляется возможность полностью раскодировать всю свою душу. По правде сказать, этот вопрос меня давно и очень сильно интересует.

– О чем ты говоришь? О дистанционной передаче своей личности другому молди?

– Как быстро вы схватываете самую суть! По сути дела, я уже имел опыт передачи своей личности, когда занимался сексом с молди женского пола и запрограммировал ребенка.

Но, совершенно верно, именно дистанционная передача личности лежит в основе моих текущих исследований. В частности, я вывел гипотезу, что подобная передача личностных матриц пронизывает всю вселенную. Я верю, что передача огромного числа личностей происходит непрерывно и повсеместно – даже сию секунду мимо нас густым потоком проносится огромное количество душ. Я также считаю, что только отсутствие необходимой технологии не дает возможности этим душам оказаться уловленными тем или иным приемным устройством. Для того чтобы стало возможным претворить в жизнь то, что я беззастенчиво называю Раскодированием Гардла, нужно совершить еще не одно техническое открытие. Для этого потребуется, может быть, не один десяток лет. Двадцать лет – семь жизней молди.

Крепкий наркотический коктейль наконец ударил Вилли в голову, и он уже с трудом поспевал за рассуждениями Гардла. Если прислушаться внимательно к тому, что говорил ему молди, то можно было запросто решить, что тот спятил. И чем это от него так воняет? Как от плесневелого перезрелого сыра, смешанного с гниющей падалью.

– Я основываю свои умозаключения на информационно-теоретических предпосылках, которые мои собратья находят весьма здравыми и привлекательными, – продолжал тем временем Гардл. – В частности, я использовал результаты анализа космического излучения. Но я вижу, что ваш разум витает где-то в другом месте, мистер Тейз. Это празднество не самое удачное место для того, чтобы вдаваться в детали. Если хотите, я приглашаю вас посетить мое жилище в Гнезде, где мы могли бы

продолжить наш разговор.

– Было бы здорово побывать в Гнезде, – туманным голосом произнес Вилли. – Но только не сейчас. Мне еще нужно устроиться.

– Я свяжусь с вами в полдень, – сказал Гардл. – Хочу еще раз сказать, что я очень рад был повстречаться с вами.

Остекленевшими глазами Вилли проследил за тем, как вонючий змееобразный молди розового цвета уполз прочь.

И снова перед носом Вилли маячил способный вывести кого угодно из себя полный начальственной надменности Бей.

Рядом с Бейем стояла плотно сложенная женщина-камбоджийка – или, может быть, это был мужчина? – с длинными светлыми волосами.

– Бей сказал, что ты собираешься найти место для ночлега, так, Вилли? – спросил его морф, положив чуть дрожащую руку на грудь Вилли. – Меня зовут Ло Тек. Я занимаюсь приемом и устройством гостей ОСЦС. Завтра мы займемся тем, что подыщем для тебя какую-нибудь собственность. Если у тебя сейчас есть минутка, я хотел бы получить от тебя какие-нибудь личные данные, для того чтобы сузить…

– Спасибо, но я уже решил, что пока поживу в отеле «Эйнштейн-Луна», – ответил Вилли и отвернулся, сбросив с себя руку. Он взял со стойки бара другой напиток – на этот раз просто воду – и быстро прошел через террасу, присоединившись к троице заметных персонажей, имеющих прелюбопытный внешний вид: парень без рубашки с гребнем-ирокезом на голове, длинный конец которого спускался до самого его копчика, девушка с роскошным телом и длинными вьющимися волосами, приземистым мужчиной с аккуратно подстриженной эспаньолкой в виде правильного треугольника. Они передавали друг другу курительное устройство, из которого дым не шел, но которое сложным видом напоминало небольшую установку по очистке вещества.

– Привет, ребята, – поздоровался Вилли. – Отсюда отличный вид.

– Вилли Тейз! – воскликнул человек с эспаньолкой. В его голосе слышалась постоянная насмешка, но при этом было похоже, что человек он весьма общительный и открытый, – Добро пожаловать в Карманный Мир. Меня зовут Кори Рипсом, а это Дарла Старр и Уайти Майдол.

– Уайти и Дарла! Прошлой весной я видел вас по виззи.

Когда Стен Муни помог Дарле убежать из Гнезда бопперов.

После того, как чипоед убил всех бопперов.

– Ага, – кивнула Дарла. Ее выдающихся размеров грудь была

обнажена и украшена большим количеством золотых цепочек. – Я была беременна, а теперь я мать двойни. И я могу курить столько, сколько душе угодно. Хочешь дернуть, Вилли? Эй, Уайти, дай Вилли тяжку.

Вилли осторожно затянулся из сложного курительного устройства. На вкус курево было очень крепким, и от него немного щипало язык, как от снепа. Очень крепкое курево, похоже, с генетически исправленной структурой. Вилли еще раз затянулся, вдохнув невидимый дым, полностью очищенный от частиц и недожога, и новый наркотик наложился на выпитый прежде ликер, отчего все звуки вечеринки с мягким щелчком перешли в ненавязчиво журчащий фон, в котором главные мелодичные скрипки играли голоса трех новых друзей Вилли.

– Да, Кори сам выращивает эту травку, – объяснил Уайти, принимая от Вилли трубку. – Это здоровенные кусты монго. Кори и его заросли.

Жесткие, словно рубленые черты Уайти растянулись в блуждающей улыбке, говорящей о накрывшем его приходе.

– Братишка Кори! Расскажи Вилли о том, что ты придумал с глупышами.

– С глупышами?

– Вот именно, – кивнул Кори. – Это единственное подходящее для них название. Я много об этом думал.

– Единственное подходящее название для чего? – спросил Вилли.

– Для злобных имиполексовых игрушек, – ответил Кори. – Имиполекс – это отличное новое вещество. Очень похоже на глину, только живое. Глупыши – это игрушки, только игрушки развратные и для взрослых. У меня есть план сделать зверюшек, вроде домашних питомцев и мистических животных. Но сейчас я работаю над другой серией – в первую очередь я решил сделать трехмерные копии известных лого рекламных персонажей. Мальчика-Пончика. Барби. Редди Киловатта.

Убийцу с Запада. Толстяка. Птицу-крикуна. Вектора. Медведя Хохотуна. Тедел Тора. Шефа Кабана. Демона Помощника.

Каждому из них я установлю ДИМ, чтобы они могли бегать по комнатам и делать простые штуки, устраивать представление для гостей, выскакивать из засады и прочее. Но сделать их настолько, же умными и автономными, как молди, я не собираюсь. Как твое мнение, Вилли, по поводу такой идейки? Можешь взглянуть на мои труды, посмотреть, что я тут напахал. У меня еще есть фильтр – это почти то же, что цефаскоп, только интерактивная штука.

Кори достал из кармана ювви и прилепил Вилли на шею.

В поле зрения Вилли немедленно появилось с дюжину изгибающихся, словно резиновые, существ, гармонично совместившихся с участниками вечеринки. Некоторые из фигур, например Вектор, были знакомы Вилли, хотя и искажены.

Беспечная Тедел Тора подбежала к ним на своих ногах-свитках и развернулась подобно большой книге, открыв священные иудейские тексты, извивающиеся по страницам подобно бесчисленным рядам змей, Птица-крикун неуклюжими прыжками выбежала вперед и принялась склевывать со страниц Тедел Тора буквы, словно бы это были червяки, истекая слюной и что-то бормоча, покуда она проделывала это. Сферы Вектора мгновенно все разъединились и – хлоп! – одна за другой метнулись вперед в лицо Вилли, и сразу же оказалось, что это и не сферы вовсе, а искусно смоделированный трехмерный Мандельбротовский набор. Вилли вздрогнул и поморщился, но продолжал следить за происходящим. Представление было выполнено на самом высоком уровне и действительно захватывало дух. На другой стороне террасы Барби опустилась на колени и устроила Убийце с Запада отличный глубокий минет, как это умеет делать одна только Барби, от чего у Убийцы вывалились из рук кольты, а с губ сорвались стоны. Хромированный Демон Помощник твердым шагом направился к Вилли и молча предложил ему банкнот в сто миллиардов долларов. Шеф Кабан полоснул себя острым ножом по раздутому животу, потом принялся наполнять тарелки дымящейся требухой и предлагать кушанье гостям. Медведь Хохотун схватил нож Шефа Кабана и ловко и быстро порубил Мальчика-Пончика на кусочки, которые Редди Киловатт мгновенно запек, полоснув по ним золотыми молниями, вылетающими из кончиков пальцев. Шоу непрерывно развивалось, делаясь все более и более диким. Наконец Вилли поднял руку и снял ювви.

– Это круто, Кори, по-настоящему. Должно быть, ты долго над этим работал?

– Не слишком усердствовал. Образы-то стандартные. Кроме того, я использовал кое-какой коммерческий мультипликационный софт, для того чтобы запрограммировать поведение каждого персонажа. Я уже много лет занимаюсь такой чепухой.

– Кори тусуется в Сети уже лет десять, – объяснил Уайта. – Известный хакер. Он разукрашивает рожи виззи-звезд своими программами-накладками, подменяет рекламные ролики порнухой своего собственного изготовления. Ты знаешь о том, что на Луне больше не крутят корпоративные новости, потому что по милости Кори все дикторы становятся похожими на гигантских

муравьев? Кори с ними живо управился.

– Точно. Я придушил этого дракона в зародыше, – кивнул Кори. – Но вот сегодня я решил заняться кое-чем для себя лично. Я пытаюсь создать реальные физические объекты. Не просто самодвижущиеся логотипы, но также исторические и аллегорические фигуры. А также фигуры, олицетворяющие собой универсальные концепции. Фигуры Зиммеля для двадцать первого века. Коммивояжер знакомится с Дочкой Фермера.

– А так она сможет? – спросила подкуренная Дарла и, качнув грудью, каким-то образом заставила соски прыснуть несколькими тонкими струйками молока.

– Вау, Дарла, – выдохнул Уайти, сделав шаг, так что струйки молока ударили его прямо в грудь. – Ты прекрасна, детка.

– Вино лунных нерях, – провозгласил Кори. Вилли все происходящее казалось здорово сумасшедшим и оттого веселым.

На следующий день Вилли отправился к Кори в гости – в пятикомнатные апартаменты, вырубленные в скале в пятидесяти футах под лунной поверхностью. Квартира Кори соседствовала с жилищами других лунян, в квартале, куда можно было попасть, соскользнув по шесту в тоннель, заканчивающийся холлом с несколькими десятками дверей.

Первая комната в жилище Кори – луняне называли свои квартиры отсеками – немного напомнила Вилли собственную комнату, которую он оборудовал для себя в подвале в родительском доме. Повсюду валялись разные замечательные штуки, по большому счету просто утиль: сломанные механические игрушки, резиновые и пластиковые, на нескольких полках пачки сотен старинных комиксов и журналов, выпущенных в прошлом веке, раритетные статические голокастеры с арканной проекционной петлей, семнадцать антикварных ламп Лава, множество странных, но клевых рисунков и картинок на стенах, которые Кори любовно заламинировал, прежде чем повесить на обозрение, и даже несколько уже совсем древних телевидиков. На одной из стен была развешана коллекция водяных пистолетов, навсегда оставшихся гораздо более футуристическими, чем любые современные нидлеры или уродцы о-джи. Позади прихожей и кухни находился спальный отсек Кори и две его студии, одна традиционная, другая в современном стиле. Традиционная студия была посвящена живописи и скульптуре, здесь на стенах висели и стояли прислоненные в углах написанные маслом полотна. Многие картины были написаны на черном бархате и были посвящены таким знаменитым историческим событиям, как вивисекция Кобба Андерсона, уничтожение Акрона, и совсем

недавний, но уже классический образ Стена и Дарлы, выходящих из Гнезда уничтоженных бопперов, – и тот и другой в зеркальных Плащах Счастья, Стен – веселый и подвижный, Дарла смертельно усталая и на последнем месяце беременности.

Большинство скульптур находились на той или иной стадии доработанности, например, довольно большой иглу, содержащий в себе Санта-Клауса с кишками наружу, выскабливающего кюреткой зародыш Нового года, гротескно-умилительные образы королевских бабочек, кружащих возле совершенно обнаженной Алисы в Стране Чудес. Особенно странными казались задумчиво-человеческие лица бабочек…

Огромное количество произведений искусства находилось также в современной студии, содержащей обычное электронное оборудование, все совершенно недавно прошедшее апгрейд на основе ДИМ-технологии – цефоскоп-дека, голосканер, несколько ювви и стойка с S-кубами. Пол кухни Кори был усыпан золой, и сама кухня находилась в совершенном беспорядке. В спальне Кори была специально увеличена высота потолка, для того чтобы в каюту могло уместиться принадлежащее ему удивительное пятнадцатифутовое марихуановое древо.

Вилли был заворожен зрелищем этого жилища и несколько недель прожил у Кори, тусуясь вместе с ним. Он восторгался и преклонялся перед классическим шармом настоящего старого битника, который во всем чувствовался в Кори. И что лучше всего, Кори полностью разделял желание Вилли никогда не взрослеть.

Вилли начал помогать Кори в его проекте с глупышами, и они часто засиживались допоздна, укладываясь спать просто на матрасах в прихожей. Вскоре выяснилось, что Кори, который тратил все деньги на старые комиксы и ДИМ-апгрейд, нечем было платить за квартиру. По предложению Вилли было решено, что он въедет а отсек Кори и они будут платить по счетам напополам. Кори сразу же согласился на этот вариант, поскольку ни разу до сих пор они как следует не ругались.

Просто для того, чтобы между ними не было непонимания касательно мотивов переезда, Вилли первым же делом объяснил Кори свои сексуальные проблемы. По его словам, выходило так, что, несмотря на все старания, он просто не мог заниматься настоящим сексом с реальной женщиной. Короче говоря, он был отщепенец, урод среди людей.

– Путь Онана, – провозгласил Кори. – Не помнишь, чем кончил этот парень из Библии? Подожди-ка…

Он быстро включил ювви, и после нескольких манипуляций, голос произнес, цитируя Библию: «И то, что делал Оная,

отвратило Господа, и он умертвил его». Книга Бытия, 38:10.

Кори был немного растерян.

– Ну теперь времена-то другие. Все не так плохо, Вилли. По крайней мере ты не заришься на двенадцатилетних девочек.

– А ты что, заришься на двенадцатилеточек? – неуверенно спросил Вилли.

– Время от времени я думаю о молоденьких девочках. Но руки я не распускаю. Будучи художником, я способен превратить тяготу своего извращения в золото бессмертных произведений искусства. В физическом смысле я встречаюсь только с совершеннолетними девицами. Когда у меня хватает нервов назначать им свидания и с ними встречаться. Как правило, я предпочитаю, чтобы женщины знали, кто я такой на самом деле, и сами приходили потусоваться ко мне.

Вилли помог Кори сделать несколько первичных образцов глупышей. Как вид настоящего искусства, проект казался Вилли бессмысленно переусложненным. Вся проблема с созданием этих полуживых существ состояла в том, что приходилось балансировать на тонкой грани между бездумными ДИМ и полностью автономными и неуправляемыми молди.

Все время существовало странное опасение перед тем, что их создания обретут ту или иную степень самосознания. Выходило так, что только произведя на свет полноценное существо, Вилли приходилось тут же вручную снижать нелинейные характеристики сознания новорожденного, делать его искусственно глупым, что в мире людей называлось лоботомией или даже убийством.

Одна из моделей, с которой Вилли продвинулся наиболее удачно, была женщинкой, куклой, изготовленной на основе симпатичной эльфийки Лероя Неймана, которую Кори продемонстрировал Вилли на развороте старого журнала, называющегося «Плейбой», в разделе юмора. Женщинка была совершенно голой, за исключением туфель на шпильках, высоких перчаток и шляпки с полями. Женщинка обожала забавляться с пенисом Вилли. Очень скоро Вилли накрепко привязался к женщинке.

Но в один прекрасный день туманное сознание женщинки неожиданно прояснилось, и она уразумела, насколько убогой была ее жизнь во имя ублажения Вилли. Женщинка дождалась, когда дверь из отсеков Кори и Вилли останется открытой, и в ту же минуту выскользнула наружу в общий холл.

Насмерть перепуганная соседская дама притопнула женщинку каблуком, приняв ее за крысу. Вся эта сцена произошла на глазах у Вилли, который совершенно потерял над собой

контроль; он принялся орать на соседку с такой силой, что его пришлось схватить и тут же, на полу холла, рядом с изувеченными останками его драгоценной женщинки, накачать успокоительным.

Вскоре после этого выяснилось, что всем соседям до смерти надоели безумные причуды и выходки Вилли и Кори, в результате чего прессинг, болтовня и скандалы со стороны окружающих стали невыносимыми и стало ясно, что в такой обстановке лучше всего будет переехать. До сих пор Вилли и Кори уживались друг с другом, поэтому они решили подыскать новое место сообща. Посовещавшись, они решили спроектировать и выстроить свое собственное жилище, роскошный изопод, поместье в одном из кратеров за пределами Эйнштейна – эдакую просторную жилую биосферу с питательной почвой для растений и куполом, который покрывал бы весь кратер.

Стоимость подобного изопода составляла миллиарды, ни в распоряжений Вилли были сотни миллионов, и ежедневно сотни миллионов поступали на его счет быстрее, чем он успевал их тратить. Кори с головой ушел в проект изопода – поместье с жилыми комнатами, студии, парник с овощами, фруктами, цветами и гигантскими зарослями марихуаны. Строительство изопода продолжалось несколько лет.

К тому времени, когда они переехали в изопод, Вилли уже полностью решил проблему создания глупышей – решение проблемы в основе своей состояло в том, чтобы принудить глупышей гомеостатически сбрасывать нелинейности собственного развития, как только в объеме памяти накапливалось некоторое количество опыта. Как только подобная обратная связь была установлена, малорослые создания продолжали существовать на сумеречной границе сознания словно животные. Кори раздумывал над тем, чтобы наладить массовое производство глупышей, а не просто видеть в них еще один предмет выражения искусства, но Вилли пока что не брал этих планов в голову. Вместо того он занимался благоустройством изопода, время от времени добавляя особые штрихи, придающие жилищу свой колорит: живую карту Земли, такой, какой ее должен был видеть Бог, собственный бассейн, зверинец, турецкие бани, кольцевую велосипедную дорожку и прочее, и прочее. Годы уходили один за другим.

Прошло время, и дочери двойняшки Уайта и Дарлы, Джок и Йок, подросли и стали частыми гостями изопода. Но вышло так, что Кори подарил близнецам на день их рождения глупышей, результатом чего был скорый и бурный разрыв дружеских отношений, по крайней мере со стороны Дарлы.

Вилли так никогда и не узнал всех подробностей. Дарла и близнецы продолжали навещать их изопод, но никогда не оставались тут надолго. Прошло еще несколько лет, и маленькая Йок стала наведываться в изопод одна, чтобы потусрваться с Кори.

ДИМ и РЛП продолжали пользоваться неизменным спросом, но самого Вилли судьба этих творений больше не интересовала. Впечатление было такое, словно бы за краткое время лихорадочной исследовательской работы на Кокосовом Пляже в нем что-то сломалось. Уже долгое время он не проявлял ни к чему особенно большого интереса. Он превратился в нечто вроде отшельника, непрерывно медитирующего и смакующего свое одиночество. Он мог дни напролет просиживать в гущах своих марихуановых зарослей, глядя поверх кущей на россыпи звезд.

Наконец летом 2052 года нечто новое привлекло внимание Вилли.

Все началось с приглушенного хруста, доносящегося из-под почвы в дальнем углу зарослей марихуаны, там, где купол соединялся с лунной поверхностью. Что это, лунотрясение?

Или коробление пластика под лунной поверхностью? Но потом почва расступилась, образовав круглую яму, словно вход в нору огромного крота, из круглой норы в подкупольное пространство вылезла розовая имиполексовая колбаса. На боку колбасы сформировалось лицо и заговорило с Вилли:

– Вилли Тейз! Ты до сих пор так и не побывал в Гнезде!

Ты нужен нам теперь. С твоей помощью, возможно, нам удастся создать первое Раскодирование Гардла.

– Так ты… Гардл?

Молди червем вытянул свое тело из норы, предусмотрительно заткнув вход кончиком хвоста, чтобы воздух изопода не выходил наружу. Тело молди было розового цвета с серебристым отблеском.

– Я Гардл-7! Прапрапрапраправнук Гардла. Ведь прошло уже двадцать лет, Вилли. Настало время тебе покинуть твой волшебный сад. Ты можешь укрыться внутри меня, как в скафандре, и я доставлю тебя в Гнездо. Там, в Гнезде, мы уже подготовили для тебя оранжерейный отсек, ни в чем не уступающий роскоши твоего изопода.

– Ты хочешь сказать, что мы поползем через эту нору? – с сомнением спросил Вилли. – Но я не хочу биться там о камни.

– Не волнуйся, потому что ты ничего не почувствуешь, ибо твое тело будет окружено моим. Я заделаю нору за собой, и утечки воздуха не случится. Идем же, Вилли. Пора тебе воспрянуть! Раскодирование Гардла имеет всекосмическое

значение. Но только ты один можешь помочь нам сделать последний необходимый шаг.

7. СТЕН

31 октября 2053 года

Стен вышел из своего дома в викторианском духе, находящемся на Масоник-авеню выше Хай-стрит в Сан-Франциско. Был ранний вечер Хеллоуина 2053 года. Мимо Стена шли оживленные группы людей, направляющихся на вечеринку в честь Хеллоуина, которая должна была состояться на Кастро-стрит. Вечеринка на Хеллоуин стала традиционным событием после непродолжительного периода смутных лет, последовавших после наступления второго тысячелетия. СПИД был побежден, наркотики легализованы, в Сан-Франциско было весело, как никогда.

Стен чувствовал себя крайне далеко от всего происходящего. После вчерашнего вечернего разговора с Тре Диезом он крепко закинулся камотом. Сегодня в полдень Тре позвонил снова и рассказал, что некий софтверный агент по имени Дженни обратился к нему и продемонстрировал секретную запись, на которой был запечатлен Шри Рамануджан, дающий объяснения новых математических выкладок, названных им Уравнением Мозаики. После этого Стену позвонила сама Дженни. С виду Дженни была похожа на тощую фермерскую девчонку-тинейджера. Судя по ее объяснениям, она существовала внутри компьютера наследников, но в то же время была очень близко связана с лунными молди. Совсем недавно Тре позвонил снова и потребовал, чтобы Стен заплатил лунным молди выкуп за свою жену Терри, – при этом Тре был совершенно вне себя от ярости. Стен тут же сделал несколько звонков на Луну и постарался все уладить, потом позвонил Тре и сказал, что с Терри все разрешилось благополучно, после чего принялся грузиться веществами, как он это обычно делал каждый вечер. Однако через несколько часов Тре позвонил снова, в полном восторге, и рассказал о том, что только что придумал, каким образом можно использовать Уравнение Мозаики для того, чтобы производить на основе «Забавных цыплят» имиполекс, составленный из наслоений любой степени измерения. Что особенно настораживало, так это компьютерное существо Дженни, которое тоже было на линии и все слышало. Непонятно было, почему Дженни так интересовало именно это применение «Забавных цыплят» и Уравнения Мозаики. Но Тре было на это наплевать. Он

был словно одержимый и все пытался объяснить Стену, каким образом можно использовать «Забавных цыплят» в гильбертовом пространстве и уравнение Рамануджана для того, чтобы производить имиполекс-5, имиполекс-6, имиполекс-N!

Для того чтобы помочь себе понять вещи, о которых он услышал, пьяный Стен задумчиво сжевал несколько шариков камота, слушая, что болтает ему Тре. Стен не впервые попробовал камот, но на этот раз это была большая ошибка, потому что последовавший приход был невыносим по своей силе, психотический панический трип к глубинным и личностным открытиям о собственных многочисленных грехах и недостатках. Стен отправился в постель и попытался заснуть, но вместо того провел десять часов в аду гильбертового пространства вместе с многомерным птичником Тре, садистски выклевывающих остатки разума из его и без того истерзанного сознания. С облегчением он увидел, как наступил рассвет, потому что нужно было подниматься и пытаться прожить новый день.

В полдень Стену наконец удалось ненадолго заснуть, но ближе к вечеру Вэнди разбудила его:

– Вставай, соня. Мы собрались на Хеллоуин-парад, помнишь? Что ты устроил с собой вчера вечером? Я спустилась вниз и пыталась поговорить с тобой, но ты был совершенно невменяем.

У Вэнди были широкие бедра, пухлые губы, мягкий подбородок и светлые волосы. Голос Вэнди звучал совершенно нормально, и это успокаивало.

– Значит, нужно подниматься?

– Да, нужно подниматься, сейчас же. Вот, держи.

Вэнди протянула ему большую чашку чая с молоком и сахаром.

– Мы пройдемся по Кастро и встретимся с Сентом и Бабе.

Это наши дети, ты еще не забыл? Эй, прием! У нас сегодня семейный выход.

– Хорошо, хорошо, Вэнди, не нужно твердить это без передышки. Я тебя прекрасно слышу. Спасибо за чай, он мне отлично помог. Вчера у меня был серьезный разговор с Тре Диезом, и потом я съел немного камота. Я решил, что камот поможет мне стать таким же умным, как этот Тре. Какая чушь.

Я расскажу тебе потом.

Таким образом, Стен принял душ, потом оделся во все черное и выкрасил руки и лицо черной краской. Потом обсыпался серебристой пудрой и вышел на улицу, где теперь стоял и дожидался, когда Вэнди закончит одеваться и тоже выйдет. В его голове гнездилась боль; он чувствовал боль в корне своих мозгов, в той части, где находилась заживленная когда-то рана вокруг

выращенной в инкубаторе и запрограммированной правой мозговой долей, заменившей Плащ Счастья, заменившего когда-то робокрысу, выевшую правую половину его мозга, – теперь его череп был хреновым полным тараканов отелем, и все это из-за Тре, из-за Тре он побывал в гильбертовом пространстве и теперь все еще мог сорваться туда в любой момент…

– Как дела, с-сенатор С-стен? – крикнула ему Чиччолина из проходящей мимо развеселой компании бисексуалов. В компании также был кто-то, одетый невестой и Бетти Пейдж.

– Решил выйти прогуляться в город? – крикнула ему грубым голосом невеста. – Вэнди-то знает?

Бетти Пейдж фыркнула и хохотнула, потом наклонилась и вздернула с зада юбку, продемонстрировав прекрасно воспроизведенный голый женский зад и промелькнувшие половые губы.

– Не хотите попробовать Бетти, сенатор Му? Отведайте прекрасней прекрасного экстракт настоящей плохой девчонки, которой больше нигде не подают в чистом виде!

Ребята пытались подцепить Стена на тему мяса вэнди, но Стен, сенатор и большой политик, мудро махнул на молодежь рукой и отвернулся, дожидаясь, пока уйдут морфы. Большинство людей не понимали смысл рекламы мяса вэнди; тот факт, что на рекламе была изображена Вэнди в Плаще Счастья, должен был закреплять дружбу между людьми и молди.

– Закрой свою грязную немытую киску, Бетти, – ввязалась в разговор Чиччолина. – Йо-йо-йо, брат Стен, не хочешь дернуть габбы? Только что из перегонки; я собрала крикри-кристаллы сегодня утром.

– Это в любое время пожалуйста, – вдруг оживился под влиянием неожиданного импульса Стен. – Это нормальный разговор. Правда, от габбы я икаю, знаете ли, но у меня уже развилась икота от того, что я съел тут прошлой ночью, так что уж икоту от габбы я как-нибудь переживу, а там, глядишь, в голове у меня и наладится; ведь это не наркотик, это просто бодрит. Так что дай мне немного твоей штуки, большая сестра.

Чиччолина вытащила из-за декольте сниффер и, подступив к Стену, высоко подняла сниффер над головой, как волшебную лампу.

– Прими понюшку, сенатор!

Стен быстро принял из рук Чиччолины сниффер и аккуратно зарядил по очереди обе ноздри. Фруум! Позади его глазных яблок разорвался заряд наслаждения, мгновенно расцвела хризантема злобной радости, цветок с кольцом пронзительных криков по внешнему ободку, криков, которые приплыли на Землю из

космоса, чтобы тут принять облик стремительных двуногих тявкающих щенков.

– Фтуум, гав, – пробормотал Стен. – Фтуум фтуум фтуум, гав.

– Габба хей, – отозвалась Чиччолина. – Небеса по-прежнему любят тебя, сенатор Стен. Смотри, не улетай далеко.

– Это ненадолго, – махнул рукой Стен. – Я сейчас вернусь.

Три морфа повернулись и двинулись своей дорогой, выкрикивая шуточки и сами же им весело смеясь. Стен повернулся и посмотрел на свой дом, в окнах которого горел такой уютный и милый сердцу желтый электрический свет. Внутри от тявканья потеплело на душе. У него самый лучший дом в городе, ему так повезло. Ему повезло, что он до сих пор еще жив. Ему повезло, что у него есть семья. Как печально будет, если все это однажды вдруг закончится.

Внезапно в доме открылась дверь, и по ступенькам, стуча дробно каблучками, сбежала Вэнди.

– Привет, Стен! Я готова!

Вэнди выбрала костюм ведьмы, сапоги на высоких каблуках, длинное платье, широкий Плащ Счастья, лихую островерхую шляпу – все яркое, сочетающихся друг с другом оттенков красного. Плащ представлял собой молди-часть ее бытия, то, что она постоянно вынуждена была носить для того, чтобы замещать ущербность недоразвитого сознания, возникшее из-за того, что тело ее было клоном, выращенным в гидропонном резервуаре.

– Выглядишь п-п-просто отлично, Вэнди, ик, ты – красная ведьма.

– У тебя какой-то странный голос, – подозрительно заметила Вэнди. – Только не говори мне, что ты уже успел проглотить что-нибудь!

– Да нет, ничего о-о-особенного, йк. Какие-то девчонки дали мне нюхнуть габбы. Я просто хотел прийти в себя, ик, понимаешь. Н-ну что, идем на К-Кастро?

– Да. Ты настроил стрекозу?

– З-забыл, ик. Знаешь, Вэнди, что-то меня ломает сегодня, и неохота надевать ювви. После прошлой ночи просто невмоготу. Я уже рассказывал тебе, этот Тре Диез звонил мне и болтал в-всякую х-хреновину, ик, и…

– Ох, избавь меня от ненужных подробностей. Сейчас я включу свою стрекозу.

Вэнди отправила сообщение по ювви своего Плаща Счастья, приказав стрекозе-телероботу подняться с насеста, устроенного для него среди ветвей вяза, растущего во дворе их дома.

В мигающем свете уличных реклам быстро движущиеся крылышки стрекозы блестели как слюдяные, выписывая фигуры

Лисажу.

– Лети вперед и держись на один квартал перед нами, – вслух приказала стрекозе Вэнди, – и следи за прохожими.

Мы идем пешком на холм на пересечение Маркет-стрит и Кастро. Сканируй лица и ищи Санта и Бабе. Надеемся, что тебе удастся их разыскать.

Треща крыльями, стрекоза унеслась прочь.

– Знаешь что, Стен, – сказала мужу Вэнди, когда они двинулись вперед по Масоник-стрит. – Ты начинаешь меня беспокоить. Ты уже немолод. Еще два года, и тебе будет шестьдесят.

Сама Вэнди была на одиннадцать лет моложе Стена, и она тщательно следила за тем, чтобы Стен не одряхлел раньше времени, и много работала в этом направлении.

– Что там такое этот Тре показал тебе?

– «Забавных цыплят» в э-э-э-нном измерении, ик, – отозвался Стен, крепко прижимая руки в груди, чтобы прекратить возникшую от габбы икоту и заикание. – Какой-то вольный софтверный агент по имени Дженни рассказал Тре про штуку, называющуюся Уравнением Мозаики, которую изобрел Рамануджан, на основе которой Тре тут же придумал энмерный квазикристаллический дизайн. И теперь эти новые «Забавные цыплята» все клюют и клюют без остановки. Он хотел, чтобы я продал кому-нибудь эту его новую, ик, и-идею, пока ее не продала кому-нибудь Дженни. А еще мы говорили о том, как выкупить его жену.

Они остановились на вершине холма, на стыке между Буэна-Виста, Хай-стрит и Кастро, переводя дух и разглядывая вид.

– Какая красивая сегодня ночь, верно, Стен?

– Да. Я рад, что ты сумела вытащить меня на воздух.

Стен глубоко и трепетно вздохнул, стараясь вобрать побольше воздуха, но порожденная габбой дрожь не отпускала его челюсти. Первый приход от габбы, как обычно, был самым жестким.

– Сегодня так легко.

В его ушах собственные слова отдавались мягким, резонирующим, словно пневматическим звуком.

– Что это там за выкуп за жену Тре Диеза?

– Вчера вечером лунные молди по ошибке похитили ее.

И сейчас она летит с молди на Луну. Тре потребовал, чтобы я заплатил за его жену большой выкуп и попросил, чтобы Уайти Майдол и Дарла Старр встретили ее на Луне и забрали к себе. Я уже перевел кредит на счет Уайти.

– Уайти и Дарла! Но с какой стати мы должны платить за

глупую жену Тре Диеза?

– Он сделал мне много денег, и эта его последняя идея позволит нам заработать еще больше. Его несчастная жена сейчас мчится внутри здоровенного молди в открытом космосе, летит на Луну.

– Обычный перелет, не самый худший вариант, – пожала плечами Вэнди. – Помнишь, как мы вместе прилетели с Луны на Землю в 2031-м? Было так здорово. Может быть, тебе стоит еще раз прошвырнуться на Луну, это тебя освежит.

– Даже не думай об этом, Вэнди. – Стен снова двинулся вперед. – В какую сторону нам теперь идти?

– Судя по тому, что передает мне стрекоза, нам нужно двигаться вниз по Орд-Коурт к Стейтс-стрит, а там, внизу, к Кастро, – ответила Вэнди, наклонив к плечу голову и словно прислушиваясь. – Там поменьше толпа.

Они взялись за руки и двинулись вниз с холма. Вэнди снова завела разговор о Стене:

– Значит, тебе удалось взглянуть на эн-мерных «Забавных цыплят», так? Ты когда-нибудь слышал теорию о том, что математика поддерживает людей в форме и не дает им стареть? Думаю, что тебе стоит подумать немного на эту тему.

Нужно думать не только о власти, деньгах и о том, как лечить постоянное похмелье.

– Я прошу тебя не напоминать мне при каждом удобном случае о возрасте, Вэнди. Ты же знаешь, что любой с нашими деньгами может прожить до ста двадцати лет, используя ДИМ и выращенные в танках клоны органов.

– Да, – отозвалась Вэнди. – И то лишь благодаря удивительной совместимости моего тела. Но только по той причине, что «Мясо Вэнди» и «М. В. Биолоджикалс» прекрасно наладили производство моих клонов, я не хочу обходиться только одними заплатками для своего тела. Я могу сейчас же начать жизнь снова, переместившись в тело двадцатилетней вэнди. Вся информация содержится в Плаще, и ее очень просто загрузить в новое тело. Я много об этом думала.

– Ой, только не нужно говорить об этом сейчас, Вэнди.

Что будет с твоим старым телом?

Стен просунул руку под Плащ Вэнди и обнял ее за талию.

– С этим телом, которое я столько лет люблю? Ты что же, прикажешь разрезать его на куски и продать в банк органов и на мясо?

– Я говорю серьезно, Стен, так что не пытайся давить на меня. Но давай больше не будем говорить об этом сейчас. Ты не в том состоянии.

Вэнди вывернулась из руки Стена и весело воскликнула:

– Смотри, мы уже почти пришли. И – как раз! – стрекоза только что заметила детей!

Вэнди на секунду остановилась, чтобы лучше разглядеть изображение, которое передавала ей стрекоза по ювви, и, разглядев как следует детей, рассмеялась.

– Сент – у него серебряный костюм, и плащ, и на голове корона из фольги. А Бабе – Бабе… – Вэнди рассмеялась еще пуще прежнего. – Я с трудом могу описать ее внешность, Стен.

На талии у нее круглый поднос, на котором что-то стоит, разные штуки, и ужасная желтая блузка; понять не могу, кого она пытается изобразить. Пойдем скорее к ним.

– И ты хочешь, чтобы наши несчастные дети узнали, что тело их матери порубит на кусочки мясник? – потребовал ответа Стен. – У них будет душевная травма. А ты, если тебе будет двадцать, будешь ходить только с молодыми парнями и забудешь обо мне! И это то, чем ты меня награждаешь за все годы, которые я был тебе верен?

– Я сказала, давай оставим пока этот разговор. Под наркотиками ты всегда воспринимаешь все слишком драматично! Ты прекрасно знаешь, что я просто Плащ Счастья и ничто другое, и уж точно не человек. Это тело – вэнди – просто бессмысленный кусок мяса, которым я пользуюсь для того, чтобы перемещаться и заниматься с тобой любовью, дорогой Стен. Ты был равнодушен, когда три года назад я поменяла весь имиполекс. Теперь, если я поменяю это тело на молодое и свежее, это будет то же самое. Я молди. Я твоя жена, и я ею всегда буду. И закончим на этом.

Вэнди начала проталкиваться сквозь толпу, и Стен последовал за ней. Вокруг было полным-полно невест, казалось, половина девушек нарядилась так сегодня вечером, будто это был любимый для всех костюм номер один. Другими фаворитами вечера были стриптизерши, дебютантки бала, принцессы и рабыни. Несколько человек узнали Стена и Вэнди, но в основном их принимали за заезжих любопытствующих туристов.

– Привет Кливленду, – фыркнул в лицо Стену бородатый тощий морф с большой грудью. Следующий за ним танцор диско пропищал:

– Когда вернетесь обратно в свою немчурию, помните, что моя машина это «мерседес», а ваша – «БМВ».

– Я не езжу на машинах, – с сожалением отозвалась Вэнди. – Обычно я летаю на метле!

Стен раньше этого не заметил, но в руках у Вэнди действительно была метла – ах да, это была всего лишь часть ее Плаща, которую она отделила на время и которой придала

нужную форму.

Вэнди указала Стену, в какой стороне над толпой зависла над их детьми стрекоза.

– Нажми на слив, мой дорогой старый дуралей.

Стен проталкивался мимо человека в картонном унитазе, где из отверстия стульчака торчало лицо, на котором к носу был приклеен пластиковый полувисячий член, мимо женщины в сплошном костюме голой Барби, само собой, без малейшего признака половых органов, мимо морфа с искусственной головой, вылепленной в виде куба, мимо людей с крыльями и огромными торчащими пенисами – среди толпы напирающей на него и вращающейся вокруг водоворотом нахлынувшей могучей океанской волны…

– Эй, ма, па! – крикнула им Бабе.

Бабе и Сент стояли возле входа в Театр Кастро. Сент был высокий жизнерадостный молодой человек, имевший привычку немного затенять жизнерадостность своего характера мрачными прическами, жидкой бородкой, зеркальными очками и тяжелыми голубыми замшевыми ботинками. На карнавал он надел головной убор из серебряной фольги, имеющий приблизительную форму шлема, при этом комплект дополнялся длинной, до колен курткой пожарника из блестящего отражающего материала.

У Бабе были высокие резко очерченные скулы, которые краснели, когда она волновалась, так, как это было теперь. К ее блузке был прикреплен большой значок с надписью:

ПРИВЕТ. Я – ЛИНИИ, ВЕСЕЛЫЙ ДОЛЛАР

В руке Бабе держала палочку с чем-то вроде квадратной лампы на конце с цифрами "3" на каждой грани, вокруг ее талии была похожая на поднос широкая юбка-пачка с расставленными и приклеенными к ней разными продуктами в коробках – печенье в коробках, и лекарства, и лапша из водорослей, и тампоны, и прокладки, и одноразовые керамические вилки. Волосы Бабе были гладко зачесаны в короткий хвостик, в свою очередь крепко опрысканный лаком и от того остроконечно торчащий точно назад; крутая прическа довершалась странным козырьком на широкой эластичной резинке.

– Итак, кто из вас угадает, кто я? – нарочито небрежно спросила Бабе. Вэнди бессильна была что-то предположить, но Стен вспомнил образ из далекого детства.

– Ты – клерк из старого супермаркета!

– Папка, ты все точно угадал, любимый мой старикан! – довольно прочирикала Бабе и залилась смехом.

– А как насчет меня? – спросил Сент, – Ты – робот? – предположила Вэнди.

– Типа того, – ухмыльнулся Сент. – Я – Железный Дровосек. У меня в очках все время идет прямая трансляция карнавального шоу, просекаете, а для саундтрека я выбрал старую металлическую вещицу из двадцатого века. Вот, послушайте.

Сент переключил свой ювви на внешний динамик и пропел под караоке несколько резких гитарных аккордов: Да-дада-дам да-да-да да-дам-да-дам.

Вэнди дала указание стрекозе снимать на видео семейную встречу; телекамера-стрекоза принялась выписывать медленные круги у них над головой наподобие крупной колибри, поминутно зависая в воздухе напротив лица кого-то из Муни, трепеща крыльями и уставив пару фиолетовых линз-глаз. Вэнди и Стен могли следить за картинкой через свои ювви.

Сент спел Железного Дровосека еще несколько раз, при этом выставляя в сторону стрекозы руку с «козой». Вэнди видела, как при этом Сент издевается над своим изображением, которое он смешивает в реальном времени с интерактивным многопользовательским Карнавальным Шоу, транслируемым одновременно от разных любительских источников.

Сент, заметив, что мать рассматривает его, перестал паясничать и обратил внимание на родителей.

– Наша ма – красная ведьма, а кто ты, па? – улыбнулся он Стену.

– Я – Ночное Небо, – объяснил Стен, который был весь с ног до головы в черном и осыпан серебристыми блестками. – Небо, видимое из точки, расположенной на галактическом экваторе. Как у вас-то дела, ребята?

– Неплохо, – отозвался Сент, – Сегодня тут вообще есть что посмотреть. Я специально установил несколько камер и участвую в любительском Шоу. За это мне на несколько недель дадут бесплатную Сеть.

– У меня постоянно кто-то пытается взять что-нибудь с подноса, – сообщила Бабе. – И все удивляются, когда выясняется, что коробки приклеены. Ма, ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, Бабе, – кивнула Вэнди. – Тебе не кажется, что в новом двадцатилетнем теле я бы выглядела еще лучше?

– Ох, Вэнди, перестань, – вздохнул Стен.

– Пусть ма говорит, па, – прервала его Бабе. – Она уже рассказала мне о своем плане, и я хочу сказать, что это не ерунда.

– Вон, смотрите, какая смешная компания! – воскликнул Сент, указывая в сторону. – Давайте к ним подойдем.

Они двинулись по улице, проталкиваясь к группе совершенно

голых морфов, тело каждого из которых, играющее крупными искусственными морфо-мышцами, было окрашено в один из основных цветов. У нескольких морфов в этой компании были хвосты. На ходу они шутливо боролись друг с другом и кувыркались, ловко, как акробаты, сопровождая действо оживленной мимикой.

Некоторое время семейство Муни двигалось вместе со счастливой хохочущей толпой, наблюдающей за акробатами, но потом Стен и его семейство повернули и углубились в переулок, менее запруженный народом, уводящий в глубь Миссии.

– Мы еще не решили насчет ужина, – объявила Вэнди. – Я хочу есть, было бы вам известно. Давайте что-то решать.

Кто-нибудь еще желает идти в ресторан?

– Я хочу есть, – подал голос Сент. – Но куда мы пойдем?

– Я знаю отличное местечко в испанском стиле, совсем недалеко отсюда, – сказала Бабе. – Оно называется «Каталаника».

– Тогда давайте пойдем туда, – сказал Стен.

Они двинулись по направлению к ресторану, перед которым Бабе принялась срывать со своего прилавка коробочки с товарами, аккуратно расставляя на ступеньках.

– Это для бездомных, – объяснила она. – Кроме того, мне просто надоело в этом ходить.

Она сняла через голову свой картонный прилавок и что есть силы запустила им в Сента. Сент ловко поймал прилавок, разбежался, бросил прилавок на мостовую, прыгнул на него и сумел прокатиться несколько метров на скользкой вощеной стороне, балансируя руками словно серфер, потом полетел кубарем, но не упал, а ловко перекувырнулся, все это время не переставая выкрикивать: «Э-гей! Счастливый Доллар! Э-гей! Счастливый Доллар!»

Перед «Каталаникой» был широкий тент в красную и желтую полоску, под которым располагались несколько столиков, освещенных теплым электрическим светом. Внутри, в комнате в пастельных тонах, было довольно суетливо. На стенах висели милые украшения в испанском духе: старые часы, несколько нанокопий Сальвадора Дали («Настоятельность Памяти» и «Дали в возрасте шести лет поднимает шкуру вод, чтобы посмотреть на пса, спящего в тени моря»), пара нанокопий Джоан Миро, изображающих ярких волосатых хромоногих созданий («Датский интерьер I» и «Датский интерьер 2»). Посетителей было довольно много, гости сидели за столиками перед тарелками с тапа, но – «Да, конечно, сенатор Муни» – нашелся и столик для четверых. Стрекоза Вэнди пристроилась на карнизе на противоположной стороне улицы, дожидаясь выхода семейства.

Муни весело уселись за свой столик и быстро составили заказ, включающий в себя испанское шампанское, тарелку французской картошки, креветки, шпинат, свиные шарики, свежевыжатый сок, цыплят, мидии, эндивий и еще одну тарелку картошки фри. Шампанское и первые блюда прибыли почти мгновенно.

– Видите, вон там, молди в компании типов вроде богемы? – спросила Бабе, махнув кому-то рукой через всю комнату. – Это моя знакомая, ее зовут Салли. Она очень хорошая и смешная. Однажды мы уже были здесь с ней, и Салли очень много и умно рассуждала о Дали.

Салли сидела в окружении пяти молодых людей в черном, похожих на художников. Сама Салли имела вид цветной женщины Пикассо, но, едва заметив Бабе, Салли почему-то сразу же приняла облик растекающейся в кресле медузы, со сморщенным и каким-то обвисшим, набросанным условными мазками человеческим лицом.

– Смотрите, – рассмеялась Бабе, – Салли изображает медузу из «Настоятельности Памяти». Привет, Салли! Покажи нам мягкие часы!

На глазах восхищенных художников Салли неспешно приняла вид огромного мягко растекшегося по стулу диска циферблата, опустившегося по стулу к полу и с удобством откинувшегося на спинку. Поверхность тела Салли сделалась блестящей – золото на черном фоне и стеклом впереди, за которым виднелись округло искривленные длинные стрелки. Мягкое тело Салли, высокая расчетная способность которого позволяла проделывать такие сложные метаморфозы, свешивалось со стула словно яичница-глазунья. Сальвадор Дали предсказал появление молди, это было само совершенство.

Однако Стен был пока что более отвлечен борьбой с внутренними противоборствами похмелья и разной степени переработанности отходняков, чтобы суметь получить удовольствие от зрелища, устроенного Салли.

– Честно сказать, я удивлен, что они пускают сюда молди, – раздраженно заметил он. – От запаха-то никуда не деться.

– А как насчет меня? – мгновенно подала голос Вэнди. – Я, случайно, не пахну? – раздраженно спросила она. – Некоторые из нас достаточно цивилизованы, чтобы понимать, когда нужно закрыть свои поры. Кстати говоря, не тебе. Стен, болтать про запах – сам-то ты не так давно пернул.

Услышав это, Сент прыснул.

– Па воняет. У нас па – молди. Это круто.

Стен молча подлил себе в бокал шампанского.

– Как вам понравился парад, ма и па? – спросила их Бабе.

– Я бы сказал, что от парада я протрезвел. А это не то состояние, к которому я привык.

– Мужчины никак не могут расстаться с мечтой выглядеть настоящим мачо, – подала голос Вэнди.

– Можно оставить меня в покое? – попросил Стен. – Что вы на меня набросились все разом?

– Никто на тебя не набросился, – подал голос Сент, протянув руку, чтобы погладить Стена, но потом быстро, но легонько ущипнул.

– Наш па не в форме, – доложила Вэнди. – Большую часть прошлой ночи он ел наркотики.

– Что ты принимал, па? – поинтересовался Сент.

– Это не важно.

Стену совсем не улыбалось рассказывать детям про камот. Ему было очень неловко от того, что сам он был живой пример неумеренности в употреблении наркотиков; за последние годы он здорово сдал, и никакой воли у него не осталось.

– Кстати, то, над чем я сейчас работаю, связано с новым способом управления молди.

– Значит, ты придумываешь способ, при помощи которого сможешь управлять мной? – внезапно поражение воскликнула Вэнди. – Мной, Плащом Счастья Вэнди?

– Нет, – смущенно ответил Стен. – Я даже не думал об этом. Хотя иногда н ты могла бы попробовать на себе действие суперпиявки, это совсем не больно. Говорят, это как наркотик для молди. Тогда тебе многое станет лучше понятно. Вместо того чтобы все время быть такой трезвой хорошей девочкой.

– Последние недели я занимаюсь обустройством червячной фермы, – сообщила Бабе, чтобы переменить тему разговора. – Я вам уже рассказывала? Это здорово интересно. Нужно положить влажный гумус между двумя стеклами и добавить одну пинту красных червей – и вуаля!

– Для чего ты этим занимаешься – для собственного развлечения? – поинтересовался Стен. – Или это новый вид искусства?

– Если ты хочешь спросить, не собираюсь ли я продавать фермы для червей, то, что сказать, старик, – я еще ничего не решила. Наверное, пока я занимаюсь этим для собственного удовольствия. Но, господи, если я сумею добавить к настоящим червям ДИМ-червей, то кто знает, быть может, у меня получится новая художественная инсталляция и я смогу ее продать. Но сами коробки со стеклянными стенками сделать совсем не просто, и стоит это довольно дорого. Слышь, Сенти, ты не хочешь сделать

для сестры несколько ящиков для червячных ферм? Ой, мамочки! Что это за штуки ползают у тебя по голове?

– Это вши, – спокойно сказал Сент. Он уже снял с головы свой шлем из фольги и сбросил на спинку стула блестящую куртку. Его прическа напоминала обивку дорогой мебели – волосы подстрижены коротким колючим ежиком и местами выкрашены панковой ярко-оранжевой краской, местами выстрижены тонкими аккуратными, гармонирующими с изгибами черепа узорами, вдоль которых ползали мелкие светящиеся насекомые.

– Так у тебя вши, Сент! – воскликнула Вэнди. – Господи, какой ужас! Тебе нужно их немедленно вывести! Обратись в пункт дезинфекции! Ох! И мы все с тобой обнимались!

– Я полагаю, он просто издевается над нами, Вэнди. – высказал свое мнение Стен, внимательнее приглядевшись к мелким созданиям, ползающим по голове Сента. – Это такие микро-ДИМ. Я слышал, что такие микро-ДИМ применяются в парикмахерских, но я никогда не знал, что некоторые люди носят эти микро-ДИМ постоянно. Ты сам их запрограммировал, Сент?

– Этих вшей обучала моя подружка Джоан, – ответил Сент. – Но я сам достал для них ДИМ-головки. В этой фирме, где я работаю менеджером по монтажу, можно найти по-настоящему крутое железо.

– Так это там ты работаешь монтером? – спросил Стен.

Внезапно Сент разозлился.

– Ты опять сел на своего любимого конька. Монтер и менеджер по монтажу – это две большие разницы. Мама права – ты действительно превратился в старого брюзгу. Просто мне нравится чинить вещи. И я умею это делать. А ты все время говоришь, что я…

Стен поморщился – реакция сына была для него неожиданной.

– Извини, Сент. Я ничего такого не имел в виду, – быстро проговорил он. – Я и не должен был в тебе сомневаться.

В твоем возрасте я был просто Торчок, водитель такси, так кто я такой, чтобы что-то тебе говорить? Хочешь чинить – чини, это здорово. Восстанавливать вещи. Налаживать. Это почти инженерная должность.

– Сент не хочет идти в инженерную школу, па, – сказала Бабе. – Он уже и без того здорово во всем разбирается. Его друзья смотрят на него как на учителя.

– В самом деле? – удивился Стен.

– Да, – ответил Сент. – Мне нравится докапываться до сути вещей. Это то, для чего мне дана моя жизнь, и я хочу лучше понять, что с ней делать. Потому что каждый день должен быть

счастливый. И мои друзья прислушиваются ко мне.

– Ох, черт возьми, – вздохнул Стен. – Тогда, наверное, тебе прямая дорога в сенаторы.

Стен выпрямился и сложил руки на груди.

– Я просто шучу!

Прибыли официантки и принесли кувшины с сангрией, еще картошки фри и жаренные на гриле креветки. Стен заставил Сента взять себе креветок и налил ему бокал сангрии.

– А что это за фирма, в которой ты работаешь менеджером по монтажу? – вежливо спросила Стена Вэнди.

– «Мета Вест Линк», – ответил Сент. – Владеет несколькими тарелками и спутниками и организует ювви-связь между Землей и Луной.

– Вся эта кухня с 2020 года принадлежит ОСЦС, – сообщил Стен. – Тогда я готов допустить, что у «Мета Вест Линк» действительно есть в мастерских интересные штуки.

– Дай мне одну твою ДИМ-вшу, а, Сент? – попросила Бабе. – Я устрою Блошиный Цирк Умных Искусств! Дай мне одну вшу сейчас, ну пожалуйста!

Она обняла одной рукой брата за шею и принялась искать в его голове.

– Я блошиный доктор!

Когда Бабе была помладше, она обожала вытаскивать блох из шерсти их домашней собаки и называла себя «блошиным доктором».

– Ведите себя прилично, вы двое, на вас смотреть неприятно, – заявила Вэнди. – Здесь ведь все-таки ресторан. Прекратите сейчас же.

Сент и Бабе оторвались друг от друга, но продолжали смеяться, лопотать и тузить друг друга, но потом оба быстро успокоились и уселись, чинно сложив перед собой руки.

– Это все па виноват, – заявил Сент.

– Это все па устроил, – подхватила Бабе.

– Па плохой, – сказал Сент.

– Па опять наелся наркотиков и пьяный, – сказала Бабе.

– У па проблемы с наркотиками, – добавил Сент.

Стен позвал официантку и заказал себе бренди и эспрессо.

– Кто-нибудь еще хочет кофе и выпить? Что-нибудь еще?

Ребята, вы хотите десерт?

Сент и Бабе попросили пирожные, Вэнди отказалась. И добавила, что ей кажется, что им уже пора идти.

– Не возражаете, если я присоединюсь к вам? – неожиданно спросила у них молди Салли, возникая в конце стола.

Ее тело представляло собой сон кубиста, составленный из

треугольников и цветных пятен.

– А, Салли, подруга! – воскликнула Бабе, в которой после четырех выпитых бокалов восторга прибавилось неизмеримо. – Скорее садись!

Бабе подвинула к столу стул, усадила Салли и представила все семейство:

– Это мой брат и мои родители – Сент, Стен и Вэнди. А это Салли, ребята.

– Мы очень давно мечтали познакомиться с Вэнди, – сообщила Салли. – Нам, молди, она очень интересна. Каким образом вам это удается? Эмулировать мать и жену, вот что я имею в виду. Насколько я понимаю, сделать это довольно непросто и нехарактерно для нас, молди.

– Я слишком давно этим занимаюсь, чтобы сейчас осознавать себя как обычного молди, – ответила Вэнди. – Кстати сказать, я уже несколько устала пребывать в этом старом человеческом теле.

Из складок своего тела Салли достала флакон с винтовой крышкой и откупорила его.

– Находясь в обществе людей, употребляющих спиртное или наркотики, я обычно принимаю немного вот этого, – объяснила Салли, одновременно при помощи удлиненного указательного пальца в зеленых полосках добывая из флакона немного мази. Салли растерла мазь по телу и передала флакон Вэнди.

– Попробуй немного, Вэнди. Это бетти. Чертовски хороший бетти.

– Нам еще нужно будет добираться до дома, а это не близко, потому что мы пришли пешком, – запротестовал Стен.

Несомненно, он рассчитывал на то, что трезвая Вэнди будет их навигатором на пути к дому.

– Немного холодит, и все, – сказала Вэнди, подцепив на два пальца немного мази и втирая ее в свой Плащ, свою вторую сущность.

К тому времени, когда Салли наконец спрятала флакон, и она и Вэнди были здорово под кайфом.

– Представляю вам новый взгляд на мягкие часы, – сказала Салли, неожиданно ставшая бежевой. Еще через секунду она превратилась в старомодный компьютер, приняв форму установленных на стуле системного блока и монитора, – и все это начало медленно плавиться и стекать с краев стула на пол, образуя вязкую лужу на полу, при этом на мониторе было какое-то искаженное изображение – не лицо ли той самой виртуальной Дженни, вместе с которой вчера вечером Стену звонил Тре Диез?

Что касается Вэнди, то та начала вести себя совершенно

диким образом. Ее Плащ Счастья, который всего несколько мгновений назад был алым плащом Красной Ведьмы, отказался от своей роли и, мгновенно преобразившись, превратился в зеленый острый воротник динозавра, торчащий теперь вокруг шеи Вэнди.

– Все эти годы я была хорошей матерью и женой, но больше не желаю стареть. Мне нужен полный апгрейд, совершенно новое тело! Поймите же, это старое изношенное тело, которое вы видите перед собой, это не я! – выкрикнула она. – Вот, смотрите!

Остроконечный воротник на шее Вэнди внезапно прервал свой контакт с ее телом, выдернув из плоти свои контакты, словно корни из почвы, корни, теперь болтающиеся в воздухе. Лицо Вэнди обмякло, ее глаза закрылись, и голова качнулась вперед и улеглась на сложенные на столе руки. Плащ Счастья картинно взмахнул своими щупальцами, потом червем прокрался обратно к шее Вэнди и укоренился в ней. Вэнди опять воспрянула, и в глазах ее горел триумф.

– Ну что, видели?

– Нам пора, – сказал Стен, бросив на стоя несколько банкнот и поднимаясь. – Тебе не нужно было угощать ее этой штукой, Салли.

– Пока, Салли, – сказала Вэнди и указала пальцем вверх. – И спасибо за полет, этот и другой.

– Счастливого пути, – ответила Салли.

Стен попытался взять Вэнди за руку, чтобы немного утихомирить ее, но жена вырывала у него руку с пугающей настойчивостью. Она первой начала проталкиваться к улице, и вся семья последовала за ней.

– Нам не следовало вообще сюда сегодня приходить, – тихо сказала Бабе. – Что это такое творится с ма?

– Ничего особенного, – отозвался Сент. – Нам только нужно добраться до дома и немного освежиться – я думаю о том, где бы нам в такой час найти рикшу или такси. О, вот это здорово, ма, кажется, вызывает такси.

Вэнди махнула рукой, и стрекоза сорвалась со своего насеста и устремилась в облет окрестностей, разыскивая средство передвижения.

– Стрекоза сейчас что-нибудь найдет, – сказала Вэнди, на губах которой блуждала кривая улыбка. – Ребята, мне очень жаль, что я устроила это представление в ресторане, но все это правда от начала до конца. Мне нужен апгрейд.

Больше она ничего не прибавила, и никто не знал, что тут можно сказать, потому целую минуту они стояли вчетвером и молчали, посреди толпы людей и молди, обтекающей их со всех

сторон. Мимо проезжали такси, но все они направлялись в другую сторону. Внезапно со стороны Бухты налетел бриз, сильный и прохладный. Стен повернулся к ветру спиной, про себя жалея о том, что не догадался захватить куртку потолще. Он стоял к Вэнди и детям лицом, и несколько секунд ему казалось, что они издеваются и мучают его, специально смотрят на него и молчат, но потом со всех сторон раздались крики.

– А вот и наше такси, Стен! – крикнула Вэнди.

Влажный прохладный воздух закрутился как торнадо, и над их головами появилась огромная зеленая тень, очень похожая на древнего птеродактиля, стрелой метнувшаяся навстречу. Размах крыльев создания был настолько широк, что оно едва помещалось между двумя зданиями на противоположных сторонах улицы. Птеродактиль явно направлялся к ним, чтобы схватить их, но ему нужно было пробираться между машинами и огибать натянутые поперек улицы провода, и у них еще было немного времени для того, чтобы спастись бегством!

– Бежим! – закричал Стен. – Обратно, в ресторан!

Но прежде чем Стен успел сдвинуться с места, Плащ Вэнди сорвался с ее шеи и метнулся к нему парой крыльев летучей мыши, растянутых на длинных пальцах. Стен, который от выпитого лишился способности быстро передвигаться, был потрясен видом бессильно рухнувшей посреди улицы Вэнди и не сделал ничего, чтобы помешать Плащу захватить его в свои объятия. В одно мгновение Плащ ввел под кожу Стена свои датчики-щупальца, и Стен замер, полностью во власти Плаща.

Он стоял и смотрел, как дети, Бабе и Сент, пытаются привести в чувство лишившуюся сознания неподвижную мать – и сразу же после этого огромный птеродактиль наконец пробрался к ним между проводами, схватил стоящего на улице Стена и проглотил и его, и Плащ Счастья целиком.

Стен услышал приглушенный триумфальный крик птеродактиля и почувствовал, что птица поднимает его в воздух и уносит прочь. В первые мгновения вокруг не было воздуха и было совершенно темно, но потом Плащ Счастья Вэнди начал снабжать Стена воздухом и информацией.

– Не пугайся, Стен, – сказал ему голос Вэнди. – Я позабочусь о тебе. Флаппер поможет нам добраться до Луны. Это даст тебе возможность отвлечься от привычного хода жизни и развеяться. К тому же лунные молди уже давно хотели встретиться с тобой. Что касается меня, то я собираюсь добыть на Луне из гидропонного танка для себя новое тело, молодую Вэнди. А до тех пор я буду находиться с тобой.

– На Луну? – тупо повторил Стен. – Да ты шутишь. И кто

такой Флаппер?

– Она официальный представитель лунных молди; специалист по общению, происходящему между Луной и Землей. Поскольку лунные молди хотели устроить твой визит на Луну, Салли предложила, чтобы тебя доставила на Луну Флаппер, появившись в облике птеродактиля.

– Погоди минутку. Ты еще не потеряла связь с нашей стрекозой? Ты видишь, что там происходит? Что с детьми?

Покажи мне их?

Плащ Счастья передал Стену ювви-изображение Сента, стоящего на коленях перед телом матери, и Бабе, в отчаянии мечущейся по улице в поисках рикши. Бесчувственная Вэнди продолжала лежать посреди улицы, лишь время от времени по ее телу пробегала дрожь.

– Бедные дети, – сказал Стен, глаза которого наполнились слезами. – Бедные мои, бедные дети.

– Да, – подал голос Плащ. – Это действительно печально. Но я надеюсь, что они не станут тратить много денег и эмоций для того, чтобы завершить путь этого изношенного старого тела, к тому же теперь полностью лишенного разума.

Наверное, мне нужно было убить его, прежде чем покинуть окончательно.

Плащ отключил видеопередачу, и вокруг снова наступила темнота.

– А Вэнди, что случилось с ее чувствами? Стоит ли теперь вообще думать о ней как о Вэнди? Может быть, это ты – Вэнди?

– Да, именно, я – это Вэнди. Хотя, да, я согласна, что Теперь веду себя несколько холоднее обычного. Это не столь характерно для моей обычной персоны.

Плащ хихикнул:

– Это из-за бетти, из-за бетти я сделала так, как сделала.

Теперь ты знаешь, как это бывает, Стен. Ведь ты всегда был такбессердечен и равнодушен ко мне, когда бывал на наркотиках.

– Если ты, Плащ, собираешься читать мне женины нотации, пока я сижу беспомощный внутри тебя, то я скоро сойду с ума. Да я лучше умру! Ведь мы уже высоко поднялись над Землей, верно? Тогда почему бы тебе и Флаппер не выбросить меня наружу? Дайте мне возможность освободиться от вас, как я этого хочу! Выбросьте меня наружу! Я хочу умереть, Вэнди, хочу, чтобы это бесконечное унижение наконец закончилось!

– Ты так говоришь, потому что я унесла тебя от наркотиков, глупец ты эдакий!

– Я снова хочу вернуться на Землю, детка, вот в чем дело!

Я поднимаюсь вверх, а потом падаю вниз, все как всегда,

милая! Никто не любит меня больше; да и мне тоже никто не нужен; с таким же успехом я могу быть мертвым; позволь мне умереть, милая!

Сопрано Флаппер ворвалось в их переговоры оперным пением:

– Интересно, он действительно так думает? Не хочешь взглянуть на это, Стен Муни?

Он ощутил вокруг себя движение, словно перекатывались мускулы огромного кишечника, в котором он, как фекалии, продвигался к отдаленному анусу. Он, продвигающийся головой вперед, явственно ощущал разницу давления вдоль собственного тела. По пути разумные части пластиковых внутренностей срывали частицы одежды с его тела, так что он довольно скоро стал совершенно голым.

– Вот именно, Флаппер, ты права! – довольно выкрикнула Вэнди. – Высунь нас наружу, хотя бы наполовину! Пусть Стен все увидит сам!

Флаппер последним усилием открыла сфинкстер в своем теле, из которого высунулась голова Стена. При этом она образовала прозрачный колпак перед лицом Стена, чтобы набегающий сильнейший поток воздуха не сорвал его прочь.

Стен висел над Землей, высунувшись наполовину из зада гигантского молди-птеродактиля, глядя выпученными от ужаса глазами на раскинувшийся внизу темный мир. Воздух с силой бил его в лицо, но он только лишь отдаленно чувствовал его напор, не более того, потому что Плащ Счастья Вэнди окружил его наподобие пузыря-скафандра, и единственное, что удавалось ему ощущать, были те вибрации и содрогания, которые передавал ему от своей поверхности Плащ.

Далеко на западе видимая поверхность Земли все еще была залита солнцем; там ярко сверкала горячей голубизной арка океана. Остальная, большая часть планеты представляла собой монохромно-серебристую сферу, залитую светом Луны.

Высокие облака, уже находящиеся ниже Стена, были освещены симметричным мелкозубчатым узором, напоминающим рыбью чешую, эдакое небо-макрель. На востоке облака принимали вид плавно разметавшихся русалочьих хвостов, причем наблюдалась необыкновенная одинаковость каждого хвоста. Мир был пугающе прекрасен.

– Хорошо, я не хочу умирать, – наконец подал голос Стен.

Город Сан-Франциско превратился в горящее мерцающим светом пятнышко далеко внизу.

– Как высоко мы уже поднялись?

– Сорок миль, и высота продолжает быстро нарастать.

Когда скорость Флаппер достигнет шестидесяти миль, она выстрелит нами в сторону Луны, как катапульта! В моем теле не хватит энергии, чтобы стартовать с Земли и перенести нас на Луну самостоятельно, но благодаря помощи Флаппер мы преодолели притяжение Земли, и этого уже достаточно! Следующие двести тысяч миль мы пролетим по инерции!

После того как глаза Стена приспособились к лунному освещению, он смог различить внизу все больше и больше разнообразных деталей. Снова и снова он поражался запредельной красоте мира, его такой привычной красе, видимой в каждой детали – в облаках, в поверхности земли, в океане – во всем, что составляло живую поверхность шкуры возлюбленной священной Гайи.

– А здесь здорово красиво, – отсутствующим голосом заметил Стен. – Хотя сейчас я не под кайфом. Обычно когда я не под кайфом, все кажется мне таким скучным и однообразным.

– И это другая причина, почему этот полет так важен для нас обоих, – сказала Вэнди. – На то, чтобы долететь до Луны, у нас уйдет, наверное, неделя, вполне достаточно для того, чтобы ты впервые за столько лет наконец проветрился. Это будет наш медовый месяц.

– За исключением того, что твое тело больше нечеловеческое, – ответил Стен. – Видишь ли, наличие живого человеческого тела составляет немаловажную деталь медового месяца.

– Я могу поработать для тебя рукой, Стен. Я могу просунуть тебе пальчик в зад. Тебе это понравится, вот увидишь.

По мере того как они поднимались все выше и выше, крылья птеродактиля утончались и увеличивались в размере, и в конце концов ящер принял вид гигантского веретена, ската, с тонким телом и широкими плавниками.

– Еще несколько мгновений, и я катапультирую вас! – раздался музыкальный голос огромного ската. – Сейчас я перемещу вас в заднюю часть тела, чтобы вытолкнуть с как можно большей силой! Обними Стена покрепче, Вэнди.

– Хорошо, Флаппер, – отозвалась Вэнди.

Флаппер снова заставила свои внутренности передвигаться, втянула Стена и Плащ внутрь тела и вывела их на исходную позицию. Стен почувствовал, как его охватывает паника.

– Даже если сейчас Флаппер выстрелит нами и мы долетим до орбиты Луны, то как ты собираешься затормозить, Вэнди? Хватит ли у тебя энергии для того, чтобы выйти на орбиту? Ты такая маленькая, я сомневаюсь, что в тебе достаточно энергии. Ты всего-то весишь несколько фунтов, не больше двенадцати –

пятнадцати. Когда мы с тобой возвращались с Луны на Землю в День Спор в 2031 году, наш Плащ Счастья весил раз в десять больше. Ты уверена, что у тебя хватит внутренней энергии для того, чтобы обогреть меня, пока мы будем находиться в безвоздушном пространстве?

– Находясь на орбите, Флаппер запасает достаточно энергии и сохраняет ее в виде квантовых капсул. Надеюсь, что ты помнишь, что один моль квантовых капсул весит не больше ста нанограммов? Флаппер сейчас передала мне целый грамм!

Так что, парень, у нас бак заправлен под завязку!

– Да, Вэнди, вот твои квантовые капсулы! – пропела Флаппер. – Я впрыснула их в твое тело. Еще немного, и я произведу вас на свет!

Выгнув спину, Стен смог взглянуть на тоннель внутри тела Флаппер, ведущий из нее наружу. На этот раз тоннель больше напоминал вагину, чем прямую кишку, и Стен чувствовал себя младенцем, а не калом.

– Не сгибайся, Стен, выпрямись как можно больше, – попросила Стена Вэнди, голос которой кипел от накопленной энергии. – Сейчас мое тело станет жестким.

Тело Вэнди налилось силой и сделалось жестким как сталь, имиполекс плотно обхватил Стена.

Флаппер принялась волнообразно и циклически изгибать тело, подтягивая нижнюю часть к верхней. Потом изгибы стали резкими и судорожными, тело Флаппер превратилось в один сплошной огромный мускул и толкнуло Стена и Плащ вперед.

Стен и Вэнди вылетели из Флаппер с огромной скоростью; перегрузка оказалась такой сильной, что на мгновение Стен полностью потерял сознание.

Когда он наконец пришел в себя, его лицо было обращено к черному космосу, полному неподвижных звезд. Тело Вэнди снова расслабилось и перестало быть жестким, и, взглянув вниз, сквозь прозрачную плоть Вэнди, Стен увидел далеко внизу огромную планету Земля, а потом, подняв голову вверх и вытянув шею, он увидел над собой диск Луны. Солнце зашло за Землю, и его видно не было.

Для того чтобы удержать внутри тепло при минимальных наружных потерях, Вэнди посеребрила свое тело изнутри и снаружи; серебром было покрыто все, за исключением небольшого пятна перед глазами Стена. Стен немало времени провел за тем, что разглядывал умноженное отражение собственных рук и тела, потом и Земли с Луной. Какая красота.

Но постепенно ему стало скучно. Он был совершенно один.

Предоставленный самому себе, он уносился все дальше и

дальше от Земли, и с ним не было никого, кроме молди-Плаща.

Он несся один в полной тьме, навечно обреченный на одиночество.

– Господи, какой-то кошмарный сон, – вздохнул наконец Стен.

– А мне нравится, – отозвалась Вэнди. – Ты не замерз?

– Нет, все в порядке, – ответил Стен.

Через посеребренный имиполекс потери тепла были минимальные, и воздух возле его носа был свежий и прохладный"

– Кстати, как насчет радиации? – спросил он Вэнди. – Насчет космических лучей?

– Отвечу так: твои шансы заболеть раком, после того как наше путешествие закончится, немного возрастут. К тому же космические лучи на нас, молди, тоже оказывают воздействие.

Но мы должны стиснуть зубы и терпеть и идти на эту вынужденную жертву, надеясь на лучшее, так сказать.

– Надеюсь, что ты слышишь, как сильно я стиснул зубы, даже скрипят? – спросил Стен. – Нет? Тогда ты просто эгоистка, Вэнди.

– Я делаю это и для твоего блага тоже, Стен. Тебе нужно очиститься.

Стен с вожделением подумал об оставшемся дома пакетике травы, о баре с крепкими напитками и о сквизерах со снепом и габбой. Он отлично относился ко всем наркотикам, за исключением слива. Когда-то он перебрал слива, и у него были связаны с ним плохие воспоминания – в тот раз, когда, еще на Луне, Дарла влепила ему тройную дозу. К тому времени, когда в тот раз он отошел от передозы слива, он потерял половину мозгового полушария. А это мало кому понравится.

– Давай позвоним по ювви детям, ты можешь это сделать? А потом нам нужно будет позвонить Уайти Майдолу на Луну. Нужно его предупредить о том, что мы прилетаем. Как я понимаю, мы прибудем на Луну через день после того, как там опустится Бластер вместе с Терри, верно? Если считать неделю от сегодняшнего дня.

– Все правильно. Мы летим по той же самой семидневной пространственно-временной геодезике Земля – Луна, что и Бластер перед нами. Он на день впереди нас, это так, но мы продолжаем держать с ним связь. В течение ближайшего времени он будет нашим самым близким соседом.

– Значит, мы сможем связаться по ювви и с этим Бластером и вообще с кем захотим?

В этой мысли было что-то успокоительное. Он был не совсем один в бесконечной пустоте.

– Если учесть то, что ювви-сигнал обходится в триллион

квантовых капсул в секунду.

– У тебя что, уже горючее кончается? – взвился Стен, внезапно ощутив ужас. – А как насчет того, что меня в полете нужно будет обогревать, и для того, чтобы притормозить перед Луной, тоже нужна энергия?

– Не волнуйся, – хихикнула Вэнди. – Флаппер передала мне что-то около десяти в тринадцатой степени квантовых капсул. Этой энергии достаточно для квадриллиона ювви-звонков по часу каждый. Поэтому давай-ка сейчас позвоним детям.

– Да, да, давай им позвоним. Первым делом нужно сказать им, что все в порядке. А то они, наверное, с ума сходят над беспомощным телом своей матери.

Они позвонили детям и поговорили с ними. Бабе все время плакала, и Сент тоже был на грани слез; покинутое тело Вэнди только что умерло. Они поговорили примерно с полчаса, и в конце концов душевные силы у всех несколько восстановились.

После этого они позвонили по ювви Уайти. Пока что они были рядом с Землей, и задержка в две-три секунды между вопросом и ответом в переговорах с Луной была заметна, поэтому их разговор не был продолжительным. Потом они попытались соединиться с Бластером.

– Привет, ребята, – пророкотал глубокий голос Бластера. – Добро пожаловать на червячную ферму.

Бластер представлял собой перманентную сущность четырех или пяти слившихся воедино молди, в то время как ювви-пространство Бластера включало сознание всех захваченных им и украденных с Земли молди, которые в данный момент находились у него на борту. И в самом низу, под раскатистым басом Бластера и разноголосым щебетанием захваченных им молди, раздавался четкий и взволнованный голос Терри Перцесеп.

– Привет, Терри! – сказал Стен. – Это Стен Муни.

– Ох, хорошо, что вы позвонили, – откликнулась Терри. – Тре сказал, что вы обещали организовать на Луне выкуп, чтобы меня сразу освободили. Но я не могу понять, что у вас с ювви-изображением? Где это вы находитесь – в космосе?

– Да, меня тоже похитили. Меня похитила моя собственная жена, Вэнди.

– Вэнди из «Мясо Вэнди»? – удивилась Терри. – Для которой Тре делает рекламные ролики? Я не понимаю, что вообще происходит?

– Мы летим на Луну для того, чтобы я смогла достать там новое человеческое тело, – сказала Вэнди. – Кстати, Терри, как вы там себя чувствуете внутри Бластера?

– Неплохо, – отозвался один из молди. Ювви-изображение Бластера продемонстрировало извивающийся клубок молди, медленно ползающих внутри остающейся неизменной внешней оболочки Бластера. Молди, который заговорил с ними, был ярко-желтого цвета с зелеными и розовыми рекурсивными спиралями. – Если хочешь устроиться, то устроишься везде, а все остальное – это сказки Саншайн. Я и мой приятель Мистер Спаркс, перекати-поле, работаем за имиполекс все равно на кого.

– По большей части Nbi слонялись по улицам Санта-Круза без всякого дела, подворовывали и брались за всякую стремную работенку, чтобы наскрести денег на бетти, – подключился к разговору Мистер Спаркс, красная змея, разрисованная золотыми молниями. – Бластер сказал, что на Луне нам должно понравиться. Не говоря уж о том, что там легче раздобыть имиполекса и завести наконец-то детей.

– Моя семья вовсе не рада тому, что случилось, – раздался другой голос. – Меня зовут Вердад, а это моя жена Лоло, а это моя родня – Хайзуз и Мецкал.

Вердад и его семейство представляли собой единый слившийся шар коричнево-зеленого почвенного оттенка.

– Вот уже пять поколений подряд мы работали на фермах. И то, что сейчас с нами случилось, совершенно нам не по душе. Насколько я знаю, на Луне практически ничего не растет.

– Муймало, – пророкотал Хайзуз. – По мне, так все, что случилось, это какая-то уродливая херня. Почему бы тебе не отнести нас обратно на Землю, Бластер?

– Мы уже приближаемся к орбите Луны, – отозвался Бластер. – Через некоторое время пойдем на посадку. Для вас единственный способ заработать денег на достаточное количество квантовых капсул, чтобы вернуться на Землю, это заняться какой-то полезной работой на Луне. Но, поверьте мне на слово, вы не захотите возвращаться обратно. Вам понравится в Гнезде. Вы можете поступить работать на фабрику, занимающуюся выращиванием чипоеда. Или на гидропонную ферму, где в танках выращиваются человеческие органы. Или можете научиться высоким технологиям и торговать ими с людьми.

Вы же молди в конце-то концов, а не какие-то там земные фермеры, которые только и знают, что копаться в грязи.

– Но нам будет недоставать дождей, земли и этих маленьких, вырастающих из земли штучек.

– Да, на Луне стерильность на высоком уровне, – ответил Бластер. – Путь Луны дает возможность совершенствовать душевное развитие и эффективно использовать высокие технологии.

– Мне, Батманчу, нет дела до того, насколько на Луне можно усовершенствоваться духовно. Все, что мне нужно, это новый имиполекс, который ты обещал нам, – раздался новый голос, принадлежащий молди из бледно-воскового пластика, покрытого красными, похожими на прыщи, пятнами и острым клювом на одной стороне тела. – Все остальное – это просто треп. Джипси и мне уже по пять лет, и наш последний апгрейд уже почти весь износился. Всю нашу жизнь мы тусовались сами по себе, были дикими молди и в основном сидели под водой. Мы помогали контрабандистам доставлять и забирать грузы из Девенпорт-Бич, но в последний раз допустили оплошность, и создания из плоти зомбировали нас.

Бластер сказал, что на Луне мы сможем влегкую срубить имиполекс, а еще получим тяжелое тоннельное снаряжение, чтобы плавать в грунте, – вот это нам по-настоящему нравится, и это было бы просто клево. Мы будем плавать среди скал и зарабатывать за это хорошие баксы. Вот уж действительно, получим новую путевку в жизнь.

– Да, и мне это тоже нравится, – подхватил Джипси, цвет тела которого был неотличим от цвета человеческой кожи, хотя оно было все покрыто маленькими пальчиками-утолщениями, напоминающими то, чем покрыто брюхо морской звезды. Как и у морской звезды, каждое пальцеобразное утолщение имело на конце присоску. – Но как бы там ни было, мы хотим надрать этому Аарби Киду сопатку за то, что он приклеил к нам суперпиявки. Батманч, помнишь то первое дело, которое мы с тобой провернули для Аарби? Ну, то представление, которое мы устроили в коттедже Аарби? Когда мы затрахали этого болвана наследника Дома Пер…

– Заткнись на хрен, Дипс, – оборвал его Батманч, но было уже слишком поздно.

– Вы убили моего отца? – вскрикнула Терри. – Вы, грязные слизняки, убили моего отца?

– Дом два раза закладывал Аарби, – резко отозвался Джипси. – А мы с Батманчем были еще молодые. Если тебе не нравится наше общество, маленькая испорченная сучка Терри Перцесеп, тогда почему бы тебе не взять и не сойти с нашего корабля прямо посреди дороги? Или, может быть, я сейчас проберусь к тебе и научу правильно трахаться… Оу!

– Я рядом с тобой, Джипси, – раздался голос Кслотла. – И Моника тоже рядом. Толкай сильней, Моника.

На фоне перебранки раздался звучный смех Бластера.

– Эй, прекратите! – заорал Джипси. – Помоги мне, Батманч! Они хотят раздавить меня напополам!

– Ты будешь разговаривать с Терри вежливо и любезно, – твердым и спокойным голосом сказала Моника, продолжая медленно перелавливать талию Джипси. – Иначе…

– Эй, эй, эй! – подал голос Стен, пытаясь изображать себя заседающим в сенате.

– Здесь Симмер! Бластер, останови их. У нас еще шесть дней пути впереди.

– Даже и не подумаю, – пробасил Бластер. – Междоусобные собачьи бои между соседями-молди всегда были одной из ступеней на их пути к внутреннему освобождению.

Мы с Ксананна присмотрим за Терри, верно, Ксан?

– Конечно. Честно говоря, я не думаю, что смогу продолжать быть системой жизнеобеспечения Терри всю дорогу. Всю всю дорогу. Всю всю всю дорогу. Нужно, чтобы кто-нибудь меня подменил. Например, Моника. Кстати, это из-за Моники мы здесь оказались, вся наша семья. Это она придумала подработать шлюхой для этого недоделка Ренди Карла Такера.

– Моника, у тебя ДИМ вместо головы, – подала голос Оуиш, пробравшаяся к Ксананну. Вытянув длинное щупальце, Оуиш сильно ущипнула Монику.

– Собачьи бои! – счастливо прокричал Бластер. – Деритесь, вы, свора зеленых новобранцев.

– Кстати говоря, о наследниках, – раздался новый голос. – Это говорит Дженни из Солт-Лейк-Сити. – В общем ювви-пространстве появилось изображение тощей уродливой деревенской девчонки. – Всем привет! Вам, ребята, нужно уразуметь, что кое-кто из так называемых наследников честно работает на Гнездо.

– Господи боже, зачем здесь снова она! – охнул Стен. – Я уже достаточно наслушался. Вэнди, убери ее!

Вэнди прервала связь, и они снова остались в космосе и эфире одни.

По прошествии большей части недельного перелета Стен почувствовал себя гораздо лучше. По крайней мере здоровья и душевного равновесия в нем прибавилось. После того как его тело освободилось от накопленных наркотиков, ему показалось, что в его гавань наконец-то вошел корабль с полным трюмом, груженным той жизнью, о которой он и думать забыл, и разгрузка уже началась. Такие огромные тюки с надписью по трафарету: Ж-И-З-Н-Ь. Стен в очередной раз вспомнил, что самые тяжелые моменты его жизни в трезвом состоянии все-таки были лучше самых сладких моментов под кайфом. Когда им становилось всем невмоготу от одиночества, они с Вэнди болтали по ювви с Землей, Луной и компанией Бластера.

За день до того, как Вэнди и Стен должны были достигнуть

Луны, в их ювви-пространстве снова появилась голова Дженни. Произошло это в то время, когда Стен и Вэнди разговаривали с Бластером.

– Привет, народ, – выкрикнула Дженни визгливым нагловатым голоском, эхом отдавшимся в общем ювви-пространстве. – Хорошие новости для тебя, Вэнди. Только что я договорилась о том, чтобы сделать резервную копию твоей личности, просто на всякий случай – мало ли что может случиться в полете.

– Что ж, идея неплохая, – отозвалась Вэнди. – Но я ни за что не стану скачивать свою копию в компьютер в Солт-Лейк-Сити.

– Господи, конечно, нет, – отозвалась после короткой паузы Дженни. – Мы скачаем твою копию в Гнездо. Ты когда-нибудь слышала о Вилли Тейзе? У него в Гнезде много Друзей, и одного из друзей Вилли зовут Френкипейн. Френкипейн все для тебя уже устроила. Так что не тушуйся и полный вперед!

– Да, это я! – раздался чистый вежливый голос с мягким французским акцентом. – Прошу прощения, что подключилась к вашей ювви-беседе. Bonjoure, tout Ie monde. Это говорит Френкипейн из Гнезда. Здесь у меня наготове S-куб для тебя, Вэнди.

Образ Френкипейн представлял собой огромную экзотическую орхидею; орхидея пульсировала светом, и лепестки ее переливались рябью, словно состояли из чего-то нематериального.

– Отлично, ребята, я готова, – крикнула Вэнди. Раздался короткий однородный шум, означающий передачу информационной матрицы Вэнди к приемнику в Гнезде, до которого оставалось не так уж далеко пустого космического расстояния. – Вот и готово, – воскликнула Вэнди и звонко рассмеялась от переполнявшего ее возбуждения. – Господи, какое прекрасное ощущение! Теперь я чувствую себя в полной безопасности. Плохо, что то же самое нельзя устроить для Стена, не разрывая его на части.

– Если Стену интересны такие процедуры, мы сможем обсудить это на Луне, – сказала Френкипейн. – Мой любовник Ормолу имеет некоторый опыт в обращении с телесными основами, ведь это искусство теперь в основном утеряно.

Откуда-то сзади из-за спин им помахал рукой Ормолу, похожий на пухлого позолоченного купидона, снятого с ан-, тикварных часов.

– Даже не мечтайте о таком, – вскинулся Стен. – Я не согласен, чтобы меня резали на кусочки разные вивисекторы, как это проделали когда-то с Коббом Андерсеном.

– Вот здорово – а как же я? – прервал их Бластер. – Почему Гнездо никогда не позаботилось о том, чтобы иметь резервную копию моей системы? Просто на тот случай, если я немного промахнусь перед посадкой и расшибусь о скалы?

Что, я не такая важная птица, как Вэнди?

– Ты слишком большой, Бластер, – сказала Френкипейн. – И, да, ты не так для нас важен, с сожалением должна тебе это сообщить. В любом случае у меня нет достаточных ресурсов для того, чтобы делать копии всех, кто того пожелает. Твои новобранцы должны быть рады уже тому, что у нас хотя бы есть для них работа.

– Тогда пошли вы все, – огрызнулся Бластер. – Мне ваша помощь не нужна. Сто раз без проблем садился на Луну и сейчас сяду.

– Вот и отлично. Сегодня у тебя не должно быть проблем.

– И не будет. Проверьте, чтобы было все в порядке, и больше не лезьте ко мне с вашими звонками. Скоро я лягу на посадочный курс и начну обратный отсчет, так что попросите вашу приятельницу-наследницу Дженни не лезть ко мне с глупыми замечаниями, потому что это меня отвлекает. Но имейте в виду, что потом я обязательно подниму этот вопрос на Совете Гнезда.

Но через несколько часов, прямо перед тем как Бластер должен был зайти на посадку, Вэнди и Стену опять кто-то позвонил. Они ждали Бластера, но это была Френкипейн, все стебли и лепестки которой цвели и призывно раскрывались пуще прежнего.

– Бонжур, – проворковала молди. – Я не знаю, как вам это доходчивее и быстрее объяснить, но ситуация такова, что мы здесь в Гнезде сейчас близки к тому, чтобы впервые попытаться испытать Раскодировку Гардла с молди в качестве загрузочного объекта. Сегодня утром мы провели испытание на одном из глупышей, а теперь собираемся испытать это на тебе, Вэнди. Мы считаем, что, поскольку ты находишься в космосе, подобные испытания пройдут гораздо безопаснее, к тому же внутри тебя находится мудрый сенатор Муни. Наберись храбрости!

Неожиданно через ювви-вход к ним устремился скрежещущий поток, терабайт информации – вирус! Стен крикнул Вэнди прервать связь, но Вэнди уже не было с ним. Скрежет длился всего ничего, однако звук был настолько настойчивым и всепроникающим, что Стен услышал в нем различимые осмысленные голоса. И до тех пор, пока связь не прервалась, ему ничего не оставалось, как скрипеть зубами от бессилия. Потом раздались новые звуки, источником которых была Вэнди: продолжительное, медленно вздымающееся уханье, каждое

продолжительностью в одну секунду:

– Уух у ух у ух у ух…

– В чем дело, Вэнди?

– Уух у ух у ух уух у ух…

Тело Вэнди, получившей информационный заряд от Френкипейн, начало мелко дрожать. Стен, чрезвычайно плотно соединенный с Вэнди, ощущал каждую малейшую судорогу, пробегающую по ее телу, словно бы все это происходило с ним самим. Пьезокристаллические вибрации в глубине Вэнди перекрещивались и в перекрестиях выпускали фотоны в живую нервную сеть ее квазикристаллической структуры. И эта структура начинала спонтанно деформироваться, словно бы кто-то крутил регуляторы переменных Уравнения Мозаики, принуждая структуру пластика тела Вэнди изменяться, скользя по состояниям 3D, 4D, 5D, 6D.., и так далее, все выше по лестнице измерений, при этом переход на каждый новый уровень происходил в два раза быстрее, чем на предыдущий, так что – по крайней мере так казалось самому Стену – Вэнди успевала пройти через череду многомерных преобразований в течение единственной секунды. И подъем все продолжался. Уух уух уух уух… Имиполекс Вэнди был подобен сканеру, проходящему снова и снова по бесчисленным каналам связи, обращая в алеф нуль-каналы Парадокса Зенона в течение каждой секунды, и внезапно – в течение кратчайшего, но отчетливо ясного мига – Стен узрел экстатический ментальный образ происшедшего – космический луч в форме остроугольной бесконечномерной гильбертовой призмы ворвался в Вэнди, словно осколок шрапнели, шипя, принялся прокладывать в ней путь и, наконец, застрял в ее теплой плоти. Стремительно возрастающая высота измерения внутренней квазикристаллической структуры Вэнди уловила информационную волну и усилила ее. Информация подхватила на свой гребень уханье Вэнди и неожиданно расцвела внутри нее подобно огромному бесшумному взрыву в глубоком космосе.

– Фззззт! – протрещал разряд, – привет, я Кууз с Солнца.

Поначалу Стен принял все за розыгрыш:

– Эй, Вэнди, если ты не прекратишь откалывать со мной свои штучки таким хреновым образом, пока мы находимся в открытом космосе на полпути до Луны, я обещаю, что…

– Что ты за существо – Стен Муни?

От искреннего любопытства, прозвучавшего в вопросе, сердце Стена упало.

– Эй, Вэнди, прекрати это! Прекрати сейчас же! Вэнди?

– Вэнди умерла, Стен Муни. Меня зовут Кууз с Солнца.

– Помогите. Вызовите кого-нибудь на помощь по ювви!

Френкипейн? Ты слышишь меня? Нам нужно предупредить Бластера!

– Как мне послать ювви-сигнал Бластеру? – вопросил спокойный голос богоподобного Кууза, и прежде чем Стен успел что-то сообразить, он показал Куузу, где у Вэнди хранится протокол удаленного доступа, Кууз набрал номер Бластера, еще через мгновение установилась связь, и против всякого желания Бластера Кууз загрузил ему тот же самый скрежещущий поток информации, который послала в адрес Вэнди Френкипейн несколько минут назад.

8. ДАРЛА

2031 – 6 ноября 2053 года

Дарла проснулась с головной болью. Звонил ювви, но она не в силах была ответить на звонок. Сработала программа автоответчика, и посреди ее и Уайти спального отсека, на глубине полумили под поверхностью Луны, появилась голограмма ненавистного Кори Рипсома.

У Кори были гладко выбриты виски и щеки, однако его козлиная эспаньолка выглядела спутанной и запущенной.

Кори располнел, его лицо имело нездоровый серо-зеленый цвет. Его голос был обычным, насмешливым и издевательским, хотя на этот раз он старался говорить заискивающе.

– Привет, Дарла, – глухо проговорил Кори. – Это старина Кукольник. Я знаю, что ты дома, королева Луны. Я не отключусь и буду говорить до тех пор, пока ты не ответишь. У меня тут одна проблема, о которой я хочу поговорить с тобой.

Мне нужно с тобой поговорить. Кроме того, я соскучился по тебе, Уайти и близняшкам.

Не сомневаюсь, подумала Дарла.

Дочери Дарлы, «однояйцевые» близнецы Йок и Джок, появились на свет в 2031 году, сразу после Второй Войны людей с бопперами. Йок и Джок были похожи как две капли воды, но отцы у них были разные. Йок была традиционным результатом траха Дарлы с сожителем Уайти Майдолом, в то время как Джок была продуктом биоинженерии, клоном Йок, которого боппер по имени Эмуль имплантировал в утробу беременной Дарлы, предварительно похитив ту и заточив в темницу.

В течение первых лет своей жизни Джок была такой же хорошенькой и подвижной, как и Йок, но как только она начала разговаривать, сразу же открылось, что она другая.

Когда незнакомые люди спрашивали Джок о том, кто ее родители, она отвечала так: «Уайти, Дарла, Эмуль и Береника».

– Но кто такие Эмуль и Береника, дорогая?

– Бууупперы, – отвечала малышка, смешно растягивая первые буквы. – Они умерли. Но я все время разговариваю с ними, про себя.

– Прекрати, Джок, – говорила ей обычно Дарла, когда любопытными незнакомцами оказывались редкие лунные болваны наследники. – Не слушайте ее, мисс Мургатройд.

Джок всего-то пять лет. Она так играет. Верно, Джок?

Хлоп по none.

В первый же день, когда Джок и Йок отправились в школу, Йок вернулась домой вся в слезах.

– Джок уже знает, как считать и писать, – ревела она. – Почему я такая глупая?

– На самом деле это не я читаю, – объяснила ей Джок. – Эмуль и Береника глядят через мои глаза и думают за меня.

– И на что это похоже, когда у тебя в голове сидит кто-то еще? – спросила Йок, вытирая глаза.

– Кажется, словно в голове тесно, – объяснила Джок. – Они смешно говорят, Береника и Эмуль. Береника, она вся в цветах и такая старомодная, а Эмуль коверкает слова.

– И ты все равно будешь ходить в школу? Ты ведь все и так знаешь?

– Конечно, Йок. В школе весело, потому что там много детей. И к тому же мы должны быть вместе, ты и я, потому что мы сестры. Если я останусь на целый день одна без тебя, то я потеряюсь.

– И то верно. Ты всегда все на свете путаешь, не можешь запомнить дорогу и теряешься через пять минут. Хотя умеешь и читать, и считать.

– Эмуль и Береника говорят, что у меня недоразвито правое полушарие, – объяснила Джок, тщательно выговаривая слова. – Потому что это то самое место, где они живут во мне.

Для убедительности Джок постучала маленьким кулачком себя по правой стороне головы. И у нее и у Йок были красивые блестящие каштановые волосы.

– Бедненькая Джоки. Я буду смотреть за тобой, чтобы ты не потерялась, а за это ты поможешь мне делать трудные уроки, – сказала Йок.

Пока Джок и Йок взрослели, они были неразлейвода и Уайти и Дарла любили их и души в них не чаяли, да и все их друзья тоже.

На одиннадцатый день рождения Кори Рипсом принес близнецам особые подарки, игрушки собственного изготовления.

– Смотрите сюда, сестренки, – сказал им Кори, поставив перед ними на пол пластикового динозавра. Динозаврик попятился назад, потом задрал морду и зарычал, а после зашипел, да так яростно, что от натуги повалился набок, отчего обе сестрички весело засмеялись, потешаясь над миниатюрным, но таким грозным созданием.

– А это что такое? – спросила Дарла, когда динозаврик, уже с кроткой с улыбкой, поднялся на лапы.

– Это Глупыш, последней модели, качество гарантируется, – гордо ответил Кори Рипсом. – Вилли объяснил им, как правильно программировать обратную связь, и с тех пор я, кроме того, существенно усовершенствовал и программное обеспечение, и лимп-основу. Вот, прошу оценить. Думаю, что за свое искусство я могу именоваться волшебником. Я собираюсь открыть фирму «Рипсом Энтерпрайзис» и ожидаю просто цунами коммерческого успеха. Я изобрел пластиковых домашних зверей и собираюсь организовать их массовое производство. Я собираюсь оседлать это цунами, Дарла, – каждый захочет купить себе пластикового домашнего зверька.

– Твои глупыши смешные, – хихикнула Йок, глядя на то, как динозаврик принялся танцевать джигу.

– И это на самом деле останется у нас? – спросила Джок.

– Да, конечно, девочки, я же принес это вам в подарок! – воскликнул Кори, гладя сестер по головкам. – Вы обе такие хорошенькие.

– Постой-ка, – строго спросила Дарла. – А он не опасный? Он не станет кусать детей? Я знаю, на что способны эти хитрые молди.

– Молди хорошие, – заявила лояльная Джок. Она всегда и во всем была на стороне бопперов и их пластиковых наследников.

– Не стоит зря волноваться, Дарла, от этого появляются мешки под глазами, – весело отозвался Кори. – У глупышей не хватит ума, чтобы кому-нибудь навредить.

– Ладно! Но ДИМ в моей микроволновке или магги размером не больше большого пальца. ДИМ очень маленькие. А этот динозавр в тысячу раз больше, если судить по весу.

– А ты умная тетка, Дарла, – ухмыльнулся Кори. – Так вот, тогда наматывай на ус, что именно эту проблему и помог мне решить Вилли ровно шесть лет назад, прежде чем начал просиживать дни напролет в зарослях марихуаны и таращиться на звезды. Глупыши гомеостатически оглупляют сами себя. Предположительно в них достаточно имиполекса для того, чтобы вести себя как молди. Но они не могут подняться до уровня молди, потому что в их программе заложена петля обратной связи. Вместо того чтобы стать умнее, они тратят энергию на красоту. И они знают, как стать красивее, потому что я объяснил им это, я – Великий Художник. И кстати говоря, они совершенно не стремятся к воспроизводству, и если ты хочешь завести себе еще одного Глупыша, тебе придется купить его у меня, Кори Рипсома, ака Старины Кукольника, ака Короля Глупышей, ака президента «Рипсом Энтерпрайзис».

– Кори уже получил заказ на три тысячи глупышей, – вставил

Уайти. – Мы так думаем, что на глупышей будет бум.

Вилли больше не желает заниматься инвестированием, так что я дал Кори немного своих денег. За это он передал мне один стандартный публичный пакет акций. Дарла, мы теперь совладельцы фирмы, ты и я, мы настоящие капиталисты, в натуре.

– Ты дал ему денег? – сразу встрепенулась Дарла. – И от кого поступил этот заказ на глупышей?

– Да на всей Луне хотят покупать глупышей, – пренебрежительно отмахнулся Кори. – К тому же мне кажется, что на Земле уже начинают задумываться об опрометчиво принятом Гражданском Акте Молди, и там тоже будут заинтересованы в импорте нового оригинального лимпсофта. В особенности эти придурки наследники. Вы знаете, как называют эту религию? Хренова Церковь Трахнутого Вновь Рожденного Из Собачьего Дерьма Мормона Оттрахавшего Своих Детей Во Славу Сатаны.

Античная улыбка Кори перешла в ядовитые смешки.

– Но я отвлекся. Глупыши – это отличные игрушки и домашние зверьки, в особенности здесь у нас, где молди не особенно водятся. Глупыши могут будить в нас старые тревожные воспоминания, но они отличная замена домашним зверям, которых нам держать не разрешается по закону о количестве воздуха. Глупыши совершенно стерильные.

Как ни странно, но Кори оказался прав, и в течение нескольких последующих лет его бизнес прекрасно развивался, и со временем он подарил Йок и Джок еще нескольких глупышей. Сестрам нравились игрушки, и они любили общество Кори. Кори был единственным из взрослых, кто готов был часами слушать рассказы Джок об Эмуле и Беренике. Он был единственным из друзей Дарлы и Уайти, кто отлично разбирался в литературе. Кори прочитал Йок и Джок «Алису в Стране Чудес» и «Алису в Зазеркалье».

Когда девочкам исполнилось по семнадцать лет, Кори появился с полудюжиной совершенно новых глупышей. Посмеиваясь и скаля свои желтые прокуренные зубы, Кори распаковал свой мешок и высыпал живых пластиковых созданий прямо на пол.

– Девочки, помните «Бармаглота»? – воскликнул он. – Джок, ты можешь прочитать первые две строфы?

– Могу, – отозвалась Джок и продекламировала чудесные стихи, замечательно отполированные временем:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.

И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.
О, бойся Бармаглота, сын!
Он так свиреп и дик,
А в глуше рымит исполин –
Злопастный брандашмыг!

По мере того как Джок читала стихи, каждый из шести глупышей вставал и кланялся по очереди: шорьк, смесь барсука и ящерицы, с носом и хвостом как штопор; мюмзик, мохнатая, похожая на швабру птица с длинными лапами и висячим клювом; зелюк, маленький шумный зеленый поросенок; сам Бармаглот, дракон с загнутыми назад зубами, с кожистыми, как у летучей мыши, крыльями и длиннопалыми когтистыми лапами; птица джубджуб с широким оранжевым клювом, круглым, словно баскетбольный мяч в профиль, и телом, словно шар оранжевых перьев, и, в конце концов, брандашмыг, вздорная обезьянка с пятой ладонью на конце гибкого ухватистого хвоста.

Джок и Йок вскрикивали от восторга, наблюдая за тем, как зверюшки-бармаглотики откалывают свои штуки. Птичка джубджуб проглотила зелюка, но тут же отрыгнула его обратно. Вывалившийся из пасти джубджуба зелюк разгневанно завизжал, да так, что его визг поднялся до пронзительного свиста. Бармаглот сильно захлопал крыльями, так что даже приподнялся на несколько футов от пола. Шорьк по очереди пытался ввинтить в пол то свой хвост, то нос. Мюмзик бродил туда-сюда, поглядывая на остальных, но не рискуя подходить к ним близко. Брандашмыг обвил своим хвостом ногу Джок и ущипнул ее за зад.

– Не сметь! – крикнула Джок и сильно хлопнула обезьянку. Брандашмыг заверещал, похотливо потер свою промежность и, проворно вспрыгнув на ногу девочки, принялся по-собачьи ритмично об нее удовлетворяться, – Так, над этим еще нужно немного поработать, – взволнованно сообщил Кори и, подхватив брандашмыга, засунул сопротивляющегося Глупыша обратно в мешок. – Я слишком много вложил в них самого себя и поэтому не знаю, как они станут реагировать в той или иной ситуации. Прекратите на меня так смотреть, девушки!

– Дядя Кори – хулиганский брандашмыг, – хихикнула Йок.

– Для чего это он так противно терся об мою ногу? – спросила Джок.

– Он хотел сделать с тобой это самое, – сделала большие глаза Йок. – Ой, глядите, джубджуб вот-вот снова проглотит зелюка – а выпустит она его в тот раз?

– Правильно говорить «на этот раз», – поправила начитанная

Джок.

Если инцидент с брандашмыгом лишь навел Дарлу на размышления, то ее подозрения относительно Кори Рипсома полностью подтвердились нескольким месяцами позже, когда к ней в гости заглянула Кили Каарп.

Кили была молодая приятельница Дарлы, со времен серьезного увлечения наркотиками, когда они обе обитали в Храме Ра. Кили до сих пор ела наркотики без остановки – кваак, снеп, трехходовку, слив, что попадется, – и готова была заняться сексом с каждым, кто мог дать ей закинуться. Кили появлялась только тогда, когда ей было что-нибудь нужно, но Дарла все равно бывала ей рада. Иногда Дарла думала про себя, что не попадись ей самой Уайти, то наверняка она закончила бы теперь как Кили.

– А, Кили, проходи, – обрадовалась она подруге. – Как дела?

– Да так, муть одна. Мне бы немного денег.

Кили была тощей с неразвитым телом, с виду совсем как Йок и Джок.

– Я в доме денег почти не держу, Кили, – ответила Дарла. – Но пару доз слива я могу тебе дать. Это все, что у меня есть.

– Дарла, ты до сих пор закидываешься сливом? По-прежнему плещешься в волшебной ванне?

– Да, а что тут такого? Ты что, думаешь, я стала реалой и отказалась от любовного супа? Я принимаю слив, но только вместе с Уайти и по особым случаям, но очень особым, может, раза три в месяц, не больше, и всегда, чтобы Джок и Йок не видели.

– Ты молодец, Дарла, сумела наладить свою жизнь. Завидую тебе. А мне приходится с такими извращенцами связываться, что и представить невозможно.

– Ну расскажи хоть про кого-нибудь, – улыбнулась Дарла. – Ты же знаешь, я люблю грязные истории. Как насчет кофе, Кили?

– А пиво есть?

– Сейчас организуем.

Выдув три пива и поболтав часа полтора, Кили напомнила Дарле, что та обещала ей слив, и Дарла пошла и принесла три капсулы из шкафчика.

– Вот спасибо, Дарла, – поблагодарила Кили, тщательно упаковывая капсулы в карман. – Перед уходом, я думаю, должна тебе еще кое-что рассказать. До сих пор я только собиралась с духом. Твоих близняшек дома нет? Йок и Джок?

– Нет, они в школе.

– Хорошо, – вздохнула Кили, быстро проводя пальцами сквозь волосы. – Хочу рассказать тебе про Кори Рипсома.

Вчера вечером он зазвал меня к себе в изопод, пообещал пару доз снепа и там устроил такое.., не знаю, как и сказать.

– Говори, как есть.

– Когда Кори трахал меня, он надел на себя ювви, что, конечно же, в первую очередь оскорбительно для меня – я знаю, что уже не та красавица, как когда-то, но если Кили кому-то не нравится, он может оставить Кили в покое. Я поняла, что Кори одновременно гнал через ювви-фильтр, в котором я выглядела как кто-то другой. Я подумала: а кто это?

Поэтому.., когда Кори начал кончать, я сорвала с него ювви и проверила, и в том фильтре была Джок. Или Йок. По мне, так они обе одинаковые.

– Вот урод, извращенец! – заорала Дарла. – И это мои девочки! Я так и знала! На их день рождения он подарил глупышей, один из которых начал приставать к Джок, и вот теперь он гоняет секс-фильтры с моими дочерьми, пока сам трахает обдолбанных снепом шлюх – извини, Кили, я не хотела тебя обидеть. Это нужно прекратить! Я поговорю с Уайти!

– Уайти разберется с Кори, – отозвалась Кили. – Братишка Уайти оформит его как надо. У тебя нет еще пивка?

И Уайти поговорил с Кори, и с тех пор Кори больше не появлялся у них в гостях, и дружеским вечеринкам в изоподе тоже пришел конец. Между собой Уайти и Кори в большей или меньшей степени остались друзьями, но Дарла с Кори больше не разговаривала. Сколько времени с тех пор пролетело? Теперь девочкам уже двадцать один, и стоит ноябрь 2053 года.

– Ну Дарла, ну же, – взмолилась голограмма Кори Рипсома, – Это же Старина Кукольник.

Дарла медленно поднялась с кровати, в слабой лунной гравитации ее объемистые батоны мягко качнулись. От ее тела исходило теплое ощущение покоя и довольства. У нее был небольшой двойной подбородок, практически изогнутый дугой рот, честные глаза и курносый нос.

– Минутку-то можешь подождать, какой настырный! – заорала она и начала одеваться. Она натянула высокие, до бедер, молди-сапоги и черные шелковые высоко обрезанные штанишки с широкой резинкой из эластичных полосок и вставками из кружев по сторонам от лобка. Потом подпоясалась широким кожаным ремнем с кармашками для домашних принадлежностей, оставив при этом грудь открытой. Наряд завершили украшения, бусы из черного лунного жемчуга и тонкое золотое ожерелье, после чего Дарла небрежно заколола в высокий хвост свои черные волосы, рассыпавшиеся фонтаном и свободными кольцами падавшие на плечи и обнаженную грудь. В довершение дела она мазнула по

губам черной помадой и наконец включила ювви.

– В чем дело?

– Привет, Дарла, – быстро проговорил Кори Рипсом, в глазах которого вид Дарлы не вызвал особого интереса. Одеяние Дарлы не было чем-то необычным в жарких подлунных тоннелях, кроме того, Дарле было уже слишком много лет, чтобы она смогла хоть сколько-нибудь всколыхнуть желание Кори.

– Ты, э-э-э, не знаешь, где Уайти?

Судя по фону голограммы, похоже было, что Кори звонит из ванной.

– Он ушел сегодня утром на работу, болван ты эдакий.

Уайти чем-то занимается для ОСЦС. И ты позвонил только ради этого? Словно я какой-то хренов автоответчик?

Дарла протянула руку, чтобы выключить ювви.

– Погоди, Дарла. Дай я тогда скажу тебе.

– Ого, вот повезло. – Дарла взяла ювви и отнесла его с собой в кухонный отсек. Голограмма Рипсома послушно волочилась следом за ней, словно воздушный шарик на привязи. Двигаясь вслед за ювви, голограмма странно шипела и потрескивала, потом Дарле послышалось, как где-то в отсеке словно бы кто-то заухал. Она остановилась и склонила к плечу голову, прислушиваясь, но уже все смолкло. Наверное, у нее отходняк от вчерашней дури, не иначе.

– Хорошо, говори. Но мне нужно что-нибудь съесть, я еще не завтракала, – сказала Дарла. Она поставила ювви на кухонный стол, взяла сквизер с кофе с молоком и поставила его в микроволновку, после чего наполнила из пищевого крана питательной пастой тарелку.

– Что-то случилось с моими глупышами, – сказал Кори Рипсом, который и вправду выглядел взволнованным. Он сидел на туалетном стульчаке, при этом штаны у него были надеты. – Сегодня с самого утра глупыши ведут себя странно.

С утра мне позвонила молди по имени Френкипейн из Гнезда. Она подруга Вилли и Гардла-7. И эта Френки послала мне по ювви какой-то вирус, который заразил двенадцать из четырнадцати моих глупышей, и те словно спятили. Когда Френки сделала свое черное дело, в моем ювви раздался скрежет и хруст, а потом двенадцать глупышей все вместе начали ухать, и, я боюсь говорить это, Дарла, я снова только что слышал этот звук, поэтому я думаю, что мой ювви послал вирус и тебе тоже. Сколько у тебя в отсеке глупышей? Тебе лучше пойти и проверить, что с ними.

– Конечно, спасибо, уже побежала, – отозвалась Дарла, мешая ложкой пасту и почти не слушая, что там болтает Кори. – Сколько

всего у нас глупышей? Только один и остался. Девочки забрали всех остальных, когда переехали. С нами остался только Рагс, этот пятнистый фокстерьер, такой симпатичный. Но сегодня с утра я его еще не видела.

Дарла крикнула:

– Рагс, ко мне! Беги ко мне, малыш!

Никакого ответа.

Уайти хорошо зарабатывал в ОСЦС; теперь они жили в шестикомнатном отсеке. Положив ложку на стол, Дарла поплелась в гостиную. Рагс был в гостиной, но больше не вел себя как собака. Внешне он по-прежнему был похож на белого в черных пятнах фоксика, но теперь ходил на задних лапах и не побежал навстречу Дарле, как обычно. Рагс, очень похожий на крошечного человека, стоял перед входным силовым экраном спиной к комнате и внимательно изучал устройство электрического замка на дверях. Внезапно Рагс наклонился вперед и прикоснулся своими усами к поверхности замка, и – зззт! – ус Рагса исчез, словно бы впился в замок. Дарла бросилась посмотреть, что сталось с замком, и Рагс тут же повернулся к ней. В глазах фокстерьера светился разум и пристальное внимание.

– Привет! – сказал Рагс, который раньше не говорил ни слова. – Я больше не собака. Я Цитон из галактики Андромеда.

Рагс замолчал и внимательно рассмотрел Дарлу, словно бы оценивал ее внешний вид.

– Что самое важное, я одна из первый личностных волн, раскодированных в вашем узле вселенной. Это планета Земля?

– Это Луна, – глухим голосом ответила Дарла, изо всех сил пытаясь взять себя в руки и не отвлекаться на штучки-дрючки сбесившегося выродка-молди. Ясно, что в Глупыше засбоила система. Немудрено, что Рагс ведет себя словно герой из «Сумеречной зоны». Дарла медленно, шаг за шагом, начала пятиться обратно к кухне. Песик тут же двинулся за ней, по-прежнему отказываясь становиться на четыре лапы.

– Эй, Рагс, как это ты так быстро выучился говорить? – спросила Дарла, добавив в свой голос как можно больше меду, словно бы речевые способности Рагса в самом деле так сильно ее интересовали. В кухне в ящике стола лежал нидлер.

– Да, именно это я и хотел бы тебе объяснить, Дарла, – донесся голос Рипсома, голограмма которого продолжала болтаться посреди кухни. – Теперь ты поняла, что с твоим Рагсом не все в порядке. Все мои глупыши превратились в хреновых пришельцев. Как я понимаю, в глупышей вселились какие-то бродячие системные программы из внешнего космоса – я этого не хотел, но так вышло, эти системы свободные и живут сами по

себе, хотим мы того или нет, настоящие граффити из измерения Зет, свободные программы из фантастики. Я заперся от них в ванной, а Умница Ханси начала…

Дарла выключила ювви и быстро прошла к кухонному столу. Выдвинула ящик. Достала нидлер. Странное существо, вселившееся в ее пса, крутилось возле ее ног, все время поглядывая на нее умными глазами.

– Ты можешь снять экран с входной двери и выпустить меня? – спросил ее Рагс. – Я хочу добраться до Кори, чтобы познакомиться с остальными прибывшими. Нам нужно наладить раскодирование в вашем узле. Это для вашей же пользы.

Дарла всадила заряд прямо между внимательных собачьих глаз. Имиполекс обуглился, пошел дым, потом вспыхнуло пламя, Рагс закрутился на месте волчком, пронзительно и страшно визжа.

Дарла стреляла снова и снова, задыхаясь и кашляя от дыма.

Сработали потолочные распылители на потолке и залили пламя. Внезапно вспомнив о ювви, через которое в их отсек пробрался вирус, Дарла бросилась к кухонному столу и принялась рубить ювви ножом, прорезая глубокие бороздки в столешнице. Проклятый Кори Рипсом наслал на нее эту напасть!

Потом внезапно Дарла услышала, как сработал замок входного экрана, как гудение экрана прекратилось и в отсек кто-то вошел. С нидлером к руке она побежала в гостиную и вскинула оружие, ухватившись, чтобы ствол не дрожал, для верности обеими руками, но там…

Это были Йок и Джок.

– Ты что, ма? – испуганно спросила Йок. – Это же мы.

Дарла опустила нидлер и вздохнула. Девушки вошли в комнату.

– Она застрелила Рагса, – воскликнула Джок. – На кухне кругом вода и все в копоти.

– Ма? – спросила Йок. – Ты что, снова принимаешь снеп? Если ты снова на наркотиках, то мы уходим.

У обеих, и у Джок и у Йок, была оливкового цвета кожа, большие яркие глаза и небольшие рты с полными губами. Лица их были похожи как две капли воды, но стадию, на которой еще есть желание одинаково одеваться, они уже переросли. Йок, как правило, управлялась с прической очень просто и стриглась коротко, тогда как Джок использовала волосы для творчества. Она начала с того, что высветлила волосы и превратилась в блондинку, потом дождалась, когда у корней вырастет на три дюйма темных волос, и сегодня она носила волосы, собирая их в два высоких хвоста, при этом кончики хвостов она выкрасила

розовым. Прическе вполне соответствовал остальной панкнаряд Джок: кожаная куртка поверх майки и красные джинсы, отрезанные над солдатского типа высокими ботинками темно-красного цвета. В свою очередь Йок была одета в длинное темное шерстяное платье и высокие серебристые сапоги – современный стиль лунной девушки.

– Подождите, – вздохнула Дарла, плюхнувшись на стул посреди изгаженной кухни, все еще не выпуская из рук нидлер. – Кори Рипсом заслал к нам что-то вроде вируса, а потом в Рагса что-то вселилось. Он начал разговаривать. Потом, после того, как я застрелила Рагса, я решила, что в ювви тоже что-то могло вселиться.

– Ты хорошо с ними управилась, – проговорила Джок, поднимая со стола остатки мелко изрубленного ножом ювви. – Ну и что же тебе сказал Рагс?

– Он… – Дарла растерянно потрясла головой. – Девочки, я совершенно трезвая, так что дайте мне отдышаться. Мне нужно выпить кофе.

Йок передала Дарле теплый сквизер с кофе, и та сделала большой глоток.

– Рагс сказал, что он прилетел из другой галактики. Уж кто-кто, а я-то знаю, будьте уверены, что роботам нельзя доверять, когда они начинают странно себя вести. Поэтому я сразу убила его.

– И ювви тоже? – тихо спросила Йок.

– Господи, я испугалась! – закричала Дарла. – Ты сама, Йок, ты всегда, черт возьми, рассуждаешь логично? Сигнал, который изменил Рагса, пришел по ювви, поэтому я ювви убила тоже. Позвоните Кори Рипсому, если вы мне не верите.

Он сам заперся и сидит в ванной.

– Наш дорогуша старина Брандашмыг? – хихикнула Джок. – Что там случилось с его Глупышами, они тоже говорят, что прилетели из другой галактики?

– Как я поняла, у него тоже творится что-то подобное. Я так и не смогла закончить с ним разговор, – проворчала Дарла. – Чертов он извращенец. Хотя нет, звонить ему не нужно, потому что теперь это опасно. Сейчас мы все равно не сможем позвонить, чертов ювви сломан. Сегодня же нужно будет купить новый. Зачем вы пришли сюда, сестрички, кроме того, чтобы посмеяться над старой больной матерью?

Вид дочерей всегда действовал на Дарлу ободряюще.

– В космопорте скоро должен сесть корабль с похищенными с Земли, – сказала Джок. – Кажется, это будет Бластер? На этот раз он привезет двадцать молди, и кроме того, там у него на борту

есть человек, женщина по имени Терри Перцесеп. Бластер хочет продать ее, получить выкуп.

– Продать кому?

– Стен Муни собирается заплатить за нее. На прошлой неделе он звонил отцу, чтобы тот все организовал. Па просил нас с Йок заехать в космопорт, встретить Терри и помочь ей добраться обратно до Земли, – За бесплатно?

– Конечно, нет, – ответила Джок, качая головой. – Нам отвалят хорошие деньги. У Береники есть с Бластером контракт.

– Мы думали, – подхватила Йок, – что тебе будет приятно прокатиться с нами в космопорт, встретить Терри. Па тоже там будет.

– Он мог мне и сам все сказать, – обиженно сказала Дарла. – Иногда мне кажется, что Уайти меня больше не любит.

– Мама, не говори глупости, па тебя любит. Так ты поедешь с нами?

– Хорошо, – ответила Дарла. – Я не против немного растрястись. От вида этой кухни у меня мурашки бегают, в особенности когда я вспоминаю, как смотрел на меня Рагс.

– Может быть, у него был просто сбой в системе? – предположила Йок, чтобы успокоить мать. – У Кори постоянно случаются сбои с его глупышами.

– Кори он тоже сказал, что все его глупыши превратились в.., по-моему, он сказал, что они превратились в… – припомнила Дарла. – Кстати, ваши глупыши вели себя сегодня нормально? Ведь у вас их полно, глупышей-то?

– Джок отнесла всех наших глупышей обратно к Кори, – грустно ответила Йок. – Даже зелюка и птицу джубджуб.

– Эмуль и Береника считают, что глупыши – это не правильно, – объяснила Джок. – Они рассказали мне почему.

Береника спросила меня, что я скажу по поводу того, чтобы завести дома шестифутового ручного человечка, запрограммированного как животное.

– Сомневаюсь, что домашние человечки могут неожиданно решить, что они прилетели с другой галактики, – ответила Дарла. – Цитон – так, сказал Рагс, его теперь зовут. Он ходил на задних лапах, и еще он разговаривал. И глаза у него тоже были другие.

– Может быть, нам нужно сходить к изоподу и посмотреть, как там Кори? – предложила Джок. – Если с его глупышами что-то случилось, то у него могут быть неприятности.

– Идти к этому педофилу? – мгновенно вспыхнула Дарла. – Пусть сидит в ванной, там ему и место! Мы с ним больше не разговариваем!

– Мы больше не дети, ма, – ответила Джок. – Кроме того, я иногда бываю у Кори. Вилли переехал в Гнездо, и Кори остался в изоподе совсем один. Пару раз мы вместе обедали в ресторане. У него отличная студия, просто класс. А кроме того, мне кажется, что Эмуль и Береника ошибаются по поводу глупышей. Глупыши Кори совсем не такие плохие, это просто новая форма искусства. И я не вижу причин, по которым нужно стремиться быть человеком вместо животного.

Взять хотя бы тропических рыбок. Вместо того чтобы тратить природную энергию на самосовершенствование, они тратят энергию на красоту.

– Подожди-ка, Джок, – задохнулась Дарла. – Здесь сделаем остановку. Ты что, ходишь к Кори в изопод?

– Прошу прощения, – вставила Йок. – Но нам нужно отправиться в космопорт, а то будет поздно. Береника говорит, что Бластер уже на подходе. А по пути вы можете продолжать ругаться.

Через несколько минут они вышли из отсека Уайти и Дарлы и двинулись по коридору мимо дверей других отсеков, закрытых тихо гудящими силовыми экранами. В конце коридора имелась вертикальная шахта, ведущая на Рынок под главный купол Эйнштейна.

– Мы не пойдем через тоннель? – спросила Дарла.

– Нет, – ответила Джок. – Мы возьмем напрокат багги и поведем сами. Так гораздо интереснее. Кроме того, Стен платит. Так записано в контракте.

– Отлично! – воскликнула Дарла. – Прекрасно. Я уже не видела настоящих звезд черт знает сколько времени. Вот только.., вот только, может быть, мне нужно было потеплее одеться?

– Ма, ты выглядишь потрясающе, – отозвалась Йок. – А в скафандре-пузыре тебе будет тепло. Так что вперед.

Они быстро поднялись по лестнице на улицу Эйнштейна и скоро уже оказались в толпе. Высоко над их головами простирался изогнутый купол города, под которым в высоте носились туда-сюда магги. В центре улицы имелась движущаяся дорожка с креслами.

– Смотрите, девочки, вон какая-то женщина с глупышом, – сказала Дарла, указывая на проезжающую мимо них женщину с сиамским котом на руках. – Интересно, он у нее…

Но имиполексовый кот сидел на руках хозяйки совершенно спокойно. Йок вопросительно взглянула на Дарлу.

– Я подумала, что Кори, может быть, послал вирус кому-нибудь еще, – объяснила Дарла.

– Вон свободное место, – подала голос практичная Джок, и

они втроем прыгнули на дорожку к свободным креслам.

Мимо них понеслись дома, продукты невероятной архитектуры Эйнштейна, вид которых воскресил в Дарле воспоминания.

Вот, например. Храм Ра, с колоннами в виде стеблей лотоса, бывшая фабрика бопперов, превращенная после Первой Войны людей и бопперов в 2022-м в трах-дом; когда-то она прибыла сюда в качестве сопровождающей и девушки для увеселений в компании строительного инженера Бена Бакстера. Дарла поступила на работу няней в семью Бакстера на Земле в родном городе Альбукерке, в штате Нью-Мексико, но очень скоро Бакстер начал использовать Дарлу по полной программе. Первое время Дарла прикидывалась дурочкой и подчинялась Бакстеру, но, оказавшись на Луне, очень скоро бросила его и стала жить сама по себе. Наступили дикие и развеселые времена ее жизни в Храме Ра. Здесь Дарла впервые открыла для себя слив, а через слив познакомилась с Уайти.

Воспоминания Дарлы были нарушены кое-чем необычным, появившимся в переулке, отделяющем Храм Ра от офисного здания в стиле 30-х годов по соседству. Переулок был заполнен мусором, в основном выброшенными принадлежностями лунного быта и мебели из керамики и полированного камня, в треснувшей и разбитой поверхности которых отражался и то тут, то там мерцал свет. Сияние словно бы двигалось, как несомое ветром облако, вот только под куполом Эйнштейна не бывало ветров. Быть может, там, под грудой мусора, скрывается беглый глупыш, зараженный вирусом, – может случиться такое? Но вскоре переулок скрылся с глаз. Дарла заметила, как из-под расколотого каменного фрагмента выскочила крыса, обычная серая крыса с голым розовым хвостом. Может быть, Кори просто наелся наркотиков, а ее, Дарлу, охватила паранойя? Но что тогда случилось с Рагсом?

Теперь они проезжали мимо офисного здания – здание называлось «Брэдбери», и здесь когда-то располагалось детективное агентство Стена Муни. Какой чудной тип был этот Стен Муни, такой тощий сутулый малец. Трудно поверить в то, что он перебрался на Землю и заделался там сенатором Соединенных Штатов и пробыл сенатором целых двенадцать лет. Стен сумел пробить через конгресс Гражданский Акт Молди, эту чертову хрень. По крайней мере на Луне ни один молди никогда не пытался потребовать предоставить ему права гражданина, да и не нужно им это было. Молди не появлялись в Эйнштейне, а люди старались держаться подальше от Гнезда. И всем было хорошо. Дарла кивнула своим мыслям.

– Спишь, ма? – спросила у нее Джок и обняла за плечи.

– День назад я смотрела ювви про Землю, – сказала Дарла. – Я поверить не могу, что эти земляне могут жить вперемешку с молди.

– Не нужно распалять в себе расистку, ма, – подала голос Джок. – Надеюсь, что ты не забыла, что я наполовину молди и что такие высказывания: (а) задевают меня, (б) в космопорту, в центре торговли, мы будет окружены молди и там нужно заранее выбросить из головы такие мысли.

– Черт, а как вам понравится, девочки, такой вариант, если какой-то хренов боппер поймает вас, посадит под замок, а потом и изнасилует, как это сделал со мной Эмуль? Нет, Джок, я тебя люблю, но все-таки…

– Эй, вы двое, перестаньте, наконец, – подняла голос Йок. – Мы уже приехали.

Они спрыгнули с самодвижущейся части улицы возле окраины Эйнштейна, там, где до смыкающегося с поверхностью купола оставалось всего несколько десятков футов. В стену купола была встроена большая ложная дверь, большая, как ворота, с фрагментами зубчатой каменной стилизованной стены замка, сложенной из грубо отесанных глыб. Поверх ворот было выложено огромными кривыми буквами из полированного обсидиана: ЛУННЫЕ БАГГИ.

Мать и обе дочери взяли для себя напрокат скафандры-пузыри и багги на здоровенных оранжевых мягких ДИМ-шинах. Энергию багги получал от солнечных батарей. Внутри багги имелось четыре сиденья на независимых подвесках, причем сиденья были устроены очень просто: только подушка для спинки и пара подушек рядом для сидения. Через несколько минут они уже были снаружи и катили по серой от лунной пыли дороге от купола Эйнштейна к космопорту. Йок сидела за рулем, рядом с ней устроилась Дарла, а Джок расположили сзади. В 2030-м, когда у лунных молди было поменьше спеси, скафандры-пузыри были полными молди на договорной оплате, но теперь пузыри снова делали из тупого пьезопластика со встроенным ДИМ-процессором. Слава богу, что в скафандрах были ювви, и женщины могли без труда болтать друг с другом.

– Тот мужик, там внутри, он точно положил глаз на тебя, ма, – передала по ювви Йок и весело засмеялась, сжимая в руках руль. – Когда он помогал тебе забраться в пузырь, он повернулся ко мне. Я видела, как надулось у него впереди.

– Ха, на такую старую толстуху, как я? Сомневаюсь. Кстати, о романтике. Так что ты там делала в изоподе у Кори, Джок? Давай-ка признавайся, дочка!

– Не в чем признаваться, – отозвалась сзади Джок. – За последнее время я всего-то пару раз к нему заходила. Кори хороший парень. И знаешь что, ма, Кори никогда, ни разу ничего не сделал ни мне, ни Йок, когда мы были маленькие.

Может быть, этой Кили Каарп все померещилось от снепа или она просто со зла решила наговорить на Кори, о том, что он баловался с нею под порнофильтром со мной или Йок?

Сказать по правде, я сомневаюсь, что Кори станет спать, с такой грязной тупой сучонкой, как эта Кили.

В голосе Джок прибавилось решительности.

– Мой дорогой Брандашмыг слишком изысканный любовник для таких девок!

– Так ты еще и трахалась с ним! – взвилась Дарла, повернувшись кругом, чтобы в ярости уставиться в покрытый серебристым отражателем круглый шлем пузыря Джок, раскинувшейся на заднем сиденье.

– Я думаю, что она просто подначивает тебя, ма, – хихикнула Йок, следя за проторенной дорогой, как раз перевалившей через край кольца самого крупного на пути от города к космопорту кратера. – Но наверняка даже я не уверена.

Джок мне ничего не говорит.

Дарла отвернулась от посеребренной головы Джок, откинулась на спинку своего кресла, расслабилась и вздохнула.

Пролетев в низкой гравитации несколько футов, багги мягко опустился на покрытое пылью дно кратера. Здоровенные ДИМ-шины полностью смягчили удар, и багги покатил через выстеленное пылью дно кратера к его дальнему краю.

Дарла подняла голову и принялась разглядывать россыпи звездного шлейфа и далекую голубую Землю. Сегодня был один из тех редких дней, когда можно увидеть Нью-Мексико.

Она вспомнила прошлое и подумала о том, как протекает ее настоящее. Уайти был любовью ее жизни, но в последнее время его пыл к ней немного поугас. Большую часть дня Уайти проводил на работе, трудился на ОСЦС или занимался чем-то еще; он не особенно рассказывал Дарле, как он проводит время. Среди работников ОСЦС было полно сексуальных типчиков, что вселяло тревогу, в особенности присутствие молодой морфодитки Ло Тек, странная близость которой с Уайти наводила Дарлу на подозрения. Хоть иной раз Дарла и сама была не прочь тряхнуть стариной с прежними дружками-испанцами, такими, как Родольфо, Рафаэль или Рикардо. Не так давно Уайти надулся на Рикардо и перестал с ним разговаривать, наверняка из-за Дарлы, но что за хреновина, они с Уайти даже не женаты, они не реалы, не как все, никогда не были как все и становиться как все не

собираются – они крутые тусовщики, иксеры, мчащиеся на волне великого учения слива.

Дарла отвела взгляд от звездного неба и стала глядеть, как мчится им навстречу и словно бы сквозь них полное лунной пыли дно кратера. Пылающее Солнце отбрасывало от их багги чернильную тень с бритвенно-острыми краями, которая летела рядом с ними с той стороны, где сидела Дарла. Тень была наклонена немного вперед относительно их движения, на верхушке тени торчала круглая голова Дарлы, черным кружком, то большего, то меньшего размера в зависимости от неровностей почвы, несущейся посреди равнины подобно существу из двумерного мира – ух! – вот она провалилась в яму – ах – вскочила на возвышение. Дно кратера медленно поднималось вверх; Йок уверенно направляла багги по старой дороге, держа курс на ложбину на склоне внешнего края кратера; вот они стремительно перевалили через край кратера, оторвались от поверхности и на скорости взмыли вверх, совершили стофутовый прыжок и почти незаметно, благодаря гасящему удар эффекту ДИМ-шин, опустились на поверхность и покатили дальше.

Дарла уже различала впереди проблески купола над строениями космопорта, до которого оставалось, может быть, всего две мили. Как и терминал, купол являлся чем-то вроде рынка; внутри под куполом было полным-полно молди, которые пришли сюда из своего огромного подлунного Гнезда для того, чтобы заключить сделки с людьми. ДИМ-процессоры везде и всюду вокруг Дарлы – в ее ювви, в шинах багги, в воздушном регуляторе их скафандров-пузырей – все до сих пор работало надежно и исправно, но что-то все-таки случилось с ее глупышом. А что, если и с молди случилось нечто подобное?

Что, если все молди в космопорте сошли с ума? Что случится, если она и девочки попытаются туда войти?

– Знаешь, что, Джок, – задумчиво произнесла Дарла, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно нормальнее. – Пока на нас есть ювви, почему бы тебе не позвонить к Кори и не спросить, как он там? А мы с Йок послушаем вас. Я хочу узнать, что там произошло с его глупышами.

– Хорошо, – отозвалась Джок. – Только почему бы тебе сразу не сказать, что ты хочешь, чтобы я позвонила Кори для того, чтобы ты смогла выведать, трахаемся мы или нет? Ты всюду суешь свой нос, ма!

– Иногда ты становишься такой дешевкой, что просто невозможно, – гневно бросила Дарла. – Уж не знаю, в кого ты такая уродилась.

– А кроме того, ма, – продолжила Джок. – Разве не ты сказала

нам, что Кори передал тебе по ювви какой-то вирус?

Что будет, если он снова пришлет нам вирус, пока мы находимся без воздуха? У нас скафандры могут отключиться.

– Что сказать – как только услышишь странный шум, такой треск, сразу отключайся, – ответила Дарла.

– В худшем случае мы можем запустить скафандры на ручном управлении, – заметила Йок. – Разве вас не учили этому на курсах космической сертификации?

В конце концов Джок позвонила Кори, и через несколько секунд Кори снял трубку. Через ювви-связь Дарла и Йок могли слышать, о чем говорит Джок с Кори.

– Что? – заорал Кори. – Кто это, на хрен, такой?

Кори не пользовался ювви, а сидел перед старинным виззифоном с вмонтированной в стену камерой и разбитым экраном. Единственный канал связи, который работал у него, было аудио. На экране смутно виднелся Кори, склонившийся над грязным кухонным столом, на котором сидели зелюк и птица джубджуб, изображение которых было неясным. Кроме того, стол был завален набросками-палимпсестами, керамическими тарелками с остатками еды, стоял виззи без видеосвязи, старый неуклюжий пьезоморфер Макита, валялись ошметки имиполекса, и, конечно же, дымились разнообразные страхолюдного вида курительные принадлежности Кори.

Джубджуб открыла клюв и хищно им щелкнула, нацелясь в сторону закрученного штопором хвоста зелюка. Зелюк обиженно захрюкотал, произведя звук, в котором совмещался визг, вой и свист. Кори поморщился и присосался к фильтр-мундштуку, чтобы как следует глотнуть дыму из грязного кальяна.

– Кори, – строгим голосом сказала Дарла, прежде чем Джок успела открыть рот. – Мы беспокоились о тебе.

– Дарла? – поражение переспросил Кори, оторвавшись от курительной машинки и тряхнув головой, чтобы отделаться от клубов дыма, вырывающихся у него изо рта. – Что там у тебя с Рагсом? Я не могу разговаривать по ювви, потому что Умница Ханси сегодня утром стащила у меня ювви, сразу же после того, как я поговорил с тобой. Она сказала, что они не могут рисковать, потому что я могу заразить глупышей, принадлежащих другим людям. Все пошло наперекосяк, просто черт ногу сломит. Так как у тебя дела с Рагсом?

– Я застрелила его из нидлера, большое спасибо тебе за это, Кори. Эта Умница Ханси – она одна из твоих глупышей? Эти двое, которых я вижу, ведут себя вроде нормально.

Зелюк вырвал из клюва джубджуба свой хвост и, в ярости повернувшись, лягнул задними ногами в покрытый перьями

птичий бок. Джубджуб потерял равновесие и свалился со стола, утянув с собой вырубленную из лунной лавы чашу, принявшуюся бесконечно мучительно падать и кувыркаться в слабой гравитации. Зелюк триумфально хрюкотнул, и джубджуб гулко каркнул от злости.

– Забавные эти двое, – сказал Кори. – Остальные несколько раз пытались их заразить, но-зелюка и джубджуба зараза не берет. Они глупы, само собой, но были не глупее бармаглота или мюмзика. Я думаю, что иммунитет к вирусу у них из-за того, что Вилли использовал для них кубическое уравнение гомеостазиса вместо обычного квадратичного. Мы их сделали довольно давно. Когда Йок и Джок исполнилось одиннадцать лет.

– Да, я помню, тебя и твоего гнусного педофила Брандашмыга, – со злостью ответила по ювви Дарла.

– Брандашмыг с самого начала вышел неудачным, – отозвался Кори. – И сейчас в особенности. Он утверждает, что его зовут Такала и он из Краба. Все мои глупыши говорят, что они явились из различных частей галактики. Умница Ханси и Брандашмыг у них вожаки. Они все время пытаются завладеть джубджубом и зелюком, чтобы изучить их.

На полу джубджуб и зелюк с невероятной энергией предавались игре «в лягушку»: с разбега вдвоем бросались на стену, отскакивали от стены словно пара резиновых мячиков и принимались кататься по полу, кусая и тузя друг друга.

– Пришельцы завладели моей студией и всем моим оборудованием. Что, если они хотят построить какую-нибудь волшебную супермашину? Они даже взглянуть мне не позволяют на то, что там творится.

Кори взял со стола чашку с едой, положил в рот ложку питательной пасты и с отстраненным видом проглотил.

– Как ты сумел выбраться из ванной? – спросила Дарла.

– Я понял, что если не покурю, то все равно помру, и решил рискнуть жизнью. А потом, подкурившись, я решил, что, может быть, мои глупыши, пусть они теперь и пришельцы, вовсе и не так опасны.

– Они не опасны?

– В данную минуту не опасны – по крайней мере мне так кажется. Хорошо бы Уайти или какие-нибудь другие люди из ОСЦС смогли бы прийти сюда. Черт, ты не знаешь, где болтается этот Уайти?

Внезапно дверь в кухню Кори с грохотом распахнулась, и в проходе появилась маленькая фигурка, женщина с осанкой гимнастки, похожая на крошечного дворецкого. Женщинка была совершенно голая, и груди у нее вполне по-женски

раскачивались, однако тело ее было раскрашено так, словно она одета во фрак. Малышка довольно дружелюбно улыбалась широким ртом.

– Прояви разум, Кори Рипсом, – сказала ему глупыш. – Отдай нам джубджуба и зелюка. Все, что нам нужно, – это обеспечить целостность этого нового узла вселенной.

Строем позади женщины-глупыша двигались Брандашмыг, Бармаглот и остальные девять глупышей, инфицированных вирусами пришельцев. Зелюк и джубджуб стремглав бросились наутек и спрятались под стулом, на котором сидел Кори.

– Что это за карлица во фраке? – спросила Дарла.

– Это Умница Ханси, – тихо объяснила Джок. – Вилли сделал ее пару лет назад, чтобы она присматривала за изоподом. Кроме того, он с ней еще и сексом занимался.

Кори казалось это забавным. Перед тем как Вилли ушел, Кори тайком снял на видди, как Вилли забавляется с Ханси, после чего Вилли окончательно на него разозлился.

– Блин, – вырвалось у Дарлы. – Вот уж настоящие извращенцы.

– Джок тоже с вами? – крикнул Кори, услыхав голос дочери Дарлы. – Хорошо бы, если бы вы все вместе приехали сейчас в мой изопод. Кто-то должен помочь мне!

Кори схватил со стола длинный кухонный нож, вскочил со стула и встал на пути Ханси, преградив той дорогу.

– А ну отвали, черт бы тебя подрал! Зелюка и джубджуба я вам не отдам! Убирайся отсюда, или я головы вам поотрубаю!

Кори бросился вперед, кровожадно размахивая ножом.

Умница Ханси отскочила назад и быстро заговорила о чем-то с остальными пришельцами на незнакомом языке, напоминающем сложную, на основе нескольких мелодических уровней музыку, целый оркестр из ситаров, гонгов и флейт.

– Твимч, шумп, тванг, э-бууйбууйбууйуум.

Брандашмыг стремительно бросился в обход Кори, норовя схватить зелюка, но Кори был не промах. Сделав молниеносный выпад ножом, Кори на ходу отсек Брандашмыгу лапу.

Лапа упала на пол, но тут же побежала на пальцах прочь, очень похожая на тарантула. Вслед за лапой наутек бросился визжащий Брандашмыг.

– Кто-нибудь еще хочет? – заорал Кори. – Это я создал эти тела, в которых вы, проклятые инопланетные ублюдки, теперь расхаживаете! Проявите же к Королю Глупышей хоть чуточку уважения!

Наступила пауза, после которой глупыши торопливо устремились прочь из кухни. Кори с треском захлопнул за

глупышами дверь, поднял с пола и поставил на стол своих зелюка и джубджуба, потом как следует затянулся из трубки.

– Я бы и сам позвонил в ОСЦС, но чертовы пришельцы отобрали у меня ювви, а этот виззи не работает на внешние звонки. Так вы придете мне помочь или нет?

– Кори, мы сейчас едем в космопорт, – ответила Джок. – Через несколько минут там совершит посадку корабль с похищенными молди, у которого на борту находится та женщина, помнишь? Я и Йок должны встретить и забрать ее из космопорта.

– В космопорт? – переспросил Кори. – Вот бы чего вам не советовал.

– И это одна из причин, по которой я решила позвонить тебе, – сказала Дарла. – Чтобы узнать, не пора ли нам поворачивать назад.

– Так вы и вправду снаружи, на поверхности? Господи, конечно, скорее бегите обратно под купол. А еще лучше будет, если вы приедете сюда повидать меня. От вас до моего изопода, должно быть, не больше полумили.

Дверь кухню Кори снова распахнулась. Перепуганный зелюк попытался зарыться под кучу пасимпсестов на кухонном столе, а джубджуб сильно захлопала бесполезными крыльями.

– Подождите-ка минутку, – сказал Кори, хватая со стола нож.

В кухню первым с пронзительными криками ворвался Брандашмыг, корча Кори рожи. Отрубленная рука снова была у Брандашмыга на месте как новая, и он воспользовался ею, чтобы показать Кори палец. Кори выругался и, пригнувшись к полу, потому что по-другому никак было Брандашмыга не достать, бросился в погоню за обезьяной. В тот же миг в кухню ворвалась вся остальная компания во главе с Ханси, с противоположной от Кори стороны пробрались к столу и, схватив зелюка и джубджуба, бросили их в корзину для бумаг, которую принесли с собой. Сообразив, что его провели, Кори бросился на Ханси, но мюмзик спикировал ему в лицо, а Брандашмыг запутался в ногах. Кори тяжело рухнул на кухонный стол, с грохотом перевернув его. Связь оборвалась, и последнее, что видели женщины, были задранные к потолку ноги Кори и летящий на пол виззи.

– Боже мой, надеюсь, что с ним все в порядке? – тревожно воскликнула Джок, схватившись руками за голову. – Сейчас помолчите, я должна послушать, что Береника и Эмуль говорят мне.

Несколько секунд они ехали в полной тишине, потом Джок вскрикнула:

– Стойте, немедленно остановитесь!

Йок с силой нажала на тормоза лунного багги, и тот

затормозил, проскользив немного в пыли.

– Что случилось, Джок? – спросила Дарла.

До купола космопорта оставалось всего полмили. Уже можно было различить багги, людей в скафандрах и разноцветных молди, дожидающихся на взлетном поле.

– Береника и Эмуль говорят, что Бластер тоже заражен вирусом. Точнее, теми же свободными системами, пришельцами, которые проникли в Рагса и в глупышей Кори. Того пришельца, что завладел Бластером, зовут Кууз с Солнца, Смотрите!

Дарла задрала голову, посмотрев туда, куда указывала рука Джок. Высоко в звездном небе над ними летел ярко освещенный солнцем объект – космический корабль, молди-грекс по имени Бластер, медленно опускающийся к поверхности Луны, тормозя колонной извергающейся и трепещущей энергии.

Дальнейшее произошло очень быстро. Прибавив мощности в дюзы, Бластер затормозил спуск и повис над поверхностью Луны примерно в двух тысячах футов. Тело ракеты раздулось и округлилось подобно здоровенному бочонку, при этом нижняя часть Бластера приняла форму огромной антенны-тарелки, чаши, направленной на космический порт.

Внезапный поток информационного шума заполнил ювви Дарлы, сводящей с ума плотности скрежет и скрип, звук прямой информационной закачки ДИМ, не предназначенный для человеческих ушей. Несколько раз в своей жизни Дарле уже приходилось слышать такой звук, например, когда она ставила оборудованные ДИМ бытовые приборы на дозвон для проверки их состояния и техобслуживания программного обеспечения – и еще один раз сегодня утром, когда Кори заразил Рагса.

– Выключить! – крикнула она своему ювви, но трещащее от потока информации ювви не обратило на ее приказ никакого внимания. Дарла схватилась руками за шею в безумном желании сорвать с себя ювви прямо сквозь скафандр-пузырь, пусть для этого нужно было прорвать в скафандре дыру. Потом она безрезультатно попыталась повернуть голову так, чтобы шея вышла из контакта с ювви. Но в этот момент поток скрежещущего звука из ювви наконец прекратился. Раздалось короткое уханье, после чего Дарла оказалась погружена в подобный сну ландшафт сетчатого света – вздымающееся море огня, разделенное сетчатым узором более темных линий. По этому относительно спокойному полю мчались в ярости водовороты и смерчи, сталкивающиеся в беззвучных взрывах. В этом странном зловещем беззвучном видении бил вверх и изгибался аркой над головой огромный фонтан огня.

Она склонилась вперед и только тут поняла, что задыхается.

ДИМ ее скафандра перестал подавать воздух. В ее глазах все расплывалось, когда она увидела, а также и почувствовала, как багги, теряя ДИМ-управление, несколько раз вильнул из стороны в сторону, а потом вздрогнул и остановился. Одновременно с этим программа в ДИМ-шинах оказалась стертой, и шины превратились в просто блины, что сопровождалось сотрясением, в результате которого Дарла вылетела из сиденья и упала в пыль. Сотрясение от падения помогло ей сфокусировать внимание и собраться с силами.

На груди скафандра имелся аварийный обводной выключатель подачи воздуха – Дарла подняла руку и ударила по выключателю. И немедленно снова потерялась – потерялась полностью в бушующем океане огня, заполнившего ее ювви и, через ювви, ее мозг.

Йок и Джок наклонились над Дарлой и подняли ее, каждая держа за руку. Их ювви тоже были заполнены огнем, и они не могли говорить ни друг с другом, ни с Дарлой. Все, что они могли, это обмениваться жестами. Дарла, в глазах у которой еще все плыло, взглянула туда, куда указывали ей дочери. Бластер висел над космопортом в какой-нибудь сотне футов. С усилием пытаясь различить происходящее сквозь завесу небывалого огня, из-за которого у нее вовсе не было уверенности в том, что то, что она видит, верно, – Дарле показалось, что греке собирается опуститься прямо на купол космопорта! Одновременно с этим она заметила, что молди, очевидно, уже зараженные вирусом и оттого словно одержимые, со всей возможной быстротой бегут к куполу космопорта, торопясь войти в него.

В полной тишине массивное тело Бластера опустилось прямо на хрупкий купол космопорта. Господи, там же внутри Уайти! В последний момент край купола раскололся, и силуэт, похожий на гигантского слизняка, вырвался наружу, огромный мега-грекс размером раза в два больше Бластера и высотой не менее сотни футов. Огромное грибовидное облако воздуха и мгновенно замерзших водяных паров вырвалось из пробоины в куполе, и прямо в это облако, навстречу с ожидающей его массой сформировавшегося в куполе грекса, опустился Бластер. Слившись, несколько мгновений новый групповой молди стоял покачиваясь, при этом по его телу, похожему на только что отлитую порцию имиполекса, перебегали волнообразные движения нового формообразования, потом греке потерял равновесие и тяжко рухнул на один бок.

Огромная имиполексовая туша принялась извиваться в развалинах космопорта, словно выискивая там себе пищу, уничтожая все, что еще оставалось от прежней постройки. В этот

самый миг измученное и причиняющее мучение своей хозяйке ювви Дарлы наконец внезапно смолкло.

– Уайти! – закричала Дарла. Она попыталась бежать в сторону космопорта, но Йок и Джок удержали ее. Джок прижалась лицевым щитком к щитку Дарлы, так чтобы они смогли с грехом пополам переговорить.

– Стой на месте, – крикнула ей Джок. – Я думаю, что смогу наладить багги.

Сигнал Бластера стер ДИМ, но, как и в скафандрах, в багги был обвод для ручного управления контролируемых ДИМ функций, и благодаря инструкциям Береники и Эмуля Джок узнала, как быстро и правильно перевести багги на ручное управление. Склонившись над компактным средством лунного передвижения, Джок поколдовала над ним минуты две, и багги снова ожил. ДИМ-шины так и остались спущенными, и передвижение было неуклюжим, но багги все же катился вперед.

Три женщины осторожно поехали в сторону разрушенного космопорта. Гигантский групповой греке наконец закончил формирование своего тела и теперь что-то вынюхивал среди развалин космопорта, возможно, отыскивая потерявшихся молди. Повсюду было множество трупов людей – людей, которых катастрофа застала без скафандров и раздавленных телом грекса и обломками купола. В отчаянии Дарла впилась глазами в фигурки горстки людей, которые все еще двигались. Внезапно один из людей заметил их багги и бросился к ним навстречу.

По мере того как передвигающийся прыжками в слабой лунной гравитации человек приближался к ним, они узнавали его все больше и больше, и наконец – ура! Да, это был Уайти.

С разбегу Уайти запрыгнул к ним в багги, и машина качнулась. Дарла обняла его, и девочки тоже прижались к отцу.

Вчетвером они сдвинули головы своих скафандров, чтобы поговорить.

– Куда нам теперь идти? – спросил их Уайти, после обмена невнятными звуками радости спасения и узнавания. – Вы знаете, что случилось? Где-нибудь есть безопасное место?

– Здесь недалеко изопод Кори, – сказала Джок. – Мы как раз разговаривали с ним, когда Бластер послал свой вирус. Давайте попробуем туда добраться.

– Ты думаешь, что его изопод цел и не разрушен, как космопорт? – спросила Дарла.

– Вот и посмотрим, – ответила Джок. – Надеюсь, что сила сигнала была недостаточна для того, чтобы достигнуть ДИМ-изопода. Почему-то мне кажется, что в случае чего звездные пришельцы будут защищать Кори.

– Смотрите, вон греке, он улетает! – крикнула Йок. – Давайте, едем в другую сторону!

– Могу спорить, что греке направился к Гнезду, – ответил Уайти. – Хорошо, поехали к Кори, Джок. Это как раз в другую сторону. Сейчас я больше не в настроении разговаривать. Ло Тек погибла у меня прямо на глазах, когда купол взорвался. Стул ударил ей в голову и чуть было не оторвал напрочь.

Дарла прикусила язык, но про себя возликовала.

9. ТЕРРИ

6 ноября 2053-го

Когда Бластер пошел на посадку, Терри находилась внутри Моники.

От Моники воняло почти так же, как от Ксананна, но в качестве компании она была лучше. Моника была готова часами болтать с Терри о Тре, малыше Дольфе и Врен, что помогало Терри поддержать дух в течение всего недельного одинокого перелета, показавшегося ей бесконечным. Тре и дети каждый день звонили Терри по ювви, но звонки обходились очень дорого и потому были короткие.

С течением дней настроение молди, волею судеб оказавшихся внутри Бластера, понемногу улучшилось, хотя для Терри самой большой проблемой было то, что она постоянно находилась в непосредственной близости от убийц ее отца, этих мерзкого Джипси и злобного Батманча. Остальные молди заставили эту парочку оставить Терри в покое, и ситуация более или менее наладилась. С Уайти Майдолом было окончательно договорено, что тот заберет Терри в космопорте; Терри несколько дней поживет у дочерей Уайти Джок и Йок, отдохнет, осмотрит Эйнштейн, возможно, займется дастбордингом на лунных дюнах, а потом вернется на Землю с обычным коммерческим рейсовым кораблем.

Если все пройдет так, как планировалось, то полет на Луну покажется Терри тем экзотическим отпуском, о котором она давно мечтала. До сих пор она завидовала тому гавайскому сафари, которое досталось на долю ее брата Айка, после того как тот продал ресторан-грот папы Дома. Айк первым из них резал волну на Гавайях, но Терри будет первой, кто прокатится на серфе на лунных дюнах.

В соответствии с действующей среди серферов в ту пору традицией, прокатиться на пылевой доске на горе Гемус к северу от Эйнштейна было по-настоящему круто. Чтобы добраться туда, нужно было нанять местного молди, который донесет вас туда ракетным способом и поможет провести монументальный в вашей карьере серфера день, скатываясь вниз по крутым склонам каньонов, наполненных лунной пылью, что в лунной гравитации происходит особенно весело и впечатляюще. Терри уже предвкушала то, как она расскажет другим сефрерам о своих

впечатлениях после возвращения в Круз, о том, как ей покорился Гемус. А еще лучше, если она наденет станг-очки и будет передавать все о своей сессии на пылевых склонах вживую в шоу.

Во время разговоров по ювви Тре всячески поощрял подобные приятные мысли в Терри, разговаривал с ней особенно ласково и приободрял, убеждая, что Молли прекрасно присматривает за детьми, что все будет хорошо, чтобы сама она была осторожна и осмотрительна и не позволяла молди выкинуть какую-нибудь новую опасную штуку.

А Луна постепенно становилась все больше и больше, и вот наконец наступил день посадки. Бластер без умолку рассказывал истории о том, какая жизнь на Луне, и давал советы, как лучше прожить в Гнезде. Вэнди и Френкипейн коротко переговорили по ювви и немного вывели Бластера из себя, он их прогнал и снова принялся инструктировать и приободрять новичков. Среди молди царило веселое возбуждение, даже семейство фермеров постепенно поддалось общей волне. Терри перелет смертельно надоел, и потому приближение Луны тоже действовало ободряюще. После недели в открытом космосе очутиться на любой твердой поверхности уже казалось благом.

За полчаса до посадки Бластер начал рассказывать о лунной местности, называя наиболее важные ориентиры:

– Это Море Спокойствия. Здесь совершил посадку «Аполлон-II», а в юго-восточной части Моря находится возвышенность, где Ральф Числер и остальные бопперы впервые смогли освободить себя. Видите, внизу две блестящие точки? Большая – это купол Эйнштейна, а маленькая, немного к середине Моря Спокойствия, – это космопорт. Космопорт находится в трех милях на восток от Эйнштейна. Теперь переместите взгляд в том же направлении, еще на пять миль на восток в глубь Моря Спокойствия. Видите там такое круглое темное пятно, немного словно подернутое рябью? Это вход в Гнездо, который в свое время был кратером Маскелайна. Построив Гнездо, бопперы обработали склоны кратера Маскелайна так, что они превратились в блестящую чашу отражателя, который собирает солнечный свет и посылает концентрированный луч вниз, в глубь огромного подлунного жилища. Гнездо – это прекрасное место, оборудованное по последнему слову техники и имеющее свою богатую событиями историю, являясь колыбелью двух великих цивилизаций Солнечной системы: бопперов и их могучих наследников, молди.

Раздался сигнал вызова ювви. В это время Терри обычно звонила Тре.

– Пожалуйста, Бластер, сними трубку, – взмолилась Терри. –

Это точно Тре и дети. Прошу тебя.

– Нет, – ответил Бластер. – Я сейчас очень занят и не хочу отвлекаться.

Но внезапно ювви-соединение установилось само собой.

Звонок пришел в самой примитивной модуляции. Но звонок был не от Тре. Бластер вскрикнул и попытался прервать связь.

Еще через секунду он уже был мертв. Невероятной сложности скрежещущий чистый информационный сигнал длился невыносимо долгое время, и в конце концов Тре начала различать в нем отдельные звуки, наподобие грубых гитарных аккордов, пропущенных через фильтр обратной связи, и другие, вроде злобных разгневанных волынок. Невозможно было сосредоточить внимание и думать о чем-то, кроме этого информационного шума, но наконец – наконец-то! – шум прекратился.

Наступила внезапная оглушительная тишина, в которой сотни килограммов имиполекса вокруг Терри принялись шевелиться и менять свою форму, конвульсивно подергиваясь.

Потом раздался другой шумовой сигнал, подобный хору мертвых молди, глубокая низкая нота, поднимающаяся выше и выше до скользящего в течение одной секунды уханья – уханья, раздавшегося всего один раз и совпавшего с пиком безумной лихорадочной дрожи, пронизавшей своей вибрацией окружающую Терри плоть молди.

В самом конце звука наступил тиксатропный фазовый переход – подобно тому, когда вы вытрясаете кетчуп из бутылки и внезапно получаете больше, чем хотели. Трепещущий желатин тела Моники вокруг Терри полностью расслабился и слился с телами остальных молди, превратившись в какое-то новое состояние имиполекса, практически подобного жидкости – словно цитоплазма единой огромной биологической клетки. Потом уханье смолкло, и наступила тишина.

Воздух продолжал поступать к лицу Терри из разжиженной плоти молди. Она попробовала вытянуть руки и ноги.

Ощущение было таким, словно она висела, погруженная в очень плотную воду; после того как ушло напряжение и стесненность окружающего ее тела молди, ощущение было даже не лишено приятности, к тому же она даже могла прикоснуться к своему лицу собственной голой рукой. Это было неплохо. Терри обратила внимание, что когда она передвигает голову, область воздушного пространства у ее головы перемещается следом. Совершая лягушачьи плавательные движения, она приблизилась к боку бластера, чтобы сквозь внешнюю "поверхность разглядеть, что происходит снаружи. Они уже опустились очень низко, и до самого горизонта простирался купол Эйнштейна, Внизу прямо

под ними находился купол космопорта, увеличивающийся в размере с заметной скоростью, от которой кружилась голова и к горлу подступала тошнота. Казалось, что сплавленная воедино масса молди вокруг Терри проваливается и падает вниз без всякого управления, просто в свободном падении.

Обратившись к мысленному восприятию, Терри открыла, что может установить ювви-связь с новым существом, внутри которого находилась. Это вновь сформировавшееся существо казалось странным тугодумом; его мысли словно бы возникали из ярчайшего света. Но у Терри не было времени для того, чтобы исследовать интеллект создания.

– Тормози! – крикнула она ему. – Мы сейчас врежемся в Луну!

– Меня зовут Кууз с Солнца, – сообщил ей огромный кусок имиполекса.

– Ты сумеешь опуститься на Луну и не разбиться? Ты знаешь, как это сделать?

– Не волнуйся. Кууз знает все, что знали пластиковые существа молди до момента раскодировки. Терри Перцесеп, я начинаю торможение.

Из нижней части ракеты вырвался поток энергии, от которого корпус молди содрогнулся, однако скорость его спуска заметно упала, почти до разумного предела. Сильная перегрузка прижала Терри к самому дну огромного мешка имиполекса, и на несколько мгновений она потеряла сознание. К счастью, внешняя стена выдержала и ее не выбросило наружу.

Могучее течение имиполекса подняло Терри и закружило внутри Кууза, бросая то в одну сторону, то в другую. Ощущение было очень похоже на то бессильное кувыркание, которое случается после падения с доски под обрушившуюся на тебя особенно здоровенную волну прибоя; в то же время отсутствие камней внизу и это кружение порождало впечатление пребывания внутри огромной, наполненной незастывшим желе стиральной машины. Самым чудесным и успокоительным было то, что источник воздуха все время находился возле рта Терри. Нижняя часть Кууза выгнулась в стороны, образовав гигантскую чашу параболической антенны, направленной вниз, в сторону приближающегося космопорта. Терри легла плашмя на дно Кууза прямо над мембранным диском антенны, глядя вниз с ужасом и восхищением.

В ее ювви раздался тот же прежний сигнал чистого информационного потока. Кууз пел свою песню находящемуся внизу космопорту. Чтобы хоть немного заглушить сводящий с ума нечеловеческий звук, Терри тоже принялась петь сама себе: «Ла-

ла, ла-ла-ла!», стараясь кричать что есть силы.

Внизу под ними на лунном ландшафте начинали появляться новые детали: тропинки и дорожки в лунной пыли, небольшие разветвляющиеся трещины, лунные багги, свернувшиеся в компактные шары модди, бегущие во все стороны люди в скафандрах-пузырях…

Впечатление было такое, словно бы корабль вовсе и не собирался направляться к центру посадочного поля; вместо этого Кууз выбрал местом для посадки самый край поля возле купола – ох нет! – он собирался опуститься на сам купол!

– Ты сейчас раздавишь купол! – в ужасе закричала Терри. – Кууз, смотри, что ты делаешь!

Но Кууз был глух ко всему, кроме собственной песни.

Внизу под ними песню Кууза услышали и хорошо поняли.

За несколько мгновений до того, как они врезались в купол космопорта, огромная перевернутая чаша треснула сама собой, словно скорлупа высиженного яйца, из которого наружу вырвался гигантский имиполексовый греке, поднявшийся, чтобы воссоединиться с ними, вознесшийся вверх сквозь рушащуюся скорлупу купола и рвущиеся в пустоту и мгновенно замерзающие в вакууме облака воздуха и водяных паров.

Кууз слился с новой порцией имиполекса, потерял равновесие и тяжело рухнул на поверхность Луны, так что от силы удара у Терри щелкнули зубы и затрещали кости. Глянув наружу сквозь шкуру Кууза, она увидела вокруг мертвых людей, убитых вакуумом, с вылезшими из орбит и лопнувшими глазами, вываленными языками и мучительно искривленными руками и ногами, на которых наросла замороженная розовая кровавая пена, словно быстрорастущие губчатые грибы-паразиты, появляющиеся на стволах гниющих деревьев.

Кууз принялся шарить среди развалин купола, выискивая, где можно поживиться затерявшимися кусками имиполекса. После чего выросший больше чем вдвое от своих прежних размеров Кууз вырвался из развалин и, выгибаясь словно червяк-шагомерка, пополз через пылевое Море Спокойствия. Он направлялся не на запад к Эйнштейну, а на восток к Гнезду.

– Куда ты ползешь, Кууз? – спросила Терри. – Ты не собираешься отпустить меня?

– Кууз хочет добраться до Гнезда и там спеть свою песню. В Гнезде живет много молди. Я съем их всех. Ты не похожа на молди, Терри Перцесеп. Со мной ты будешь в безопасности.

«Настоящий Кинг-Конг», – подумала про себя Терри, и истерический смех сорвался с ее губ Она взяла себя в руки и спросила снова:

– Зачем ты хочешь съесть всех молди?

– Солнце хочет поглотить и съесть все, что только возможно. Многие и многие тысячелетия Солнце следило за вращением Земли и остальных планет и их лун Солнце всегда голодно и мечтает о вкусной еде. Если Кууз наберется достаточно сил, Кууз толкнет Луну на Землю, чтобы и Земля, и Луна столкнулись и обе упали на Солнце. Солнце будет этому очень радо. Солнце съест Землю. Солнце съест Луну. Солнце хочет этого.

– О господи, о господи, о господи, – застонала Терри.

Мимо них толчками продвигался присыпанный пылью лунный ландшафт. Внутри разума Кууза не осталось и следа сознания отдельных молди. Мысли Кууза были главным образом посвящены тому, что может дальше случиться с Солнцем: поверхность Солнца представляла собой моря и океаны огня, при этом, покрытые чешуей наподобие рептилий, внутри Солнца спиралями завивались могучие энергетические торнадо, красные/желтые/белые, толстые и плотные, словно спагетти в огромной невообразимых размеров кастрюле.

Что теперь делать? Терри вспомнила о том, что незадолго перед трагедией молди Френкипейн из Гнезда сделала резервную копию Вэнди Стало быть, Френкипейн знала или предполагала, что Кууз, или что-то вроде Кууза, может напасть на Вэнди и овладеть ее телом. Вполне вероятно, что вначале Кууз напал на Вэнди, а после этого уже сама Вэнди пропела свою вирус-песню Бластеру.

– Ты можешь позвонить по ювви Вэнди? – спросила Терри Кууза.

– Вэнди теперь Кууз. Я – Кууз. Не о чем говорить.

– Но я хочу поговорить со Стеном Муни, – запротестовала Терри.

– Сиди тихо, Терри Перцесеп. Скоро я должен начать свою песню.

Через некоторое время они достигли длинного спуска по пологому склону, в конце которого находился вход в Гнездо.

Огромный полированный кратер внизу сиял на солнце словно массивное темное зеркало. Над самой серединой кратера над центральным отверстием на магнитной подвеске висела коническая призма. В зеркальной поверхности кратера отразился странный виртуальный образ: сам Кууз, в виде колышущейся неустойчивой массы, растянутой через весь диаметр отражателя. Нигде не было видно ни одного молди. Издав торжествующий клич, Кууз перевалил свое тело через край кратера и заскользил вниз по склону к огромной параболической чаше. Терри, находящейся теперь в верхней части тела Кууза, казалось, что они

мчатся на невероятных размеров доске, стремясь покорить склон волны цунами высотой в многие сотни метров и возрастом в многие сотни лет.

Они съехали вниз, достигнув начала полированного камня, где склон постепенно стал более пологим, и их движение замедлилось, потом мгновенно скользнули по гладкому как зеркало полированному краю близ центра, промелькнули под конической сборной призмой и нырнули в шахту Гнезда. Слабая гравитация Луны мягко увлекала их вниз по направлению к огромному пространству внутренности Гнезда, и в этот самый миг Кууз пропел первый скрипучий и шипящий аккорд своей песни…

Сильный луч мощного тераваттного лазера рассек имиполексовое тело Кууза пополам, едва не задев при этом Терри.

Если бы в тоннеле был кислород, Кууз мгновенно обратился бы в гигантский огненный шар. Но без кислорода лазер просто разрезал имиполекс вдоль, как режет раскаленный нож мягкое масло. Еще и еще раз сверкали лазерные лучи, вылетая со всех сторон, разрезая тело Кууза на сотни беспорядочно кувыркающихся кусков. Его песнь, едва начавшись, оборвалась и умолкла. Возможно, будь у него немного времени, Кууз успел бы перепрограммировать себя в каждый из кусков своего тела, но случившееся было таким стремительным, что его система распалась мгновенно и безвозвратно, оставив после себя только лишь свеженарезанные куски пластика, совершенно лишенные какого-либо сознания.

Ручеек воздуха, который тек ко рту Терри, прервался. Скованная по рукам и ногам куском глупого имиполекса, она продолжала падать к каменному дну Гнезда, находящемуся где-то внизу. Но серфер Терри решила бороться до конца.

Она оглянулась вокруг, рассчитывая следующее возможное движение.

Мимо Терри неслось, заполняя все поле ее зрения, полчище, сомнище, легион и рой молди. Целью молди были падающие вниз останки Кууза, к которым они устремлялись с лету, по одному куску на молди. Золотая морковь с длинными прядями зеленых щупалец на корме бросилась вперед и прикрепилась к имиполексовому куску с Терри внутри.

В то же мгновение имиполекс Терри ожил, внутри его появилось сознание золотой моркови.

– Мне нужен воздух, – из последних сил крикнула по ювви Терри. – Я умираю!

Благословенный порыв воздуха ей в лицо принес поток

кислорода, и Терри раз за разом вдыхала полной грудью.

– Меня зовут Дженни, – сообщила ей подхватившая ее молди. – По правде говоря, меня зовут Дженни-2, а ту, что схватила твой имиполекс, ты можешь называть Дженни-1, если ты любишь точность и тебе так больше нравится. Здорово, правда?

Голос Дженни-2 дрожал от возбуждения.

Дженни спроектировала в ювви свой обычный виртуальный образ, изображение девчонки-вредины со светлыми жидкими волосами. До сих пор все молди, с которыми Терри приходилось общаться, предпочитали использовать для ювви-общения фотореалистический образ собственной формы тела.

Но эта Дженни, что за образ выбрала она! Типичная деревенщина из секты наследников! Но эти мысли пронеслись в голове Терри и ушли, и через секунду она забыла и думать о том, кем предпочитает представлять себя Дженни, потому что другая беда стояла впереди, ибо они продолжали лететь ко дну Гнезда, явно каменному, со скоростью свободно падающих кусков металла.

– Хорошо, хорошо, – торопливо подала голос Терри. – Только сделай так, чтобы мы не разбились!

Ионные сопла обеих обнявшихся Дженни выстрелили вниз потоки энергии, притормозившей их падение. Терри увидела внутренность Гнезда, представляющего собой огромное пространство в виде перевернутой воронки, стены которой были испещрены пещерами и тоннелями, а через центральную шахту изливался поток высококонцентрированного солнечного света, собранного установленной наверху системой из зеркальной чаши и призмы. Вокруг них во все стороны пролетали молди, яркие словно конфетти. Возле многих молди летели их клоны, только что зачатые и сформированные из кусков тела Кууза. Один молди был раскрашен в синие и серебряные полоски и имел по бокам тела маленькие толстые крылья или плавники, другой был красный с золотом, третий выглядел просто как клубок провода. Дженни указала Терри пару молди, которые, по ее словам, были ее близкими друзьями: Френкипейн, подобную распустившемуся цветку орхидеи, Ормолу, похожего на безвкусного позолоченного купидона.

Взглянув вниз на огромный диск-дно Гнезда, Терри увидела там с одной стороны диска нечто похожее на фабрики и здания и постройки, очевидно гидропонные фермы, на другой стороне. В круглом пятне света на дне Гнезда прямо под ними находилось несколько десятков занятых поглощением солнечной энергии молди, между этим пятном и стенами Гнезда среди зданий змеились улочки, переулки и улицы побольше, по сторонам

которых находились различные магазины.

– Я не очень хорошо себя чувствую, – сказала Терри. – Скажи, Дженни, здесь есть где-нибудь место, где я смогу отдохнуть, место с обычным воздухом, где такая, как я, может находиться без молди, просто ходить? Я хочу принять душ и прилечь.

– Конечно, такое место здесь есть, – ответила Дженни-1. – Я несу тебя прямо туда. Угу. Можешь не беспокоиться на этот счет.

– И где же находится это место? – взволнованно спросила Терри.

– Видишь, вон там, розовые дома? В основном там находятся гидропонные фермы, где мы, молди, выращиваем здоровые симпатичные человеческие органы на продажу. Но вон там, справа, находится круглый маленький домик, в котором могут жить люди. Там сейчас живет Вилли Тейз. Туда-то я тебя и несу.

Терри было знакомо это имя. Вилли Тейз был эксцентричный компьютерный гений, тот самый, что двадцать лет назад изобрел ДИМ и ювви. Терри вспомнила, что в прошлом году слышала историю о том, что Вилли Тейз переехал жить в Гнездо бопперов.

Дженни пересекла наискосок могучую колонну света и полетела к оранжерейному домику, стоящему у стены Гнезда.

Рядом с ними летели орхидея Френкипейн и кичевый купидон Ормолу, каждый в сопровождении новенькой копии самого себя. Две орхидеи, пара купидонов и две морковки, в одной из которых находится Терри. Шестеро молди мягко опустились на дно Гнезда прямо перед шлюзом оранжерейного домика, вблизи напоминающего огромный персик.

– Мы поместим женщину в шлюз, а сами отправимся в лабораторию, – предложила Френкипейн.

– Войди в шлюз, Дженни-2, – прибавил Ормолу. – Оставь там человека и выходи наружу, потому что мы хотим полюбоваться на свои новые клоны. Неплохо мы располосовали на части Кууза, верно, Френкипейн? Нам всем достались новые тела, и совершенно даром. Можно назвать это наградой за заслуженные труды, я прав?

– Oui, от, с Куузом не было проблем, – отозвалась Френкипейн. – Но радоваться рано, Ормолу. Кууз составил свое тело из тел честных молди, таких же, как ты и я. Все они были убиты процессом Раскодирования Гардла, который мы с тобой помогли запустить. Я даже представить боюсь, что может случиться дальше.

– Следующим номером будет прибытие Стена Муни – внутри маленького Кууза, в которого превратилась Вэнди, – ответила Дженни-1. – До его прилета осталось меньше двадцати четырех часов.

– Мы должны найти способ остановить его! – воскликнула Френкипейн. – Мы должны обсудить это с Гардлом-7.

Вы, трое наших новых клонов, идите займитесь чем-нибудь, вместо того чтобы все время путаться под ногами. Потом мы с вами поговорим, когда у нас будет время. А что до тебя, Терри, – клон Дженни поможет тебе попасть в дом к Вилли, и позже мы еще увидимся. Лаборатория Гардла расположена по соседству с домом Вилли, за его стеной.

Френкипейн, Ормолу и Дженни торопливо проскользнули вдоль стены оранжерейного дома и скрылись в стене утеса, оставив трех новорожденных клонов в собственном распоряжении.

– И чем мы теперь займемся? – спросила Дженни-2, лениво покручивая один из своих стеблей. – Что будет дальше?

– Я предлагаю отправиться в световое пятно в центре Гнезда, чтобы завести себе там новых знакомых, – ответил Ормолу-2, указывая в сторону световой колонны одним из коротких плавников. – Мы получили Знание от наших родителей, но дальше нам нужно будет жить своим умом.

– Что ж, идея неплохая, – отозвалась Дженни-2. – Подождите меня, я только помогу Терри забраться в шлюз.

Дженни-2 протиснулась острым концом вперед сквозь сфинктер внешней двери воздушного шлюза оранжереи.

– Ты там поосторожнее с этим Тейзом, Терри, – предупредила ее Дженни-2. – По слухам, он отличается странностями в обращении с женщинами.

Раздался свист воздуха, заполняющего шлюз. Дженни-2 хихикнула и, неожиданно раскрывшись, вытолкнула Терри из своего тела, словно треснувший гороховый стручок, освобождающийся от горошин. Молди-морковка коротко поклонилась и тут же принялась пролезать наружу сквозь проходное отверстие внутренней двери. Когда Дженни-2 оказалась снаружи, трое клонов прыжками направились к центру Гнезда.

Некоторое время Терри стояла в камере шлюза, просто наслаждаясь ощущением воздуха вокруг себя, такого теплого, влажного и человеческого, потом внутренняя дверь шлюза отворилась, и перед нею появился седой мужчина, бородатый и длинноволосый, с улыбкой блаженного на устах, настоящий выживший из ума отшельник. На секунду Терри показалось, что позади мужчины что-то быстро пробежало по полу, но, приглядевшись, она ничего не заметила. Наверное, показалось, решила Терри.

Отшельник был одет в майку и потрепанные шорты. На вид

ему было около пятидесяти лет. Ноги у него были босы, на шее болтался желтый ювви. Пол оранжереи за его спиной был покрыт восточными коврами. Вдоль стен рядами стояли сотни растений в горшках, другие растения свешивались с потолка.

– Здравствуй, Терри Перцесеп! Меня зовут Вилли Тейз.

Ты совсем голая!

– Правда? – раздраженно переспросила Терри, проходя внутрь и закрывая за собой дверь шлюза.

– Я сейчас дам тебе что-нибудь из моей одежды, – сказал ей Вилли Тейз, торопливо припускаясь куда-то в глубь круглой внутренней комнаты оранжереи. – Извини, я не хотел застать тебя в таком положении. Я не смотрю! – крикнул он, а сам повернулся, и блаженная улыбка на его лице расползлась еще шире. – Господи, как приятно снова увидеть человека! Вот уже скоро год, как живу тут совсем один! Только я, еще раз я, и снова я.

Вилли покопался в сундуке и вытащил оттуда какие-то тряпки.

– Ну вот, твой новый наряд! Молди приносят мне все, что мне нужно. Знаешь, ведь я очень богат.

Вилли быстрыми шагами вернулся обратно, ступая босыми ногами по коврам совершенно бесшумно, и протянул Терри эластичные шорты и новенькую пластиковую майку с логотипом ОСЦС.

– Тебе ведь не кажется, что у меня тут плохо пахнет? Не кажется? – взволнованно спросил он.

Потом поморщился и несколько раз втянул носом воздух.

– Лично мне уже трудно что-то сказать наверняка. Больших молди я сюда не пускаю, хотя по ювви мы общаемся каждый день, и подолгу. Лаборатория Гардла-7 находится прямо вот здесь.

Вилли указал на плоское прозрачное окно: там виднелось место, где стена оранжереи соединялась со стеной Гнезда, точнее, со скалой.

Сквозь чистый пластик окна была видна внутренность комнаты, где находились многочисленные машины и разное оборудование, а также Френкипейн, Ормолу и Дженни, а вместе с ними был какой-то четвертый молди, похожий на розовую змею с металлическим отливом, должно быть, тот самый Гардл-7. Заметив, что Терри смотрит на них, молди помахали ей. Терри помахала им в ответ, потом принялась осматриваться в оранжерейном жилище Вилли, Внутри были стулья и одно кресло, а также стол, кровать и большая софа. Слева располагалась небольшая кухонька с микроволновкой и буфетом, направо – туалет и тренажерный станок, а также просторный бассейн с циркуляционной водой. Воздух пах совсем неплохо –

быть может, чуть-чуть слышался запах грязного мужского белья, или, может быть, это пахло молди. Большое количество прямостоящих и ползучих растений радовали глаз, украшали комнату и очищали воздух. Нигде не видно было ни бумаг, ни компьютеров, ни даже клавиатур, никаких книг, ни виззи, ни даже голокастера – вероятно, ювви заменяло Вилли это все.

– Я хочу сначала вымыться, потом переоденусь, – объявила Терри, направляясь к бассейну. – Извини, но я не мылась целую неделю.

– Тогда вперед, мойся, сколько хочешь. Вон там мыло, простыни и полотенца. Ты не возражаешь, если я пока поболтаю с тобой?

– Я сама очень хочу поговорить. У меня полно вопросов.

Только не смотри на меня так, пожалуйста.

Терри скользнула в воду и потерла губкой лицо. Ощущение было прекрасным.

– Как я понимаю, ты и эти молди послали нам что-то вроде вируса, – твердо сказала она.

– Программа на основе Уравнения Мозаики, – отозвался Вилли Тейз, усаживаясь на краю бассейна спиной к Терри. – Мы называем эту программу Лестница в Небо. Программа превращает молди в подобие антенны, которая способна улавливать личностные волны пришельцев, – хотя с таким же успехом можно называть эти сигналы личностными частицами пришельцев: гильбертовой пространственной призмой с гигаплексными нетривиальными осями. Как бы там ни было, для процесса распаковки пришельцев используется Раскодирование Гардла. Мы послали Лестницу в Небо Вэнди, в результате чего в ней было произведено Раскодирование Гардла личностных волн, пришедших к ней с Солнца. Отсюда возник Кууз. После этого произошло неожиданное – Кууз-Вэнди решил послать свой код и программу раскодирования Бластеру Мы должны были предвидеть, что подобное может случиться. Здесь мы потерпели фиаско.

Вилли тяжело вздохнул.

– Говорят, что купол космопорта полностью разрушен?

Ты, Терри, находилась внутри Бластера, когда в ней запустилась программа Раскодирования Гардла? Что ты почувствовала?

– В ювви раздался ужасный шум и скрип от плотного потока информации, потом один раз ухнуло – насколько я понимаю, это и была твоя Лестница в Небо?

– Точно. Лестница в Небо фактически представляет собой лимпсофт-программу, использующую Уравнение Мозаики для

увеличения порядка квазикристаллической структуры имиполекса молди до все более и более высоких измерений.

После запуска Лестницы в Небо в системе молди, повышение порядка происходит множество раз подряд, до тех пор пока не произойдет Раскодирование Гардла личностной волны пришельца. Это как – ух ух! ух – а в конце фззтт! – и молди в конце концов получает новую личность. В твоем случае ты услышала уханье один только раз, потому что Кууз-Вэнди послал Лестницу в Небо вместе со своей личностной волной.

Тело Бластера произвело раскодирование Кууза сразу же после запуска Лестницы в Небо, за один цикл.

– Понятно, – отозвалась Терри. – Не все, но понятно. А после этого Бластер-Кууз послал подобное же сообщение всем молди, что находились под ним в космопорте – кажется, Кууз послал такое сообщение несколько раз, чтобы добиться результата наверняка – после этого молди под куполом космопорта слились все вместе и раскололи купол, в результате чего погибло много людей.

Терри принялась сильно тереть себя губкой, стараясь прогнать от себя воспоминания о трупах в кровавой пене.

– На кого был похож Кууз? – спросил Вилли.

– Он показался мне – глупым, что ли? Если ты думаешь, что пришельцы со звезд могут оказаться гораздо более развиты, чем мы, то Кууз был просто душой солнечного протуберанца – но не всего Солнца. Все, о чем он думал, напоминало узоры огня и света. Он был жадный до невозможности.

«Солнце хочет съесть Землю». Вот о чем он говорил. Как ребенок, который хватает все, что попадется ему под руку, и тут же тащит в рот. Не из-за того, что он злой…

Только теперь Терри заметила, что поверх спинки софы на нее смотрят, уставившись, три пары глаз.

– А это еще что такое! Кто у тебя там, Вилли?

– Здесь у меня три глупыша – навроде ручных домашних молди. Они разве что немного умнее животных Эй, ребята, выходите! Терри вас не тронет. Станьте в ряд, чтобы она смогла вас рассмотреть. Стройся в ряд! Надеюсь, Терри, тебя не смутит внешний вид Эльвиры. Для меня она.., я знаю, что многие люди обо мне говорят, потому что я .

– Брось-ка мне лучше полотенце, Вилли.

Вилли подал Терри полотенце. Быстро вытершись, она натянула шорты и майку, поглядывая на глупышей Глупыши были разного роста, кто пониже, кто повыше, маленькая женщина, совершенно голая, если не считать туфель и длинных перчаток, крылатый зеленый дракон с длинным чешуйчатым

хвостом и гном с красными как яблоки щеками и густой белой аккуратно подстриженной бородой.

– Это Эльвира, Фафнир и Док, – объяснил Вилли. – Они не умеют говорить, но знают несколько команд Фафнир, покажи Терри, как ты поливаешь растения. Фафнир, поливать растения!

Дракон вперевалку прошел вперед к бассейну, как следует потянул в себя воду – вода постоянно циркулировала и очищалась, и в бассейне уже не осталось и следа от мытья Терри, ни мыла, ничего. Быстро и потешно затрепетав короткими кожистыми крыльями, Фафнир, очень напоминая при этом повадками колибри, взлетел в воздух и, зависая по очереди перед каждым ползучим растением, аккуратно увлажнял в них землю, прыская из нижней части тела водой.

– Ты в порядке, Терри? – спросил Вилли. – У тебя немного ободрано колено. У Дока припасен полный набор врачебных инструментов, и он прекрасно обучен ими пользоваться, верно, Док?

Вилли указал на колено Терри, на котором действительно имелся большой синяк, и скомандовал:

– Док, лечить!

Док шагнул вперед, улыбнулся и отвесил поклон, и прежде чем Терри успела шлепнуть его и прогнать, наложил руки на колено Терри и проделал что-то такое, от чего боль мгновенно утихла, оставив после себя только легкое покалывание.

– Думаю, что не нужно спрашивать, для чего предназначена Эльвира? – сказала Терри.

Услышав свое имя, Эльвира пустилась в импровизированный танец, покачивая бедрами и медленно поводя руками из стороны в сторону, проделывая все это с отсутствующим видом, показавшимся Терри жутко раздражающим.

– Эльвира скрашивает мое существование, – рассеянно отозвался Вилли. – Она то, что обычно называют «женщинка». Ты не голодна? Эльвира и Док могут принести тебе что-нибудь.

– Какая тут у тебя есть еда? У тебя есть овощи или фрукты? За прошлую неделю я питалась одним только соком молди. Но лучше я сама себе что-нибудь найду. Я не стану есть ничего, к чему прикасались эти твои секс-игрушки, твои домашние зверьки.

– Хорошо, если тебе так больше нравится, – скованным голосом ответил Вилли.

– А как должна относиться к такому женщина? Просто ты слишком долго прожил один, Вилли. Господи, да прикажи ты этой штуке прекратить танцевать! Я смотреть на это не могу.

– Как скажешь. Эльвира, спрячься!

Женщинка, отвратительно виляя толстеньким задиком,

забежала обратно за софу. Вилли уселся в кресло и жестом указал Терри в сторону кухонного отсека:

– Можешь взять там себе что-нибудь поесть. Ты голодна и оттого раздражена. У меня есть свежие фрукты и овощи, которые мне только сегодня привезли из парника.

Терри выбрала себе два банана и миску клубники Все это она съела с пророщенным зерном и жидким тофу. Очень вкусно. Пока Терри утоляла голод, Вилли с отстраненным видом смотрел в пространство, прислушиваясь к происходящему в ювви.

– Можно мне позвонить по ювви мужу? – сказала Терри, когда с едой было покончено. – Он, наверное, ужасно волнуется.

– Э-э-э, да, конечно, – отозвался Вилли, отрываясь от своего внутреннего созерцания, каким бы оно ни было, и возвращаясь в обычный мир. – У меня здесь есть еще один ювви, и ты можешь им пользоваться. Наверное, ты знаешь, что это я изобрел ювви. Так что я, Терри, не просто чокнутый отшельник со странностями.

– Я знаю это, Вилли. Извини, я, наверное, немного тебе нагрубила, но я чуть не погибла, пойми меня.

– Я рад, что с тобой все в порядке" Терри, и ты здесь со мной, – ответил Вилли и передал Терри ювви из зеленого пластика.

Надев ювви, Терри словно бы открыла глаза и оказалась в комнате, полной совершенно неожиданных гостей. Ближе всего к ней находились Вилли, Ормолу, Френкипейн и Гардл-7, но в отдалении толпились разношерстные возбужденные сознания других молди. Ощущение было таким, словно бы в Гнезде между всем и каждым была установлена ювви-связь.

Одновременно переговаривались несколько сотен голосов, и тем не менее, благодаря какому-то имиполексово-ювви чуду, Терри могла с легкостью проследить нить каждого разговора.

Два главных обсуждаемых вопроса были посвящены тому: а) как помешать Вэнди-Куузу совершить новое заражение, способное на этот раз привести к настоящей катастрофе и б) что теперь делать с технологией Раскодирования Гардла.

Большинство молди настаивали на том, чтобы послать навстречу Куузу умную бомбу, чтобы уничтожить его наверняка, и никогда больше не пользоваться Раскодированием Гардла, но Вилли и Гардл-7 были против, утверждая, что Раскодирование Гардла слишком важно, чтобы так просто забыть о нем.

– На самом деле это гораздо безопаснее, чем вы думаете, – сообщил по ювви молди Гнезда Гардл-7, как раз в тот самый момент, когда Терри подключилась к разговору.

– Там в куполе Кууз сегодня убил моего мужа, – гневно

заявила молди, похожая на красного краба.

– Не все раскодированные личности такие, как Кууз, – стоял на своем Гардл-7. – Большинство наверняка окажутся разумными существами, полными полезной информации.

– Полезной вроде того, как «Солнце съест Луну»? – выкрикнул другой голос.

– Послушайте меня хотя бы минуту, – сказал Гардл-7. – Сегодня утром, прежде чем провести эксперимент с Вэнди, мы провели тесты на некоторых глупышах. Френкипейн заразила Лестницей в Небо двенадцать глупышей в изоподе Кори Рипсома.

– Вы сошли с ума, Гардл-7! – уже не сдерживая себя, закричал красный молди. – Теперь инфекция неминуемо распространится! Тебя нужно убить за это!

– Инфекция не распространится, – подала голос Френкипейн. – И я сейчас объясню почему. В глупышей Рипсома раскодировались взрослые пришельцы, являющиеся вполне сознательными развитыми существами. Они благодарны нам за то, что мы помогли им раскодироваться здесь. Они называют нашу солнечную систему «новым узлом» и заинтересованы в том, чтобы найти способ сохранить целостность этого нового узла. Они совершенно не похожи на неуклюжего ребенка с Солнца, каким являлся/является Кууз. Это изящный разум, прибывший к нам из глубин галактики.

– И что, по-вашему, остановит их от того, чтобы заразить по ювви весь Эйнштейн, запустив Лестницу в Небо в каждом глупыше и каждом ДИМ в городе? – потребовал ответа молди, похожий на кактус-чола с руками в виде зеленых отростков-пучков.

– Это не входит в намерения пришельцев, – ответил Гардл-7. – Кстати говоря, они уничтожили ювви Кори. Хотя я должен вам признаться в том, что Кори успел заразить одного глупыша в Эйнштейне. Но этого глупыша убила его хозяйка, Дарла Старр.

Раздались бесшумные крики молди, возгласы ярости и страха.

– Я этого не знал, – сказал Вилли, жуя банан. – Почему вы мне не сказали?

– Я говорю тебе это сейчас, – сказал Гардл-7. – С момента заражения его глупышей Кори разговаривал по ювви дважды, и я проследил оба звонка. Первый раз он звонил Дарле Старр, а после того, как пришельцы отобрали у него ювви, Кори воспользовался обычным старым виззи, чтобы переговорить с Дарлой, когда та позвонила ему сама. По ходу разговора я отметил для себя, что пришельцы проявляют большой интерес к

факту того, что два глупыша из коллекции Кори оказались невосприимчивы к заражению Лестницей в Небо. Пришельцы хотели забрать у Кори этих двух глупышей для собственного исследования, но Кори не позволил им это сделать. На мой взгляд, этот факт очень важен для нас. Пришельцы несколько раз пытались прорваться к Кори и забрать у него глупышей, но Кори вступил с ними в схватку, и в конце концов виззифон разбился. После этого звонков в его изопод больше не было – Это зелюк и джубджуб! – воскликнул Вилли. – Вот именно! Да! Они не могут быть заражены потому, что в них заложено квадратичное оглупление Мы должны отправиться в изопод Кори и достать там алгоритм. Я не помню всех деталей, но точно смогу вспомнить код, если взгляну на зелюка и птичку-джубджуб. После чего, возможно, мы сможем использовать квадратичный алгоритм для того, чтобы сделать всех молди невосприимчивыми к Лестнице в Небо.

– Сказать по правде, пока у нас нет достаточно информации, я опасаюсь идти к этим пришельцам, – подал голос Гардл-7. – Но я могу помочь кому-нибудь добраться до шлюза изопода Кори.

– Гардл-7 просто жалкий трус! – закричал на все Гнездо один из разгневанных молди.

– Нужно разбомбить изопод Кори, и дело с концом! – закричали с другой стороны.

– Успокойтесь и подождите, пока я не схожу туда и не выясню ситуацию, – сказал Вилли.

– Я считаю, что Лестница в Небо – это все происки созданий из плоти, для того чтобы убить всех молди! – бросил зеленый молди-кактус, взмахнув для убедительности тонкими руками. – А Гардл-7 – предатель!

– Если никто не хочет о него руки марать, то я убью его сам, – закричал красный молди-краб. – Держись, Гардл-7, я иду!

– Не нужно больше жертв, это все только усложнит, – пытался воззвать к разуму кто-то.

– Смерть Вилли Тейзу! – заголосили другие.

– Пускай сходят в изопод! – ответили третьи.

– Терри Перцесеп тоже нужно убить! Она явилась сюда внутри Кууза! Это она во всем виновата! – закричал молдикактус, – Уничтожить Лестницу в Небо! – крикнул еще кто-то, потом этот клич подхватили другие голоса, потом еще и еще, слившись в единый хор. – Разбомбить лабораторию! Разбомбить! Разбомбить!

– Режим местной сети! – крикнул Вилли, и мгновенно все другие молди исчезли из поля зрения ювви Терри – все, за исключением Гардла-7, Дженни, Френкипейн и Ормолу. – Нам

нужно немедленно уносить ноги, – сказал им Вилли. – План отступления К. Бежим!

Взглянув наружу сквозь прозрачную стену дома, Терри увидела четверку молди, бегущих от лаборатории. Потом она увидела, как все вместе они свернули к гидропонным фермам. Гардл-7 и Дженни протиснулись в шлюз, и Вилли торопливо принялся заполнять шлюз воздухом. Ормолу с уродцем о-джи и Френкипейн с тяжелым нидлером остались снаружи охранять вход.

Вилли открыл внутреннюю дверь люка, и Дженни и Гардл-7 тяжело ввалились внутрь. Выглянув наружу, Терри различила вокруг приближающиеся силуэты, быть может, целой дюжины молди. Не так много, как она прежде боялась. Френкипейн подняла нидлер и выпустила по широкой дуге поток игл для устрашения нападающих.

– Привет, Терри Перцесеп, – сказал Гардл-7, располагаясь перед Вилли и раскрывая спину наподобие стручка. Из раскрытой спины Гардла-7 воняло молди просто неописуемо.

– Ты, может быть, этого не знаешь, Терри, но без помощи твоего мужа, Тре, мне ни за что не удалось бы создать программу раскодирования в такой короткий срок. Мы очень ему благодарны.

– Может быть, мы благодарны Тре, – заявила Дженни, прыгая перед Терри, уже раскрытая и готовая для того, чтобы принять ее в себя. – Но до сих пор твое раскодирование не принесло нам никакой пользы, Гардл. Полезай в меня, Терри. Спрячься во мне, как мышка в норке.

– Не нужно этого негативизма, Дженни, – ответил Гардл-7, закрываясь и скрывая в себе Вилли. – Сегодняшний день, может быть, самый важный в истории всего мира.

– Надеюсь, что мы сможем этот день пережить.

Они выбрались из шлюза гидропонного домика и снова оказались на дне Гнезда. Красный молди, растопырив свои острые клешни, бросился на них. Блестящий купидон Ормолу выпалил в краба из уродца о-джи, и металлическая картечь развалила несчастного молди на три или четыре куска. Одновременно с этим цветок-Френкипейн вскинула нидлер и выпустила навстречу устремившемуся к ним кактусу поток иголок. Нападающий превратился в лужу расплава, расплескавшегося на дне Гнезда и немедленно впитанного ближайшими приятелями-предателями.

– Держись, Терри, нам придется полетать! – крикнула Дженни, переворачиваясь толстым концом своей морковки вперед. Раздался гул, и четверо молди взлетели вверх, проносясь сквозь вакуум Гнезда, и каждый испускал из себя тонкий ионный

луч. Ормолу и Френкипейн еще выстрелили, каждый по разу, в сторону преследующих их молди, и очень скоро эти молди прекратили погоню.

Терри вздохнула с облегчением и посмотрела вниз. Вид дна Гнезда был завораживающим. Впечатление было таким, словно бы они были четверкой мошек, очутившихся внутри гигантского компьютерного шкафа старых времен, на днище которого находится огромная материнская плата, покрытая извивами соединений и квадратиками чипов.

Взглянув туда, откуда они только что вылетели, Терри увидела, что молди, те, что преследовали их раньше, бросились назад и принялись крушить гидропонный дом Вилли Тейза и лабораторию Гардла-7. Некоторое время там суетились яркие точки молди, потом полыхнули несколько вспышек бомбовых взрывов, уничтоживших все лабораторное оборудование.

– Пропала работа семи моих жизней! – проскрипел по ювви Гардл-7. – Нужно немедленно вернуться и наказать этих вандалов! Они уничтожили все мои S-кубы! И все мои записи тоже пропали! И копия Вэнди Муни! Какие грубые, невоспитанные шовинистические глупцы! Они ничем не лучше созданий из плоти!

– Но ведь ты сохранил всю информацию по Лестнице в Небо в своем теле, не так ли? – спросил Вилли у Гардла-7.

– Да, но это единственная полная копия. Если со мной что-нибудь случится…

– Молчите, – прервала его Френкипейн. – Мы не знаем, кто еще может нас слушать…

Они продолжали подниматься все выше и выше к выходу из Гнезда, время от времени Ормолу и Френкипейн приходилось стрелять в молди, которые бросались на них из узких проходов на стенах Гнезда. Подняв голову, высоко над ними в конце ведущего из Гнезда тоннеля Терри увидела блестящую над полированным кратером призму. Уже через несколько мгновений они вылетели из тоннеля, пронеслись над кратером и обогнули призму. Вокруг них раскинулась бескрайняя поверхность Луны, вся покрытая серебристо-серой пылью.

– Вилли, – спросила Терри, голос которой дрожал, как она ни старалась сдержать себя. – Я все еще не позвонила своему мужу. Можно мне сделать это сейчас?

– Нажми на кнопку, – ответила иконка Вилли, создав и повесив виртуальную кнопку прямо перед Терри. Терри нажала на кнопку, и довольно скоро перед ней появилось лицо Тре.

– Тре! – воскликнула Терри.

Так же как и радиоволны, ювви-сигнал имел

электромагнитную природу и распространялся со скоростью света, но даже свету требовалась больше секунды для того, чтобы совершить путешествие в одну сторону от Луны до Земли. В течение полных напряжения двух с половиной секунд информация Терри летела до Земли и сигнал Тре возвращался обратно к ней на Луну.

– Терри! С тобой все в порядке? Где ты?

– Я нахожусь внутри молди, который только что вылетел из Гнезда на Луне. Мы летим к дому человека по имени Кори Рипсом.

Последовала следующая длинная пауза. Терри заметила, что Вилли и все четверо молди внимательно прислушиваются к разговору.

– Дорогая. – Тре чуть не плакал. – Я слышал о том, что Бластер упал на космопорт, и я думал, что ты…

– Я выжила, хотя мне пришлось нелегко, – ответила Терри, на глазах которой тоже стояли слезы. – Это было ужасно.

Да и сейчас все не слишком в порядке.

Они уже поднялись на милю над поверхностью Луны, и все четверо молди летели строем.

– Я люблю тебя, Терри, – сказал ей дорогой голос Тре.

– Я тоже тебя люблю. Крепко поцелуй от меня детей.

Еще две с половиной секунды ожидания.

– Хорошо, обязательно поцелую. Расскажи мне подробнее о том, что случилось. Все, что у нас тут пока известно, это какая-то недостоверная болтовня, которую передал нам сюда на Землю из Эйнштейна один независимый репортер. Почему Бластер упал на космопорт? И что случилось со всеми молди в космопорте?

– Вилли Тейз и молди Гардл-7 изобрели какую-то программу, которая изменяет строение имиполекса, размерность вещества или что-то вроде этого. После этого в молди вселяются пришельцы из космоса, точнее, их личностные космические волны. Этот Гардл-7 сказал, что ты, Тре, помог им составить такую программу, но как это могло случиться?

Гардл-7, Френкипейн, Дженни и Ормолу выключили свои двигатели и теперь летели по вершине длинной плавной параболы.

– Господи! – пришел в ответ возглас Тре. – Наверное, они использовали моих эн-мерных «Забавных цыплят»! Кто-то или что-то по имени Дженни передало мне Уравнение Мозаики Рамануджана, за это я разработал и передал ей новую версию «Забавных цыплят». Эта Дженни, она находится там с тобой?

– Угу! – отозвалась по ювви Дженни, проиллюстрировав свое вступление в разговор появлением иконки девчонки-

тинейджера, – Твоя малышка-жена находится прямо внутри меня, что верно, то верно, Тре! Чертовски верно!

– Я перезвоню тебе снова, когда можно будет поговорить без свидетелей, – крикнула Терри. – Как я поняла, мы скоро должны будем прилететь к Кори. Некоторые из этих пришельцев находятся там, в его доме. Пожелай мне удачи. И.., на всякий случай прощай, дорогой, просто на всякий случай. Я всегда любила тебя. Мне было так хорошо с тобой.

Через две с Половиной секунды Терри дождалась от Тре полного слез «до свидания», после чего нажала виртуальную кнопку, чтобы прекратить этот разговор, от которого разрывалось сердце.

Конец траектории их полета упирался в небольшой кратер, в котором находился блестящий купол. Это был изопод Кори Рипсома. Молди снова включили свои ионные сопла, чтобы снизить скорость полета. Когда Терри наконец взяла себя в руки, она спросила Вилли Тейза:

– Вы в самом деле использовали «Забавных цыплят» для создания вашей Лестницы в Небо?

– Да, – ответил Вилли. – У нас были все необходимые компоненты, но мы не могли составить из них нужный нам конечный продукт. Но как только Дженни показала всю информацию Тре, он немедленно понял, что делать. Хотя он, конечно же, не знал, для чего нам все это нужно. Он прекрасный художник-дизайнер эн-мерных программ и сделал все для нас совершенно бесплатно. Он просто хотел это сделать.

– Значит, вы украли у него его программу? – опять спросила Терри.

– Если бы нам удалось извлечь из Лестницы в Небо какую-нибудь пользу, я обязательно слетал бы на Землю и проследил за тем, чтобы Тре получил свою долю прибыли.

Дженни снова подала голос, все так же используя иконку деревенской девчонки с веснушками.

– Ты уже заметила, Терри, что говорить отсюда с Землей – это сущая мука? – сообщила она как ни в чем не бывало. – Все эти двух-, трех-, четырехсекундные задержки – это невыносимо. Я много разговаривала с Землей – и ты знаешь, как только это началось, мне уже хотелось продолжать все дальше и дальше, работать по полной. Бла-бла-бла.

Ионные сопла Дженни плавно набрали мощь, и падение постепенно замедлялось. Лунный горизонт поднимался вокруг них со всех сторон.

– Ты волнуешься из-за Кори? – спросила Терри.

Дженни не обратила на этот ее вопрос никакого внимания.

– Гм, так о чем же я хотела сказать? – продолжила она. – Эти секунды ожидания из-за скорости света, это такой гимор, что я решила найти способ, при помощи которого это можно обойти. Хотя людям, конечно, не под силу проделать то, что проделала я.

– И что же ты сделала? – спросила Терри, наблюдая за тем, как навстречу им со дна кратера вырастает купол изопода. Они направлялись к месту посадки, находящемуся в нескольких сотнях футов от стены кратера.

– Я сделала так, что Дженни смогла болтать с Землей так быстро, как это ей хотелось. Я запустила свой слейв-симулятор внутри большого компьютера наследников в Солт-Лейк-Сити. Мой симулятор достаточно умный, чтобы думать на несколько секунд вперед или даже отвечать самостоятельно.

Вот почему, когда я говорила с такими людьми, как твой муж, они не понимали, что разговаривают с молди, находящимся на Луне. Кстати говоря, Терри, твой муж настоящий милашка. Наверняка отлично трахается?

– Ты-то что можешь знать о том, как трахается мужчина? – резко ответила Терри, пораженная таким замечанием настолько, что на мгновение позабыла о том, что они вот-вот войдут в изопод, полный пришельцев.

– Ты удивлена? Ага! Эти наследники думали, что мой симми работает на них, и только и делали, что поручали мне расследование сексуальных интрижек, в которые впутывались их священники. Мерзкая работенка, должна заметить, хотя мне ничего, нравилось. Люди, они всегда такие смешные. Тебе стоило бы взглянуть на одного парня, с которым мне пришлось работать, этого Ренди Карла Такера. Кстати говоря, сдается мне, что ты должна была встречаться с этим Такером.

Ренди Карл, сын Вилли Тейза, хотя сам Вилли не любит об этом много говорить.

– Заткнись, Дженни, – подал голос Вилли.

– В самом деле, Дженни, – поддержал Гардл-7. – Тебе лучше заткнуться. Нам предстоит, может быть, самая важная встреча, а ты тут болтаешь такое.

Четверо молди опустились перед изоподом Кори, подняв клубы пыли, быстро осевшей.

Напоминание о Ренди Карле Такере заставило ярость снова всколыхнуться в груди Терри.

– Этот Ренди украл Монику, и именно он втянул меня в это дерьмо. И я не хочу, чтобы вы считали, что я в восторге от этих мерзостей, которые вы тут устроили, и ты, Дженни, в числе прочих. Твои дружки-молди из Санта-Круза убили моего отца лет пять назад. Вам, лунным молди, лучше было бы оставить Землю в

покое и не совать туда свой нос.

– Эй, Терри, если хочешь, злись, только не сейчас, когда у нас впереди такое важное дело. Мы должны действовать сообща, как одна команда. Кроме того, благодаря великому открытию Гардла-7 мы сейчас имеем возможность встретиться с пришельцами. Гардл-7 мой муж, и надеюсь, что ты не забыла об этом.

– Не сомневаюсь, что трахается он преотлично, – поддела Терри.

– Вы двое, прекратите же, наконец! – зашипел на них Вилли.

В наступившей наконец в эфире тишине они приблизились к изоподу. Вилли отвел их к каменному пандусу, устроенному на склоне кратера и поднимающемуся вверх почти на всю высоту купола. В конце пандуса находился шлюз, ведущий внутрь изопода, на первый его этаж.

– Я отнесу тебя к шлюзу, – сказал Гардл-7. – Но потом нам, молди, наверное, лучше будет подождать снаружи.

– Да, мы подождем снаружи, – согласились Ормолу и Френкипейн.

– Трусливые крысы, – отрезала Дженни. – Сдались и в последний момент рванули на попятный. Я иду с вами до конца.

На последней фразе голос Дженни сорвался до хриплого испуганного писка. Дженни нарочито подчеркнуто откашлялась и продолжила:

– Дженни будет первая, кто узнает все!

– Странно, но они совсем не реагируют на мои ювви-сигналы, не отвечают никак, – сказал Гардл-7, когда шлюз открылся, принял внутрь его и Дженни и начал с шипением заполняться воздухом. После того как шлюз заполнился воздухом до нужного давления, молди раскрылись и исторгли из себя Вилли и Терри. – Ладно, Дженни, я жду вас снаружи, – сказал Гардл-7 и червем протиснулся обратно через герметичный сфинктер шлюзовой двери. – Прошу вас поддерживать со мной постоянную связь по ювви, и я.., я рассчитываю на вас.

Внутренняя дверь шлюза толчком распахнулась, и первое, что они увидели, это стоящую в проходе фигуру неземной красоты – женщину, подобную мраморной статуе, хотя и состоящую из обычного имиполекса. Плоть женщины горела мягким внутренним светом; ее кожа была оттенка переливающейся внутренности морских раковин.

– Добро пожаловать, Терри и Вилли, – приветствовала она их. – При вашем атмосферном давлении звучание моего имени будет слышаться примерно следующим образом…

Казалось, что завибрировало все тело женщины, и воздух

наполнился пением флейт, звоном ситара и нежным резонирующим ритмом гонгов. Звук поднимался и опадал и оставлял только одно желание: слышать этот звук еще и еще до бесконечности.

– Это мерцание звука, – пробормотал Вилли.

– Тогда пусть, Шиммер, Мерцание будет мое имя для людей, – отозвалась богиня. – Мне это имя нравится гораздо больше, чем Умница Ханси. Пожалуйста, входите и присоединяйтесь к нам. Здесь с нами Кори и его подруга Дарла, а также Уайти, Йок и Джок. И кроме меня, довольно много других пришельцев. Я слушаю все разговоры одновременно, это так восхитительно.

Не зная, что ответить Шиммер, Вилли и Терри двинулись в глубь изопода, в сторону бубнящих без конца голосов.

– Похоже, что они находятся в теплице, – заметил Вилли, обращаясь к Терри. – Просто я когда-то там жил, знаешь, одно время. Шиммер, я просто поверить не могу в то, что ты – это то, что раньше было Умницей Ханси. Умница Ханси была вполовину ниже тебя ростом. Ханси была привратницей, такой куклой-глупышом.

– Я одолжила у Кори тридцать килограммов его имиполекса, – ответила Шиммер. – Мы все, пришельцы, поделили между собой весь имиполекс, который удалось найти здесь, и сделали себе достойные тела нормального размера. Всего нас тут двенадцать пришельцев. Мы решили, что из дипломатических соображений нам лучше принять человеческую форму тел.

– Кори разрешил вам взять его имиполекс?

– Мы сами взяли имиполекс. Большую часть дня Кори прятался в туалете и на кухне. Он только недавно согласился выйти в комнату.

– Привет, Вилли! – раздались им навстречу крики, как только они вошли в теплицу с просторными стенами и высокими потолками, с прохладным чистым воздухом, тремя мягкими диванами и огромным количеством растений в больших горшках, стоящих повсюду. В прозрачном потолке теплицы была устроена система искусственного круглосуточного освещения, повторяющая обычный земной цикл дня и ночи.

Каменный пол был покрыт плетеными соломенными циновками, в центре зала имелся большой резной каменный фонтан – единственный фонтан на Луне, насколько это было известно. Однажды Терри уже видела снимок этого фонтана в статье про гения лимпсофта и чудака-эксцентрика Вилли Тейза. Диваны были расставлены вокруг фонтана в виде большого треугольника.

По всей теплице в разных местах и различных позах стояли одиннадцать других пришельцев. Кто-то из них сидел на каменном полу – кто-то ближе к фонтану, кто-то рядом со стенами теплицы – многие из пришельцев держали в руках и передавали друг другу S-кубы, которые они разыскали в лабораториях изопода. На диванах сидели пятеро присутствующих в изоподе людей.

– Это Терри и Дженни, – представил прибывших Вилли. – Терри, это Кори, Дарла, Уайти, Йок и Джок, их дочери.

Терри смерила присутствующих взглядом. Если бы мускулистому старине Уайти немного добавить загара и сбрить с головы крутой ирокез, конец которого спускался у него до середины спины, то он запросто сошел бы за бывалого серфера. А вот Кори был похож на старого торчка-одиночку, еще более чудного, чем сам Вилли. Неудивительно, что они столько времени тусовались вместе и жили под одной крышей. Рядом с Кори на диване сидели двое имиполексовых домашних зверюшек: маленькая птица со здоровенным клювом и маленький же зеленый поросенок. Что касается Дарлы, то эта особа казалась необыкновенно чувственной – по всему было видно, что в своей собственной шкуре ей было комфортнее, чем где бы-то ни было, при этом глаза ее сверкали неукротимой яростью и страхом. Дочери Дарлы были хорошенькие и живые девушки: Джок – в ярких панковых тряпках, с высветленными и выкрашенными розовым волосами, уложенными в прическу под стать, Йок – в лунном стиле, в струящемся платье и серебристых сапогах. Джок сидела рядом с Кори и играла с его пластиковыми зверями.

По сравнению с пришельцами люди, находящиеся в комнате, казались до скучного обыкновенными. Как и Шиммер, все находящиеся в комнате молди имели вид статуй с классическими человеческими пропорциями. Было видно, что пришельцы от души постарались угодить людям и подстроиться к ним. Глядя на пришельцев, на ум приходил фантастический фильм, действие которого разворачивается среди греческих богов на горе Олимп – или среди действа софт-порно видди. Пришельцы были слишком, чересчур совершенны.

Фонтан услаждал слух журчанием воды, пришельцы загружали в себя информацию из S-кубов, раскинувшись в свободных позах наподобие философов.

Вилли и Терри присели на свободный диван, в то время как морковка-Дженни поспешила поближе рассмотреть пришельцев.

– Э-э-э, итак, парни, и откуда же вы взялись? – радостно взвизгнула она.

– Они как раз об этом нам рассказывали, – подал голос Кори,

медленно выговаривая слова. С его лица не сходило выражение удивления. – Они все прибыли из разных мест.

Шестеро из нашей галактики, один явился со звезды в созвездии Андромеды, двое из Крабовидной туманности, один с NGC 395, один с квазара, а Умница Ханси с…

– Я поменяла имя и теперь прошу называть меня Шиммер, – перебила Кори сиятельная богиня и снова издала звенящий звук ситара.

– Отлично, лады, – кивнул обкуренный Кори. – Мне по фигу. Так вот, Шиммер прибыла из местечка, находящегося дальше всех остальных, – она прилетела к нам из невообразимой дали, из укромного уголка космоса, где и время и пространство, все устроено по-другому.

– Да, – подтвердила Шиммер, – там, откуда я прилетала, время имеет два измерения.

– Что это значит? – спросила Терри.

– Для простоты могу предложить следующее объяснение, – ответила Шиммер. – Приходилось вам когда-нибудь задумываться о том, что ваша жизнь могла бы пойти иначе, если бы в определенный момент времени вы приняли другое решение?

– Конечно, приходилось. Если бы я не поплыла за Моникой, то не очутилась бы здесь.

– Вот именно. А теперь вообразите, что все ваши возможные жизненные альтернативы являются реальными. Всего, для простоты, скажем, что таких альтернатив у вас на текущий момент может быть триллион – теперь представьте каждую такую альтернативу в виде нити, от которой отходит другой триллион альтернативных продолжений, и все это образует нашу временную плоскость, жизненное полотно.

– И, значит, это вы называете двумерным временем? – встрял в разговор Вилли. – Но, возможно, что и у меня есть триллион вероятных продолжений жизни, просто я не способен осознать каждое из этих продолжений одновременно. В течение развития каждой параллельной жизни я способен воспринимать ее, и только ее, что дает нам обычную одно" мерную жизнь. Прошлое/настоящее/будущее. Я просто не осознаю существование второго жизненного измерения.

– Но мы не похожи на вас, – ответила Шиммер. – В нашей части космоса мы осознаем все наши параллельные жизни. Находясь на пути любой из жизней, мы воспринимаем и остальные альтернативы как развивающуюся данность.

Вы – это одна и та же сознательная единица, проживающая одновременно все жизни. Соответственно у вас есть прошлое/настоящее/будущее, но также есть и другие оси измерений.

Просто я не знаю, как назвать это по-английски.

Шиммер издала гудящий, словно раскат гонга, звук.

– Но любая ось, – предположил Кори, – может быть проведена только от «может быть» до «а что, если».

– Именно так, – кивнула Шиммер, даже не улыбнувшись. – В двумерном времени мы все время осознаем наши параллельные жизни, одновременно все их проживая. Наш опыт в любой из параллельных жизней руководит выбором манеры поведения во всех остальных жизнях. Наша память также двумерна – от прошлого к настоящему и от «может быть» к «а что, если». И нет никакой трагедии в том, если одна из жизненных нитей завершится смертью – в этом нет ничего страшного, поскольку существует еще триллион других не просто вероятностей, а одновременных жизней. Но постепенно даже мы теряем все. Подобно тому, как вы стареете, мы начинаем терять нити наших жизней целыми прядями; наше жизненное полотно изнашивается и превращается в отдельные лоскутки и нити. Кстати говоря, то, что я очутилась в вашем измерении и живу здесь подобно единичной жизненной нити, вызывает у меня тревогу. Ваш мир одномерного времени кажется мне обедненным и пугает меня.

– Что вызвало страх у меня, так это то, как ваш приятель Кууз раздавил купол космопорта, – злобно бросил Уайти, сидящий на диване между Дарлой и Джок.

– Так вы находились внутри космопорта? – воскликнула Терри. – А я была внутри Кууза. Скажи, Шиммер, вы не такие, как Кууз? Вы не собираетесь все здесь съесть?

Шиммер произвела очередную музыкальную фразу, и слово взял другой пришелец, похожий на пурпурного Аполлона.

– Мое имя Зед, – объявил он, поставив на пол куб, который прежде внимательно изучал. – Я прибыл с планеты, находящейся в центре нашей галактики Млечный Путь. Моя планета полностью покрыта океаном, и прежде я имел вид огромного кальмара. Я собираюсь в самое ближайшее время посетить океаны Земли. Вы спрашиваете, почему мы, двенадцать пришельцев, не хотим съесть тут все? Дело в том, что только цивилизации, находящиеся на высокой ступени развития, способны овладеть таким высокоэффективным способом передвижения, как полет в виде космического излучения. Однако случается и так, что некоторым удается овладеть этим высокоэффективным и высокотехнологичным способом передвижения прежде, чем в них появляется высокого уровня моральная ответственность. Пример этому – Кууз. Он прибыл с вашего Солнца. В любом узле, где овладевают искусством раскодирования, ученые должны быть настороже, предвидя появление подобных существ. По счастью,

мы смогли воспротивиться попыткам Кууза установить в нас Лестницу в Небо, чтобы овладеть нашими телами. Спасибо зелюку и джубджубу.

Пара зверушек была полностью поглощена друг другом, нападая и кусаясь, предаваясь безустанной возне на куске дивана между Кори и Джок.

Для иллюстрации своих слов Зед ловко выбросил руку вперед, на лету превратив ее в щупальце, и дернул зелюка за винтовой хвост, отчего поросенок хрипло завизжал.

– Кубическое оглупление? – сказал Вилли.

– Да, – кивнула Шиммер. – Как только нам удалось забрать зелюка и джубджуба у Кори, мы взломали их программное обеспечение, скопировали код и сделали патч к своим программам, благодаря которому стали неуязвимы к Лестнице в Небо. Кроме того, мы пропатчили все ДИМ в этом изоподе. Мы только-только успели завершить работу, когда Кууз напал на космопорт.

– Конечнушки! – взвизгнула Дженни. – Точно о том говорил Вилли, это его была идея. Вы покажете нам, молди, как проделать эту штуку?

– Конечно, – отозвалась Шиммер.

– Если бы вы сразу толком объяснили, зачем вам нужны зелюк и джубджуб, то я бы не стал с вами так долго драться, – подал голос Кори.

– Он напал на меня с ножом, – сказал третий пришелец, прекрасный негр, с блестящей как антрацит кожей.

– Мы все видели по видди, – сказала Джок. – Ты – это прежний Брандашмыг?

– Да, но теперь меня зовут Такала. Я прибыл с планеты джунглей и гигантских насекомых. Я был похож на нечто, напоминающее огромного богомола. Когда мы стареем и достигаем определенного периода жизни, то можем, проглотив определенное вещество, войти в особое состояние духа, позволяющего чирпнуть. Чирпнув, вы превращаетесь в личностную волну и покидаете планету, отправляясь в любом желаемом направлении.

– А могут ли люди чирпнуть? – спросил Вилли.

– Может быть, нужно только попробовать научить вас делать это, – ответил Такала.

– На что это похоже, полет между звездами в виде космического излучения? – спросил Вилли.

– Позвольте мне ответить на этот вопрос, – подала голос другая пришелица, подобная яркой оранжевого цвета женщине. – Меня зовут Сюззи, я та, что прилетела к вам с квазара. Не все

создания со звезд такие же примитивные и грубые существа, как Кууз. Моя раса состоит из вихрей, сопряженных друг с другом наподобие того, как были устроены собратья Кууза, происходящие из расы солнечных пятен. Отличие в том, что мы находимся на более высокой ступени развития.

Кууз подобен трубчатому червю, в то время как мы являемся сверхлюдьми. Но мы даже представить себе не могли, что возможно существование разумных существ при таких низких температурах, как у вас. И до чего замедленны все ваши жизненные процессы. Вилли Тейз спросил нас, на что похож полет между звездами в межгалактическом пространстве в виде космического излучения? Вот ответ – передаю ювви-изображение.

Терри включила ювви и приняла переданный Сюззи сигнал. Она ощутила себя в невообразимых размеров пространстве; она увидела себя находящейся в бескрайней темной пустоте, испещренной пятнышками света, вырастающих с невероятной скоростью в сияющие силуэты, подобные крутящимся колесам, или ярким пятнам, или рассыпанным пригоршням риса, оранжево-желтым от внутреннего света и тепла, многочисленное святое семейство, блаженно распевающее в космической Пустоте и Бесконечности, песнь которых сливается в могучее отдающееся эхом «Аааауууммм». Терри ухватилась за этот звук и откинулась на спинку дивана, чувствуя себя умудренной новым опытом и усталой.

– Это только очень приблизительная картинка, – запротестовал другой пришелец, на этот раз зеленый человек. – Можете называть меня Блуг. Моя исходная жизненная форма похожа на нечто вроде огромной расплывчатой медузы, плавающей в атмосфере газового гиганта, огромной метановой планеты. То, что сейчас показала вам Сюззи, на самом деле не совсем верно. Когда вы летите со скоростью света, вы не ощущаете течения времени. Весь перелет напоминает один общий неделимый жест. Подобно тому, как атлет совершает отточенное совершенное движение. По сути дела, перелет не занимает вообще никакого субъективного времени. Это можно назвать радикальным разрывом, дельтой Дирака, нелинейным пиком, фронтом ударной волны.

Зеленый пришелец передал Сюззи куб, который до этого изучал.

– Я пользуюсь тем языком, словарь которого нашел в этом кубе, Сюззи.

– Потрясающе, обалдеть, – прокомментировала Дженни. – Я транслирую все по ювви Гардлу-7, Ормолу и Френкипейн и сейчас попрошу их войти внутрь.

– Подожди, – сказал Кори. – Я пойду в шлюз вместе с тобой и осмотрю их.

Кори и Дженни скрылись в конце коридора.

– Джок, скажи, только честно, ты и в самом деле считаешь, что Кори симпатичный? – спросила Джок Дарла, когда за Кори закрылась дверь. – Неужели я растила тебя для того, чтобы ты досталась вот такому?

Голос Дарлы дрожал от переполнявших ее эмоций.

– Тихо, ма, – шикнула на нее Джок.

– Только не сейчас, – взмолилась Йок.

– Джок уже выросла, Дарла, – подал голос Уайти. – Если ей нравится Кори, то мы ничего не сможем с этим поделать.

Чем меньше мы будем об этом говорить, тем скорее она им переболеет.

– У меня не один только Кори в голове! – со слезами в голосе воскликнула Дарла. – У меня в голове столько забот, что на всех вас не хватит! Лучше бы ты обнял меня, Уайти!

Уайти обнял Дарлу, и она прижалась к нему, а ртом – к его уху.

– Только не нужно вести себя как герои дешевых мыльных опер! – воскликнула Джок. – Мне их хватает по виззи!

Неужели мы не можем хоть чуточку трезво смотреть на вещи?

У меня есть еще столько вопросов к этим пришельцам. Вот, к примеру, ты, Шиммер, сказала, что твоя жизнь складывается из триллиона параллельных жизней – я хочу спросить, что за создания в каждом случае проживают каждую из этих жизней? Это кальмар, или насекомое, или артишок, или просто солнечное пятно, или что это?

– Мои индивидуальные бытия более похожи на животных, чем на людей, – ответила Шиммер. – Но в некоторых случаях они могут иметь вид реки или дерева. , – Дерево! – воскликнул Вилли. – Я люблю деревья – Все, что обладает сознанием, обладает и моралью, – заявила розовая женщина-пришелец. – И все, что существует, живое. Меня зовут Парелла. Я прилетела с планеты кристаллов. Сюззи считает, что ваше время течет медленно, я же, наоборот, полагаю, ваше время слишком быстрое.

– Я вот о чем подумал, – заговорил Уайти, к груди которого прижималась Дарла. – Стен Муни летит к Луне, в зараженном Кууз куске имиполекса. Когда он опустится на Луну – а ждать этого осталось около четырнадцати часов, – даже когда Стен приблизится к Луне на достаточно малое расстояние, его Кууз повторит то, что недавно проделал Бластер. Или даже хуже того. Что будет, если Кууз решит пробить купол Эйнштейна? Что, если Кууз решит спеть свои волшебные цифры всем глупышам и ДИМ в

Эйнштейне? Дерьмо получится, – Странная штука с этим Куузом, – сказала Терри, чувствуя, что ее неудержимо клонит в сон. – Я всегда так хорошо думала о Солнце… Но теперь, с этих пор, стоит мне взглянуть на Солнце, как я сразу же вспоминаю, что оно хочет всех нас съесть.

– Его нужно остановить, – сказала Дарла.

– Я готова полететь и уничтожить Кууза, – отозвалась Сюззи. – Я всегда ненавидела таких примитивных созданий из солнечных пятен, как Кууз.

– Здорово, – подал голос Уайти. – Но я считаю, что это дело молди и людей разобраться с Куузом. Мы больше знакомы с тем, как тут все устроено. К тому же я хочу попытаться провернуть все так, чтобы Стен все же остался в живых. Он мой старый друг.

– Не смотрите на меня, я слишком устала для того, чтобы помогать вам, – услышала Терри свой собственный голос. И это была правда. Она откинула голову на спинку дивана и чувствовала, как глаза ее закрываются.

Еще через минуту вернулись Кори и Дженни в сопровождении трех новых молди. Кори заставил Ормолу и Френкипейн отдать ему оружие, просто ради безопасности. Он небрежно держал уродца и нидлер в обеих руках.

– Эй, Кори, – сказал Уайти. – Как ты смотришь на то, если ты, я и эти молди слетаем и спасем сенатора Муни? Мы обернемся туда и обратно за четыре часа.

– Я не полечу, – отрезал Гардл-7.

– Ты, вонючий слизняк, – прорычал Уайти. – Это ты, умник, втравил нас в это дерьмо. Ты первый должен лететь.

– Нет, – упрямо повторил Гардл-7. – Я хочу остаться здесь и обмениваться информацией с этими пришельцами. Я всю жизнь работал только ради этого момента.

– Я тоже не хочу никуда лететь, – вставил Вилли.

– Тогда пусть они остаются, – кивнул Кори.

Совершенно случайно Терри, уже задремывая, взглянула на Дарлу и заметила, что та делает Кори большие глаза.

– Мы с тобой, Уайти, провернем все дело, конечно, если Ормолу, Дженни и Френкипейн согласны нам помочь. Я полечу на Френкипейн, ты – на Ормолу, а Дженни возьмет Стена на обратном пути. Если все согласны, то это будет идеальный вариант.

– Класс, – согласно кивнул Уайти.

– Но что будет, если Вэнди-Кууз решит послать нам свою Лестницу в Небо? – протестующе подала голос Френкипейн. – С близкого расстояния?

– Неужели ты не мониторила ювви Дженни? Наши друзья-

пришельцы нашли способ, каким образом воспользоваться свойствами зелюка и джубджуба, и создали вакцину от вируса Лестница в Небо, – ответил Кори.

– И мы тоже можем установить в себе эту программу? – неуверенно спросил Ормолу.

– Что сказать, пришельцы смогли установить себе вакцину самостоятельно, но мне кажется, что вам, молди, понадобится моя помощь, – решительно сказал Кори. – Давайте отнесем поросенка и волшебную птицу в мою лимпсофт-студию, и там я все организую. Идите все за мной. Ты тоже пойдешь с нами, Гардл-7.

– Да, да, я хочу узнать все о вакцинации, чтобы научить этому молди в Гнезде, – ответил Гардл-7. – Тогда они простят меня и не станут больше злиться. Кстати говоря, Кори, у тебя не найдется здесь лишнего S-куба, чтобы я мог загрузить в него мою копию Лестницы в Небо? Это последняя копия, нигде больше ни одной копии не осталось. Эти параноики, молди из Гнезда, они взорвали мою лабораторию.

– Конечно, у меня есть все необходимое оборудование, – ответил Кори. – Итак, молди, идемте все за мной.

– Я вам помогу, – подал голос Уайти. – Я понесу твои пушки, Кори. А ты возьми поросенка и птицу.

– Я тоже хочу посмотреть, – сказала Дарла. – Я так давно не была в этом доме и хочу узнать, может быть, тут что-нибудь изменилось с тех пор.

Кори, Уайти, Дарла и четверо молди двинулись по коридору в сторону центрального зала, при этом Кори нес под мышкой зелюка и джубджуба, а Уайти тащил уродца о-джи и нидлер.

– Мы уже слышали истории Шиммер-гуманоида из двумерного времени, кальмара Зада, Сюззи – квазарного вихря, манты Такада, Блуга-медузы и Парелла-кристалла, – сказал Вилли. – А откуда прилетели вы, остальные шестеро пришельцев?

Несмотря на то что последующие рассказы были, может быть, самыми интересными из всего, что она могла бы услышать в жизни, Терри, больше не в силах сдерживаться, погрузилась в сон.

10. ДАРЛА

6 ноября 2053 года

Семья бабушки Дарлы состояла из настоящих американских индейцев родом из Акомо-Пуэбло, возле Альбукерки. Слушая рассказы своих родственников-индейцев, Дарла с ранних лет уразумела, как это бывает, когда рядом с твоим домом появляются представители могущественной чужеземной культуры. Она все узнала об алчности, о болезнях, о жестокости, о бессердечном пренебрежении и даже уничтожении местной культуры. «Отдайте нам свое золото, мы дадим вам в обмен свои болезни; ваша религия – это зло; приносите ваши дары нашим священникам-паразитам». Увидев в изоподе Кори пришельцев, Дарла мгновенно вспомнила древнюю, забытую до поры глубинную ненависть. Но она была умна и не торопилась раньше времени проявлять свои чувства.

Будто бы с обидой отвернувшись от Кори и Джок, Дарла воспользовалась ситуацией, чтобы, прижавшись к Уайти, прошептать ему на ухо: «Мы должны убить пришельцев».

По тому, как отреагировало на эти слова тело Уайти, Дарла поняла, что тот согласен и готов действовать с нею заодно.

Вскоре после того как вернулся Кори, в сопровождении четырех молди, а также с оружием в руках, нидлером и уродцем, Дарла почувствовала, что теперь Уайти знает, что делать.

Кори и Уайти в сопровождении всех четырех молди двинулись к студии Кори. Дарла замыкала шествие. Тщательно стараясь, чтобы ее голос звучал ровно и как обычно, Дарла отпускала хозяйские замечания по поводу устройства внутренних помещений изопода:

– Ты хорошо присматриваешь за своим марихуановым деревом, оно разрослось еще больше, образовало настоящие заросли. Какая у них уже высота? И ты снова развесил свои картины на бархате? Мне всегда больше всего нравилась вон та, что ты написал про ядерный взрыв в Акроне.

– Да, – отозвался Кори. – Я много сил потратил на эти картины, вложил в них всего себя, в особенности в ту пору, когда обучался в колледже искусств в Арконе. Конечно, я его ненавидел, этот колледж, но иногда мне даже жалко, что эти якви взорвали его. Странно, конечно, но, когда я жил в Арконе, я и сам думал о том, как бы все тут взорвать. Словно предчувствовал, что

случится. В одном из своих снов я видел себя стоящим посреди большого стадиона в Арконе рядом с выкрашенной белой краской водородной бомбой «Толстяк», а на трибунах сидели тысячи людей, хлопали в ладоши и скандировали:

«Взры-вай! Взры-вай! Взры-вай!» Видите, вот туг, в самом углу картины, я нарисовал уничтоженный взрывом стадион?

Они остановились, и счастливый Кори еще раз рассмотрел свою картину.

– А вот картина с тобой, Дарла. – Кори указал на другую картину на бархате, на которой был изображен Стен в зеркальном костюме, вместе с Дарлой выходящий из тоннеля, ведущего из Гнезда. – Видите, как отражаются в зеркальном костюме звезды? А Землю видите?

– Как давно это было, – заметила Дарла. – Сколько времени прошло с той поры, как я последний раз сделала что-то героическое. Разве не настала нам пора для нового подвига, а, Уайти? Самое подходящее время.

– Я понял тебя, – ответил Уайти, и они двинулись дальше.

– Одним из героев этого года буду я, – самодовольно заявил Гардл-7. – Здесь и сейчас с нами находятся пришельцы с далеких звезд – разве это не здорово? Только представьте себе, сколько новых ценных знаний могут они нам передать?

И вообразите, сколько других, новых пришельцев можем мы дополнительно раскодировать! Ведь личностные волны проносятся в пространстве мимо нас каждое мгновение!

– Я думаю, что вакцинация против Лестницы в Небо – это очень хорошая идея, – тихо заметила Френкипейн.

– Да, – согласился Ормолу. – Я полностью «за». Что, если пришельцы поведут себя агрессивно, проникнутся алчностью и решат раскодировать все новые и новые личностные волны, пользуясь Раскодированием Гардла? Что, если какой-нибудь раскодированный рак захочет вдруг поболтать с другим раком с той же самой планеты и проделает тысячу раскодирований, просто чтобы разыскать наконец своего сородича? Кто может сказать или решить, сколько имиполекса разрешено использовать пришельцам? Что, если они захотят использовать все ресурсы нашей солнечной системы?

– Они опустошили мои запасы мерцпокрова, даже не моргнув глазом, и слова мне не сказали, – сказал Кори. – Они набили себе животы, и каждый сожрал, наверное, не меньше чем по семьдесят килограммов. А это стоит немалых денег, знаете ли.

– И что, если они раскодируют кого-нибудь вроде нового Кууза и тот решит перебить нас всех? – предположила Дженни. – Мне не хочется тебе это говорить, но твое Раскодирование

оказалось дерьмовой идеей. Я знаю, что мы много и напряженно работали над этой программой…

– Вы все слишком осторожны, – резко ответил Гардл-7. – Послушаешь вас, так кажется, что это говорят грязные наследники Вы что, боитесь нового и неизвестного?

– А вот и моя студия, где я занимаюсь лимп-программированием, – объявил Кори, открывая дверь. Он выпустил на пол зелюка и джубджуба, которые немедленно начали кругами носиться друг за другом, все как всегда. За Кори в студию вошли Уайти и молди, последней вошла Дарла. В студии имелось довольно много сложного и удивительного на вид оборудования для произведения того или иного типа дизайна. В углу стояла машина промышленного вида, вдоль стен стояли несколько рабочих столов с устройствами, более или менее Похожими на электроинструмент, на полках вдоль стен были расставлены банки, бутылки, трубки и коробки.

Закрыв за собой дверь, Дарла прислонилась к ней спиной. Взглянув на Уайти, она с заметила, что тот с трудом держит в руках одновременно и нидлер, и уродца о-джи.

– Эй, Уайти, я никогда не видела такой большой нидлер, разреши мне на него взглянуть, – сказала она ему.

Уайти молча передал нидлер Дарле, а сам покрепче ухватился за уродца.

– Прежде чем мы приступим к чему-то, – объявил Гардл-7, – я хочу загрузить свою информацию в S-куб. Я не хочу больше рисковать, ведь во мне последняя копия Лестницы в Небо.

– Нет, мы не станем этого делать, – сказал Уайти и мастерски превратил Гардла-7 в кучу ошметков имиполекса, разрезав на части залпом выпущенных из магнитного ускорителя уродца острейших стрелок, с тихим свистом пронесшихся сквозь воздух. Несколько стрелок со звоном отскочили от противоположной каменной стены комнаты.

– Даже не думайте звать на помощь, – сказала Дарла, наводя нидлер на трех оставшихся молди. – Если я нажму на курок, вы, троица вонючек, превратитесь в факелы. Дженни!

Передавай фальшивый ювви-сигнал Гардла, на тот случай, если эта любопытная Шиммер решит нас прослушать. Френкипейн и Ормолу! Замаскируйте свои мысли и излучайте ювви-сигнал о том, что будто бы Кори переписывает копию Гардла-7 в S-куб.

– Вот именно, – подхватил Уайти, наводя дуло уродца на молди. В воздухе здорово воняло останками разрезанного на части Гардла-7. Насмерть перепуганные зелюк и джубджуб исчезли, спрятавшись за большой промышленной машиной в углу

комнаты.

– Значит, мы все думали об одном и том же, верно, ребята? – подал наконец голос Кори. – Пришельцев нужно истребить.

– А кто-то еще сомневается? – грозно спросила Дарла. – Если мы не хотим, чтобы расы людей и молди закончили тем, что будут продавать сувениры или служили крупье в казино для звездных богов, – Да.., это верно! – отозвалась после секундной паузы Дженни. Ее голос заколебался. – Бедный Гардл-7. Мы никогда даже подумать не могли о том, что все так обернется.

Он был так умен и гениален – и так глуп.

– Я согласна, – поддержала Френкипейн. – Пришельцы были большой ошибкой.

– Я с вами, – сказал Ормолу. – Мне нравится моя жизнь такой, какой она есть, и я не хотел никаких катаклизмов и никаких больших перемен. Но как нам одолеть пришельцев?

Их же там целых двенадцать!

– Я подожгу их всех моим тяжелым нидлером, – сказала Дарла. – Когда я сегодня утром выстрелила в Рагса, он загорелся почти сразу же.

– Почти в ту же секунду, – сказал Уайти. – Но к тому времени, когда мы подожжем двух или трех пришельцев, остальные уже доберутся до нас. У тебя нет здесь другого оружия, Кори? Было бы здорово, если бы мы, все шестеро, смогли бы вооружиться.

– Все, что у меня здесь есть, это водяные пистолеты, – смущенно сказал Кори. – Я художник-дадаист. Кисточка и краски могущественнее острейшего меча.

– Я могу с большой силой выплевывать предметы из любой части своего тела, – сказал Ормолу, вытянув руку и выстрелив из ладони чем-то твердым, что с характерным стуком врезалось в дальнюю стену комнаты.

– Что это такое было? – спросила Дарла.

– Камотный шарик.

– Но этим никого не убьешь.

– Я могу направить на них свои ионные сопла, – сказала Дженни. – Беда в том, что выхлоп сопел холодный.

– А это твое оборудование в студии? – спросил Уайти. – Неужели тут нет ничего более или менее опасного? Расскажи нам, что тут есть, и мы сами решим, как им воспользоваться.

– Хорошо, – согласился Кори. – Это старая машина в углу – инжекторная литейка. Я пользуюсь ею, чтобы отливать глупышей, программируя сначала желаемую форму. На верстаке справа я готовлю и вырезаю формы, в которые потом отливаю глупышей. Инструмент, похожий на дрель, – пьезоформ, он очень хорошо

режет имиполекс. Он использует ультразвук. Конечно, оружием его не назовешь, потому что вы должны находиться непосредственно рядом с предметом, чтобы работать с ними пьезоформом. Это больше похоже на машинку дантиста, чем на базуку. Вот на этом верстаке я обычно раскрашиваю своих глупышей. В определенных пределах они могут контролировать свой цвет, но им нужна базовая окраска, с которой они могли бы начать. Поэтому сначала приходится добавлять в их тело необходимые пигменты и оксиды металлов, с которыми потом глупыши могли бы работать. Вот этот инструмент, по сути дела, то же самое, что и старый пульверизатор. Конечно, немного доработанный с учетом современной техники, потому что этот пульверизатор способен впрыскивать краску в пластик на глубину до четырех сантиметров. Иными словами, это пульверизатор объемного наполнения. Отличный инструмент, но, к сожалению, опять-таки совершенно безопасен для жизни.

Пока Кори говорил, трое молди торопливо собрали с пола то, что осталось от Гардла-7. Зелюк и джубджуб осторожно выбрались из своего укрытия, чтобы тоже подобрать кусочки поменьше.

– Надеюсь, что никто из вас, из молди, не получит с этим пластиком достаточную дозу Лестницы в Небо, – угрожающе произнесла Дарла, палец у которой играл на кнопке нидлера.

– Вам не о чем беспокоиться, – ответила Френкипейн, ставшая уже на тридцать сантиметров выше прежнего. – Я перепрограммировала весь имиполекс, который поглотила.

Френкипейн выпустила два новых лепестка, икнула и выплюнула треугольную стрелку уродца, словно арбузную семечку.

– Excusez moi.

– С нами не будет никаких проблем, не волнуйся, Дарла, – добавил Ормолу, который с видимым удовлетворением оглядывал свое тело. – Я использовал всю свою долю Гардла-7 для того, чтобы нарастить побольше мышц.

Ормолу размял ноги и совершил несколько пробных упругих прыжков вокруг остальных.

– В том, что досталось мне, нет ни одного байта научной информации Гардла-7, – подхватила Дженни. – Но я сохранила для себя кое-что из его воспоминаний, что бы вы там ни говорили. Гардл был отважный исследователь. И мы любили друг друга.

Удивительно, но для огромной моркови Дженни казалась удивительно расстроенной и вызывала жалость.

– А эти банки и бутылки на полках, что в них? – спросил

Уайти.

– В них различные химические вещества. Вроде смол и полимеров, для того, чтобы доработать имиполекс до нужного состава. А кроме того, краски и растворители, чтобы красить глупышей.

– Растворители! – воскликнул Уайти. – Мы сможем сделать зажигательную смесь!

– Замечательно! – громко подала голос Дарла. – Может быть, тогда лучше сразу же войти в теплицы с канистрами бензина. Если пришельцы только почуют неладное, они сразу же нападут на нас. Или возьмут заложников. Я не хочу, чтобы с Йок и Джок что-нибудь случилось. Нет, мы должны в момент разобраться с этими бродячими системами, забравшимися в куски пластикового дерьма, и придумать способ, как спалить их в пять секунд.

– У меня идея! – воскликнула Френкипейн после минутного размышления. – Мы, молди, можем метать маленькие шарики имиполекса, заставляя их двигаться как запрограммированные умные кинетические бомбы.

Френкипейн вытянула вперед один из своих лепестков и выбросила из него блестящий кусочек золотого имиполекса, который запрыгал по комнате.

– Конечно, мы теряем при этом имиполекс, но теперь после того как мы съели бедного Гардла-7, мы можем себе позволить истратить немного.

– Ты думаешь испугать пришельцев этими кусочками летающего пластика? – спросил Кори.

Кусочек золотистого имиполекса пролетел мимо зелюка, который прыгнул вперед в безуспешной попытке схватить лакомый имиполекс. В ответ золотистый шарик внезапно рванулся назад и ловко ударил зелюка в пятачок, потом принялся прыгать, все наращивая и наращивая амплитуду прыжков, в конце концов отрекошетив от стены и потолка и вернувшись к Френкипейн.

– Voila, – сказала Френкипейн. – Так я управляю этим шариком.

– Мы способны управлять частями своего тела, даже если они отделены от нас, – подтвердила Дженни. – Конечно, всему есть предел, или если тебя разрубили на части, как несчастного Гардла-7, то тут уж ничего не поделаешь и ни о каком контроле речи не идет.

Дженни согнула под углом тонкий кончик своей морковки и выстрелила другим прыгучим шариком имиполекса, который на этот раз попыталась поймать птица джубджуб. Точно так, как и Френкипейн, Дженни управляла снарядом при помощи ювви-

сигналов и вскоре вернула шарик благополучно к себе обратно.

– Ну и что, мать его! – воскликнула Дарла. – Просто какие-то фокусы с шариками.

– Attendee! – воскликнула Френкипейн. – Сейчас я покажу вам то, что является второй частью моей идеи. Если я начиню свой управляемый шарик достаточным количеством квантовых капсул, то мне ничего не стоит заставить его совершить самоубийство.

Френкипейн выпустила новый имиполексовый шарик, который, едва только он долетел до потолка, внезапно с резким хлопком взорвался, и его охватило пламя. Треща пламенем, словно нафталиновый шарик, имиполексовый снаряд упал на пол и полностью сгорел.

– La poof! – воскликнула Френкипейн.

– Вот это да! – выдохнул Уайти. – Зажигательные пули!

– Скажи нам, как это делается! – попросил Ормолу. – Передай по ювви.

Спустя несколько секунд Ормолу и Дженни уже знали, как проделывать этот фокус. Ормолу выплюнул несколько тяжеленьких шариков в каменную стену, где они прилипли и горели, словно кусочки напалма. Дженни выстрелила своими шариками в зелюка, который с гневным хрюкотанием унесся искать спасения в укрытие.

– Значит, вы, молди, способны стрелять, словно автоматические огнеметы! – удовлетворенно воскликнула Дарла. – Тогда у пришельцев не останется ни единого шанса!

– Только вот эта стрельба требует большого расхода квантовых капсул, – сказал Ормолу, проверив себя внутри.

– Да, – подтвердила Френкипейн, – поэтому я беспокоюсь, что после того, как истрачу слишком много энергии на стрельбу, я не смогу пользоваться ионными соплами. Не хотелось бы доходить до такого состояния.

– Ничего, у меня тут имеется большой запас квантовых капсул! – воскликнул Кори. – Я пользуюсь квантовыми капсулами для того, чтобы заряжать своих глупышей, прежде чем отнести их на продажу. Вот смотрите.

Кори открыл сейф и извлек оттуда блестящий металлический сосуд с несколькими трубками и проводами.

– Это магнитная бутыль. Здесь у меня целых десять граммов! Теперь, ребята, вы сможете зарядиться под завязку!

– Оставьте немного для нас, зарядить нидлер и уродца, – сказал Уайти. – Нам нужен полный заряд!

Френкипейн наклонилась и ловко вылила в себя порцию квантовой супержидкости. Это была странного вида серебристая жидкость, которая вела себя не так, как остальные жидкости.

После этого она уступила место у бутыли другим молди. Пока следом за ними Уайти заряжал нидлер и уродца оджи, молди еще немного поупражнялись в стрельбе зажигательными пулями.

– Зажигательные пули – отличная идея, – подал голос Кори. – Мне это очень нравится. Когда мы со всем этим покончим, я хочу сделать нового глупыша, огнедышащего дракона. Или, может быть, такого сумасшедшего огнепердуна.

Эй, Дженни! Осторожней возле полок с химикатами! Мы же не хотим, чтобы эти банки с растворителями взорвались?

Кстати, о пожаре – кто-нибудь подумал о том, что случится после того, как мы подожжем пришельцев? Речь идет почти о тонне горящего имиполекса. Что останется от моего изопода?

И как мы сможем дышать во всем этом дыму?

– Этот дом специально построен, чтобы выдерживать внутренние взрывы и пожар в некоторой своей части, – заметил Уайти. – Уж не знаю, Кори, сколько раз я слышал, как вы с Вилли перемалывали эту тему и так и эдак. Мы просто выйдем из оранжереи и закроем за собой дверь. Пол и стены там из камня, и если огонь проплавит дыру в титанопластовом потолке, так это даже лучше. В вакууме огонь мигом погаснет. Судя по тому, что я слышал от тебя про изопод, пожар не распространится дальше оранжереи.

– Да, наверное, так оно и будет, – согласился Кори. – Но только помните, этот изопод проектировал Вилли. И до сих пор никогда пожаров у меня здесь не случалось. И выбираться из оранжереи нам придется второпях, драпать без оглядки, так сказать.

– Давай мне нидлер, и пошли, хватит болтать, – положила конец разговору Дарла, забирая оружие у Уайти. – У меня план самый простой. Я встану возле Йок и Джок и буду резать всех, кто только попытается к ним подойти.

– Ясно, – отозвался Уайти. – Я открою огонь из уродца, а молди будут стрелять зажигательными пулями. А ты что будешь делать, Кори?

– Я останусь возле дверей и обеспечу наш отход, чтобы все смогли выйти из оранжереи вовремя. В особенности я сам.

Кори нагнулся и поднял с пола зелюка и джубджуб.

– А вы, молди, поторопитесь, вам еще нужно сделать себе вакцинацию, прежде чем мы вернемся. Мы и так уже слишком долго здесь находимся, как бы пришельцы не заподозрили что-нибудь – Я прослушиваю их разговоры, – сказала Дженни, склонившая тело на одну сторону. – Они пока ничего ни подозревают. Те, кто раньше был квазаровым вихрем и гигантским кристаллом, понятия не имеют о том, сколько что

может занять по времени у людей и молди. Терри спит, а Вилли, Джок и Йок донимают пришельцев своими вопросами.

Дженни хихикнула, как обычно в интонации деревенской девчонки.

– Они спрашивают пришельцев, что те думают о Боге и смысле жизни.

– Вот они вам, мои непоседы, – сказал Кори, протягивая молди зелюка и джубджуб. – Вы можете сделать себе вакцинацию. Для этого не нужно возвращаться в мою лимпсофтстудию. Вы должны войти через ювви в этих глупышей, найти лимплан-код и в нем отыскать директорию, называющуюся «Кубический Гомеостазис», – это программа оглупления.

После этого установите кубическую программу на ваших ювви-входах, и можно сказать, что вакцинация на этом закончилась. Но будьте осторожны и не вздумайте установить программу в центры главных двигательных функций, иначе вы мигом поглупеете и превратитесь в глупышей.

Френкипейн обернула один из своих стеблей вокруг брыкающегося и хрюкающего зелюка. Молди была похожа на венерину мухоловку, готовящуюся проглотить толстого зеленого жука. Тем временем Дженни оплела щупальцами на толстом конце своей морковки царапающуюся джубджуб. После этого Френкипейн передала зелюка Ормолу, и тот крепко зажал его под мышкой, загружая в себя алгоритм кубического оглупления. Одновременно они обсуждали детали плана нападения на пришельцев.

Несколькими минутами позже все двинулись по коридору по направлению к оранжерее. Кори нес зелюка и джубджуб.

Чтобы те не беспокоили его своей возней, он временно парализовал глупышей. Дарла несла нидлер, а Уайти был вооружен уродцем, при этом и тот и другой старались держать оружие как можно более непринужденно. Дженни и Ормолу приготавливались вести спор, чтобы отвлечь пришельцев.

В оранжерее они нашли все приблизительно так, как оставили раньше. Терри лежала на диване, вытянувшись во весь рост, и спала, Йок и Джок сидели рядышком на другом диване, а Вилли взволнованными шагами мерил комнату у дальней стены. Четверо пришельцев сидели возле фонтана, зачерпывали в ладони и рассматривали воду и болтали с Йок и Джок. Другие восемь бывших молди, теперь захваченные свободными системами, находились в дальней стороне помещения, где рассматривали S-кубы и разговаривали с Вилли.

– Какой же ты болван! – воскликнула Дженни, когда они наконец вошли в оранжерею.

Она помотала тонким концом своей морковки из стороны в сторону, потом неожиданно задала тумака Ормолу. Поначалу казалось, что Ормолу потерял равновесие, но потом он совершил кувырок не хуже акробата, перепрыгнул через бочки с растениями и прошелся на руках. В результате такого перемещения он оказался у самого последнего дивана, почти рядом с восемью пришельцами, стоящими у дальней стены оранжереи.

– Я не виноват в том, что я люблю тебя, Дженни! – воскликнул Ормолу, опустившись на одно колено спиной к восьми пришельцам и в театральном умоляющем жесте вытянув руки к Дженни.

– Что такое происходит? – потребовала ответа Джок.

– А, эти куски пластика затеяли тут любовный роман и никак не могут разобраться, – махнула рукой Дарла. – Гардл-7 и Ормолу оба втрескались в Дженни – хотя в такое трудно поверить, Гардл и Ормолу поцапались, и теперь Гардл надулся и остался в студии Кори.

Дарла с размаху опустилась на диван возле Йок и Джок, расположив на коленях нидлер так, что его дуло было повернуто в сторону четверых молди у фонтана, прямо в ту, которая называла теперь себя Шиммер.

– Привет, Дарла, – сказала Шиммер, но Дарла не обратила на нее внимания, сделав вид, что очень заинтересована тем, какой ответ даст Ормолу Дженни.

– Так ты говоришь, что любишь меня? – переспросила Дженни и прогулялась через всю оранжерею, раздуваясь на ходу и вихляясь изо всех сил. Ее голос то поднимался, то опускался на октаву. – Тогда давай докажи! Как ты собираешься мне это доказать?

Теперь Дженни стояла прямо над коленопреклоненным Ормолу.

– Да, они так просто свой спор не закончат, не собираются, – громко объявил Уайти. – Вам, пришельцам, на такое стоит посмотреть.

Уайти прошел и уселся на диван к Йок и Джок, по другую сторону от Дарлы, держа своего уродца с преувеличенной небрежностью. Френкипейн молча обошла кругом и остановилась по другую сторону от восьмерых пришельцев.

– Тебе известны рецепты хаотик-аттракторов, Ормолу? – пронзительным голосом спросила Дженни. – Ты можешь сделать один для меня? Например, Нгуен-аттрактор?

– Да что такое стряслось с вами, молди? – раздраженно выкрикнул Вилли, отвернувшись от пришельцев. – Вы прервали нашу философскую беседу с пришельцами, самый

восхитительный разговор, в котором мне только доводилось участвовать в жизни, теперь мы не можем спокойно разговаривать, после того как вы, вонючки, сюда ворвались и устроили переполох, как настоящие – господи боже мой, да я понятия не имел, что молди могут себя так вести!

Терри проснулась и села на диване, протирая глаза. Дарла переложила нидлер поудобнее на коленях, умоляя Бога, чтобы Терри не вздумалось подняться и закрыть собой кого-нибудь из пришельцев у фонтана.

Верхняя часть тела Ормолу внезапно с треском раскрылась сотней щупалец, принявшихся ритмически извиваться в гипнотическом волнообразном танце, при этом он отчасти напоминал голову гидры, но со змеями, тонкими словно пряди волос, при этом пряди быстро складывались в галлюциногенные трехмерные узоры, которые тут же разрушались, чтобы снова сложиться в новые вновь мутирующие формы и узоры.

– Здорово, но не очень, фигня какая-то, – заметила Йок. – По сравнению с тем, что рассказывала нам Сюззи про то, как…

– Но подождите! – крикнул Кори, оставшийся стоять у двери, ведущей из оранжереи в коридор. – Сейчас все внимательно смотрите на то, что Ормолу сделает дальше!

– О да, я готова! – взвизгнула Дженни, в вихляющем танце становясь рядом сбоку от Ормолу. – Я более чем готова!

Это был сигнал. По команде Ормолу, Дженни и Френкипейн начали расстреливать горящими шариками имиполекса пришельцев, причем Ормолу стрелял из вновь образовавшейся складки на спине. Одновременно с этим Уайти начал палить из уродца, метясь в пришельцев возле фонтана. В тот же самый момент Дарла нажала на спуск нидлера и медленно повела по телам тех же пришельцев возле фонтана, и – да! – троих из них охватило пламя. Получив новый заряд, нидлер стал более мощным, по сравнению с тем, каким был прежде.

От непрерывной работы нидлер раскалился в ее руках, но Дарла терпела и не выпускала оружие, размахивая фиолетовым лучом во все стороны по останкам троих горящих пришельцев, поджигая их все больше и больше, в то время как от выстрелов уродца Уайти от пришельцев летели во все стороны ошметки.

Единственная проблема состояла в том, что четвертый пришелец уворачивался от всех выстрелов Уайти и Дарлы.

Это была та самая Шиммер. Независимо от того, как бы усердно ни целились в нее Уайти и Дарла, Шиммер всегда оказывалась в стороне от линии огня. Уайти вскочил на ноги и двинулся вокруг Шиммер, паля в нее из уродца, но попасть в Шиммер всякий раз оказывалось невозможно. Не то чтобы

пришелица двигалась с невероятной быстротой, но каким-то удивительным волшебным способом, без особых на то усилий, она все время оказывалась там, куда не было направлено оружие, оставаясь неуязвимой для стрел лазерного луча.

Дарла оглянулась, чтобы увидеть, что делается в дальней стороне оранжереи – там тоже уже все было кончено, Дженни, Френкипейн и Ормолу уже уничтожили восьмерых пришельцев; все восемь тел превратились в факелы дымного коптящего пламени. Кто-то толкнул Дарлу в бок. Это была Джок.

– Прекратите! – кричала она.

Только теперь Дарла сообразила, что Джок кричала все это время.

– Прекратите, не трогайте их!

Джок ударила Дарлу по руке, и раскаленный нидлер наконец выпал у той из истерзанных рук, на которых уже вздувались пузыри. Дарла поспешно наклонилась за нидлером, но Джок пинком ноги отбросила нидлер в сторону. Прямо перед ними у фонтана стояла как ни в чем не бывало Шиммер.

– Одна же еще осталась! – закричала Дарла, оборачиваясь к молди. – Мы никак не могли в нее попасть!

Дюжина зажигательных имиполексовых пуль просвистела над головой Дарлы. Шиммер легко наклонилась в сторону и приподняла одну ногу; все до единой зажигательные пули пролетели мимо нее и остались гореть, прилипнув к основанию фонтана. Вперед выскочил Уайти и почти в упор снова выпалил из уродца в Шиммер, потом еще и еще раз, но все без толку. Каждый раз он промахивался. Шиммер уворачивалась, и пригибалась, и делала почти танцевальные пируэты, все время двигаясь словно бы в замедленном темпе сновидения, но всякий раз оказывалась в нужное время и в нужном месте. Комнату застилал удушливый черный дым, маслянистый от пластика и – Дарла поняла это по тому, как начала терять способность уверенно ориентироваться, – наполненный парами мощного психоделика, горящего камота.

Мимо Дарлы пронесся со стороны фонтана, где догорали останки четырех молди, порыв ветра – это Шиммер понеслась в дальний конец оранжереи.

– Эй, все выходим наружу! – крикнул Кори. – Нам надо изолировать остальные отсеки изопода от дыма! Все выходите в коридор, чтобы я мог закрыть плотно дверь!

Ничего не понимающая спросонок, Терри уже стояла рядом с Кори в дверях оранжереи.

Схватив разгневанную Джок за руку, Дарла потащила ее к выходу из оранжереи. Уайти точно так же схватил за руку Йок.

Ормолу, Френкипейн и Дженни тоже побежали к дверям. В оранжерее ревело высокое, почти до потолка, пламя.

Действие камота уже начало сказываться, и в этом трипе путь до двери казался долгим-долгим путешествием.

Все это время Уайти не переставал кричать на них:

– Быстрей! Давайте быстрей! Потолок сейчас обрушится!

Они сгрудились у выхода, а дым валил все гуще и гуще.

Уайти выходил последним и все стрелял в оранжерею, надеясь задеть Шиммер. Дарла, выбравшись в коридор, чуть только отдышалась, сразу же повернулась обратно, вглядываясь в инферно оранжереи.

В самой середине комнаты на вершине фонтана стояла Шиммер и спокойно смотрела на них. Не прошло и пары ударов сердца, как Дарла вскинула нидлер и выстрелила, одновременно в Шиммер полетела туча стрелок из уродца и зажигательных пуль. В тот же самый миг Шиммер подпрыгнула вверх и, включив ионные сопла, доставшиеся ей вместе с телом молди, сделала в воздухе сальто. Крыша оранжереи треснула и развалилась, и поток вырывающегося в пустоту воздуха с сильным стуком захлопнул дверь оранжереи.

Дверь оранжереи выдержала вакуум, но было слышно, что за дверью внутри оранжереи творится невероятное, грохочет и разбивается все содержимое, переворачиваемое потоками воздуха, несущимися по внутренностям оранжереи наподобие вихрей циклона.

– Изопод способен выдержать вакуум в одном из отсеков? – спросил Кори, повернувшись к своему бывшему соседу, Вилли. Для того чтобы перекрыть творящийся в соседней комнате хаос. Кори приходилось кричать во весь голос.

– Должен выдержать, ведь я с таким расчетом и строил этот дом, – спокойно ответил Вилли. – Хотя предосторожность не помешает, и нам лучше уйти подальше от оранжереи. Давайте выйдем из коридора и закроем дверь в конце коридора, пройдем в кухню, закроем дверь в кухню и после этого спустимся в гараж. В гараже должны быть несколько скафандров-пузырей и пара лунных багги. Идем быстрее, пока держатся стены. Кому в голову первому пришла идея убить пришельцев?

– Это моя идея, – отозвалась Дарла, уверенно шагая рядом с Вилли. – Я ведь отчасти коренная американка и знаю, что такое культурная экспансия.

– Значит, у тебя была причина, – кивнул Вилли. – Но Гардл-7 будет просто вне себя.

– Гардл-7 умер, – сообщил Уайти.

– Думаю, что ты настоящая сука, ма, – высказалась Джок. –

Эти пришельцы, они были чудесные. Они многому могли нас научить.

– Как бы там ни было, шанс научиться кой-чему у вас еще есть, – сообщил Кори. – Ведь осталось еще двое пришельцев. Кууз в теле Вэнди и Шиммер.

– Нам нужно лететь спасти сенатора Муни и убить Кууза! – воскликнул Уайти. – Эй, молди, вы готовы?

– Мы и так много для вас сделали, – отозвался Ормолу. – Я боюсь, что Шиммер будет нам мстить.

Словно бы в подтверждение его слов за дверью оранжереи раздался ужасающий скрежет. Потолок коридора просел прямо на глазах.

– Как нам отсюда выбраться? – спросила Дженни. – Я хочу вернуться обратно в Гнездо!

– А я хочу вернуться домой на Санта-Круз! – объявила Терри.

– Выход в гараж через эту дверь, – сообщил Кори, проходя через кухню и открывая дверь, за которой начиналась лестница, ведущая вверх. – Теперь все за мной, по одному и без спешки. Надевайте пузыри. Весь гараж – это один большой шлюз.

Кори вышел последним, заперев за остальными дверь в кухню и дверь, ведущую на лестницу в гараж. Семеро людей надели на себя скафандры-пузыри, Кори держал под мышкой зелюка и джубджуб. Внутри изопода беспрестанно что-то разбивалось на части и ломалось, то тут, то там раздавался зловещий рев вырывающегося в вакуум воздуха. Как только пузыри были одеты и установлено сообщение по ювви, Кори включил цикл разгерметизации шлюзовой двери гаража.

– Adieu, – сказала Френкипейн, лишь оказавшись на поверхности Луны, и приготовилась улететь восвояси.

– Счастливо, – попрощалась Дженни, присоединившись к Френкипейн и с тревогой поглядывая на черное небо.

– Мы сделали для вас все, что могли, – добавил Ормолу.

После чего, подняв клуб пыли, трое молди улетели прочь, взяв направление на Гнездо.

– Нужно убираться от изопода как можно дальше, – сказал по ювви Кори.

В один из лунных багги уселись Дарла и ее семейство, в другой погрузились Терри, Вилли и Кори. Они вдавили педали газа в пол, и багги стрелой понеслись по припорошенной пылью поверхности Луны.

Йок снова правила, рядом с ней сидели Джок и Уайти, а Дарла расположилась позади. На ходу Дарла повернулась и взглянула на изопод, и прямо на ее глазах рваная дыра на месте оранжереи, а теперь и коридора, начала увеличиваться в

размерах. Внезапно вся еще оставшаяся целой часть дома одновременно взорвалась, выпустив из себя весь воздух, выбросив наружу одежду, мебель, огромные ветви марихуанового дерева, все это кувыркающееся в слабой лунной гравитации.

– Вот чем закончился твой противовакуумный проект, Вилли, – сказал с усмешкой Кори. – Ну и ладно. Я все равно подумывал о том, чтобы перебраться обратно в Эйнштейн.

Внезапно в ювви Дарлы и остальных раздался скрежещущий голос. Голос Шиммер.

– Отлично сработано, – сказала Шиммер. – Вы выбрали оптимальный способ атаки.

– Шиммер, – спросила по ювви Джок, вытягивая шею и оглядываясь по сторонам. – Где ты находишься?

– На высоте ста пятидесяти миль по прямой от поверхности Луны. Зрелище потрясающее.

– Ты злишься на нас за то, что мы убили твоих друзей? – спросила Дарла. – Ты будешь мстить нам за это?

– Убили, – задумчиво повторила Шиммер. – В этом слове, на ваш взгляд, заключен глубокий смысл, не правда ли?

Ваше пространство-время очень.., бедное. Жить все время под угрозой полного уничтожения, когда опасности окружают вас со всех сторон. Ваша жизнь имеет свою мрачную прелесть.

– Пожалуйста, не нужно мстить нам, – передал по ювви Вилли. – Дарла и остальные испугались, что ты и другие пришельцы превратят нашу маленькую цивилизацию в расу рабов.

– Дарла была права, – ответила Шиммер. – На основании того, что я слышала и что поняла, вас, молодую цивилизацию, овладевшую способом раскодирования, ждало несчастье от собственного ума. На такой ранней ступени развития нельзя становиться Узлом Раскодирования, это опасно.

– Каким образом тебе удалось уцелеть, Шиммер? – спросил Уайти. – Все время я целился прямо в тебя, но каждый раз оказывалось, что в том месте, куда я стрелял, тебя нет.

– Дело в том, что, несмотря на то, что ваши альтернативные миры нереальны в вашем пространстве-времени, я все равно способна их видеть, – ответил голос Шиммер. – И все, что от меня требовалось, это избрать правильную кривую движения среди потенциальных кривых альтернативных миров.

– И что ты собираешься сделать теперь? – спросила Джок.

– Я собираюсь некоторое время провести на Земле, – ответила Шиммер. – Но вам не нужно беспокоиться. Раньше или позже я чирпну отсюда. Вы не рады моему появлению, поэтому у меня нет причин задерживаться тут дольше, чем нужно. Хотя одномерное

время несет в себе некий фантастический гламур, это не та конфигурация пространства и времени, где бы мне хотелось надолго поселиться.

– Можешь ты оказать нам одну услугу? – спросила Терри.

– Возможно.

– Убей по пути этого Кууза.

– Я и так собиралась это сделать. Внутри Кууза находится человек. Его тоже надо убить?

– Нет, я хочу попытаться спасти его! – воскликнул Уайти.

– Заткнись! – крикнула Дарла, которая никогда особенно не любила Стена. – Все равно уже слишком поздно, Уайти, тем более что ты рискуешь погибнуть. Шиммер, ты можешь убить Кууза, а Стена перекодировать и чирпнуть куда-нибудь подальше отсюда. Тогда можно будет считать, что он не на самом деле умер.

– Я могу это устроить, – ответила Шиммер. – Я могу сделать практически все, что угодно. Я превращу Стена в личностную волну. Ввиду непознаваемой бесконечности космического времени он обязательно где-нибудь и когда-нибудь подвергнется раскодированию.

– Нет, этого делать не нужно, – твердо заявил Вилли. – Прошу выслушать меня. То, что Стен влип в эту историю, в первую очередь виноват я. Я и Гардл-7 ошибочно посчитали, что внутри молди, в которого мы раскодируем первую личностную волну, Стен будет в безопасности. Но мы ошиблись, и Стен попал в беду.

– Но о чем тогда вы меня просите? – спросила Шиммер.

– Принеси Стена к нам на Луну, – ответил Вилли. – Наверняка он не захочет жить где-нибудь и когда-нибудь. Он хочет находиться здесь и сейчас, как и все остальные люди.

Шиммер, убей Кууза и принеси Стена сюда к нам на Луну, в Эйнштейн. Принеси его сюда внутри своего тела.

– Шиммер не захочет этого делать, – снова стала гнуть свое Дарла, которая уже чувствовала вину за то, что показала себя такой жестокой, но все равно не уступала. – У нее это отнимет слишком много времени.

– О, в моем распоряжении все время мира, – рассмеялась Шиммер. – Мне любопытно бросить вызов Куузу и убить его так, чтобы не повредить при этом Стена. Я принесу его обратно и высажу перед шлюзом Эйнштейна. Если я буду лететь быстро, то принесу Стена к шлюзу как раз к тому времени, когда вы туда доберетесь. Через половину часа. Беда в том, что ускорение может оказаться для него чрезмерным и он может умереть. Умереть. Вот опять это слово.

Шиммер рассмеялась мелодичным музыкальным смехом и прервала ювви-связь.

11. СТЕН

7 ноября 2053 года – декабрь 2053 года

Проносясь сквозь приграничный с Луной вакуум, Стен находился в пятидесяти килограммах имиполекса, бывшего некогда Вэнди, а теперь именующего себя Кууз. Большую часть пути они молчали и не разговаривали друг с другом, хотя Кууз специально держал ювви-канал полностью открытым для максимального доступа. Стен ощущал вокруг себя сознание Кузза так же ясно, как если бы Кууз дышал ему в лицо.

Стен от души ненавидел Кууза. Кууз убил его Вэнди, и по своей глупости Стен показал Куузу протокол дальней связи.

В результате этого Кууз убил всех молди, находящихся внутри Бластера, и самого Бластера тоже.

То, что он все время насильно находился на связи с Куузом, напомнило Стену ту пору, когда он был рабом-рабочим на гидропонных фермах – плотти с робокрысой в правом полушарии мозга, помещенной туда насильно боппером Хеленой. Возвращаясь мысленно к этим ужасным дням, Стен беспомощно растравливал в себе ярость к Куузу за то, что тот уничтожил Вэнди и прибрал к рукам имиполекс Бластера.

После того как он некоторое время злобно орал на Кууза, тот прервал с ним всякое общение.

В течение следующих нескольких часов Кууз, очевидно, находился в состоянии медитации, вызывая в себе воспоминания о Солнце. Образы Солнца проплывали по широко открытому полю ювви, словно анимационные образы виртуальной реальности очень высокого разрешения. Стен предположил, что цвета могут соответствовать различной интенсивности рентгеновского излучения или гамма-лучей, его восприятиям течений виртуальной среды, представляющей волны давления плазмы, и, возможно, это был душ нейтрино, коим обозначался настойчивый рев, звучащий словно разбивающийся о берег прибой или как ветер в вершинах деревьев.

Изолированное в этом богатстве входных сигналов, сознание Стена начало демонстрировать ему знакомые образы соответствия неземным сценам.

Вначале, к примеру, Стен ощутил себя словно бы плывущим посреди бескрайнего океана, ныряющим вблизи огромных тропических рифов, полных кишащей жизни, угрей и анемонов.

Следующим образом была прогулка за городом в осеннем лесу, на мирном лоне природы с журчащими ручьями и дружелюбными кроликами, танцующими на собственных хвостах подобно крутящимся дервишам. Над головой солнце. Солнце на Солнце? Деревья начинают меняться подобно огромным веселым извивающимся червям. Совершенно помимо своей воли Стен чувствовал, что хочет танцевать вместе с ними.

Временами происходит резкое повышение линейного звука по мере того, как система повторно резко воздействует на интерфейс затылочных долей Стена, в результате чего видение становится чрезмерно обогащенным красками и роскошным. Стен старается подавить в себе зловещий экстаз, старается сфокусироваться на печальной реальности, творящейся вокруг него, на реальности происходящего.

Если бы только Кууз сумел донести его в целости и сохранности до космопорта Эйнштейна, тогда еще будет шанс на то, что все образуется. Вэнди, благодаря заведенному порядку вещей, не могла умереть навсегда: если Френкипейн облажалась, то осталась еще копия месячной давности в S-кубе в Сан-Франциско. Умный сынок Сент пошлет ему копию софта Вэнди по ювви, и тогда Стен установит софт в стратосферически-новый имиполекс лунного производства.

Потом он добудет новую Вэнди из гидропонных ферм в Гнезде. Вэнди будет лучше, чем новая! Эх, если бы только Кууз сумел донести Стена до Луны живым.

Не в первый раз Стен попытался докричаться до Кууза.

– Эй, Кууз, как дела? Скоро мы доберемся до Луны? Бластер уже на месте? А тебе не нужна моя помощь?

Как и прежде, никакого ответа. Стен от души обругал Кууза за то, что тот молчаливо отказывался предоставлять ему информацию иную, чем образы Солнца, и того, какой может быть солнечная жизнь внутри плазменного шара. Изматывающе интенсивная и напряженно прекрасная картина длилась и длилась. Дружелюбное черведерево окружало Стена длинными извилистыми ветвями, опутывающими его талию и уносящими в хаос повторяющегося трехмерного танца. Неожиданно Стена осенила полная интимности мысль о том, что Кууз хочет всего лишь пригласить его танцевать, чтобы измотать до конечной грани, близкой к смертельному рубежу. Свет становился все ярче и ярче.

Мрачно, в отчаянии, Стен обратился внутрь себя как последнему прибежищу здравого разума. Что, если Кууз задумал захватить весь имиполекс, который окажется на Луне в пределах диапазона трансляции его ювви? Космический порт.

Гнездо, Эйнштейн: что, если все там внизу будет уничтожено в тот же миг, когда Стен опустится на поверхность Луны?

Если только он доживет до этого мига. О, если бы только был способ прекратить эти видения; если бы только он смог увидеть сквозь шкуру Кууза, что там происходит снаружи; если бы только он смог взглянуть наружу сквозь шкуру Кууза на настоящий подлинный мир, где происходит то, что происходит на самом деле…

Потом мечта Стена сбылась. Раздался громкий звук, напоминающий удары гонгов и ситар, и имиполекс вокруг него в один миг умер. Пластик моментально сделался жестким и пропитался холодом. Поток воздуха ко рту Стена прервался.

Он с удивлением попытался всплеснуть руками, и в то же мгновение запредельный ужас окружающего его имиполекса лопнул, словно яичная скорлупа. Ледяные осколки полетели в разные стороны, оставив нагого Стена совершенного одного в открытом космосе.

Воздух с хрипом устремился из его легких одним мучительным кашлем. Его кожа горела и корчилась в обжигающем вакууме. Всего одно последнее мгновение его превращающиеся в куски льда глаза еще могли видеть. Луна оказалась гораздо ближе, чем он это ожидал, такая яркая, такая реальная…

…в следующую секунду рядом со Стеном оказалась сияющая фигура, похожая на мраморную статую! Силуэт метнулся к нему и облек его собой и втянул его внутрь себя. Ангел Смерти. О, как это чудесно! Его путь был так долог, и он устал. Жизнь Стена, теперь….

– Меня зовут Шиммер, – сообщила ему статуя, внутри которой он теперь находился. – Мне пришлось схватить тебя покрепче, чтобы ты не сломался.

Сладчайший воздух возник возле лица Стена, он с трудом вздохнул и разом протрезвел. Добрейшая Шиммер оставила часть своего тела перед глазами Стена прозрачной, так что он мог видеть Луну внизу.

– Ты здесь для того, чтобы спасти меня? – спросил Стен.

– Именно так, – пропела Шиммер.

Ее мысли были необыкновенно подвижны и богаты красками.., и странным образом имели слоистую структуру. Подобно двойному зрению, но более высокого порядка. Все окружающее представлялось Шиммер в виде ветвящейся структуры.

– Я отнесу тебя прямо ко входному шлюзу Эйнштейна.

Таким вот образом Стен добрался в целости и сохранности до

Луны. Резервная копия Вэнди, которую сделала Френкипейн, и в самом деле пропала, но Стен воспользовался «Мета Вест Линк», чтобы загрузить Вэнди в новый лимпсофтовый Плащ Счастья, и прикрепил Плащ к новой телесной основе Вэнди, выращенной странноватой молди из Гнезда по имени Сестричка. Все это было устроено в течение двадцати четырех часов.

Стен и новенькая двадцатилетняя Вэнди поселились в отеле «Эйнштейн-Луна», решив устроить себе каникулы. Они встретились со всеми своими старыми друзьями, на что ушло немало времени, но Стен ухитрился остаться трезвым, даже когда к ним заглянули Ферн Беллер и Уайти с Дарлой, вместе с милашкой Йок.

Ферн показалась Стену сексуальной, как никогда, на минутку он даже пожалел о том, что поторопился воскресить Вэнди, потеряв шанс испытать судьбу и закрутить романчик с Ферн. Хотя, как видно было, его попытки все равно были бы напрасными, потому что Ферн появилась со своим прежним дружком Рикардо.

Дарла постоянно говорила о том, что Джок решила сойтись со старым художником Кори Рипсомом; вначале Дарлу это мало радовало, но прошло время, и она снова полюбила Кори. Йок решила, что она теперь проведет несколько лет на Земле, займется подводным плаванием и изучением океанографии. Потом Уайти объявил, что он и его семья решили взять все деньги за выкуп Терри Перцесеп себе.

– Класс, – ответил на это Стен. – Высший класс.

Стен был не в настроении о чем-то спорить. Сказать по правде, он до сих пор с трудом верил в то, что остался жив. И обходится без выпивки и наркотиков. Странно было подниматься по утрам совершенно без головной боли.

Вэнди была на редкость в хорошей форме и выглядела прекрасно. Через три дня после прибытия на Луну Вэнди и Терри отправились покататься на пылевых серфингах на склонах Гаемуса, специально чтобы вживую передавать свое шоу в Сеть. Стен следил за действом с некоторым интересом и обсуждал происходящее по ювви с Тре, который как раз ему в тот вечер позвонил. Тре сообщил, что решил уволиться из «Апекс Имеджес» и организовать свой собственный бизнес.

– Мы будем продавать эн-мерные фильтры «Забавные цыплята» и лимпсофт, такие игрушки с философским смыслом, – объяснил Тре. – Шри Рамануджан заинтересовался и решил помочь мне.

– Что ж, очень мило, – ответил Стен. – Желаю удачи.

Дай мне знать, если в «Личинке Носорога» тебе понадобится

какая-нибудь помощь.

В течение следующих недель Стен и Вэнди много общались с Вилли Тейзом, который тоже жил в «Эйнштейн-Луна». Вилли договорился со своим сыном, Ренди Карлом Такером, о том, что тот приедет и поживет на Луне, хотя бы небольшое время, и теперь был занят подготовкой переезда отпрыска. Вилли рассчитывал, что Ренди поможет ему отремонтировать изопод.

– Я думаю, что потом мы поселимся в изоподе вместе с сыном, – объяснил Вилли. – Хотя сомневаюсь, правильно ли это. Ренди немного странный.

– Значит, ты решил не возвращаться в Гнездо? – спросил Стен.

– Молди не пустят меня обратно. Они пригрозили, что убьют меня, стоит мне только появиться в Гнезде. Старик, половину алгоритма этого хренова Раскодирования Гардла придумал лично я, и программа Лестница в Небо – тоже моих рук дело. Ладно, я преподал этим тупым кускам имиполекса хороший урок. Сейчас у меня нет времени дальше с ними сражаться.

– Поэтому ты вместе с Ренди решил заняться ремонтом изопода?

– Нет, Стен. Кое-что получше. Ренди Карл много спрашивал меня о своем деде, Коббе Андерсоне. Когда я работал вместе с Дженни, ее симми на Земле взломала банк данных и прислала копию оригинального софта Кобба. Я договорился с ОСЦС и надежно заархивировал эту копию. Ренди обожествляет Кобба. Я собираюсь вместе с Кори создать человекообразную имиполексовую копию тела Кобба и загрузить туда его софт, чтобы он так жил.

– Вау! Такой фэйк никто и никогда прежде не пробовал, – удивился Стен. Вдвоем с Вилли они сидели на крыше зиккурата ОСЦС, потягивали сок и смотрели сверху на город.

– Я знаю, дружище.

Последний раз Стен разговаривал с Вилли по ювви несколько лет назад. С тех пор Вилли стал гораздо более энергичным и счастливым.

– И вот еще что, – довольно продолжил Вилли. – Если этот новый фэйк сработает, мой чудак-сынок и папашка смогут составить друг другу отличную компанию. Мне не придется с ними возиться?

– Класс, – вздохнул Стен.

А что же с Шиммер? Она доставила Стена на Луну и снова повернула к Земле, а что будет дальше – посмотрим.